

В. Д. Поликарпов

ВОЕННАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ в РОССИИ

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

«Преступнейшая и реакционнейшая империалистская война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата».

«Когда мы в революционной программе нашей партии писали по вопросу о специалистах, мы подытоживали практический опыт нашей партии по одному из самых крупных вопросов... Он встал только тогда, когда мы взялись за строительство Красной Армии. Это значило: построить из угнетенного класса, который был превращен в серую скотину,— армию, полную энтузиазма, и заставить эту армию использовать самое насильническое, самое отвратительное из того, что осталось нам в наследство от капитализма».

«...Обстановка массы дружно действующих рабочих и крестьян, знающих, за что они борются, делала свое дело, и все бóльшая и бóльшая часть людей, которые переходили к нам из другого лагеря, иногда несознательно, превращалась и превращается в наших сознательных сторонников».

И. Ульянов (В. И.)

В.Д.Поликарпов

ВОЕННАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

1905-1917

Ответственный редактор
академик И. И. МИНЦ

МОСКВА НАУКА
1990

ББК 63.(2)524
П150

Рецензенты

доктора исторических наук

Н. П. ЕРОШКИН, Л. М. СПИРИН

Книга издана в авторской редакции.

Поликарпов В. Д.
П50 Военная контрреволюция в России. 1905—1917 гг.
М.: Наука, 1989. — 389 с.
ISBN 5—02—008495-6

Между «кровавым воскресеньем» 1905 г. и корниловщиной 1917 г. пролегла полоса истории, на протяжении которой царизм и монархическая буржуазия выступовали послушные боевые кадры контрреволюции—в первую очередь командные верхи армии и Генеральный штаб. Процесс выхода их на арену политической борьбы, а затем на кровавую стезю гражданской войны в надежде на реванш за поражение в октябре 1917 г. — немалое белое пятно в нашей истории. Заполнить его в большой мере помогает собранный самими белогвардейцами Русский заграничный исторический архив, в том числе переписка Деникина, Милюкова, Лукомского и других, и документы высших органов управления старой армии, использованные в этой книге. В ней раскрывается политика революционных сил по отношению к офицерству—от попыток использования знаний отдельных его представителей до привлечения буржуазных военных специалистов к строительству рабоче-крестьянской армии.

Для историков, преподавателей, всех, кто интересуется историей нашей Родины.

П 0503020400—250 Без объявл.
042(02)—89

ББК 63.(2)524

ISBN 5—02—008495-6 © Издательство «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 70-летний юбилей Великого Октября внимание советского общества с необыкновенной силой было привлечено к историческому опыту трех русских революций. «В фундаменте успеха Октября, — напомнил М. С. Горбачев, — краеугольные камни заложены первой российской революцией 1905—1907 годов... Победа Великого Октября выросла и из завоеваний Февральской революции 1917 года, которая стала первой победоносной революцией эпохи империализма»¹. Изучение революционного опыта — важная составная часть той задачи, которая встала перед историками: «Написать правдивую и полную историю, которая была бы историей жизни и борьбы народа»².

Настоящая книга представляет собой специальное исследование одной из мало разработанных проблем этого опыта — военной контрреволюции как социального явления, уроков борьбы с нею, ее состояния, стратегии и тактики в 1905—1917 гг. В ней раскрывается ленинское теоретическое наследие, относящееся к этой проблеме.

Мы имеем большие достижения в освещении революционного движения в армии во время трех русских революций, специальное же изучение военной контрреволюции — вооруженного ядра всей контрреволюции — у нас пока не проведено. Не менее успешно исследуют советские историки контрреволюционные партии и государственные органы старой России, однако и в этом плане специального исследования военной контрреволюции у нас пока нет.

Знакомя с работой, в какой-то мере заполняющей образовавшийся в литературе пробел, я должен ориентировать читателя в том, что он может получить по прочтении

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 6.

² Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления // Правда. 1988. 19 февр.

книги и на какие его запросы искать ответа в этой книге не следует.

Круг вопросов, составляющих содержание труда «Военная контрреволюция в России 1905—1917 гг.», определяется двумя основополагающими выводами В. И. Ленина: 1) мировая империалистическая война 1914—1918 гг. выдвинула во всех странах на арену политической деятельности десятки тысяч офицеров, подготовленных к тому, чтобы с оружием в руках выступить на защиту классовых интересов буржуазии и подавлять пролетариат³; 2) летом 1917 г. Генеральный штаб и командные верхи русской армии явились одной из главных трех сил контрреволюции (наряду с партией кадетов и черносотенно-монархической и буржуазной прессой), захватили в руки фактическую государственную власть — установили военную диктатуру⁴. Предмет исследования ограничен в монографии, во-первых, политической характеристикой и процессом превращения корпуса офицеров Генерального штаба и командных верхов армии на протяжении последнего десятилетия существования царизма начиная с 1905 г. в политическую контрреволюционную корпорацию, во-вторых, влиянием первой мировой войны на политическое воспитание выросшего в своей численности и пережившего изменения в своем социальном составе за время войны офицерского корпуса. Само собой разумеется, что решение этих вопросов не может быть плодотворным, если их освещать вне противоборства классовых сил, не сопоставляя принципы их политической стратегии и тактики.

Анализируя опыт борьбы революционных сил против их врагов в трех русских революциях, автор рассматривает значение этого опыта для революционного и национально-освободительного движения на мировой арене в более позднее время.

В советской литературе эта конкретная проблема в таком объеме до сих пор не освещалась. А между тем на Западе уже появились работы специально по истории российской военной контрреволюции, содержащие критику марксистской методологии исторического исследования применительно к данной проблеме. В монографии В. Д. Поликарпова разбираются некоторые из этих работ, в одних случаях выявляется несостоятельность претензий их авторов к советским историкам, в других отмечаются дости-

³ См.: Ленин В. И. Полп. собр. соч. Т. 40. С. 57—58.

⁴ См.: Там же. Т. 34. С. 1.

жения западных коллег в изучении событий и политических течений, связанных с деятельностью российской военной контрреволюции.

Наша научная печать не случайно все большее внимание уделяет изучению диалектики революции и контрреволюции, имеющему не только теоретическое, но и актуальное политическое и практическое значение. В выпущенной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1984 г. специальной работе, посвященной диалектике революции и контрреволюции, в освещении противоборства этих сил сосредоточивается внимание на методологических проблемах, в разработке которых, как отмечается во введении к книге, у нас имеются еще «скромные результаты»⁵. Мы же должны признать, что в этом отношении историки в долгу перед теоретической мыслью. Инициатива в постановке вопроса об изучении контрреволюции принадлежит философам, социологам, исследователям современного освободительного движения. Мы должны принять на свой счет такой не погашенный пока долг: «...Можно встретить отдельные монографии, всецело посвященные революции, в которых по существу даже не упоминается о контрреволюции как явлении, которое противостоит и сопровождает всякую социальную революцию. При таком подходе практически невозможно раскрыть процесс вызревания и победы социальных революций, которые предполагают жестокое противодействие со стороны реакционных сил»⁶. Мне могут сказать, что вовсе не так худо обстоит дело, могут назвать целый ряд работ историков, вышедших и выходящих, не страдающих такой односторонностью, но суть не в том, чтобы измерять, кто больше сделал и кто меньше, а в том, что темп, глубина исследования этой важной проблемы отстают от запросов времени.

Возьмем такой вопрос, как изучение богатейшего опыта военной работы партии большевиков, работы по завоеванию старой армии на сторону революции, актуальнейшее значение которого за последние десятилетия сильно возросло. И вот оказывается, что до сих пор здесь обнаруживаются существенные пробелы: об одном из них говорит само название представляемого мною читателю

⁵ Марксизм-ленинизм о диалектике революции и контрреволюции. Из опыта борьбы с контрреволюцией и современность. М., 1984. С. 7.

⁶ Хохлюк Г. С. Урок борьбы с контрреволюцией: К вопросам теории. М., 1981. С. 10.

труда. По различным работам более общего порядка рассеяны разрозненные факты, есть отдельные, порой интересные фрагменты, а более или менее цельного труда, написанного на достаточном теоретическом уровне, мы не найдем. Другой вопрос: мы много занимались изучением участия в революции солдат и матросов и в этом много преуспели, но, оказывается, у нас не дошли руки до исследования в этом плане офицерского корпуса, и в историографических работах только еще завязываются споры о том, какое отношение имели офицеры русской армии к революции и какова была тактика по отношению к ним у большевиков и противостоявших им партий. Убедительной представляется позиция, основанная на изучении богатого комплекса источников и изложенная в этой книге.

Особо следует обратить внимание на основополагающее требование любой общественной науки, а исторической науки и подавно, как изложил его В. И. Ленин в лекции «О государстве»: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁷. Историки не всегда этому требованию следуют, часто недооценивают его, и тогда возникают сомнения насчет того, нужно ли «копаться в прошлом», особенно если оно «негативно». Тут не может быть места даже для сомнений. Партия еще и еще раз подчеркивает необходимость «видеть, осмысливать, анализировать пройденное во всей его полноте и диалектической противоречивости» и призывает нас «выйти на новый уровень трезвой оценки опыта — как просчетов, так и достижений, без каких-либо изъятий»⁸. Это в равной степени относится как к истории советского общества, так и к тому историческому прошлому, которое ему предшествовало и которое, говоря словами Ленина, стоит в «исторической связи» с ним.

Должно заметить, что этот принцип составляет органическое свойство рекомендуемой читателю монографии. Это видно хотя бы из того, что в ней проанализирована военная контрреволюция со времени ее выхода на политическую сцену в первой русской революции, затем в го-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

⁸ Яковлев А. П. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 8, 11.

ды первой мировой войны, имевшей для ее политического «самоопределения» решающее значение, а потом на протяжении 1917 г., от Февраля до Октября. Проследив этот процесс, автор подводит читателя к пониманию реальных истоков ленинской политики привлечения на службу Советской власти военных специалистов старой армии. А этот вопрос остается пока также не исследованным в должной мере в нашей литературе, и на трактовке его в популярных работах сказывается недостаточная изученность ленинского теоретического наследства.

Более того, Сталин и его окружение, оказывавшие сопротивление ленинской военной политике еще в годы гражданской войны, совершенно отступили от нее в 20—30-е и последующие годы, развязав репрессии против военных специалистов, которые зарекомендовали себя честной службой в Красной Армии и много сделали для повышения обороноспособности Страны Советов. Это наложило печать на освещение в литературе участия военных специалистов старой армии в строительстве Советских Вооруженных Сил: их роль стала замалчиваться, а участникам «военной оппозиции» приписывались заслуги под видом их борьбы против Троцкого.

В свое время, в 30-х годах, когда мы готовили много-томную «Историю гражданской войны», в ее плане-проспекте были предусмотрены специальные главы, целиком посвященные состоянию лагеря контрреволюции на основных этапах революции и гражданской войны. Замысел был грандиозный. По к тому времени историки не располагали многими необходимыми документами, не было специалистов, которым посильна была бы эта работа. К этому прибавился ряд затруднений и иного порядка, был резко сокращен объем издания. Замысел не осуществился. Теперь появились большие возможности — и нам предстоит доделать начатое тогда.

В решении этой задачи неизбежно встретятся трудности в работе над непривычными источниками противной стороны. Историки должны хорошо изучить ленинские принципы использования свидетельств, исходящих оттуда, отрешиться от необоснованных опасений, как писал о таких случаях Александр Твардовский, «предоставить трибуну» не тому, кому нужно. Но, конечно, здесь требуется высокое профессиональное мастерство историка и в первую очередь его методологическая подготовленность к исследованию самых сложных проблем. О том, как могут успешно преодолеваются связанные с этим трудности, как

раз и говорит опыт работы В. Д. Поликарпова над настоящей книгой. Хочу подчеркнуть: среди множества редких источников он использовал, без ущерба для истины, массу свидетельств контрреволюционеров и их организаций, в результате получилась убедительная картина борьбы революционных сил с врагом, который превосходил их по опыту и по имевшимся в его распоряжении средствам.

Приходится, между прочим, отметить, что в последнее время, когда общественность, не удовлетворенная освещением нашей истории в учебниках и в сочинениях историков, начала производить в ней самостоятельные поиски и осмысливать историческое прошлое, появилось немало таких трактовок событий и целых этапов, которые расходятся с исторической действительностью. Это касается, в частности, гражданской войны первых послеоктябрьских лет. Некоторые авторы отождествляют ее с гражданской войной против народа, развязанной в 30-е годы Сталиным, и, лишая ее классового содержания, готовы считать ее не войной трудящихся с белогвардейцами, интервентами и т. д., а «братоубийственной».

Показывая, как формировались и выходили на авансцену политики военные силы контрреволюции, автор дает представление и о том, как перерастала вторая корниловщина в вооруженную борьбу свергнутых революцией эксплуататорских классов против рабоче-крестьянской власти, как складывался союз белогвардейщины с иностранными империалистами и гражданская война переплеталась с империалистической интервенцией.

Вскрытие корней, истоков гражданской войны, что по существу и делает автор книги, — самый верный путь к осмыслению ее реального исторического опыта и уроков.

Академик И. И. МИНЦ

ВВЕДЕНИЕ

В применении правящими классами военных сил для защиты старого порядка К. Маркс и Ф. Энгельс видели постоянного спутника всех европейских революций XIX в. Историческое развитие может оставаться мирным лишь до тех пор, указывал Маркс, пока те, кто в данном обществе обладает властью, не станут путем насилия препятствовать этому развитию. Однако в такие моменты обвинения в приверженности к насилию сами власть имущие выдвигают обычно против революционеров. Маркс и Энгельс учили распознавать за этими обвинениями «боевой клич насильственной контрреволюции против „мирного“ развития», который предвещает настоящей каннибализм контрреволюции, «кроважадную агонию старого общества»¹.

Такую же «кроважадную агонию» эксплуататоров В. И. Ленин выявил и в классовой борьбе в России в первой четверти следующего, уже нашего века. Самодержавие, писал он в июле 1905 г., все сделало для подготовки народного восстания, оно «годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском». Объективное положение указывало, что в такой обстановке «только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация»². Отсюда само собой вытекало создание в противовес военированным силам царизма революционной армии пролетариата.

Весь ход истории показал, что в любом случае: и когда мирное движение еще только сталкивается «с сопротивлением заинтересованных в старом порядке», и когда они, уже оказавшись побежденными, восстают против победившего рабочего класса, — против них существует лишь одно средство — революционное насилие³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 494; Т. 45. С. 142—143.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 338.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 142—143; Т. 5. С. 494.

Давно минуло и может даже показаться вряд ли действительно существовавшим то время, когда в Англии и Америке еще не было столь опасных для общества сил, какими стали потом военщина и бюрократизм, когда старый, доминирующий капитализм еще отличался в этих странах «наибольшим сравнительно миролюбием и свободолобием», позволявшим считать возможным мирный переход к социализму. Так писал Ленин о 70-х годах прошлого века. Но уже к 1918 г., когда им были написаны эти строки, т. е. менее чем за полвека, все изменилось: созревший империализм в силу своих коренных экономических свойств стал отличаться «наименьшим миролюбием и свободолобием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»⁴, что особенно наглядно проявилось в годы первой мировой войны.

Преступнейшая и реакционнейшая, как ее оценил Ленин, та война «воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках... десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата»⁵. В России царизм заблаговременно позаботился о воспитании таких военных кадров. Они прошли первоначальную школу террора в гражданской войне против пролетариата и крестьянства в 1905—1907 гг. и в карательных экспедициях последующих лет. И когда в стране встал в порядок дня лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, реакционное офицерство оказалось подготовленным к тому, чтобы выдвинуться на авансцену политики. А потом уже — по логике истории — оно составило боевое ядро контрреволюции в гражданской войне 1917—1922 гг. и в борьбе против победившей пролетарской революции сомкнулось в одном строю с иностранной военщиной, посланной империалистами всего света на удушение Республики Советов.

Давно уже было и это. Контрреволюция в России не выдержала исторического состязания с народом, сумевшим защитить свой Октябрь. Исчезли с лица советской земли ее боевые кадры. Последние из воспитанных царизмом контрреволюционных офицеров — генералы Крас-

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 304—305; Т. 37. С. 246—248.

⁵ Там же. Т. 40. С. 57—58.

пов, Шкуро и им подобные — разделили судьбу военных преступников, осужденных в Нюрнберге.

Однако анализ самой контрреволюции и опыта борьбы с ней, содержащийся в трудах родоначальников марксизма, продолженный и углубленный Лениным, не получил сколько-нибудь полного отражения и дальнейшей разработки в исторической литературе. Такое положение явилось следствием того, что в нашей литературе долгое время господствовала тенденция одностороннего освещения истории революции и гражданской войны, когда научные задачи вытеснялись пропагандой всего преимущественно героического в действиях революционных сил; противник же если изображался и не в карикатурном виде, то во всяком случае недооценивался и всерьез не исследовался. Предавалось, таким образом, забвению важнейшее положение марксистско-ленинской теории об изучении соотношения сил — «гвоздя» марксизма и марксистской тактики⁶, как оценивал его великий теоретик и практик революции В. И. Ленин.

ВОЕННОЕ ЯДРО КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В ленинском теоретическом наследстве обобщен как опыт трех русских революций, так и накопленный к тому времени и продолжавший обогащаться опыт международного пролетариата, причем не только опыт успехов, побед рабочего движения, но и не менее ценный горький опыт поражений, в известном смысле негативный опыт революции. Если Ленин называл первую русскую революцию «генеральной репетицией» Октября, то мы не должны забывать, что за этой формулой стоит не только шаг вперед, в овладении пролетариатом высшей формой политической борьбы — вооруженным восстанием, которая после московской Пресни стала великим достоянием международного пролетарского движения, но и учет опыта «великого поражения», которое «дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу». Смысл «генеральной репетиции» состоял не только в положительном опыте революции, но и в тех ее уроках, которые послужи-

⁶ См.: Там же. Т. 36. С. 288.

ли Ленину основанием, чтобы сказать: «Разбитые армии хорошо учатся»⁷.

Эту истину, высказанную Энгельсом в 1893 г. по отношению к поражениям армий в национальных войнах⁸, Ленин впервые применил к классовой борьбе российского пролетариата в 1905 г. и раскрыл ее теоретический смысл и значение для революционного движения. Речь шла о восстании матросов на броненосце «Потемкин» и об одесских событиях. «Один из отрядов революционной армии потерпел поражение... — писал Ленин. — Неудача горькая, поражение тяжелое». Напомнив затем мысль Энгельса о том, что «разбитые армии превосходно учатся», Ленин заметил: «Эти прекрасные слова применимы еще несравненно более к революционным армиям, пополняемым представителями передовых классов, чем к армиям той или другой нации».

От ленинской оценки фактов поражения революционных сил в условиях того времени веет глубоким оптимизмом. «Всякое новое поражение, — писал Ленин, — будет поднимать новые и новые армии борцов, втягивая их в движение, просвещая их опытом их товарищей, уча их новым и высшим приемам борьбы», и это будет продолжаться до тех пор, пока не сметено самодержавие. Он сопоставлял конкретный собственный опыт масс с коллективным опытом международной демократии и социал-демократии, который закреплен «передовыми представителями революционной мысли» и служил партии материалом для повседневной пропаганды и агитации. Но этот опыт, обобщенный теорией, в условиях угнетения и эксплуатации трудящихся доступен лишь немногим, массам же «приходится учиться больше всего на собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок, каждую новую ступень к освобождению»⁹. Такие уроки (Ленин имел в виду 9 января 1905 г. и одесское восстание) революционизируют вместе с тем настроение пролетариата всей страны и на этой почве учат его не только бороться, но и побеждать.

Недаром на пленуме ЦК КП Чили в августе 1977 г. из опыта Октябрьской революции отмечалось то, что «пар-

⁷ Там же. Т. 41. С. 10.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 413. У Энгельса сказано: «Все армии проявляют необыкновенные способности к обучению после крупных поражений».

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 134—135.

тия большевиков изучила и усвоила опыт и уроки Парижской Коммуны и русской революции 1905 года, потерпевших, как известно, поражение»¹⁰. К этому следует добавить, что поучителен и опыт изучения ленинской партией уроков революции; большевики делали это как бы непосредственно «на поле боя», прилагая усилия к обучению на этих уроках бойцов, снова отправлявшихся на баррикады. И сама ленинская статья «Революция учит», в которой анализировались уроки первых классовых боев и поражений, была написана по их свежим следам и напечатана в большевистской газете «Пролетарий» в июле 1905 г. «Революционная армия разбита, — говорилось в ней, — да здравствует революционная армия!»¹¹.

Тогда же, в разгар первой русской революции, в обстановке гражданской войны, Ленин обратил внимание на исключительную важность деятельности большевиков в военной области. Социал-демократия, писал он, «никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны. Но теперь все социал-демократы выдвинули военные вопросы если не на первое, то на одно из первых мест, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс»¹².

Ленин дал всестороннюю, капитальную разработку этих вопросов на опыте сначала первой, затем второй буржуазно-демократических революций и, наконец, Октябрьской социалистической революции в России. Его теоретическое наследие в этой области остается неиссякаемой сокровищницей революционного опыта для всех последующих поколений борцов освободительного движения. В сочинениях Ленина, документах Коммунистической партии прогрессивные силы находят лучший анализ уроков самоотверженной борьбы пролетариата в труднейших условиях, когда он еще только испытывал пути и формы борьбы против отечественной и международной реакции. Для историков же анализ революционного процесса, вскрытые Лениным его закономерности представляют ценнейшую методологическую основу исследования истории трех русских революций и дальнейшего развития классовой борьбы в международном масштабе.

¹⁰ Чилийская революция, фашистская диктатура, борьба за ее свержение и создание новой демократии. Пленум ЦК КП Чили. Август 1977 г. М., 1978. С. 243—244.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 135.

¹² Там же. Т. 10. С. 340.

Естественно, что большое место в марксистской исторической и теоретической литературе занимает исследование той части ленинского наследства, которая охватывает военные вопросы, ленинских идей о защите и закреплении революции, ленинской концепции истории вооруженной борьбы в ходе трех русских революций. Этим вопросам уделено значительное внимание в ряде крупных обобщающих трудов¹³ и в монографических работах советских историков и исследователей современного революционного движения¹⁴.

В историографических работах обращено внимание на достигнутые за последнее время положительные результаты в изучении опыта российского пролетариата, прежде всего учета и использования в классовой борьбе соотношения сил обеих сторон. Возросший уровень исторических исследований позволяет вести изучение развития революционных сил «в аспекте их динамического возрастания в ходе борьбы с силами контрреволюции», а для этого, как теперь уже признано, необходимо глубоко исследовать

¹³ История КПСС. М., 1966—1968. Т. 2. 3; Ленинская теория социалистической революции и современность. 3-е изд. М., 1980; Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1975; Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы, 1903—1917. М., 1974; Военно-боевая работа партии большевиков, 1903—1917. М., 1973.

¹⁴ *Милиц И. И.* История Великого Октября. 2-е изд. М., 1977—1979. Т. 1—3; *Городецкий Е. П.* Ленин — основоположник советской исторической науки: История советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970; *Спириин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; *Он же.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977; *Он же.* Россия. 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987; *Совокин А. М.* На путях к Октябрю: Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977; *Гринишин Д. М.* Военная деятельность В. И. Ленина. 2-е изд. М., 1960; *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. 2-е изд. М., 1979; *Гурджалов Э. П.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; *Он же.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971; *Шаццлло К. Ф.* 1905-й год. М., 1980; *Петров В. А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1964; *Сенчакова Л. Т.* Боевая рать революции: Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг. М., 1975; *Азовцев П. Н.* Военные вопросы в трудах В. И. Ленина. 2-е изд. М., 1972; *Зардов К. И.* Три революции в России и наше время. 3-е изд. М., 1983; *Хохлюк Г. С.* Уроки борьбы с контрреволюцией: К вопросам теории. М., 1981; *Соловьев О. Ф.* Международный империализм — враг революции в России. М., 1982.

«внутренние процессы, происходившие в двух противостоявших друг другу лагерях»¹⁵. Важной частью этой проблемы, приобретшей большое значение в дальнейшем ходе революционной борьбы, стало исследование соотношения военных сил с большим вниманием, чем это было прежде, большее внимание к боевым силам контрреволюции, т. е. той стороне проблемы, отставание в изучении которой приводит к тяжелым для освободительного движения последствиям.

Обзор работ историков трех революций в России показывает, что в них «конкретно-историческому анализу подвергнуты практически все, хотя и не в равной мере, стороны солдатского движения в 1917 г.»¹⁶. Однако в свете новых требований, предъявляемых к изучению противостоявшего революции лагеря, на 80-е годы ставилась задача изучения офицерского корпуса, процессы классового расслоения внутри которого стали «известны лишь в самых общих чертах», но не было установлено, в частности, какая часть офицеров поддержала социалистическую революцию и «что побудило остальную часть офицерства, по-видимому большинство, выступить против революции»¹⁷. Что касается Февральской революции, то здесь также «картина поведения командно-офицерских кругов армии выявлена пока фрагментарно»¹⁸. Та же задача встает и при дальнейшем исследовании первой русской революции, среди проблем которой остается совершенно неизученной работа большевиков среди офицерства¹⁹. О. В. Волобуев и В. А. Муравьев выдвигают задачу более глубокого исследования в первой русской революции правительственного лагеря, указывая, что историков «пока привлекают ее наиболее выраженные аспекты — карательная политика царизма, перемены на высшем уровне государственного управления» и политика верхов по рабочему и аграрному

¹⁵ Городецкий Е. П. Новые страницы истории Великого Октября. М., 1978. С. 33—34.

¹⁶ Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981. С. 166.

¹⁷ Там же. С. 174—175.

¹⁸ Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979. С. 114.

¹⁹ Сенчакова Л. Т. Современная историография военно-боевой деятельности партии большевиков в 1905—1907 гг. // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. С. 130.

вопросам²⁰. Авторы, судя по ссылкам, имеют в виду работы историков, в которых освещаются действия военных судов во время революции 1905—1907 гг. и расправы царской юстиции с революционным и национально-освободительным движением в Казахстане в 1905—1907 гг., сопровождавшиеся карательными экспедициями. Представление о деятельности правительственного лагеря в те годы, конечно, не будет сколько-нибудь полным, если ограничиться названными аспектами и не уделить внимания массивному использованию царизмом вооруженных сил в гражданской войне против народа, временами охватывавшей всю страну. Применением этой формы правительственного террора достигалась другая политическая цель: путем вовлечения в кровавые расправы с народом связать офицеров общностью преступлений с царизмом, сделать их верными псами самодержавия.

Уже отсюда можно заключить, что среди многообразных вопросов, составляющих «военный компонент» деятельности революционных сил, одним из важных, но наименее освещенных в литературе, является вопрос об изучении военных кадров контрреволюции, и прежде всего командных верхов армии и офицерского корпуса. Имея в виду общую оценку политической роли этих кадров, которую дал Ленин, говоря, что они во время империалистической войны выдвинулись «на авансцену политики» и превратились в орудие контрреволюционного террора против пролетариата²¹, в настоящей книге внимание сосредоточивается на раскрытии состояния и деятельности того боевого ядра контрреволюции в России, которое совершенно ясно определилось во время июльского кризиса 1917 г. Именно в определении этого ядра состоит поучительность ленинского анализа политической обстановки, умение выявить главного врага, а затем выработать тактику борьбы с ним.

В. И. Ленин не случайно среди событий, предшествовавших победе Октябрьской революции, выделял лето 1917 г.: это было время усиленной борьбы эксплуататоров за установление и сохранение своего единовластия в стране, когда они «поняли, что дело идет о „последних и решительных битвах“, что последний оплот буржуазии,

²⁰ Волобуев О. В., Мурашев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 гг. в России и советская историография. М., 1982. С. 229.

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 57.

этот главный и основной источник подавления ею трудящихся масс, будет вырван из их рук, если Советы получат власть»²². Партия большевиков проявила в этой обстановке величайшую бдительность к проискам классового врага, срывала «патриотические» покровы с его контрреволюционных действий и замыслов, разъясняя массам фактическое положение, а оно характеризовалось установлением в стране военной диктатуры как основной государственной власти. «Этот факт,— писал Ленин,— затемнен еще рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений. Но это несомненный факт и настолько коренной, что без понимания его ничего понять в политическом положении нельзя». Из признания этого факта вытекала и основная задача пролетариата: «ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к вооруженному восстанию», цель которого — переход власти в руки пролетариата, поддержанного всей массой городской и деревенской бедноты²³.

В марксистском анализе политического положения в России, определившегося в июле 1917 г., выяснена и роль военных кадров контрреволюционного лагеря и названо их главное руководящее ядро. Характерным для этого этапа революции Ленин считал укрепление контрреволюции в результате соединения трех ее главных сил: 1) партии кадетов, 2) Генерального штаба и командных верхов армии, 3) черносотенно-монархической и буржуазной прессы²⁴. В тех условиях перед пролетариатом выдвигалась задача: «беспощадная расправа с контрреволюционной буржуазией, т. е. с кадетами и с командными верхами армии прежде всего»²⁵. Избирая предметом изучения вторую из названных сил — военную контрреволюцию в лице ее руководящих кадров, нельзя, конечно, обойтись без того, чтобы не касаться по ходу изложения и остальных двух сил, с которыми командные верхи армии были связаны, с которыми взаимодействовали и без выяснения влияния которых невозможно разобраться и в действиях этих верхов.

Исторический опыт показывает, что кавешьяки олицетворяют «не диктатуру сабли над буржуазным обществом, а диктатуру буржуазии при помощи сабли»²⁶. Воздем же

²² Там же. Т. 35. С. 265.

²³ Там же. Т. 34. С. 1, 5.

²⁴ Там же. Т. 34. С. 1—5.

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 39.

организованной буржуазии являлась в России в 1917 г. партия кадетов, координировавшая деятельность всех сил контрреволюции, и военные верхи не представляли исключения. Однако привлечение материалов, относящихся к партии кадетов и контрреволюционной прессе, ограничивается здесь потребностями характеристики и освещения контрреволюционной деятельности военных верхов, на чем сосредоточивается основное внимание.

Основываясь на заверениях «летописцев и песнопевцев» «белого движения», некоторые зарубежные исследователи событий 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны в России и поныне уверены, что белые генералы ни до, ни после Октября не имели какой бы то ни было политической программы, что они вообще не занимались «политикой», были только «солдатами» и пускали в ход оружие не во имя каких-нибудь там «эгоистических», классовых или партийных, интересов, а руководствовались «общенациональными», «патриотическими» идеями защиты целостности, достоинства и чести страны. В устах же наиболее агрессивных идеологов империализма подобные экскурсы в историю России служат своеобразным средством оправдания современных реакционных военных режимов, узурпировавших власть путем контрреволюционных переворотов, которые совершают военные хунты нефашистского типа.

Одной из главных задач в разработке проблемы, составляющей предмет этой книги, является выяснение той политической программы, которой руководствовались в своей деятельности и в выработке которой принимали непосредственное участие командные верхи старой армии.

В выработке такой программы и в действиях, направленных к достижению ее целей, проявилась степень организованности и сплоченности классовых сил и политических партий буржуазии и помещиков на разных этапах развития революции. Поэтому раскрытие сути, происхождения и усвоения ими политической программы контрреволюции помогает лучше понять как социально-экономическую основу революционного движения в России 1917 г., так и историческую неизбежность социалистической революции и обреченность попыток буржуазии предотвратить ее, а после ее победы — восстановить свое господство. Разработка этих вопросов дополняет также новыми штрихами картину подготовки Октябрьской революции, делает ощутимой неизбежность в то время превращения классовой борьбы в России в борьбу с оружием

в руках. Изучение действительной сущности политического курса контрреволюционных сил, прикрывавших «демократическим» и «общенациональным» нарядом свои реакционные замыслы, обнажает несостоятельность антимарксистских версий в истолковании исторического опыта Великой Октябрьской социалистической революции.

Характеристика политической программы контрреволюции не является новым для нашей литературы вопросом. В трудах по истории Октябрьской революции она рассматривается в связи с корниловщиной: вскрывается антинародный характер «корниловской программы», выявляются ее социальные корни. В настоящей книге делается попытка проследить условия, в которых складывалась и проводилась на практике программа контрреволюционного лагеря. Новые или малоизвестные факты, свидетельствующие о политических расчетах и установках буржуазно-помещичьей реакции и ее военного ядра, позволяют отчетливо представить грубую тенденциозность белогвардейского истолкования политических целей революции и контрреволюции.

Было бы бесполезным занятием искать в декларациях организаторов контрреволюции идеальный документ, в котором с полной ясностью излагались бы их политические идеи и ставились в этом смысле все точки над «і». Нужно иметь в виду, что кадеты, например, сознательно скрывали свои истинные намерения. В одной из резолюций их ЦК читаем такое предупреждение: «Партия должна с полной ясностью определить всю ответственность своего положения как организующей силы и быть особенно осторожной в фиксировании своих мыслей в тезисах и резолюциях»²⁷. В другом случае, при обсуждении платформы буржуазно-либерального блока в кампании по выборам в Учредительное собрание, один из участников дебатов, С. Н. Булгаков, доказывал, что идею конституционной монархии «не можем выставить в платформе, чтобы не испортить отношений влево, а если республику — испортим вправо», поэтому «умышленная неясность — единственная возможность»²⁸.

Пройдет несколько лет, и активисты кадетской партии, отстаивая ту же «принципиальную» установку, будут освящать ее ссылками на давнюю партийную традицию.

²⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 721. Л. 10.

²⁸ Там же. Д. 3448. Л. 1.

В связи с тем что в одной из эмигрантских газет были преданы огласке дебаты, происходившие в парижской группе партии, член ЦК князь В. А. Оболенский на заседании той же группы 6 июня 1924 г. возмущался: «До сих пор этого в нашей партии не бывало: заседания у нас тайные... Все, что происходит на наших заседаниях, никакой огласке не подлежит». Его поддержал председательствовавший на заседании Ю. Ф. Семенов: «Я должен подтвердить, что в нашей кадетской партии никогда не делалось опубликования того, что происходит на заседаниях, и впредь такое разглашение является совершенно недопустимым»²⁹.

О сохранении в тайне своих вожделиний заботились и военные верхи контрреволюции. Недаром же генерал А. С. Лукомский в письме от 14(27) мая 1918 г. упрекал генерала А. И. Деникина за излишние обещания по вопросу «о будущем государственном устройстве России» и требовал придерживаться в публичных выступлениях тех норм, которые были приняты верхушкой белогвардейщины при Корнилове. «Как вы знаете,— писал он,— этот вопрос даже в рядах армии служит яблоком раздора. Мне, в качестве начальника штаба, приходилось часто разъяснять вопрошавшим, что генерал Корнилов не может предрешать никаких форм правления, а потому, как цель, Добровольческая армия ставит определенно *спасение России*, а что касается будущей формы правления, то единственно, что *надо и можно* указывать, это то, что будет в будущем создано Учредительное собрание, которое и решит вопрос». При этом, по словам Лукомского, Корнилов считал, что «будущее, конечно, покажет, как поступить, но теперь ничего иного сказать нельзя». Тут же Лукомский напомнил Деникину то, о чем говорилось только в узком кругу единомышленников: что Учредительное собрание, обещанное ими народу, имелось в виду созвать не «на основах допущения *всех* к выборам (по дурацкой четыреххвостке)», а при условии, что к выборам «будут допущены лишь цензовые избиратели (т. е. будет отстранена чернь и темная масса)»; для создания же такого условия «прежде надо пройти через диктатуру», а затем при помощи таким образом избранного Учреди-

²⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 7506. Оп. 1. Д. 54. Л. 26—32. Протокол заседания парижской группы партии народной свободы от 6 июня 1924 г.

тельного собрания предполагалось установить в России конституционную монархию³⁰.

Итак, что же можно заключить, прочитав хотя бы только приведенные откровения вождей российской контрреволюции? Прежде всего становится ясно, что умолчание в открытых декларациях о политических идеалах контрреволюции вовсе не служит доказательством того, будто белые генералы были далеки от политики и оставались только «солдатами». Умолчание о форме правления, так называемое «непредрешенчество», признавал, будучи уже в эмиграции, лидер кадетов П. Н. Милоков, «есть тоже вид политики, обыкновенно прикрывающий готовое антидемократическое решение, в котором неудобно сознаться публично. Если угодно, такая конфузливая политика умолчания есть тоже косвенное признание, что вернуть Россию к монархии можно только путем молчаливого заговора — не с народом, а против народа»³¹. Только вряд ли здесь можно приписать на веру объяснение политики умолчания какой-то «конфузливостью» ее проводников. Само письмо Лукомского говорит о другом: об умышленном сокрытии лидерами контрреволюции своих целей, о расчете на прямой обман «черни и темной массы». Лукомский не был стеснен формой публичного выступления — он откровенничал в интимном письме, Милоков же в публичном выступлении не мог отделаться от привычной «конфузливости»: он сам был инициатором принятия на вооружение контрреволюцией «непредрешенчества», по это как раз и придает его суждению и компетентность и достоверность.

Нельзя не учитывать и того закономерного в истории явления, на которое указывали Маркс и Энгельс, говоря, что господствующий класс обычно «для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь абстрактно, придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые»³². Эта тен-

³⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 46. Письмо (автограф) сохранилось в Русском заграничном историческом архиве (РЗИА), созданном белой эмиграцией в 20—30-е годы в Праге, среди материалов, которыми пользовался Деппинг, работая над «Очерками русской смуты». В 3-м томе его «Очерков» письмо цитируется. Курсивом выделены слова, подчеркнутые в тексте Лукомским.

³¹ Милоков П. Н. Республика или монархия? Париж, 1929. С. 30.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 47.

денция в полную силу дала себя знать в классовой борьбе во время трех русских революций.

Поэтому понятно, что среди документов 1917 г. и последующих годов не найти декларации, в которой руководители контрреволюции открыто излагали бы свою политическую позицию, свои истинные цели. Однако многочисленные источники помогают выяснить их политическую программу, расшифровать те умышленно затуманенные в открытых заявлениях задачи, решения которых они стремились добиться силой оружия.

Классовая характеристика лагеря контрреволюции и его военного ядра помогает критически разобраться в получившем известное распространение в литературе упрощенном изображении деятелей этого ядра как лиц, далеких будто бы от политики и потому беспомощных в выполнении ложившихся на их плечи политических задач, а то и безвольных и вообще неспособных руководить оказавшимися в их распоряжении силами контрреволюции.

Нет ничего парадоксального в том, что у истоков таких оценок лежат мемуары и публицистика монархистов. В литературе такого рода отразились внутренние распри и интриги в среде, близкой к правящим верхам, и стремление объяснить крушение самодержавия неудачным якобы подбором его защитников, а затем руководителей «белого движения». В зарубежной литературе получили отражение и зафиксированные в белогвардейских и белоэмигрантских записках суждения представителей различных фрондировавших или приспособлявавшихся к оппозиционным веяниям группировок как внутри лагеря контрреволюции, так и примыкавших к нему. Наслоения, накапливавшиеся в ходе идейной борьбы между ними, взаимные обвинения в несостоятельности, ошибочности, а то и «преступности» тех или иных политических решений и действий с точки зрения причин краха буржуазно-помещичьего строя порождали противоречивые оценки деятелей контрреволюции. Подобные источники, воспринимавшиеся как свидетельства из первых рук, не могли остаться незамеченными публицистикой противоборствовавших течений, для которых они нередко служили средствами политических интриг.

Сложившиеся на такой основе характеристики нередко переходили без особой проверки в нашу литературу по истории революции и гражданской войны. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что изучению враж-

дебного лагеря историки не всегда придавали должное значение. Против упрощенной характеристики деятелей контрреволюции горячо возражал в начале 20-х годов Д. А. Фурманов. «Красная Армия, — писал он в предисловии к мемуарам генерала Я. А. Слащева, — имела перед собою не случайный сброд и не военный кисель, а организованного, опытного, сильного, часто отважного и решительного, прекрасно обеспеченного врага, имеющего богатейший заморский тыл»³³. В те годы было издано немало источников, характеризовавших враждебный революции лагерь, появился ряд работ историков, специально посвященных этой проблеме, а в проспекте 16-томной «Истории гражданской войны», изданном в 1932 г., были предусмотрены специальные тома, в которых имелось в виду раскрыть внутреннее состояние контрреволюционных сил в 1917 г. и в последовавшей затем гражданской войне. Однако в середине 30-х годов утвердилось мнение, что «история контрреволюции не заслуживает внимания исследователей»³⁴. Замысел редакции «Истории гражданской войны» остался в этой части нереализованным, а при сокращении объема издания и вообще выпал из него.

Более того, установившийся в середине 30-х годов взгляд получал обратную силу при оценке работ прежних лет. Те из них, в названиях которых были слова «деникинщина», «махновщина», «колчаковщина», «интервенция»³⁵, иногда, писал И. Л. Шерман, «относили к истории контрреволюции». Такое предосудительное определение работ историков автор считал слишком «категорическим и строгим», однако «чрезмерное увлечение освещением политики контрреволюции» и сам признал, уже в 1964 г., заслуживающим критики³⁶.

Подобная «методология» на протяжении известного времени служила тормозом в изучении враждебного ре-

³³ *Слащев Я.* Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.; Л., 1923. С. 14.

³⁴ В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 278; *Кувшинов В. А.* Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1982. С. 7, 20.

³⁵ Имелись в виду книги: *Кил Д.* Деникинщина. М.; Л., 1927; *Кубанин М.* Махновщина. Л., 1927; *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л., 1925; *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. М., 1927; и др.

³⁶ *Шерман И. Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920—1931). Харьков, 1964. С. 47.

волюции лагеря, мешала в конечном счете выявлению соотношения сил борющихся сторон и воссозданию реальной картины классовой борьбы. Оценка противника, каким он был в действительности, нередко подменялась карикатурным изображением генералов и иных лидеров контрреволюции. Против таких тенденций выступил в печати активный участник гражданской войны, известный военный деятель и публицист А. И. Тодорский. Отметив поверхностные характеристики Алексеева, Деникина, Дитерихса в мемуарах М. Д. Бонч-Бруевича, он указал на вред подобного освещения враждебного лагеря и для дела пропаганды: «Не следует наших врагов изображать людьми безвольными, невежественными, глупыми. Если бы они были таковыми, то стоило ли так затягивать борьбу с ними, да и велика ли честь Красной Армии разгромить таких противников?»³⁷

Анализируя соотношение сил, складывавшееся в стране после завоевания власти пролетариатом, Ленин обращал внимание на то, что эксплуататоры «на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ» перед завоеванными властью эксплуатируемыми. В ряду таких преимуществ (палачие денежные богатств, имущества, навыков организации и управления, более высокого образования и т. д.) Ленин называл и «неизмеримо больший навык в военном деле»³⁸.

Чтобы точнее судить о соотношении сил борющихся сторон и дать верное объяснение хода вооруженной борьбы с контрреволюцией, нужно, очевидно, конкретно представлять, в чем же состоял имевший такое большое значение навык эксплуататоров в военном деле. Носителями этих навыков были, естественно, генералы и офицеры царской армии. Их вооруженность знаниями и навыками в военном деле имела тем большее значение, что в условиях империалистической войны возросла их роль в политической жизни. Несколько позже, на исходе гражданской войны, Ленин предупреждал также, что «офицерская вооруженная контрреволюционная сила... элемент едва ли не наиболее привыкший к владению оружием и употреблению его, надо ожидать, что она не откажется от употребления этого оружия в свою пользу»³⁹.

³⁷ Тодорский А. И. Размышляя над мемуарами // Лит. газ. 1962. 30 авг.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 263.

³⁹ Там же. Т. 40. С. 114.

Значение и глубина этих суждений Лепина станут особенно понятными, если мы ясно представим способы формирования и отбора царизмом кадров реакционных офицеров, готовых к употреблению оружия в борьбе против народа и выдвинутых на авансцену политики. Отбор этих кадров и проверку их способности к защите деспотического режима самодержавия предприняло во время революции 1905 г. и в последующие годы, при военном подавлении революционных выступлений на протяжении десятилетия перед мировой империалистической войной. Будущие главари контрреволюции, как, например, Щербачев, Иванов, Лукомский, Кутепов, прошли «школу» расправ с рабочим движением и заслужили «благоволение» властей еще в те годы. Так что их политический опыт накапливался не только и, пожалуй, не столько в войне с внешним противником, сколько на внутреннем фронте. Навыки владения оружием эти офицеры приобретали, конечно, и в боевых действиях с внешним противником, но также и в карательных экспедициях против восставшего народа, а кроме того — в повседневной службе в воинских частях под присмотром многоопытных слуг царизма, который имел в своем распоряжении не дилетантов, не случайных людей, а довольно широко образованных специалистов, профессоров военных академий, занимавших высшие посты в армии, таких, как М. И. Драгомиров, М. В. Алексеев, Н. Н. Головин и многие другие.

В июле 1917 г. среди главных сил контрреволюции Лепин назвал не вообще офицерский корпус и даже не генералитет, а Генеральный штаб и командные верхи армии, захватившие тогда фактическую государственную власть.

Офицеры и генералы Генерального штаба выделились в царской армии, как, впрочем, и в армиях других государств, в замкнутую касту, в самостоятельную корпорацию, присвоившую себе репутацию «мозга армии». «Генеральный штаб до мировой войны, — писал исследовавший деятельность этой корпорации и сам принадлежавший к ее составу в последние годы царизма Б. М. Шапошников, — являлся вдохновителем всей военной системы того или иного государства. Влияние его во всех армиях было почти неограниченно... Генеральный штаб считался неприкосновенным. Доступ „непосвященным“ в это учреждение был затруднен, и, как известно, русский Генеральный штаб получил даже в обыденной жизни наименование „черного духовенства“. Там, за „монастырской стеной“ друиды с белыми аксельбантами творили стра-

тегию, готовили государство к войне, ковали инструмент, именуемый армией»⁴⁰.

Разъясняя в своем труде функции Генерального штаба, Шапошников касается и вопроса о том, в какой мере занимался штаб внешней и внутренней политикой. Выяснение этого вопроса важно потому, что официальными руководствами и положениями Генеральному штабу не вменялась в обязанность политическая деятельность; по закону, пишет Шапошников, штаб был устранен от внутренних дел страны⁴¹, и представители Генеральных штабов, заявляя о своем «принципиальном» невмешательстве в дела внутренней политики, «связывали войну главным образом с внешними отношениями государства»⁴².

Считая, что «состав ответственных работников штаба не должен быть чужд политики», Шапошников имеет в виду две нормы его поведения: «1) иметь соответствующую политическую подготовку и быть все время в курсе политической жизни не только своей страны, но и соседних государств и 2) не создавать своей политики, чисто военной, ибо таковой в природе в отдельности вообще не существует». Он указывает, что от внутренней политики государства генштабисты на словах пытались отгораживаться, но на деле «считали своей первой и главной обязанностью предъявлять к той же политике такие требования, которые бы способствовали усилению вооруженной силы страны»⁴³. И хотя, по его же словам, из трудов «классиков», т. е. признанных к началу XX в. авторитетов военной мысли, было известно, что компетенция Генерального штаба не должна выходить за пределы армии, в действительности «истинная природа войны постепенно расширяла круг его деятельности, и перед мировой войной ... „мозг армии“ выявил стремление вылезть из черепной коробки армии и переместиться в голову всего государственного организма». «Природа» же войны определялась империалистическими тенденциями государства, которые «оказались свойственны и „мозгу армии“». ...Политика колониальных захватов оказалась заманчивой не только для среды государственных учреждений и верховной власти, но и для Генерального штаба»⁴⁴.

⁴⁰ Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Кн. 1. С. 13.

⁴¹ Там же. С. 195.

⁴² Там же. С. 188.

⁴³ Там же. С. 151, 189.

⁴⁴ Там же. С. 13.

Шапошников отмечал, что с ростом милитаризма армия стала «тем „маховым колесом“», без которого могла остановиться вся государственная машина», поэтому влияние Генерального штаба и на внутреннюю политику «заходило гораздо дальше, чем о том заявляли его представители», Генеральный штаб оказывался непосредственно заинтересованным в поддержании в стране определенного режима, способного оградить армию от «вредных влияний». Такая констатация фактического положения потребовала объяснения классовой основы интересов Генерального штаба в области внутренней политики. Как утверждает Шапошников, политические взгляды сотрудников Генерального штаба «вырабатывались жизнью и вращением в определенной буржуазной среде»⁴⁵. А так как командный состав армии в целом был связан классовыми интересами «с проводимой правительством программой внутренней политики в стране» и «безоговорочно внедрял ее в армию»⁴⁶, то и «мозг армии» становился проводником и, более того, организатором проведения ее в армии.

При изучении характера деятельности Генерального штаба по труду Б. М. Шапошникова следует иметь в виду, что основу его произведения составляет анализ работы австро-венгерского Генерального штаба, чему благоприятствовало наличие изданных ко времени подготовки «Мозга армии» четырехтомных мемуаров Конрада фон Гетцендорфа, в которых подробно описана деятельность названного штаба под его руководством в 1914—1918 гг. В них был сосредоточен новейший по тому времени опыт, к тому же лучшего в мировую войну из европейских штабов. Шапошников сам отмечает, какое значение в условиях тщательного оберегания от постороннего взора всего происходившего «за монастырской стеной» имели для него мемуары Конрада фон Гетцендорфа: они прямо-таки «подкупили» его, уже советского военного деятеля, давая возможность «на этом примере проследить, какова же должна быть работа Генерального штаба в мирное время в наши дни». Отсюда и характер произведения Шапошникова: военно-теоретический анализ, выясняющий пути совершенствования работы Генерального штаба в предвидении новых военных столкновений Страны Советов с империалистическими хищниками; исторические же

⁴⁵ Там же. С. 195, 151.

⁴⁶ Там же. С. 193.

экскурсы играют в «Мозге армии» подчиненную роль, давая материал, позволяющий извлечь уроки на будущее.

В пределах доступных для него сведений автор сопоставлял те или иные действия разных Генеральных штабов того времени, в том числе и русского. Однако он должен был оговориться о недостаточной осведомленности в деятельности русского Генерального штаба, так как его, Шапошникова, собственная служба «проходила на периферии, замыкаясь лишь в передаче непосредственно в войска замыслов русского Генерального штаба». Поэтому он полагал, что специальное исследование работы этого штаба более посильно «старшим по службе в бывшем Генеральном штабе лицам», проходившим ее непосредственно в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ), где была сосредоточена основная часть «мозгового вещества бывшей старой армии»⁴⁷. Очевидно, такой характер труда Шапошникова освободил его от освещения политической деятельности русского Генерального штаба на «внутреннем фронте», какого можно было бы ожидать от исторического исследования.

⁴⁷ Там же. С. 18, 20. В литературе можно встретить употребление наименования «Генеральный штаб» в различных значениях, а иногда и утверждение, что в военной литературе «нет, кажется, понятия более неопределенного и спорного, чем понятие „Генеральный штаб“» (*Новицкий В. Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909. С. 11; *Казимиров М.* Морской Генеральный штаб // Морской сб. 1912. № 8. Неофиц. отд. С. 1). Мы будем исходить из понимания Генерального штаба как особой корпорации в корпусе офицеров, в которую зачислялись офицеры, получившие высшее военное образование и предназначавшиеся для выполнения специальных обязанностей по подготовке вооруженных сил к войне, разработке операций и управлению войсками на театре военных действий; при этом будем различать в составе корпорации центральное учреждение — Главное управление Генерального штаба, в обиходе именовавшееся также Генеральным штабом, и, как выразился Б. М. Шапошников, «периферию», т. е. офицеров, занимавших в войсковых штабах должности, по своей специфике входившие в компетенцию и подчинение ГУГШ, и именовавшихся офицерами Генерального штаба. На флоте в отличие от армии не было касты офицеров Генерального штаба; там существовал Морской Генеральный штаб (МГШ), созданный в 1906 г. наподобие ГУГШ. Должности в МГШ, как и должности Генерального штаба, в подчиненных МГШ оперативных отделениях штабов командующих морскими силами и оперативных отделениях портов замещались строевыми офицерами по выбору начальства с учетом их специального образования и чина; на этих должностях они периодически сменились, чтобы «не засиживались в штабах».

Когда речь идет о командных верхах армии, то имеются в

Глухое упоминание о том, что политические взгляды сотрудников Генерального штаба вырабатывались «жизнью и вращением в определенной буржуазной среде», означало попытку автора разъяснить, откуда все же брались эти взгляды, коль скоро, как утверждает Шапошников, «политической подготовки сотрудники Генерального штаба вообще не получали», хотя, по его же мнению, они должны были иметь «соответствующую политическую подготовку», т. е. не быть «чуждыми политики». Когда он говорит, что генштабисты не получали политической подготовки, то, очевидно, подразумевает пробел в этом отпущении в системе обучения офицеров Генерального штаба. Но эта система в «Мозге армии» не раскрывается, и приведенные утверждения основаны, вероятно, на личных впечатлениях автора, прошедшего обучение и воспитание в этой системе снизу доверху. Субъективность этих впечатлений обнаруживается при сопоставлении их с впечатлениями других лиц, получивших военную подготовку в той же системе. Кроме того, в этих беглых утверждениях не вполне, по-видимому, учитывается как выработка политической позиции генштабистов в военно-учебных заведениях, в особенности в Академии Генерального штаба, так и закрепление и развитие ее на службе в войсках и штабах.

Источники, которыми может воспользоваться нынешний историк, но которыми, видимо, не располагал Б. М. Шапошников, позволяют раскрыть важную функцию «мозга армии» как «вдохновителя всей военной системы» в области внутренней политики, точнее выражаясь, его деятельность на внутреннем фронте, освещение которой осталось за гранью труда Шапошникова и без чего историческое освещение деятельности русского Генерального штаба было бы неполным. В связи с этим привлекают внимание вопросы о том, какое выражение получают на практике политические взгляды офицеров и генералов Генерального штаба на внутреннем фронте, а также о под-

виду генералы (на флоте — адмиралы), состоявшие на высших должностях, но не причисленные к Генеральному штабу — либо потому, что не имели соответствующего образования (для причисления нужно было, кроме двухгодичного курса Академии Генерального штаба, который не давал права на занятие должностей Генерального штаба, окончить еще дополнительный курс, и не ниже, как по первому разряду), либо вследствие перехода на строевую (командную) должность, что влекло за собой отчисление от Генерального штаба.

готовке и воспитании их в этом направлении в системе обучения и «в жизни». Следует разобраться также в том, как воспитывал армию и сам «мозг армии» — политически, а не только «стратегически». Все это позволит проследить процесс выхода военных верхов «на авансцену политики» и сыгранную ими там роль.

Изучение этой проблемы важно для истории классовой борьбы не только в России, поскольку рассматриваемое явление имело место, по заключению Ленина, «во всех странах», «во всех, даже самых демократических республиках». Оно приобретает особенный интерес в свете установленной Лениным закономерности: «Предполагать, что при сколько-нибудь глубокой и серьезной революции решает дело просто-напросто отношение большинства к меньшинству, есть величайшее тупоумие, есть самый глупенький предрассудок дюжинного либерала, есть обман масс... Историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплуататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплуатируемыми»⁴⁸. Среди этих преимуществ, стимулирующих сопротивление эксплуататоров, как уже отмечалось, особое значение имеют их навыки в военном деле.

Выдвижение реакционного генералитета и офицерства на авансцену политики в 1917 г. в России наиболее наглядно проявилось в фактическом установлении военной диктатуры в июле. Сам факт ее установления выразился в том, что, во-первых, было покончено с двоевластием — в пользу единовластия буржуазии, во-вторых, в том, что государственная власть сосредоточилась в руках военной клики. Но, чтобы победа военной диктатуры была доведена до конца, ей требовалось сделать еще один шаг: ликвидировать Советы. В июле они оказались «благодаря руководству мелкобуржуазных демократов уже бессильны, а буржуазия еще недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их»⁴⁹. Созыв в августе совещаний «общественных деятелей», Государственного совещания и другие собрания буржуазии как раз имели целью выработку способов ликвидации Советов. Корниловский поход на Петроград представлял собой попытку разогнать Советы вооруженным путем. Но этот последний шаг контрреволюции не

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 263.

⁴⁹ Там же. Т. 33. С. 13.

удался, и попытка сделать его лишь ускорила победу вооруженного восстания рабочих и солдат.

Если проследить возникновение, эволюцию и бесславный конец идеи военной диктатуры в 1916—1917 гг., можно убедиться в том, что она зародилась и зрела в военных верхах царской России, искавших способов подавления революционного движения в стране. Делая практические шаги к установлению военной диктатуры, командные верхи армии вступали непосредственно в борьбу против пролетариата, не считаясь с тем, что в условиях военного времени это вело к отвлечению значительных сил с внешнего фронта для внутреннего, к развязыванию гражданской войны в тылу.

И это опять-таки старая, испытанная международным опытом традиция: бросать на внутренний фронт, на подавление «беспорядков» войска с внешнего фронта, не считаясь с ослаблением своих сил и возможными поражениями на этом фронте — ведь оценивал же князь Г. Е. Львов, причем совершенно открыто, победу контрреволюции в июле как «глубокий прорыв» на фронте Ленина, имеющий «несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем юго-западном фронте»⁵⁰, и даже приглашал чужеземные войска для борьбы против своего народа. Как сравнительно свежий к тому времени подобного рода опыт — приглашение французской контрреволюцией прусских войск, ведших войну против Франции, для подавления Парижской Коммуны. Царские генералы перенимали опыт западноевропейской контрреволюции. Потом уроки корниловщины в России стала изучать белогвардейщина, а вслед за нею — позднейшие идеологи империализма и всякого рода реакционные хунты.

В порядке осмысления опыта российской контрреволюции в белоэмигрантской литературе в 20—30-е годы дебатировался вопрос: почему то, что не удалось Корнилову в августе 1917 г., удалось Муссолини в 1923 г. и Гитлеру в 1933 г.? Корнилов определенно расценивался как предтеча фашистских главарей. Это сопоставление возникло в воображении монархистов, мечтавших о реванше и желавших предотвратить в будущем просчеты, подобные тем, какие допустили Корнилов и его единомышленники в прошлом. Более того, неудача корниловского путча стала истолковываться как следствие случайных об-

⁵⁰ Там же. Т. 34. С. 18.

стоятельств, в ряду которых было и «предательство» Керенского, и отсутствие будто бы действенной поддержки со стороны кадетов и торгово-промышленных кругов и т. п. Корнилов был канонизирован в качестве героя и мученика диктатуры сабли, идола буржуазно-помещичьей реакции. Корниловщина и фашизм оказались связанными настолько родственными узами, что сохранившиеся в эмиграции бывшие сподвижники Корнилова, такие, как братья генералы Красновы, пошли на службу к германскому фашизму и в гитлеровских мундирах отправившись в «крестовый» поход против утерянного ими отечества. Это дает основания современным буржуазным историкам проводить исторические параллели между главарями неофашистских хунт типа Пиночета и наиболее свирепыми душителями народных движений в России и именовать их «чилийскими корниловыми»⁵¹, демагогически выдающими себя за представителей «среднего класса», только за «солдат», уверяя, что уже поэтому они-де не могут служить интересам крупной буржуазии⁵². Иными стали социальные условия во всем мире, иная расстановка классовых и демократических сил, но современные корниловы вовсе не выбросили как мусор опыт российской контрреволюции 70—80-летней давности, по-видимому, так же как и она, как свидетельствуют сохранившиеся материалы, опытом более чем столетней к тому времени давности, питалась, осваивая «науку» расправ в войне о народом на внутреннем фронте. Так что и корниловщина, как вообще военная диктатура контрреволюции, и фашизм в годы перед второй мировой войной и во время нее, и современный неофашизм суть разновидности одного и того же явления — террористической диктатуры буржуазии, стремящейся крайними средствами насилия поддерживать господство исторически обреченного эксплуататорского строя. Изучение этого явления позволяет в полной мере оценить ленинское предостережение о реакционном курсе империализма «по всей линии» и усилении военных методов подавления освободительной борьбы трудящихся.

Оценивая значение опыта Октября для международного пролетарского и всего освободительного движения,

⁵¹ Hough J. F., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. Harvard; London, 1979. P. 73.

⁵² Чилийская революция, фашистская диктатура, борьба за ее свержение... С. 58.

Ленин в свое время указывал, какие важные уроки извлекла из «русского опыта» международная буржуазия: в первые же годы после победы Октября она хорошо вооружилась и организовалась для борьбы с революцией, выработала тактические и стратегические приемы, которые превосходили те же приемы революционных сил. Этим Ленин объяснял, в частности, почему немецкой буржуазии удалось с необычайной силой и с бешеной ненавистью обрушиться на рабочее движение в Германии, которое вследствие этого «шло, начиная с конца 1918 года, особенно тяжелым и мучительным путем»⁵³. Анализируя неудачу мартовского (1921 г.) выступления германского пролетариата, он пришел к заключению, что контрреволюционная буржуазия «научилась на примере России», и предупреждал, что впредь она «не даст себя „взять врасплох“»⁵⁴. Опыт революционного движения за все время, прошедшее после Октября 1917 г., подтверждает, насколько важно это ленинское предупреждение и насколько пагубной для революционеров оказывалась недооценка боевых возможностей империалистической реакции и ее способностей учиться на уроках поражения своих сил.

За последнее время, начиная примерно с конца 50-х годов, советские историки много сделали для изучения лагеря, противостоявшего революции на протяжении всего периода, охватывающего историю всех трех российских революций. Это сделано как в общих трудах по истории революционного движения, так и в специальных исследованиях по истории непролетарских партий, политических течений, их центров и организаций, наконец, помещичьих и буржуазных партий и организаций, являющихся главными врагами пролетарской революции. Изучение их решительно двинуто вперед работами И. И. Минца, Л. М. Спирина, Н. Г. Думовой, К. Ф. Шаццлло, Н. П. Ерошкина, Г. З. Иоффе, О. Ф. Соловьева, А. Я. Авреха, В. В. Шелохаева, В. И. Старцева и других историков. Однако военное ядро контрреволюции в лице Генерального штаба и командных верхов армии остается малоисследованным до сих пор. Между тем западные историки посвятили специальные труды «элите офицерского корпуса» и ее месту в политической жизни России в годы первой мировой войны и революций 1917 г.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 88, 89.

⁵⁴ Там же. С. 99.

В исследованиях советских историков, посвященных истории революционного движения в армии во время первой русской революции и в 1917 г., приводятся сведения, характеризующие участие войск в подавлении народных волнений и подтверждающие оценку армии как главного орудия, использовавшегося царизмом для поддержки господства эксплуататоров и подчинения им трудящихся. Наиболее полные сведения такого рода собраны и проанализированы В. А. Петровым в «Очерках по истории революционного движения в русской армии в 1905 г.» (Л., 1964) и П. А. Зайончковским в монографии «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903» (М., 1973). Эти данные вместе с фактическим материалом, содержащимся в многочисленных источниках, позволяют восстановить действительную картину разделения старой армии на два враждебных лагеря и выделения в ней тех офицерских кадров, которые стали ядром белогвардейских формирований в годы гражданской войны.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Среди источников, относящихся к данной проблеме, выделяются прежде всего богатые документальные публикации. Среди них мы имеем монументальные серии сборников документов и материалов «Революция 1905—1907 гг. в России» в шестнадцати томах (1955—1963) и «Великая Октябрьская социалистическая революция» в десяти томах (1957—1963). В специальных разделах этих изданий собраны документы царского и буржуазного Временного правительств, полицейских органов, военного командования, различных должностных лиц и руководящих органов буржуазных партий, раскрывающие деятельность и внутреннее состояние контрреволюционного лагеря.

Многочисленные публикации такого рода имеются в журналах «Красный архив», «Пролетарская революция», «Красная летопись» и др. Большое количество документов и материалов, расширяющих круг источников по данной проблематике, публиковалось в периодической печати того времени — в буржуазных, откровенно черносотенных газетах, в органах мелкобуржуазных партий.

Ценнейший материал, дающий в руки исследователя ключ для распознавания политических маневров реак-

ционных центров и организаций, раскрытия истинной подоплеки различного рода официальных деклараций и сообщений, разоблачения демагогии правящих верхов, мы находим на страницах большевистской печати того времени.

Следует, однако, иметь в виду, что в публикациях документов скудно представлены источники, раскрывающие деятельность в 1917 г. контрреволюционных военных организаций, которая в большой своей части носила заговорщический характер, из соображений конспирации часто не фиксировалась и тем более не получала отражения в публичных заявлениях и информационных материалах. В источниках, хранящихся в архивах, как, например, в ЦГАОР СССР, ЦГВИА СССР, ЦГАСА, Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ОР ГБЛ), есть более полные сведения о возникновении, силах, замыслах и методах действий этих организаций по сравнению с имеющимися к настоящему времени в литературе. Среди этих источников наряду со всякого рода перепиской, следственными материалами и т. д. немалую ценность представляют мемуары. Они помогают заполнить те пробелы в документальных источниках, которые образовались в силу засекречивания участниками организаций своих деяний. По прошествии известного времени, когда они оказывались в иной обстановке — в эмиграции или в тылу у белых, в целях ли самооправдания перед единомышленниками или для поучения преемникам, в порядке передачи опыта и извлечения уроков из неудач, а иногда и для сведения счетов с бывшими сообщниками, многие из них брались за перо и с его помощью продолжали свою прежнюю деятельность.

Естественно, что каждый, кто обращается к такого рода источникам, не ждет от них объективного освещения событий. В них можно наткнуться не только на заблуждения, объясняемые социальным кругозором и политическим невежеством авторов таких сочинений, — там и сознательное искажение истины. Однако такие источники богаты и саморазоблачениями, служат незаменимыми свидетельствами политических позиций, замыслов и происков классовых врагов пролетариата.

Великие учителя научного социализма оставили нам яркие образцы использования таких источников в идейной борьбе. Когда Энгельс издавал свою знаменитую работу «Положение рабочего класса в Англии», он не обольщался ожидающим ее успехом у читателей. «Я заранее

готов к тому,— писал он в предисловии,— что не только моя точка зрения, но и приведенные факты будут оспариваться, подвергаясь нападкам с разных сторон...» Предусматривая такие нападки, Энгельс пояснил: «В тех случаях, когда у меня не хватало официальных документов, я предпочитал... пользоваться свидетельствами *либералов*, стараясь бить либеральную буржуазию ее же собственными свидетельствами». Используя и такие средства, пролетарский революционер выходил на открытый бой с противником: «Я, ни на минуту не задумываясь, бросаю английской буржуазии вызов: пусть она мне укажет на основании таких же документальных данных, какие привел я, хоть на один-единственный факт, неточность которого могла бы сколько-нибудь отразиться на изложенной точке зрения в целом»⁵⁵.

Тот же подход к источникам враждебного лагеря мы встречаем у Ленина. Основную задачу своего теоретического труда «Империализм, как высшая стадия капитализма» он видел в том, чтобы «показать по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства... накануне первой всемирной империалистической войны». Особенностью этих сводных данных из буржуазных источников Ленин считал то, что они «не могут быть опровергнуты»⁵⁶.

Он высоко ценил публичные признания идеологов контрреволюции, когда они помогали разоблачать красноречивость и лицемерие буржуа и помещиков и шедших за ними эсеров и меньшевиков с их заклинаниями против «гражданской войны». Слова князя Львова из беседы с журналистами о значении прорыва «на фронте Ленина» он считал за «ценное признание» одного из лидеров контрреволюции, в котором тот «спокойнейшим образом оценивает внутреннее положение России именно с точки зрения гражданской войны». Ознакомившись с таким признанием, указывал Ленин, «пролетариат будет твердо знать, в чем состоит на деле „прорыв на фронте“ классовой борьбы... Князь Львов помог пролетариату познать эту истину. Поблагодарим князя Львова»⁵⁷.

Не меньшую важность представляли источники противной стороны, раскрывавшие действия контрреволюции

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 239—240.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 303—304.

⁵⁷ Там же. Т. 34. С. 18, 20.

против Советской Республики. Выступая 5 июля 1921 г. на III конгрессе Коминтерна, Ленин сообщал, что русская контрреволюционная эмиграция, объединившаяся с иностранной буржуазией, пользуется всеми средствами для подготовки борьбы против Советской России. Все основные политические течения эмиграции имели свою печать, по которой можно было «наблюдать за границей совместную работу всех без исключения наших прежних политических партий», «обозреть силы врага, его организованность и политические течения в его лагере»⁵⁸. Такая возможность была, ибо Ленин своевременно позаботился о том, чтобы библиотеки Советской Республики «немедленно начали собирать и хранить *все белогвардейские* газеты (русские и заграничные)»⁵⁹. 17 января 1920 г. Совнарком принял постановление, обязывавшее Наркоминдел, ВЧК, Наркомвоен и все подведомственные им органы «направлять имеющуюся у них белогвардейскую литературу, русскую и заграничную, по использованию ее для их специальных целей... для хранения и общественного пользования в государственных библиотеках»⁶⁰.

Для освещения вопросов, составляющих основное содержание настоящей книги, источники противной стороны представляют исключительную ценность. Если мы хотим судить о контрреволюции не только по ее внешним проявлениям, не по тому фасаду, который она сама расписывала, не по свидетельствам, которые она сама инспирировала, но и знать ее что называется *изнутри*, т. е. ее действительное состояние и деятельность, то никакими другими источниками эти, исходившие из недр ее учреждений и организаций, заменены не могут быть. Давно и всеми исследователями признана ценность архивных фондов репрессивных, карательных органов царского и Временного правительств для воссоздания картины революционной борьбы; для освещения многих важных событий этой борьбы такие фонды оказываются подчас единственными, поскольку в условиях подполья интересы безопасности заставляли революционеров заботиться больше всего о том, чтобы их деятельность не оставляла письменных следов, которые могли бы оказаться находкой для всяких органов политического сыска. Теперь, когда история революции все больше перестает быть односторонней и до-

⁵⁸ Там же. Т. 44. С. 39.

⁵⁹ Там же. Т. 51. С. 118.

⁶⁰ Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 110—112.

полняется освещением процессов, происходивших по ту сторону баррикад, сведения о которых запрятывались в тайниках правительственных и подведомственных им канцелярий, документы этих фондов приобретают для исторического исследования еще большее значение.

Наряду с ними значительный интерес представляют мемуары видных деятелей контрреволюции: царского премьера С. Ю. Витте, лидера партии кадетов П. Н. Милокова, члена Государственной думы В. В. Шульгина, главарей белогвардейщины генералов А. И. Деникина, А. С. Лукомского и др. Интересны для раскрытия процесса формирования военного ядра контрреволюции обширные неопубликованные воспоминания генерала А. С. Лукомского (1868—1939) «Очерки из моей жизни», написанные им в эмиграции в 30-е годы и сданные на хранение в Русский заграничный исторический архив (РЗИА), находившийся в Праге.

Среди главарей контрреволюции Лукомский — менее известная для нас фигура, чем, скажем, Деникин, Корнилов, Колчак, Врангель и другие деятели, именами которых окрещены целые этапы и кампании «белого движения». Он оставался как бы в тени, за спиной сначала Корнилова, а потом Деникина, будучи начальником штаба Добровольческой армии, а к концу гражданской войны — председателем Особого совещания, т. е. главой деникинского правительства. Из опубликованных до настоящего времени источников не видна его истинная роль в «белом движении», роль, по существу, идеолога военной верхушки белогвардейщины. Эту его роль как раз и раскрывают неопубликованные источники. Выходец из среды потомственной аристократии, высокомерно смотревший даже на достигших высших военных постов, но «худородных» Деникиных, Корниловых и им подобных, ортодоксальный монархист, он сознавал себя вправе поучать их, исправлять их политические промахи, за которыми подозревал недостаток у них монархической воспитанности и целомудрия.

Лукомский интересен и в другом отношении. В последние два десятилетия царизма он прошел все ступени военной службы: офицер Генерального штаба, начальник пехотной дивизии, командир корпуса, начальник штаба армии, начальник мобилизационного отдела Главного штаба, начальник канцелярии Военного министерства, помощник министра, генерал-квартирмейстер и начальник штаба верховного главнокомандующего. Для него не было секретов в самых важных, закрытых для постороннего глаза орга-

нах военного аппарата Российской империи. И вот, когда империя рухнула и никакие усилия восстановить ее (а он тоже затратил на это немало сил) к успеху не привели, когда, собственно, терять уже было нечего, Лукомский проанализировал в мемуарах тот последний отрезок пути самодержавия к краху, на котором он был свидетелем многого, происходившего в военной сфере. Со страниц мемуаров перед нами встает кровавая эпопея отчаянных попыток монархической военщины спасти разлагающийся самодержавный строй. Лукомский не переставал делать такие попытки: входя в касту офицеров Генерального штаба, он проявлял инициативу в организации подавления революционного движения, в воспитании офицеров и даже старших начальников в духе прислужничества царизму, беспощадного применения вооруженной силы в борьбе против народа. Многого из того, о чем рассказывает Лукомский в мемуарах, мы не найдем в других источниках, а между тем оно представляет интерес для более полного раскрытия революционного процесса в 1905—1917 гг. и для познания внутреннего механизма, направившего действия контрреволюции.

Не менее важным источником мемуарного типа являются обширные воспоминания Б. А. Энгельгардта. Также потомственный аристократ, тоже активный участник контрреволюции в 1917 г. и в последующие годы, в ходе ожесточенной борьбы он убедился в неизбежности краха того режима, которому сам верно служил. Разочаровавшись в «белом движении», он эмигрировал и отошел от общественных дел. Энгельгардт пережил многих сверстников и сподвижников и под конец жизни возвратился на родину. «...После долгих лет разочарований, сомнений, исканий, славная победа под Москвой убедила меня в правильности пути, на который стала моя Великая Родина», — писал он в воспоминаниях «Потонувший мир», законченных в 1953 г.⁶¹

В мемуарах он сделал попытку критически осмыслить события, свидетелем и участником которых ему пришлось быть⁶². Его мемуары раскрывают систему обучения и вос-

⁶¹ ОР ГБЛ. Ф. 218. П. 305. Ед. хр. 1. Л. 82. Небольшая часть мемуаров Б. А. Энгельгардта опубликована в 1964 г. в «Военно-историческом журнале» (№ 1, 5, 8—10).

⁶² В десятилетнем возрасте Б. А. Энгельгардт (1877—1962) был определен в привилегированное учебное заведение — пажес-

питания будущих офицеров-генштабистов в привилегированных учебных заведениях, характеризуют их мировоззрение и те устои, на которых оно формировалось, а в отдельных случаях и переживало эволюцию. Энгельгардт в конечном счете прослеживает процесс выхода реакционного офицерства на политическую арену. А так как по службе, в личных отношениях и в политической деятельности ему пришлось сталкиваться с очень многими офицерами, генералами, лидерами контрреволюции (среди них были братья Треповы, Алексеев, Гучков, Врангель, Корнилов, Скоропадский, Родзянко, Милоков, Колчак, Керенский, Маниковский, Маннергейм, наконец великие князья и сам Николай II), то и картина получается многообразная, изобилующая оттенками, свойственными разным слоям контрреволюции. Да и сам он был весьма характерной фигурой среди представленных на страницах мемуаров его единомышленников. Описывая свою эволюцию, сравнивая ее с поведением и умонастроением других военных и общественных деятелей, он раскрывает внутреннее состояние основного ядра российской контрреволюции.

Большое место в мемуарах Энгельгардта занимает деятельность различных контрреволюционных обществ в 1917 г., в том числе тайных военных организаций, к которым он принадлежал сам. За строками их программных деклараций, рассчитанных на обывателя, в котором контрреволюция искала социальную опору, мемуары помогают различить ее подлинные цели и замыслы. Воспоминания Энгельгардта дают представление о процессе формирования контрреволюционных сил, во многом определившем в дальнейшем характер и силы белогвардейского движе-

кий корпус. В качестве камер-пажа императрицы Марии Федоровны участвовал в церемонии коронации Николая II. В чине корнета лейб-гвардии, поручика, штабс-ротмистра, а затем есаула и капитана служил в царской гвардии и Забайкальском казачьем войске, окончил Академию Генерального штаба, участвовал в русско-японской войне, был ранен. В 1908 г. в чине полковника вышел в отставку и поселился в имении Буда Могилевской губернии. В 1912 г. был избран членом Государственной думы 4 го созыва. Свыше года исполнял обязанности начальника штаба гвардейского корпуса на фронте, после чего работал в Особом совещании по обороне. После Февральской революции — председатель военной комиссии, образованной Временным комитетом Государственной думы, военный комендант Петрограда. С. 1920 г. — в эмиграции (шофер такси в Париже, тренер на рижском ипподроме, библиотекарь, переводчик в учреждениях гидрометеослужбы).

ния. В ряде глав автор и показывает эти силы в действии уже в годы гражданской войны.

При всей добросовестности автора мемуаров — он не находил возможным скрывать или подкрашивать свои убеждения того времени — на истолковании событий и на характеристиках лиц, которыми насыщены мемуары, сказываются, конечно, те представления, которые Энгельгардт разделял большую часть своей жизни. Признавая, что они оказались несостоятельными, что история их опрокинула, он в поисках объяснений тем или иным явлениям очень часто не может освободиться от привычных воззрений, а стремление преодолеть их нередко оборачивается непоследовательностью и противоречиями в собственных суждениях. Это особенно проявляется в мотивировке контрреволюционных настроений в окружавшей его среде. С одной стороны, Энгельгардт неоднократно указывает на многое, что связывало генералов, офицеров, чиновников с политическим строем царской России, на их заинтересованность в сохранении его экономических устоев. С другой же стороны, также не раз говорит о том, что знакомые ему контрреволюционеры не имели корыстных интересов, которые определяли бы их политическую позицию, и мотивирует ее разного рода якобы чисто идейными побуждениями, подчас примитивно объясняет «демократическим» происхождением того или иного генерала (например Алексеева, Корнилова и др.).

О подготовке офицеров, их воспитании, службе, их различных социальных типах в последние десятилетия царизма вспоминает исполненный совсем других впечатлений бывший полковник старой армии, а затем первый главнокомандующий Вооруженными Силами Советской Республики И. И. Вацетис (1873—1938).

Он родился и вырос в семье батрака и с ранних лет сам батрачил, в полную меру извещал долю нещадно эксплуатировавшихся «серыми баронами» латышских бедняков. Оглядываясь потом, в 1919 г., назад, он напишет о своем детстве: «Больше всего я завидовал тем, кто мог хорошо поесть, хорошо выспаться и хорошо одеваться. Вероятно, такого рода зависть проснулась во мне прежде всего потому, что я был лишен всех этих благ. Я видел, что дети богатых учились в городе, их возили туда на собственных лошадях, родители могли платить за учебу. Многие учились плохо, некоторые вовсе учиться не хотели... Я хотел учиться... но мои родители не имели денег... С самой ранней юности я сознавал всю несправедливость на земле и

все обиды, которые терпели бедные люди»⁶³. Это, может быть, вначале и не сознание, а ощущение, чувство сопровождало Вацетиса всю жизнь — и когда он, уже юношей, учился в рижском унтер-офицерском батальоне, и потом, в Виленском юнкерском училище, и, наконец, в Академии Генерального штаба. Сначала оно толкало его к тому, чтобы выбиться в люди, вырваться из того безысходно-бедственного состояния, в каком находились родители, братья, сестры, все родственники, сверстники, стать врачом, пастором, адвокатом — кем угодно, только не остаться батраком. Позже возникло желание подняться над этой средой и найти способ, чтобы «помочь бедным людям лучше устроить свою жизнь»⁶⁴. С этим сочеталось другое усвоенное с ранних пор и чувство и сознание: «С малолетства я был отучен верить, что для меня откуда-то неожиданно свалится какое-то счастье. Всего надо добиваться самому, честными и разумными путями»⁶⁵. Такое сознание выкристаллизовалось в упорное, всепреодолевающее стремление к знаниям, которые только и могли создать превосходство над богатыми бездельниками, принуждаемыми учиться без желания и необходимости.

Все это определило совсем иную позицию в поведении и вообще в отношении к действительности по сравнению с той, какую богатство и знатность обеспечивали Лукомскому, Энгельгардту, Игнатьеву и другим выходцам из верхних слоев общества, оказывавшимся чуть ли не одноклассниками и сослуживцами плебея Вацетиса.

Автобиография «Моя жизнь и мои воспоминания» написана им в августе — октябре 1919 г., когда в силу вынужденных обстоятельств Вацетис получил перерыв в своей кипучей, заполненной до отказа деятельности. Это не был все же «относительно более спокойный момент» в его жизни, как сообщается во вводной статье к публикации воспоминаний⁶⁶. Вацетис находился тогда под следствием в связи с возведенными против него обвинениями⁶⁷, и это должно давать представление о том, насколько серьезно должен был он продумывать и освещать свой жизненный путь, работая при таких обстоятельствах над автобиографией.

⁶³ Даугава. 1980. № 2. С. 93.

⁶⁴ Там же. С. 93.

⁶⁵ Там же. № 3. С. 89.

⁶⁶ Там же. № 2. С. 90.

⁶⁷ В. И. Ленин и ВЧК: Сб. документов: (1917—1922 гг.). М., 1975. С. 226, 236—237.

Рукопись — около 270 страниц формата листа писчей бумаги, исписанных карандашом, — была обнаружена в 60-х годах в Центральном государственном архиве Советской Армии и в сильно сокращенном виде опубликована в журнале Союза писателей Латвии «Даугава» в 1980 г. объемом около 4 авторских листов, что, вероятно, составляет около трети ее. Публикация, безусловно, охватывает основное содержание воспоминаний, хотя в случае предоставления для нее большей площади она могла бы быть и более полной. Приходится вместе с тем отметить и некоторые погрешности, допущенные, очевидно, вследствие неразборчивости почерка или повреждений автографа⁶⁸. Это делает необходимым, пользуясь публикацией, в тех случаях, когда авторский текст воспроизводится в ней не совсем точно или с пропусками, прибегать к подлиннику.

Всматриваясь критическим взглядом в прошлое, Вацетис подмечает там те стороны армейской жизни, которые совсем в ином свете представлены в свидетельствах других мемуаристов. Обратим внимание на такое, например, его заявление: «Было принято считать, что офицерская среда осталась глуха и индифферентна к политическим явлениям внутри государства. Это не совсем так. Многие офицеры были основательно знакомы с новейшими политическими течениями и с глубоким интересом следили за той борьбой, которая происходила внутри государства на революционной почве»⁶⁹. И Вацетис рассказывает, как обстояло дело с этим в воинских частях, в Академии Генерального штаба, в действующей армии. Если в частях «в офицерских собраниях разговоры на политическую тему не допускались и могли вестись только по квартирам», то в Академии Генерального штаба в курсовых докладах слу-

⁶⁸ Вот некоторые примеры. 1) В публикации: «Училище мне рисовалось вроде мастерской с пороховым двигателем, где нас обрабатывали, а потом... раскидывали по всей матушке России» (Даугава. 1980. № 4. С. 72). В рукописи: «...училище мне рисовалось вроде мастерской с паровым двигателем, где нас обрабатывали, а потом... раскидали по всей матушке России» (ЦГАСА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 72 об.). 2) В публикации: «Когда я увидел, что наше военное министерство формирует (в начале мировой войны. — В. П.) XII армию, для меня стало ясно, что война на этот раз станет международным делом...» (Даугава. 1980. № 5 С. 93). В рукописи же речь идет о формировании не одной 12-й, а двенадцати армий (ЦГАСА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 106 об.). 3) В публикации: «У меня в батальоне были рабочие-специалисты, на них я больше всего полагался в критические минуты» (Даугава. 1980. № 5. С. 93). В рукописи: «рабочие-социалисты» (ЦГАСА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 107).

⁶⁹ Даугава. 1980. № 4. С. 74—75.

пателей-офицеров «обязательно требовалась совершенно свободная критика и всестороннее обсуждение политических вопросов. От будущего офицера Генерального штаба ждали совершенно зрелого отношения к вопросам перво-степенной важности внешней и внутренней политики». Отношение разных категорий слушателей к такой воз-можности Вацетис характеризует следующим образом: «Аристократы (гвардейцы) старались обходить этот вопрос из щепетильности или других расчетов. Мы же — глубо-кая армия — наводили критику с оглядкой, из недоверия ко всему происходившему: нам казалось, что это ловушка, что это средство, в котором скрыта возможность и попытка начальства выведать политическое кредо слушателя ака-демии. В некоторых случаях так оно и было. Я это испы-тал на себе»⁷⁰.

Такое свидетельство, между прочим, делает понятным и признание Деникина, ратовавшего за отчуждение офи-церов от политики и за удержание армии «вне политики», в том, что его собственное политическое мировоззрение, которое он «дones нерушимо до революции 1917 года», сложилось в годы учения в академии. Вообще становится более ясным, чего стоят все рассуждения идеологов контр-революции о политической нейтральности офицерства и армии, повторяемые иногда нынешними буржуазными ис-ториками.

Воспоминания Вацетиса ценны зафиксированными в них наблюдениями о способах отбора царизмом офицеров для службы на наиболее ответственных постах, на кото-рых обеспечивалась надежная охрана устоев самодержав-ного строя; Вацетис запечатлел и способы воспитания сол-дат царской армии в рабской покорности самодержавию.

Здесь мы видим, таким образом, мемуары трех основ-ных типов: 1) последовательного контрреволюционера, пером которого водили горечь поражения и жажда ре-ванша (Лукомский); характерной чертой таких мемуаров является стремление разобраться в причинах неудач контрреволюции и вывести поучение для дальнейшей борь-бы за реставрацию свергнутого революцией строя; 2) участ-ника контрреволюционного движения, разочаровавшегося в нем и признавшего историческую неизбежность краха старого строя (Энгельгардт); этим мемуарам свойственно критическое отношение к самой идее контрреволюционно-го движения, признание беспочвенности былых вождеделе-

⁷⁰ Там же. С. 75.

ний и замыслов его участников; 3) мемуары офицера, получившего в условиях царизма высокую военную подготовку и поставленного на службу эксплуататорскому государству, но осознавшего классовую противоположность интересов народа и эксплуататорских верхов и в решительный момент без колебаний выступившего на стороне революции (Вацетис); подобные мемуары носят бескомпромиссный разоблачительный характер.

Авторы всех этих мемуаров видели контрреволюцию изнутри, на всех этапах ее истории, в процессе ее формирования, роста и падения, но каждый из них оценивает ее под своим углом зрения, подмечает разные ее стороны и особенности. Сопоставление их взглядов как между собой, так и с другими данными, зафиксированными в разного рода источниках, позволяет выяснить состояние и методы действий враждебного революции лагеря с наибольшей полнотой и достоверностью.

В ряду мемуарных источников, представляющих безусловную ценность для освещения настоящей темы, можно назвать также хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина записки генерала Е. З. Барсукова «Мое военное прошлое»⁷¹; воспоминания генерала А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю», неоднократно издававшиеся у нас начиная с 1939 г.; воспоминания А. А. Самойло «Две жизни» (1958 г.); записки Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, опубликованные в 1966—1967 гг. в «Военно-историческом журнале», а затем в сборнике его избранных работ «Воспоминания. Военно-научные труды» (1974 и 1982 гг.).

Итак, разнообразие источников как одной, так и другой стороны открывают широкие возможности освещения тех звеньев реального процесса классовой борьбы, которые остаются пока не включенными в ткань научного исследования. Выявление таких пробелов, а затем и ликвидация их — естественный путь воссоздания революционного процесса в том виде, каким он был в действительности. Такой подход отвечает важнейшему требованию марксистско-ленинской науки в освещении классовой борьбы — идет ли речь о длительном ее процессе, о том или ином этапе ее истории или крупном событии, явлении и т. д. — давать ее в целостном виде, в противоборстве сторон, исходя из того, что «революции без контрреволюции

⁷¹ Орывки опубликованы в альманахе «Литературный Смоленск» (1957. № 16).

не бывает и быть не может»⁷² и что все пережитое нами представляет собой «одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике»⁷³.

Таким образом, названные источники помогают нам воспроизвести деятельность одной из главных сил контрреволюции, оказавшейся на авансцене политики в решающий для судеб страны момент, и это будет означать не просто заполнение обнаруженного в литературе пробела, а и еще один шаг вперед в преодолении одностороннего изображения картины классовой борьбы в годы трех революций в России. Должно при этом заметить: только что приведенные соображения Ленина о взгляде на общественное движение как на целостный процесс, в котором взаимосвязаны революция и контрреволюция (ранее такой подход к анализу общественных движений продемонстрировали Маркс и Энгельс в работах о революции и контрреволюции в Германии, о гражданской войне во Франции и др.), были высказаны им в борьбе против кадетской либерально-буржуазной трактовки уроков первой русской революции.

И тут нельзя пройти мимо того прецедента в изображении другой великой, имевшей всемирно-историческое значение революции, на который обратил в свое время внимание академик Е. В. Тарле. Он так характеризовал описание революционного террора в работах французского буржуазного историка Ипполита Тэна и его последователей: «Представьте себе картину, которая показывала бы сцену жесточайшей, смертельной схватки двух бойцов; затем представьте себе далее, что фигуру одного из бойцов старательно замазали так, что эта фигура слилась с фоном и совсем исчезла с картины. Что получится? Пред вами будет метаться одинокая оставшаяся фигура какого-то буйного сумасшедшего, который с яростью бьет кулаками по воздуху, свирепо выкатив глаза, с гневом глядит в пустое пространство и напрягает все силы, чтобы одолеть какое-то несуществующее видение, порожденное его больным мозгом. Таков Комитет общественного спасения в интерпретации бесчисленных фальсификаторов истории Французской революции». Для того чтобы исчезла с полотна фигура противника, в смертельной схватке с которым продолжал биться оставшийся на картине боец, указывал Е. В. Тарле, потребовалось очень немного: промолчать о

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, С. 171.

⁷³ Там же. Т. 16. С. 119.

переписке Марии-Антуанетты с ее братом, австрийским императором; пройти мимо усиленных ежедневных и ежечасных призывов к интервенции, исходивших от эмигрантов-монархистов; ни слова не сказать о долгой войне, которую англичане вели на западе Франции руками вандейских крестьян, а на юге — руками роялистов Тулона, словом, потребовалось закрыть глаза на тот факт, что при деятельнейшем участии контрреволюционеров готовились кровавая расправа с народом и раздел Франции между соседними монархическими государствами.

Е. В. Тарле вскрыл ухищрения реакционных историков, написавших злобные пасквили на Великую французскую революцию. На ряде примеров он показал, чем могли бы быть заполнены пробелы в этих сочинениях, если бы это было не умышленно одностороннее изображение революции. «Мы готовим розги,— заявляли собравшиеся в Кобленце эмигранты-монархисты,— нужно будет пересечь всех тех, кого не перестреляют прусские и австрийские пули»; «Те, которые выехали из Франции,— с иронией и гадливостью свидетельствовали некоторые из их иностранных „союзников“,— решили, вернувшись, перевешать всех, кто там остался»; «Париж нужно съехать целиком, с детьми,— говорили любезности эмигрантам в Майнце прусские офицеры,— потому что каких детей могли породить якобинцы». Здесь, как можно видеть, приведены свидетельства, исходившие из лагеря врагов революции — эмигрантов и интервентов. «Разве можно было бы придумать,— писал Е. В. Тарле,— более действенную пропаганду в пользу самой беспощадной революционной борьбы, чем все эти откровенные высказывания?»⁷⁴.

Слишком ли в далекое прошлое углубляемся мы здесь вместе с Евгением Викторовичем Тарле? В самом деле, он писал это в 1939 г., в день 150-летия взятия восставшим народом Бастилии. Но этот день уже более ста лет почитается национальным праздником Франции. А между тем не так уж давно, в мае 1976 г., другому нашему историку, А. З. Манфреду, пришлось на советско-французской конференции историков защищать честь и достоинство Великой французской буржуазной революции от французских же и английских историков, избравших в последнее время попятное — «назад к Ипполиту Тэну» — направление в освещении ее. А. З. Манфред ставит вопрос: почему некоторые зарубежные авторы стали вдруг из добросовестных

⁷⁴ Тарле Е. В. Сочинения. М., 1961. Т. 11. С. 830—831.

историков подвигов французского народа эпохи революции превращаться в его хулителей, из передовых представителей прогрессивной исторической науки — в ее врагов, «чем, собственно, вызваны эти опоздавшие крайнее раздражение, крайняя неприязнь к Великой французской революции», «почему именно теперь сочтено своевременным атаковать ее по всему фронту?» И дает ответ на этот вопрос: «Разгадка довольно простая: стрелы, направленные против Французской революции XVIII в., целят дальше,— это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции»⁷⁵.

Западные советологи, действительно, проделывали нечто подобное и с первой в мире социалистической революцией. Их «комбинированный» поход против той и другой революции, развернувшийся в разгар холодной войны в англо-американской историографии, стимулировался потом начавшейся в 70-х годах политической атакой на левые силы во Франции. Его ясно выраженная цель состояла в компрометации марксистской теории революции, развенчании представлений о роли народных масс в истории и значении их революционной борьбы. В истории Французской революции особенным нападкам подвергся ее якобинский этап, который стал рассматриваться не как необходимый, высший этап революции, обеспечивший победу над контрреволюцией и интервенцией, закрепление буржуазных завоеваний, а как «время величайших бед», наполненное разгулом террора и насилия, которому будто бы положила конец термидорианская Директория⁷⁶.

Пересыная историю Французской революции прямыми выпадами против русского Октября, реакционные историки стремятся всех тех, кто пытается связать свою судьбу с социалистическим выбором человечества, убедить в том, что любая революция сводится к насилию и террору. В том же духе истолковывается Октябрьская революция и в специальных работах. Народное движение в России в 1917 г. представлено в работах Марка Ферро как «разгул анархии», пробуждение в массах «врожденной жажды насилия и погромов», проявление якобы «векового инстинкта» русских к разрушению, ниспровержению любых порядков и авторитетов. Октябрьская революция, по

⁷⁵ Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983. С. 408—410, 416—419.

⁷⁶ См.: Афанасьева Ю. Н. Историзм против эклектики: Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980. С. 216—224, 250.

его утверждению, «травмировала» русское общество, учредила и узаконила насилие⁷⁷.

Когда еще только входила в силу так называемая «реинтерпретация» Французской революции в духе Ипполита Тэна, один из крупнейших историков Франции — Жорж Лефевр задавался вопросом, почему она встречается в его стране одобрение, и решил его совершенно недвусмысленно: «Не приходится сомневаться в том, что это отражает идеологическую эволюцию господствующего класса под влиянием демократического натиска, и главное натиска русской революции; чувствуя себя в опасности, он отрекается от восстания предков, обеспечивших ему преобладание, потому что видит в нем опасный прецедент»⁷⁸. Этого стимула своих исследований не скрывает, собственно, и Марк Ферро: в вышедшем в 1976 г. втором томе своей «Революции 1917 года», озаглавленном «Октябрь: рождение одного общества», он заявляет, что его работа призвана «заполнить различные пробелы» в истории революции и «заставляет задуматься о нашей эпохе; история СССР нам представляется не как уникальное, чуждое, безвозвратное прошлое, но как один из вариантов модели развития, общей для стран, которые революционным способом, радикально меняют режим»⁷⁹.

Когда слуги европейской буржуазии обвиняли большевиков в терроре, Ленин писал американским рабочим: «О, как гуманна и справедлива эта буржуазия!» — и сравнивал террор той и другой стороны: «Буржуазия международного империализма перебила 10 миллионов человек, искалечила 20 миллионов на „своей“ войне, войне из-за того, английский или немецким хищникам господствовать над всем миром.

Если наша война, война угнетенных и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров, будет стоить полумиллиона или миллиона жертв во всех странах, — буржуазия скажет, что первые жертвы законны, вторые преступны». Но все революции учат той истине, «что не может быть успешной революции без *подавления сопротивления эксплуататоров*. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся

⁷⁷ Там же. С. 233—238.

⁷⁸ Цит. по: Там же. С. 223.

⁷⁹ Там же. С. 235, 238.

тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это»⁸⁰.

Нет нужды доказывать, насколько вся последующая практика революционного движения подтвердила эту истину, завещанную рабочим, как напоминал Ленин, их учителями, основателями научного социализма, рядом с которыми стоит и лучший продолжатель их учения. И когда меньшевики и эсеры требовали, чтобы большевики «отказались от террора» как раз в то время, когда против Советской России был развязан «террор миллиардеров всей Антанты, всего союза богатейших стран, устраивающих заговоры в России», то сознательные рабочие и крестьяне понимали, что такие требования исходят от пособников белогвардейцев⁸¹.

Задача настоящей работы — тоже «заполнить различные пробелы» в истории нашей революции, которые иногда создаются, как можно видеть, путем затушевывания на картине противостоящей фигуры.

Было бы, однако, неверно сбрасывать со счетов заинтересованность буржуазной историографии в реалистическом анализе военного опыта прошлого, в изучении исторических уроков классовой борьбы. В «русских делах» прежних времен буржуазные историки и политологи интересуются в первую очередь лагерем контрреволюции, пытаются дознаться, на чем споткнулись Романовы, а за ними Милюковы, Керенские, Корниловы, Деникины, Колчаки, что за ошибки и просчеты они совершили, проводящие будто бы к банкротству антикоммунизма на громадной — в 1/6 земной суши — территории.

Еще в первые годы Советской власти предшественники нынешних советологов признавали: «Россия представляет собой огромную лабораторию... Влияние революционной России распространяется на все страны и все расы. Те силы, которые сейчас бурлят в России, — великие силы. Прямо или косвенно они влияют на ход событий не только в Европе, но также в Азии и Америке». Это писалось в 1920 г., а в 1967 г. Джордж Кеннан, один из наиболее крупных советологов США, обращал внимание на выявившиеся за 50 лет последствия Октябрьской революции. «Те из нас на Западе, — заявлял он, — кто никогда не могли согласиться с правильностью классических посылок марксизма-ленинизма», получили возможность убе-

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 59—60.

⁸¹ Там же. Т. 39. С. 157.

даться, что эти послышки имеют прямое отношение «к основным социальным и экономическим проблемам нашего времени», и «признать, что нынешние носители русской революционной традиции (хотя мы не можем симпатизировать их идеям) сыграли большую роль в формировании реального мира нашего времени. Их революция ныне безоговорочно стала составной частью истории»⁸².

И дело здесь вовсе не в платоническом интересе к русскому Октябрю. Определить свое отношение к нему важно «потому,— писал в 1966 г. профессор истории Принстонского университета (США) Джеймс Биллингтон,— что теперь почти миллиард людей на земном шаре заявляют, что они являются наследниками и защитниками Русской революции», и что «силы, вызванные к жизни переворотом 1917 г., дают о себе знать еще энергичнее и еще ощутимее, чем силы, порожденные Французской революцией 1789 г.» и веком буржуазной революции. Еще раньше, в 1958 г., английский историк Х. Сетон-Уотсон раскрывал суть проблемы более ясно: «Сегодня, когда различные типы национальных и социальных движений возникают во многих районах мира — от Перу до Нигерии и от Ливана до Филиппин, история последних десятилетий императорской России представляет собой более, чем академический интерес. Она проливает свет на некоторые проблемы, неотвратимо возникающие перед государственными деятелями наших дней и приводящие к множеству ошибок, которых они могут с успехом избежать»⁸³.

Если такие мысли владели идеологами империализма в 50-е и 60-е годы, то они должны были перерасти в тревогу в результате нового революционного сдвига в политической жизни мира, повлекшего за собой крутые перемены в расстановке классовых сил на международной арене,— крушения колониальной системы империализма, завершившегося в 70-е годы, и выделения из числа молодых национальных государств значительной группы стран, придерживающихся социалистической ориентации⁸⁴.

Когда пером советолога водят опасения, как бы из-за неверной, неквалифицированной оценки опыта револю-

⁸² Цит. по кн.: *Игрицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974. С. 20, 78.

⁸³ Цит. по кн.: *Критика буржуазной историографии советского общества.* М., 1972. С. 14—15.

⁸⁴ См.: *Октябрь в мировом развитии // Коммунист.* 1983. № 15. С. 8.

ции в России не стать виновником ошибок в политике его государства, тогда ему приходится заменять те или иные пропагандистские версии деловым подходом в выяснении истинного положения и писать о реальных уроках классовой борьбы. «Западные ученые, — сообщает американский профессор политологии Джерри Хаф, — посвятили огромное время изучению революционного движения в России до 1917 г. и в особенности ленинского направления мысли. В конечном счете причиной такого внимания является желание понять корни и динамизм той системы, которая появилась в России после 1917 г.»⁸⁵

Указывая на распространенное среди «образованной публики и многих ученых» представление, что «большевики добились успеха не вследствие народной поддержки», а благодаря только своему «организационному оружию» — сплоченной и немногочисленной партии, Хаф находит, что при такой аргументации объяснение успеха большевиков создает серьезную проблему для западного понимания советского опыта. «Если общественные силы, которые произвели большевистскую революцию, — пишет он, — не принимаются в расчет, как это часто бывает в обобщающих рассуждениях о советской системе, то новый режим неизбежно получает вид совершенно чуждого агента, который внедрился, подобно опухоли, в беспомощный организм». Тогда, продолжает Хаф, «способность этого организма выжить» под такими ударами, как, например, вторая мировая война, «становится совершенно недоступной какому-либо пониманию, за исключением, может быть, представлений о каком-то почти мистическом и сверхчеловеческом тоталитарном господстве». Относя такие представления к области мистики и фантазий, чуждой профессиональному исследователю, Хаф предостерегает от просчетов в понимании современных процессов: «Если коммунистические движения вообще рассматриваются в свете непрофессиональных фантазий о большевистской революции, мы можем быть уведены к ошибочному в основе пониманию динамики коммунистических движений в третьем мире, со злосчастными иногда последствиями в области внешней политики»⁸⁶.

Возражая советологам, не принимающим в расчет, по его словам, «общественные силы, которые произвели большевистскую революцию», Д. Хаф сравнивает поли-

⁸⁵ *Hough J. F., Fainsod M. Op. cit. P. 34.*

⁸⁶ *Ibid. P. 38—39.*

тическую обстановку в России в 1917 г. и в Чили в 1973 г. Он говорит, что «ученые, изучающие революцию более серьезно», склонны видеть в России в 1917 г. «непрерывную волну беспорядков, которые сбросили царя в марте и которые, с короткими периодами спада, становились на протяжении года все более интенсивными». «То было, — пишет Хаф, — время конфликта, крушения авторитета, поляризации взглядов того типа, какой в более недавнее время наблюдался в Чили». Хаф далек от того, чтобы различать те и другие события по их классовому характеру, в их специфической исторической обстановке. Он не видит никакого порядка в тех волнах «беспорядков», которые характеризуют революционный процесс. Эти волны и неистовства контрреволюции — для него одно и то же. Он отождествляет их, находя общий для них критерий в оценке их результата. В его представлении исход их зависел от позиции военной силы, которую, в свою очередь, определяло умение того или иного «активного меньшинства» уловить волну недовольства «городского большинства и армии»⁸⁷. Крах корниловщины, как он замечает, «обнаружил отсутствие силы у генералов и малую привлекательность традиционного консерватизма. Когда войска, рассматривавшиеся Генеральным штабом как его самая надежная опора, более не хотели исполнять приказы своих офицеров, становилось вполне очевидным и ясным, что офицерский корпус утратил способность решать судьбу русской революции»⁸⁸.

Дав предварительно справку о том, что революции «бывают успешными, когда военная сила, поддерживающая старый режим, растаивает или приходит в упадок», чего умели, как считает Хаф, достигать большевики, он проводит параллель: «Россия 1917 года имела много общего с беспорядками и поляризацией последних месяцев правления Альенде в Чили, но в Чили солдаты исполняли приказы „чилийского Корнилова“». В России же они этого не делали, и в этом отношении, конечно, имели решающее значение война и усталость от войны»⁸⁹.

Опыт корниловщины и уроки, вытекающие из ее крушения, постоянно занимали политических и военных деятелей Запада с тех самых пор, когда это произошло⁹⁰;

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid. P. 56.

⁸⁹ Ibid. P. 72—73.

⁹⁰ См.: Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М., 1978. Т. 2. С. 660—662, 696—707.

Хаф подкрепляет свое суждение о корниловщине ссылкой на Уильяма Чемберлина (имея в виду его двухтомный труд «Русская революция», изданный в Нью-Йорке в 1935 г.), который «много лет назад» раскрывал «смысл крушения корниловского дела» и его значение для исхода русской революции. Не обходил этого «дела» на Западе, пожалуй, ни один историк, писавший о событиях 1917 г. в России. Но Хаф, хотя и повторяет принципиальные оценки корниловщины вслед за своими предшественниками, идет, можно сказать, дальше, поднимает истолкование ее на следующую ступень, сопоставляя корниловский мятеж с фактически происшедшим, удавшимся контрреволюции переворотом в Чили. Это сопоставление он делает в интересах выяснения возможных перспектив «коммунистических движений в третьем мире», в предупреждение «злосчастных последствий» непрофессионального фантазирования в оценках уроков, вытекающих из борьбы против этих движений. Здесь мы имеем, таким образом, некое напоминание реакционным хунтам об уроках российской контрреволюции и предостережение от повторения ее просчетов. И кроме того, как новая ступень в осмыслении этих уроков, уже в свете понимания «динамики коммунистических движений в третьем мире», — это еще и оценка хотя бы некоторых результатов применения современной империалистической военной школы опыта российской контрреволюции. Характерно, что из всего опыта — как корниловщины 1917 г., так и чилийской военной, впитавшей ее уроки, — советолога в первую очередь привлекает то, что составляет военную сторону того и другого опыта — приемы и способы удержания в повиновении и использования в реакционных целях военных сил.

На протяжении почти двух десятилетий — с конца 40-х до начала 60-х годов — в США утверждалась ортодоксальная школа советологии, которая, по словам профессора Принстонского университета Стивена Коэна, «стала воинствующей отраслью науки, живущей актуальными политическими интересами и усматривающей свое назначение в изучении противника»; ее бурный рост и высокая активность «в основном, обусловлены внешними политическими обстоятельствами, а не чисто научными интересами»⁹¹. Так развивалась американская советоло-

⁹¹ Коэн С. Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 года). Оксфорд, 1986. С. 16.

гия в атмосфере «холодной войны», которая характеризовалась «яростным накалом антикоммунизма и советофобии в официальной и популярной идеологии», укрепившим «единомыслие по крупным вопросам внешней и внутренней политики», и установками на «крестовый поход „за лояльность и безопасность“ против воображаемых коммунистических агентов и их влияния в США — поход, впоследствии названный маккартизмом», но выходявший «далеко за пределы маккартизма»⁹².

Ортодоксальная советология, как оценивает ее тенденции С. Коэн, в лучшем случае «выдавала полуправду за абсолютно аксиоматические истины», в худшем — «единомыслие приводило к неполному изложению фактического материала, сомнительному анализу и псевдонаучной интерпретации. Подлинные объяснения подменялись слепой предубежденностью, приклеиванием ярлыков, незыблемыми представлениями, двусмысленными замечаниями, телеологией». «Советология, — по его общему заключению, — скрывала больше, чем проясняла... Из рассмотрения исключались главнейшие рычаги реальной политики — взаимодействие государственных, исторических, социальных, культурных и экономических факторов, борьба классов, институтов, групп, поколений, идей и личностей»⁹³.

Соответственно этим установкам, указывает С. Коэн, — победу большевиков в 1917 г. советология эпохи холодной войны объясняла произволом партийных руководителей и «манипулированием массами», а победу Коммунистической партии в гражданской войне — «циничной демагогией, жестокостью и организованностью».

К 60-м годам академическая советология стала вызывать критику и альтернативные трактовки. В 60—70-х годах ее состояние стало оцениваться как кризисное. В нее пришло новое поколение исследователей с «нетрадиционными» взглядами, ощутивших ее кризисное состояние, ее неспособность «реально оценить социальные аспекты советской политики». Они подвергли критике, «ревизии» сложившееся единомыслие, отказались от фанатизма ортодоксальной школы. Принадлежность С. Коэна к новому, т. н. ревизионистскому направлению позволила ему трезво взглянуть на положение в советологии, стало ясно, что исследования его единомышленников по ряду проб-

⁹² Там же. С. 19, 21.

⁹³ Там же. С. 15, 30, 39.

лем «рассеяли чары» официальной модели, «столь долго сковывавшие советологию». Ревизионисты стали изучать гражданскую войну в России «как глубокий исторический процесс развития социальных и политических противоречий, в котором большевистская идеология оказалась привлекательной для широких масс»⁹⁴.

Развитие ревизионистского течения в советологии во все не спонтанный процесс. Оно, как отмечает С. Коэн, сформировалось под влиянием всеобщего самокритичного настроения, охватившего научный мир США после Вьетнамской войны и Уотергейта, и в немалой степени было вызвано политическими переменами в Советском Союзе, которые профессиональные советологи оказались неспособны ни предсказать, ни объяснить.

«Однако ревизионизм, — пишет Коэн, — не покончил с тоталитарной школой, которая до сих пор влияет на изучение современной советской политики. Реакция школы на вызов ревизионистов была неоднозначной и простиралась от примиренчества до упорного сопротивления». Если, указывает он, «более четкая картина революционного 1917 года уже вырисовывается», то «период гражданской войны и 40-х годов остается в основном неизученным»⁹⁵.

Возможно, что Коэн несколько преувеличивает успехи ревизионистского направления в американской советологии. Гораздо сдержаннее говорит о значении этого направления в политической жизни США директор Центра русских исследований Гарвардского университета профессор Адам Улам. Он никогда, по его признанию, «не одобрял аргументов ревизионистов». Приветствуя «существенные достижения в деле смягчения напряженности в отношениях между двумя сверхдержавами и в создании фундамента нормальных, дружественных отношений между Москвой и Вашингтоном», Улам находит нужным «задерживать внимание на беспокойном прошлом», которое «все еще оказывает значительное влияние на настоящее»⁹⁶.

⁹⁴ Там же. С. 30.

⁹⁵ Там же. С. 41—42.

⁹⁶ Улам А. Помнить о прошлых ошибках, чтобы избежать их в будущем // Известия. 1989. 10 марта.

Часть первая

ВОЙНА НА ВНУТРЕННЕМ ФРОНТЕ

«Постоянное войско везде и во всех странах,— писал В. И. Ленин в ноябре 1905 г.,— служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага»¹. Именно с этой функцией военных сил империализма связана постановка марксистами вопроса о ликвидации постоянной армии как орудия насилия и важнейшей составной части аппарата эксплуататорского государства.

В исторической литературе эта функция царской армии остается менее освещенной по сравнению с ее действиями в войнах с внешним противником. Известно немало сочинений о разных сторонах развития военной мысли и военного искусства. Однако это же самое искусство применялось и для военного подавления революции, воспитания при помощи армии рабской покорности трудящихся капиталу. Не изучив этой стороны дела, нельзя полностью понять действительную силу репрессивного аппарата эксплуататорского государства и величайшей трудности борьбы против него.

Историк революционного движения в русской армии В. А. Петров проследил, как возрастало значение карательной функции царской армии на протяжении конца XIX — начала XX в.

В 1895—1900 гг. число солдат, вызванных «для содействия гражданским властям» при подавлении стачечного движения, колебалось от 10 до 20 тыс. человек ежегодно. В последовавшие затем годы массового рабочего и крестьянского движения что ни год происходят скачки: в 1901 г. для той же цели было вызвано свыше 55 тыс. солдат, в 1902 г.— 107 тыс., в 1903 г.— 160 тыс., а в 1905 г. в борьбе с революционным народом участвовало 3 млн 400 тыс. человек. Если учесть, что на 1 января 1905 г. в армии было всего 1032 тыс. солдат, то выходит, что количество привлеченных к борьбе с революционным движением в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 113.

1905 г. более чем в три раза превышало численность всей русской армии того времени (при подсчетах В. А. Петров суммировал повторяющиеся вызовы: вызов одной роты 3—4. раза приравнивал к единовременному вызову 3—4 рот) ².

Если же сравнить количество войск, направленных в 1905 г. на борьбу против революции, с общей численностью сухопутных сил на русско-японском фронте (около 98 тыс. человек кадровой армии, 24 тыс. человек пограничной стражи, около 1200 тыс. мобилизованных за время войны) ³, то ясно будет, насколько обоснован вывод Ленина о том, что армия эксплуататорского государства служила «не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага»: на внешнем фронте оказалось в 2,5 раза меньше войск, чем на внутреннем. Недаром спустя три года после русско-японской войны, когда и революция уже была задушена, один из организаторов партии октябристов, М. А. Стахович, не мог отделаться от впечатлений тех лет: выступая 31 мая 1908 г. на заседании Государственного совета, он уверял, что «страшнее всех японцев недовольный народ» ⁴.

Итак, *меньше полутора миллионов* штыков и сабель на внешнем фронте во время войны с Японией ⁵ — и *почти три с половиной* миллиона на внутреннем, против народа. Эти данные наполняют конкретным содержанием ту характеристику действий царизма внутри страны, которую дал Ленин в начале 1905 г., заявив, что правительство «начинает гражданскую войну» ⁶. Тогда еще не могло быть известно, какие размеры примет участие войск в этой войне, и Ленин судил в основном по тому, что правительство в помощь полиции стало организовывать «черные сотни» из реакционных элементов населения, натравливая тем самым одну часть народа против другой. Но то, что в войну против народа вовлекались эти «черные сотни», уже говорит о том, что тремя с половиной миллио-

² Петров В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1964. С. 5; *Он же*. Царская армия в борьбе с массовым революционным движением в начале XX века // Ист. зап. 1950. Т. 34. С. 321—332.

³ Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стб. 400.

⁴ Государственный совет: Стеногр. отчет: 1907—1908 гг. Сессия 3. Спб., 1908. Стб. 1514.

⁵ Год русско-японской войны, о котором идет речь, — это время с февраля 1904 по март 1905 г.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 334.

нами штыков и сабель силы царизма на внутреннем фронте не исчерпывались. На войну со стороны царизма пролетариату ничего не оставалось, как ответить тем же. «Мы тоже стоим за гражданскую войну, — писал в февралю — марте 1905 г. Ленин. — Уж если где мы чувствуем себя особенно надежно, так именно на этом поприще, в войне громадной массы угнетенного и бесправного, трудящегося и содержащего все общество многомиллионного люда против кучки привилегированных тунеядцев»⁷.

«Война на внутреннем фронте», как и «гражданская война», — эти выражения были для того времени вовсе не метафорами и не плодом воображения большевиков. Можно ли говорить об их переносном значении или нереальности по отношению к форменным боям правительственных войск против безоружных демонстрантов или плохо вооруженных рабочих дружин и отрядов? Само правительство Николая II смотрело на эти бои совершенно серьезно. Об этом говорят не только приведенные цифры.

Чрезвычайные меры по охранению общественного порядка, установленные законами империи, состояли не только в прекращении действия постановлений, обеспечивающих элементарные гражданские права, но и в передаче общих административных функций военным властям и в замене общих судов военными. Высшей степенью чрезвычайных мер эти законы признавали «военное или осадное положение», при котором соединяются все перечисленные меры. По царскому законодательству, на военном или осадном положении объявлялись местности, входящие в район театра военных действий и имеющие особо важное значение с точки зрения государственных или специально военных интересов, причем военное положение вводилось с объявлением мобилизации, и тогда власть в такой местности переходила к военному командованию.

Но царизм прекрасно понимал, что вооруженная борьба на внутреннем фронте — это тоже война, и законы, предусмотренные для внешней войны, автоматически переносились на внутреннюю. В «Военной энциклопедии» дореволюционного времени можно найти такую справку: «Предназначаемое, в виде общего правила, для местностей, входящих в район театра военных действий, военное положение впервые получило свое применение при внут-

⁷ Там же.

ренной смуте в 1905 г. в г. Баку и Бакинской губернии»⁸. Это произошло, точнее говоря, в самом начале революции: «для обеспечения общественной безопасности от происходящих в г. Баку и Бакинской губернии беспорядков» Николай II по докладу министра внутренних дел 18 февраля объявил город и губернию на военном положении⁹.

Признавая этот факт первым случаем применения военного положения «при внутренней смуте», энциклопедия 1912 г. исходила исключительно из формально-бюрократических оснований. Дело в том, что в отличие от военного положения в царском законодательстве предусматривались и другие виды исключительного положения, вводившиеся тогда, «когда постоянные законы, имеющие целью охранение общественного порядка и спокойствия, признаются недостаточными и восполняются временными исключительными мерами», сущность которых заключается «в расширении пределов власти административных учреждений и в ограничении гражданской свободы». Положением «о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утвержденным Александром III 14 августа 1881 г., устанавливалось два вида охраны: усиленная (применявшаяся «в случаях нарушения общественного спокойствия преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц») и чрезвычайная (вводилась, «когда такими посягательствами население известной местности будет приведено в тревожное состояние»)¹⁰. В условиях как усиленной, так и чрезвычайной охраны «высшее направление действий» оставалось за гражданской администрацией — генерал-губернатором или главноначальствующим, которые пользовались в основном полицейскими средствами власти (но имели право вызывать и воинские команды «для содействия гражданским властям»); с введением же военного положения (согласно «Положению о местностях, объявляемых на военном положении» 1892 г.) устанавливались военные порядки и все управление и суд переходили к военным властям.

Более чем за месяц до того, как было введено военное положение в Баку и Бакинской губернии, на военном положении находились фактически Петербург и Петер-

⁸ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6. Стб. 413.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 25. 1905. Отд-ние 1. СПб., 1908. 25854.

¹⁰ Энциклопедический словарь/Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 22а. Стб. 508.

бургская губерния. По этому поводу Петербургский комитет РСДРП в обращении к рабочим заявлял: «Петербург объявлен на военном положении. Назначен генерал-губернатор, московский полицейский, убийца московских безоружных демонстрантов, генерал Трепов»; «город фактически на военном положении. Назначен генерал-губернатор с властью предавать военному суду, закрывать газеты и торгово-промышленные заведения, арестовывать и высылать людей, действовать военной силой, издавать обязательные постановления и наказывать арестом...»¹¹

Однако, как видим, правоведы николаевских времен не могли с такой определенностью сказать о военном положении в Петербурге и первым случаем введения его для борьбы с «внутренней смутой» сочли бакинский. Они не нашли для этого основания с точки зрения «правовой»: в указе Николая II от 11 января 1905 г., который имел в виду Петербургский комитет РСДРП, слов «военное положение» не было, сам указ назывался «Об учреждении должности С.-Петербургского генерал-губернатора», и речь в нем шла о применении «правил о положении усиленной охраны», о подчинении генерал-губернатору учреждений, казенных фабрик, заводов и мастерских «в полицейском отношении». Что касается применения военной силы, то и в указе была формулировка, также не противоречащая правилам «усиленной охраны»: «Генерал-губернатору предоставляется право вызывать, для содействия гражданским властям, войска во всех случаях, когда он признает это необходимым, и определять по своему усмотрению как род оружия, так и количество потребованных войсковых частей, которые с момента вызова действуют по его указанию»¹². Самодержавие сводило, таким образом, действия властей в столице к ликвидации «смутой», «беспорядков» якобы полицейскими средствами, не признавая тем самым права противостоящей ему воюющей стороны на ответную вооруженную борьбу.

А в столице шла настоящая война — война правительства против народа, и шла она не с 11 или 12 января, когда был издан указ об учреждении генерал-губернаторства, а с 9 января, с того момента, когда раздалась первая залпы этой войны. Война и готовилась по всем

¹¹ Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г. М., 1955. С. 153, 155.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 25. 1905. Отд-ние 1. 25642.

правилам военного искусства: на каждый день заранее составлялись для войск диспозиции, налицо был главнокомандующий (главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь В. А. Романов), непосредственное командование войсками возлагалось на командира гвардейского корпуса (генерала С. И. Васильчикова), назначались начальники боевых участков, определялся состав войск для каждого района, выделялись резервы, вызывались подкрепления из других гарнизонов. В статье «План петербургского сражения» Ленин указывал, что «правительство рассчитывало именно на сражение и действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану... Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе». Ленин раскрывал военный план царского командования, сводившийся к тому, чтобы не пропустить рабочие массы из пригородов в центр столицы: «Стратегическая задача сводилась к охране мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади», эти площади и улицы, как и сама Дворцовая площадь, явились «главными местами военных действий»¹³.

Генерал-майор Гадон, донося потом в штаб гвардейского корпуса о боевых действиях вверенного ему отряда на Невском проспекте, не упустил засвидетельствовать, что при выступлении войск на позиции «за всеми ротами следовали походные кухни, люди были тепло одеты и имели на себе по 30 боевых патронов»¹⁴. В официальном описании действий войсковых частей 9 января, составленном в Главном штабе, педантично расписывалось искусство войск в традиционном на поле боя сочетании огня и маневра: на Певческом мосту кавалерия против массы народа произвела сначала «две атаки с обнаженным оружием», после чего рота Преображенского полка «принуждена была дать два залпа», потом — снова атака гвардейцев-казаков, и толпа «была окончательно рассеяна», оставив на месте убитых и раненых¹⁵.

Командир казачьего дивизиона в донесении командовавшему войсками в Адмиралтейской части генерал-майору Щербачеву зафиксировал его приказание: «Стать ус-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 212—213.

¹⁴ Начало первой русской революции. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 68.

тупом за ротой лейб-гвардии Преображенского полка и, по производстве ею залпов, немедленно атаковать толпу и очистить от нее весь Адмиралтейский проспект до Исаакиевской площади, по исполнении сего ждать там же дальнейших распоряжений». И далее расписывал, как исполнялось это приказание: «Как только было произведено 2 залпа, 4-я сотня развернутым фронтом и полусотня 3-й сотни на дистанции 50 шагов, под мою команду, с обнаженными шашками пошли рысью на толпу... К 2 час. дня весь Адмиралтейский проспект был свободен от толпы»¹⁶.

Очевидец отметил, что в первые дни военных действий войска располагались на улицах Петербурга «бивуаками, раскладывали костры, складывали оружие. Кроме того, ходили часовые, разъезжали патрули. Сегодня (12 января) уланов сменили казаки с нагайками»¹⁷. «Почти на каждом углу в центре города, — подтверждали иностранные корреспонденты, — расположены бивуаком войска вокруг костров. Там и здесь эскадроны кавалерии»¹⁸. «Мы были именно военными корреспондентами в полном смысле — писали некоторые из них, — мы наблюдали военные действия и подвергались сами неоднократно опасности быть застреленными»¹⁹.

Отмечая, что «храбрые генералы» действовали «с успехом» против «неприятеля», т. е. рабочих, которые шли ко дворцу мирно «с голыми руками», Ленин указывал, что рабочие массы сделают из «владиминова урока» тот вывод, что «на войне надо действовать по-военному», рабочие массы, а за ними деревенская беднота сознают себя теперь «воюющей стороной», и «следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по „планам“ не одних только великих князей и царей». Уже 9 января среди рабочих на Невском проспекте, писал Ленин, раздавался призыв «К оружию!»²⁰ Иностранные корреспонденты сообщали тогда: «Толпа воздвигает проволочные заграждения на улицах Васильевского острова, чтобы помешать кавалерийским атакам... Толпа, отесненная от Дворцовой площади, отступает по Невскому. Войска стреляли три раза по отступающим.

¹⁶ Там же. С. 73.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 92.

¹⁹ Там же. С. 90.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 214.

30 убитых, много раненых. Толпа в ярости выламывает камни из мостовой и бросает в офицеров... Толпа пытается построить баррикады на Невском»²¹.

Именно на основании сообщений иностранных корреспондентов Ленин, находившийся в Женеве, делал вывод, что в России «разгорается гражданская война за свободу»²². Через несколько дней, подводя итоги кровавому воскресенью 9 января, он расценивал события этого и следующих дней как «начало революции в России». В статье, которую он так и назвал, говорилось: «Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством». Полученный великий урок вождь пролетариата видел в том, что «самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренне желавшие мирно передать „самому царю“ просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром». Это был «великий урок гражданской войны»²³.

Гражданская война, начатая самодержавием 9 января 1905 г., продолжалась в течение всей первой русской революции. Ленин пристально следил за всеми перипетиями вооруженной борьбы и последовательно, анализируя уроки боев, делал теоретическую разработку опыта этой борьбы. В написанной в сентябре 1906 г. статье «Партизанская война» он выявил историческую закономерность в развитии классовой борьбы: «В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа»²⁴. Исходя из этого, революционная социал-демократия ставила практические задачи воспитания и подготовки своих организаций к тому, чтобы они выступали по отношению к неприятелю — царскому правительству «как воюющая сторона»²⁵, а не как объект полицейских репрессий.

Но уже в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанной в июне—июле 1905 г., раскрывая оппортунизм меньшевиков, оказав-

²¹ Начало первой русской революции. С. 93.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 178.

²³ Там же. С. 201.

²⁴ Там же. Т. 14. С. 8.

²⁵ Там же. С. 11.

шихся «в хвосте монархической буржуазии», Ленин указывал, что прежние лозунги — агитации, подготовки социально-психологических условий восстания — вместо непосредственных вооруженных выступлений пролетариата «превзойдены событиями», ибо «движение ушло вперед». «Или, может быть, я ошибаюсь? — возмущался Ленин маневрами оппортунистов. — Может быть, революция еще не началась? Момент открытого политического выступления классов еще не пришел? Гражданской войны еще нет?..» И он давал отповедь прихвостням буржуазии: «Посмотрите вокруг себя, высуньтесь из кабинета на улицу, чтобы ответить на эти вопросы. Разве само правительство не начало уже гражданской войны, массами расстреливая повсюду мирных и безоружных граждан? Разве не выступают вооруженные черные сотни как „аргумент“ самодержавия?»²⁶

Важнейшим делом пролетарских революционеров становилось изучение сил и методов действий классового врага. Недооценка его способности к сопротивлению могла пагубно отразиться на ходе борьбы, как это бывало в прежних революциях в Западной Европе. Большевики учили пролетариат, что по мере развития его борьбы силы контрреволюции будут неизбежно возрастать, и к этому нужно быть готовым. Еще Маркс в своей знаменитой работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» ставил задачу доказать, что революция 1848 г., испытавшая целый ряд поражений, «шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию»²⁷. Ход первой русской революции подтвердил это наблюдение Маркса и дал основание для того, чтобы раскрыть важную историческую закономерность. Ленин пришел к выводу, что после октября 1905 г. царское правительство «уже организовало готовую к военным действиям контрреволюцию». Сравнивая ход классовой борьбы в русской и французской революциях, он писал: «И общий ход русской революции после октября, и последовательность событий в Москве в декабрьские дни поразительно подтвердили одно из глубоких положений Маркса: револю-

²⁶ Там же. Т. 11. С. 60.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 7.

ция идет вперед тем, что создает сплоченную и крепкую контрреволюцию, т. е. заставляет врага прибегать к все более крайним средствам защиты и вырабатывает таким образом все более могучие средства нападения»²⁸.

Не могла не учитывать уроков гражданской войны и контрреволюция. Слуги самодержавия «творчески» подходили к использованию вооруженной силы на внутреннем фронте. 15 декабря 1905 г. председатель совета министров С. Ю. Витте докладывал царю об утвердившемся на заседании Совета министров мнении, что «революционные проявления подавляются ныне только благодаря доблестному поведению войск, и правительство обязано всемерно заботиться об оказании им поддержки и изыскании мер для обеспечения их от излишних потерь». От образа действий войск, считали министры, зависит успешность «подавления мятежа и ограждения при этом войск от излишних потерь». Указанные в гражданских законах правила применения оружия «в случае беспорядков» Совет министров признал неудовлетворительными и ходатайствовал перед Государственным советом об изменении их.

В чем же увидели министры неудовлетворительность правил, которыми должны были руководствоваться войска при подавлении «беспорядков»? Их беспокоило то, что в последние годы «при неоднократных случаях обращения гражданских властей к содействию вооруженной силы признавались нежелательными слишком энергичные действия, и войска, выступая против толпы, к оружию вовсе не прибегали или применяли его осторожно, главным образом в целях устрашения. Резюмируя мнение министров, Витте докладывал царю: «Теперь подобные приемы должны быть оставлены... Главным основанием деятельности войск должно быть поставлено, что коль скоро они вызваны для усмирения толпы, то действия должны быть решительные и беспощадные по отношению ко всем сопротивляющимся с оружием в руках»²⁹.

Витте просил председателя Государственного совета ускорить рассмотрение представления Совета министров. Государственный совет не заставил себя упрашивать: он незамедлительно представил Николаю II свои рекомендации о применении оружия при вызове войск «для со-

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 370.

²⁹ Революция 1905 года и самодержавие/Подгот. к печати В. П. Семеновиков. М.; Л., 1928. С. 25—26.

действия гражданским властям». «Стрельба вверх (боевыми патронами), — говорилось в заключении Государственного совета, — отнюдь не может быть допущена». Должна быть воспрещена законом и стрельба холостыми патронами. «Издание закона, запрещающего войскам употреблять холостые патроны, и неуклонное исполнение этого закона скоро приучит население видеть в войсках грозную силу, а не только средство устрашения». Государственный совет находил необходимым «определительно указать в законе, что стрельба вверх и холостыми патронами воспрещается»³⁰. Это заключение было утверждено царем и стало законом³¹.

Правительство хорошо стало понимать, что в грядущих испытаниях монархии войска останутся главным средством подавления революции. И именно на военном подавлении освободительного движения, на применении военного террора оно испытывало свою силу³².

17 декабря 1905 г. Витте докладывал царю о необходимости умирения мятежников на Сибирской железной дороге, но при этом не скрывал трудностей, на которые наталкивается решение такой задачи, и предлагал меры к устранению их. Умирение, писал он, «необходимо сделать безотлагательно». Что же этому мешает? «Вся беда, — бил он тревогу, — что нет войск». Оказывается, «военное начальство стягивает войска для учения новобранцев», а «губернаторы заявляют, что если у них отберут мелкие отряды, то губернии погибнут». И Витте предлагал: «согласовать действия военного и гражданского начальства», «урегулировать вопрос о дислокации войск сообразно политическим потребностям»³³.

Те же мысли председатель Совета министров развивал в докладе Николаю II через четыре дня: «К сожалению, мы везде посылаем войска уже после происшествия и в редких случаях предупреждаем случай. Происходит это, во-первых, потому, что, ввиду громадности империи с 136-миллионным населением, ни с какою армиею за всем не угонишься. Но вне этой общей причины имеются частные: 1) действующая армия еще за Байкалом; 2) малое количество войск, находящееся в империи, крайне ослаблено

³⁰ Там же. С. 258—259.

³¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отд. 1. № 34. 17 февраля 1906 г. С. 465—467.

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 201.

³³ Революция 1905 года и самодержавие. С. 27.

уходом отпускных без пополнения новобранцами³⁴; 3) крайняя слабость многих военачальников, преимущественно в высших чинах, и 4) несогласованность действий военных и гражданских чинов... Необходимо скорее выписать из армии выдающихся генералов и офицеров и заменить ими престарелых и неспособных... Крайний недостаток войск усугубляется несогласованностью действий военных и гражданских властей».

Чтобы покрыть недостаток войск, Витте предлагал «немедленно прибегнуть к формированию рода ополчения». Генеральная же идея, пронизывающая все рассуждения главы царского правительства, была выражена в этом докладе с исчерпывающей ясностью: «Войска были расставлены так или иначе по соображениям стратегическим, а не внутренней политики. Теперь войска должны быть призваны, главным образом, для борьбы со смутой и для поддержания государственных устоев. Очевидно, что при таких условиях дислокация должна быть образована с внутренними потребностями государства и соответственно соображениям лиц, на коих ваше императорское величество изволили возложить внутреннюю политику». Радикальное решение задачи борьбы против «смуты» Витте видел в том, чтобы «во главе правительства поставить военного человека и вручить ему, при участии министров, согласование действий всех частей управления, в том числе и военно-морского»³⁵. Смысл этого предложения станет

³⁴ Эту причину более обстоятельно Витте раскрывает в воспоминаниях: война потребовала отправки на Дальний Восток воинских частей, а также большого количества офицеров и нижних чинов из оставшихся в Европейской России частей, которые пополнялись затем призванными из запаса; задержка их на службе после заключения мира приводила к брожению среди них. «Это обстоятельство в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы в значительной степени расстроило войска, оставшиеся внутри империи» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 13—14). Призванных на время войны пришлось распустить, «так как призванный элемент развращал здоровый организм войсковых частей. Эта мера значительно уменьшила количество войск в России, и без того значительно уменьшенное вследствие ухода большей части войск за Байкал в действующую армию, но зато полсжила предел дальнейшему революционизированию армии» (Там же. С. 142—143). А в результате «воинские части, находившиеся в России и не принимавшие участия в войне, потеряли значительную часть своего состава, точно были на войне и участвовали в сражениях» (Там же. С. 147).

³⁵ Революция 1905 года и самодержавие. С. 30—32.

вполне ясен, если учесть, что по существовавшему к тому времени порядку государственного управления военный и морской министры (так же как и министр иностранных дел) подчинялись непосредственно царю, а не председателю Совета министров. Внесением своего предложения Витте ставил вопрос не о чем ином, как об установлении военной диктатуры — чрезвычайного способа организации борьбы с революцией.

Рассмотрев этот доклад, Николай II потребовал от Совета министров разработать проект мероприятий, «способных устранить как аграрные беспорядки, так и крестьянские бунты». Для решения вопроса об изменении дислокации войск царю «благоугодно было повелеть», как записал его распоряжение тогдашний дворцовый комендант генерал-майор Д. Ф. Трепов, созвать специальное совещание под председательством Витте³⁶. «Совещание это, — сообщает Витте в мемуарах, — немедленно состоялось, и в нем были выработаны основания новой дислокации войск и определен порядок действия войск в случае местных восстаний». Основную мысль, которая была проведена в этом решении совещания, Витте формулировал так: «В случае восстания отвечать силою силе и в таком случае нежности должны быть оставлены в стороне»³⁷.

Что касается формирования ополчения для подавления революционных выступлений, то он настаивал на этом и в докладе царю 23 декабря 1905 г. «Хотя полиция усиливается, — писал он, — но все-таки она будет крайне слаба для борьбы с аграрным движением. Для этого нужно войско, а если войска нет, то необходимо немедленно его создать. Мне кажется, что другого средства, как создать экстренно ополчение, нет»³⁸. Однако Николай II по этому вопросу «высказался отрицательно и повелеть соизволил безотлагательно обсудить вопрос о формировании конно-полицейской стражи, хорошо вооруженной, которую расквартировать по городам и железнодорожным узлам»³⁹. Такое решение было продиктовано, конечно, не большей «нежностью» царя по сравнению с председателем Совета министров и не его нерешительностью, а совсем другими соображениями. Они отразились на обсуждении этого вопроса в Совете министров и были зафиксированы в новом

³⁶ Там же. С. 33—34.

³⁷ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 155.

³⁸ Революция 1905 года и самодержавие. С. 33.

³⁹ Там же. С. 34.

докладе Витте царю: «Нельзя рассчитывать на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан, — это войско может даже явиться опасным; если дружинникам и ополченцам платить более, нежели чинам армии, то это может возбудить армию... Совет единогласно высказался, что опорой против беспорядков может быть главным образом войско, что нужно употребить все усилия, чтобы хотя часть действовавшей армии вернулась к апрелю; затем необходимо дислоцировать войска согласно внутренним потребностям страны и координировать действия военных и гражданских властей»⁴⁰.

Как бы итогом обсуждения в правящих верхах мер борьбы против революционного движения явился доклад Витте Николаю II от 10 января 1906 г. В нем говорилось: «Усиление значения войск для водворения порядка может быть достигнуто тремя путями: увеличением численности их, правильной, в соответствии с требованиями поддержания порядка внутри империи, дислокацией и установлением наиболее целесообразного способа их действия». Витте снова настаивал: «Численный состав войск зависит теперь главным образом от своевременного прибытия их из действующей армии... Я вновь осмеливаюсь представить Вашему императорскому величеству о необходимости сосредоточить внимание военного ведомства на быстрейшем передвижении в Европейскую Россию войск из действующей армии, особенно же кавалерии». Николай ответил на это представление коротким «Да»⁴¹.

Правительство, таким образом, принимало беспощадные меры борьбы против «смуты» в общеимперском масштабе. Сохранились документальные свидетельства кропотливой работы высших чинов царской администрации в этом направлении — «Журнал Особого совещания 28 января 1906 года, образованного по высочайшему повелению для рассмотрения вопросов об изменении дислокации войск соответственно внутренним потребностям империи и о мерах большей согласованности действий военных и гражданских властей при призыве к действию вооруженных сил»⁴². В журнале перечислены присутствовавшие на совещании лица: председатель Совета министров С. Ю. Витте, председатель Совета государственной оборо-

⁴⁰ Там же. С. 38.

⁴¹ Там же. С. 47.

⁴² ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6623. Л. 198—201. Типограф. экз.

ны вел. князь Н. Н. Романов, военный министр А. Ф. Редигер, министр внутренних дел П. Н. Дурново, начальник Генерального штаба Ф. Ф. Палицын, начальник Главного штаба А. А. Поливанов; присутствовали еще два чиновника в мундирах Генерального штаба: начальник штаба отдельного корпуса жандармов полковник С. С. Саввич и начальник 2-го отделения Главного штаба Мойсеенко-Великий. Это было то самое совещание, созвать которое «благоугодно было повелеть» Николаю II.

Открывая заседание, Витте предупредил, что в мае или августе можно ожидать новой вспышки крестьянского движения и что «часть мер» для должной встречи его «уже предназначена и заключается в увеличении в уездах полицейской стражи, пешей и конной, с ассигнованием на это дело до 125 млн рублей». Однако необходимо теперь уже принять «безотлагательные меры к тому, чтобы встретить крестьянские беспорядки с большим успехом, чем то было до настоящего времени». Указав, что «крестьянские беспорядки» «дадут окраску политике предстоящего года», а «предупреждение и подавление аграрного движения спасет Россию и сразу восстановит ее престиж в глазах Европы со всеми благоприятными от сего последствиями», Витте заявил, что «распределение вооруженных сил в настоящее время должно почитаться делом первостепенной государственной важности, как предназначенное для парализования крестьянских беспорядков». В связи с этим «весьма ценною работою», по мнению Витте, представлялся выработанный Министерством внутренних дел проект «примерной дислокации войск в виде постоянных гарнизонов». При составлении этого проекта была «принята за основание степень вероятности возникновения крестьянских беспорядков, и сообразно этому 49 губерний Европейской России подразделены на четыре очереди»⁴³.

⁴³ К 1-й очереди были отнесены 18 губерний: Воронежская, Екатеринославская, Киевская, Курская, Могилевская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская; ко 2-й очереди — 14 губерний: Виленская, Витебская, Владимирская, Вятская, Казанская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Московская, Подольская, Санктпетербургская, Таврическая, Эстляндская; к 3-й очереди — 13 губерний: Бессарабская, Волынская, Гродненская, Калужская, Костромская, Новгородская, Оренбургская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Уфимская, Ярославская; к 4-й очереди — 4 губернии: Астраханская, Олонецкая, Вологодская, Архангельская.

Такое распределение губерний позволяло разместить гарнизоны по территории губерний каждой очереди почти равномерно с целью «обеспечить за губернаторами возможность постоянного наличия под руками достаточной военной силы в дополнение к полицейской страже» и в то же время выяснить «размер желаемых временных перемещений войск». Но вместе с тем Витте предлагал обсудить, не вызовет ли допускаемое при этом ослабление гарнизонов крепостей, а «тем более дробление войсковых организмов» другие крайне опасные явления. «Современное состояние армии, — предостерегал он, — приводит к безусловной необходимости сосредоточения частей войск к своим штаб-квартирам в целях сплочения их, установления в них строгого надзора за дисциплиной, а также и в целях наиболее успешной подготовки новобранцев»; разбрасывание же войсковых организмов частями ставит их «вне непосредственного постоянного надзора своих начальников, которые при предположенных условиях дислокации естественно явятся случайными посетителями подчиненных им частей; современный же состав батальонных командиров не может быть почитаем за контингент, пригодный во всех отношениях для самостоятельного командования».

Чтобы выполнить «пожелания» Министерства внутренних дел, судил далее председатель Совета министров, Военное министерство могло бы «расположить в губерниях компактные гарнизоны без дробления войсковых организмов, с тем чтобы в случаях необходимости от этих гарнизонов выделялись на самое необходимое время отдельные колонны, разброска же войск постоянными мелкими гарнизонами при современных обстоятельствах представляется недопустимой». В любом случае речь шла об усилении войск во внутренних губерниях, об увеличении количества гарнизонов и укрупнении их. Но откуда взять войска? Ссылаясь на соображения начальника Генерального штаба, Витте считал, что «для выполнения предстоящего плана действий необходимо воспользоваться содействием войск с Дальнего Востока», которых можно было бы перевести в Европейскую Россию к 1 марта примерно 80 батальонов, а к 1 августа — 300 батальонов. Таким образом, войскам, высвободившимся с русско-японского фронта, по новому «плану действий» предстояла переброска на новый, внутренний фронт — против бунтующего крестьянства.

Дабы не было никаких отговорок у военного ведомства, участвовавший в заседании великий князь предложил: «В основание для выполнения намеченной задачи должны быть положены соображения Министерства внутренних дел о степени грозящей в различных местностях опасности с указанием и необходимой последовательности мероприятий». Он распорядился далее, что, хотя гражданская власть и имеет в своем распоряжении «очень значительные» полицейские силы (57 тыс. пеших и 15 тыс. конных стражников), все же выполнить предстоящую задачу своими силами она не сможет, поэтому ко времени, когда потребуется для этой цели военная сила, военное ведомство должно быть «вполне ориентировано и соответственно готово».

Признавая «необходимость выполнения намечаемых мероприятий на весенний период», совещание констатировало, что одновременное осуществление всех их для военного ведомства непосильно, и пришло к заключению, «что общий план предупреждения и прекращения крестьянских беспорядков должен быть подготовлен военным ведомством по соглашению с Министерством внутренних дел для выполнения его в известной последовательности, порайонно, в зависимости от наличных войсковых сил и сообразно прибытию частей с Дальнего Востока; группировка полицейской стражи должна дополнять и быть согласованною с дислокацией военного ведомства».

А между тем высшие военные чины озадачивало не только использование войск по планам Министерства внутренних дел, но и вообще возможность удержания мобилизованных солдат в рядах армии при длительном отрыве их от семей, остававшихся без работников и кормильцев. Приходилось опасаться даже за казаков. «Военный министр заявил, — записано в журнале совещания, — что для подавления беспорядков призваны на службу уже все казачьи части 2-й очереди и большинство частей 3-й очереди. Пример увольнения запасных из регулярной армии в связи с опасениями за участь своих семей и затруднительность производства весенних полевых работ в станицах может в ближайшем будущем породить среди призванных со льготы казаков нежелательные волнения, а потому вопрос своевременного предотвращения этих волнений, при настоящих условиях и при всей пользе, приносимой ныне казачьими частями, представляется первостепенно важным». Военный министр полагал, что разрешить этот вопрос можно было бы выдачей на каждую казачью

семью пособия для выполнения полевых работ, «что в полной мере должно успокоить казаков». Эту мысль подержал и великий князь: «Успокоить казаков необходимо во что бы то ни стало, — психологический момент таков, что требуется безотлагательное воздействие отечески монаршей заботы и оповещение об ней казачьего сословия ранее возможности возникновения среди него каких-либо волнений». Встал вопрос об изыскании средств «для такого нового и значительного расхода». Витте сообщил, что «несмотря на прекращение войны, государство все еще несет чрезмерные расходы на военные надобности, вынуждающие ныне к заключению займа в 800 млн рублей».

Высказанные на совещании соображения было решено, прежде чем докладывать царю, обсудить еще раз.

Совещание в том же составе собралось снова 1 марта 1906 г. В журнале совещания⁴⁴ записано резюме мнений, которые были высказаны месяц назад, на заседании 28 января. Военный министр доложил, что после совещания 28 января Главный штаб тщательно подсчитал численность войск, необходимую для выполнения предложенного проекта дислокации, в результате чего оказалось, что «для удовлетворения всей заявленной Министерством внутренних дел потребности по 49 губерниям недостает 112 батальонов и 2 эскадронов-сотен, общее же количество артиллерии для этой цели достаточно. Таким образом, является необходимым остановиться на обеспечении войсками прежде всего 18 губерний 1-й очереди... При указанном значительном недостатке пехоты приходится для обеспечения этих губерний передвигать в каждом военном округе пехотные части из других губерний, начиная с менее опасных, т. е. с губерний 4-й, затем 3-й, а в крайности и 2-й очередей, сперва из имеющихся там излишков, а затем отчасти и в счет потребности самих этих губерний».

Было также подсчитано, что «в двух военных округах, а именно в Одесском и Казанском, потребное для губерний 1-й очереди количество войск не может быть пополне-но собственными силами названных округов, почему туда придется перевезти из других округов: в Одесский — од-

⁴⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6623. Л. 202—205. Делопроизводителем совещания на этот раз вместо полковника Генерального штаба Мойсеенко-Великого был временно исполняющий должность генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майор Марков.

ну бригаду пехоты, а в Казанский — полторы дивизии пехоты и восемь батарей артиллерии».

Обсудив порядок согласования действий военных и гражданских властей, совещание выработало положения, которые предлагалось положить в основу специальной инструкции. Предусматривался следующий порядок: «Все находящиеся на территории каждого военного округа войска продолжают оставаться в ведении командующего войсками округа, который разрешает возникающие между военными и гражданскими властями разногласия.

Территория каждого военного округа разделяется командующим войсками на районы, образуемые в общем из целых губерний. В случае надобности два или несколько районов образуют отдел. В каждом отделе или районе назначается общий начальник всех войск отдела и района. В случае заявления губернатора о необходимости временного усиления войск данного района это исполняется за счет других районов властью начальника отдела или командующего войсками округа, по принадлежности.

При расквартировании войск по районам следует избегать дробления их на части меньшие полка, отдельного батальона и батареи. Временное командирование войск из пунктов их квартирования в другие местности района совершается, по заявлению губернатора, властью начальника района.

При совместных действиях войск и полицейской, а равно частной страж последние подчиняются военному начальству».

Любопытно указание, сделанное на заседании председателем Совета государственной обороны великим князем Н. Н. Романовым. Он «изволил указать на выдающееся, в деле противодействия беспорядкам, значение мер предупредительных». Расшифровал он это значение таким образом: «Население должно быть широко оповещено о стройной, могущественной организации, устанавливаемой для борьбы с беспорядками. Распоряжение о том, что вся Россия разделяется на участки с известным количеством войск в каждом из них и с соответственным начальником, что известные группы участков имеют своих старших начальников, распоряжением коих войска в каждой данной местности могут быть быстро усилены, насколько это потребует, что войска в случае надобности будут действовать самым энергичным образом, — такого рода распоряжение, будучи [обнародовано во всеобщее сведение, должно оказать огромное нравственное воздействие и са-

мым действительным образом способствовать умиротворению страны».

Здесь мы видим распространение выработанного порядка на всю страну, поскольку она вся в условиях революции требовала «умиротворения». Но такое распространение объясняет и то, почему великий князь, председатель Совета государственной обороны обращает внимание на важность предупредительных мер при подавлении народных волнений. Сам он так разъяснил основу этого указания: «Обеспечить равномерно и достаточно сильно войсками все местности в стране невозможно; указанная же мера, производя повсеместное умиротворяющее действие, восполнит этот недостаток в количестве войск».

На докладе Особого совещания с кратким изложением его решений 12 марта 1906 г. появилась резолюция Николая II: «Одобрю»⁴⁵.

В обоих совещаниях участвовала верхушка высшего управления армией. Ни у одного из генералов не возникло сомнений в правомерности приспособления дислокации войск к потребностям гражданской войны, которую самодержавие вело против революционного народа. Они со всей серьезностью готовились к этой войне, как, может быть, не готовились к войне с внешним врагом: тщательно изучали возможности сосредоточения войск на намечавшемся театре военных действий, определяли очередность решения стратегических задач и распределения соответственно этому вооруженных сил, учитывая потребности в них на всей территории страны. Они продумывали и способы наиболее эффективного выполнения армией возлагавшихся на нее задач. Генеральный и Главный штабы разрабатывали проекты использования войск в этих целях, извлекая поучительные примеры из всемирной истории, применяя опыт прошлого для наилучшего выполнения политических задач, встававших перед самодержавием во внутренней политике.

В деле Главного управления Генерального штаба протоколам Особого совещания предшествует любопытный подготовительный документ, составленный 28 января 1906 г. и озаглавленный: «Историческая справка»⁴⁶. Пол-

⁴⁵ Там же. Л. 207—208. Типограф. экз. Доклад П. Н. Дурново Николаю II от 3 апреля 1906 г. с кратким изложением решений совещания и об отданных губернаторам распоряжениях см.: Второй период революции, 1906—1907 гг. М., 1957. Ч. 1, кн. 1. С. 151—153.

⁴⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6623. Л. 187—188. Подлинник.

ковник Генерального штаба Мойсенко-Великий, готовя материалы для Особого совещания, сделал выписки из приказов и распоряжений некоторых военачальников, прославившихся в прошлом особой жестокостью при подавлении народных движений. По всему видно, что эти распоряжения должны были послужить наставлением для царских генералов, указать им способы действий на внутреннем фронте, беспощадной расправы с народом во имя защиты престола. «Прикажете сжечь пять деревень; расстреляйте человек 60; дайте примеры исключительной суровости, — советовал Наполеон 4 февраля 1806 г. генералу Жюно, подавлявшему освободительное движение в Италии. — ...Вспомните Бинаско (селение, возмущившееся и сожженное в 1796 г. [это пояснение сделано в справке ее составителем. — В. П.]): оно обеспечило спокойствие навсегда... Ничего нельзя приветствовать больше, как ужасающие примеры, данные вовремя».

В справке приводятся также распоряжения о карательных действиях против повстанцев из времен освободительной борьбы мексиканского народа против своих поработителей, но наибольшее внимание составителя справки привлекли распоряжения и донесения Наполеона и его маршалов. Один из них, Даву, донося императору о «беспорядках в тылу» и необходимости «парализования» их, высказывал мнение, что «порядок можно восстановить только летучими колоннами при сопровождении их чрезвычайным судом». Особенно ценным с точки зрения задач, которые предстояло решить генералам, показался Мойсенко-Великому приказ Наполеона о мерах подавления «беспорядков в тылу армии», переданный из главной квартиры 14 марта 1809 г. Наполеон приказывал генерал-губернаторам и губернаторам «безотлагательно сформировать летучие колонны, управление коими составят: начальник — полковник, эскадронный командир, ротный командир, жандармский офицер и местный гражданский чиновник». В состав колонн надлежало включать подразделения пехоты и кавалерии, жандармские подразделения наряду с воинскими. Каждой колонне назначался определенный район действий. Приказ предписывалось расклеить «во всех селениях», чтобы он был прочитан «всеми и каждому».

Здесь мы видим прямую подсказку Особому совещанию, извлеченную из опыта всемирно признанного тогда военного авторитета, даже в терминологии: в протоколах совещания фигурируют уже не отряды, не части, не наря-

ды войск, направляемые в карательные экспедиции, а именно колонны («отдельные колонны»); колоннам, по тому же примеру, назначаются районы действий; явно заимствуется из того же приказа указание относительно устрашения населения беспощадными мерами «борьбы с беспорядками».

Весьма показательны выводы, сделанные составителем справки из одного только приказа Наполеона: «1) состав колонн определен исключительно из кавалерии и пехоты (артиллерия всецело отсутствует); 2) колонна действует в точно определенном районе; 3) колонну сопровождает чин местной администрации, 4) самое важное то, что инициатива в передвижении этих колонн предоставлена военной власти». Но старательный генштабист не ограничился опытом столетней давности. «Колонны, подобные указанным, — делает еще один вывод из изучения мер подавления восстаний составитель справки, — были применены немцами в 1870—1871 гг. во Франции, когда, по углублению германских войск, они образовали у себя в тылу Реймское генерал-губернаторство в целях усмирения восставшего населения; но там, насколько помнится, в состав летучих колонн, при проявлении ими быстрых и весьма энергичных действий, была включена и артиллерия».

Словами о «борьбе с беспорядками» маскировалась самая настоящая война — война, превращавшая в театр военных действий всю страну, вовлекавшая в них всю вооруженную силу государства, требовавшая приспособления дислокации войск к задачам борьбы с революцией, применения в тех же самых целях требований военного искусства, которые выработывались армиями в войнах прошлого. Этими словами прикрывалась гражданская война, развязывавшаяся господствующими классами. Формула «борьба с беспорядками» позволяла эксплуататорскому государству не признавать восставших воюющей стороной, объявлять их действия незаконными, мятежными и, наоборот, считать «законным» подавление противной стороны всеми средствами, которыми располагала государственная власть.

Впоследствии те же самые генералы, ведшие борьбу с революционными силами в стратегическом масштабе, будут признавать стратегическими только действия по отношению к внешнему противнику, отделяя их от всякой «политики», под которой они понимали революционные выступления масс, нисколько не смущаясь тем, что они издавна втягивали армию в политическую борьбу и сами

вели эту борьбу со всем своим профессиональным опытом и опытом. Они будут ратовать за армию «вне политики», сознавая на деле, что ей достаточно той политики, какую навязывал господствующий класс и орудием которой он ее делал. А пройдет еще несколько десятилетий, и некие «специалисты» по истории русской армии, ратуя за «сколь угодно-нибуду серьезное» исследование «социальной и политической истории военного аппарата перед революцией» и «социальной и политической истории русской царской армии» вообще, станут с серьезным видом уверять, что генералы из высшего командования, взволнованные «непорядками» в тылу, «отказывались признать, что наведение порядка требует от них политических шагов, потому что их представление о военной этике требовало, чтобы они не вмешивались в политику»⁴⁷, что офицеры также «не считали, что использование их войск против демонстрантов или революционеров являлось политическим актом», потому что «долг армии — оборонять правительство как от внутренних, так и от иностранных противников» и «вопрос об использовании армии при подавлении внутренних беспорядков казался им просто вопросом эффективности принятых мер»⁴⁸.

«РЕШИТЕЛЬНЫЕ И ТВЕРДЫЕ ЛЮДИ»

Способы применения вооруженной силы против народа не явились какой-то импровизацией самодержавия, вызванной инстинктом самосохранения. Они вырабатывались в ходе все усиливавшейся с конца XIX в. борьбы царизма против революции. Для понимания этого процесса много дают записки генерала А. С. Лукомского. В годы, предшествовавшие первой русской революции, и во время самой революции он служил на должностях Генерального штаба в Киевском военном округе, войсками которого до 1903 г. командовал генерал М. И. Драгомиров, совмещавший командование округом с должностью киевского, подольского и волынского генерал-губернатора и являвшийся членом Государственного совета. Лукомский не

⁴⁷ *Mayzel M.* General and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979. P. 2, 230, 73.

⁴⁸ *Kenez P.* A Profile of the Prerevolutionary Officer corps // California Slavic Studies. Berkeley; Los Angeles; L., 1973. P. 157.

только соприкасался с ним по службе, он был доверенным лицом Драгомирова в разработке различных документов и его научно-литературного наследия, не говоря уже о том, что являлся его зятем и завсегдатаем дома. Все это позволяло Лукомскому говорить о взглядах и деятельности Драгомирова с полным знанием дела.

Драгомиров представлял собой своеобразную фигуру среди высших военачальников своего времени. В нем причудливо уживались черты умного, прогрессивного военного деятеля с чертами заскорузлого консерватора в военном деле и глубокого реакционера в политике. Боевой генерал, прославившийся в русско-турецкую войну 1877—1878 гг., в 80-е годы — профессор, а затем начальник Академии Генерального штаба, наконец, с 1889 по 1903 г. — командующий войсками Киевского военного округа, автор многих ученых трудов вплоть до разбора с военной точки зрения «Войны и мира» Л. Толстого, но прежде всего убежденный, воинствующий монархист, пользовавшийся известной самостоятельностью суждений, Драгомиров, осуждая разные стороны быта царской армии как пережитки крепостного права, в чем он был безусловно прав, мог позволить себе такую, например, своеобразную форму осуждения кулачных расправ офицеров с солдатами: «И как не приходит в голову этим господам, что их морда слеплена из той же самой глины, что и солдатская, и что если солдат об этом догадается, то нехорошо будет»⁴⁹.

Признавая на войне главенствующую роль человека, Драгомиров ратовал за воспитание у солдат и офицеров волевых качеств, необходимых в бою, или, как он выражался, «нравственной упругости». Придавая большое значение воспитанию в солдате этих качеств, Драгомиров требовал от офицеров постоянно заботиться о нем, проявлять гуманное к нему отношение, больше того — «сердечного внимания начальников частей к своим подчиненным». И как будто совсем другой генерал признавал чувство самосохранения подрывающим «нравственную упругость» и потому вредным для военного человека, решительно выступал против приспособления к местности, против залегания цепи во время наступления, против введения орудийных щитов, предохранявших орудийную прислугу от поражения.

⁴⁹ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет: Сб. статей. СПб., 1909. Ч. 2. С. 486.

За Драгомировым в литературе закрепились репутация последователя суворовских принципов обучения и воспитания войск. Стали хрестоматийными его суждения о приближении обучения к боевой обстановке, об изгнании из армии шаблона и плац-парадности, о том, что «каждый воин должен знать свой маневр». А все им сказанное, от чего отдает консерватизмом, вроде того, что вводить в пехоту новое тогда оружие — пулемет «значит, по-моему, бесполезно усложнять организацию»⁵⁰, и вообще все то, в чем сквозила недооценка им военной техники, в апологетической литературе либо расценивалось как хитрое чудачество, либо и совсем списывалось в область анекдотов. Характеристика Драгомирова в нашей литературе весьма неполна и в известной мере односторонняя. Мемуары Лукомского открывают нам как раз ту сторону, которая оказывается важной не только для оценки личности Драгомирова.

Характеризуя его политическую позицию, Лукомский категорически возражает против обвинений его в либерализме и каком-либо «попустительстве по отношению к революционерам». Он пишет, что Драгомиров «был сторонником прогресса, и таковой он связывал с широким предоставлением возможности народу выявлять свои таланты и развиваться. Он был горячим сторонником реформ, проведенных в царствование императора Александра II. Но вместе с этим он являлся ярким представителем течения, видящего необходимость твердой и непреклонной царской власти... Что же касается до обвинений М. И. Драгомирова в попустительстве революционерам, то это, конечно, была злостная клевета... В случае призыва войск для подавления восстаний и для поддержания порядка он требовал действий самых решительных и суровых. Стрельбы по бунтующей толпе холостыми патронами или поверх голов он не допускал совершенно, указывая, что виновные в этом сами должны немедленно предаваться военному суду»⁵¹.

Записки Лукомского богаты описанием конкретных фактов и событий, участником или свидетелем которых ему пришлось быть. Он, в частности, рассказывает об

⁵⁰ *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903. М., 1973. С. 258—263.

⁵¹ ЦГАОР СССР. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 3. *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Автограф. Ч. 4. Л. 474—475, 484.

участии войск Киевского военного округа (до 1905 г.) в подавлении революционного движения, и в связи с этим излагает поучения Драгомирова относительно способов расправ с «мятежниками». Он указывал, например, «на то, что привлечение войск к подавлению народных волнений должно производиться лишь в крайнем случае, и раз власть переходит в руки военачальников, то никаких „холостых“ залпов или стрельбы поверх голов быть не может. Должно быть только *предупреждение*, что если толпа не подчинится распоряжению разойтись, то будет дан залп. Залп же должен быть дан боевыми патронами и с хорошим прицелом». «М. И. Драгомиров доказывал, — пишет далее Лукомский, — что, только так поступая, правительство сохранит в своих руках войска, а жертв будет не много. Всякие же „холостые“ залпы, стрельба поверх голов и излишние разговоры будут всегда вести к „братанию войск с толпой“, развалу дисциплины в войсках, недоверию толпы, что в нее посмеют стрелять и, как следствие всего этого, излишние жертвы и возможное торжество революционного движения»⁵².

Из этих записок мы видим, что требования Драгомирова к использованию военных сил для борьбы с революцией были известны, по крайней мере чинам штаба Киевского военного округа, еще до первой русской революции. В другом месте своих записок Лукомский сообщает, что сам он попал в этот округ после окончания Академии Генерального штаба в 1897 г., как раз тогда, когда деятельность Драгомирова была в полном расцвете. Лукомский пишет: «Годы 1897—1900 могут считаться кульминационными годами М. И. Драгомирова как командующего войсками. Все главное, в смысле постановки в округе воспитания и обучения войск, а также в смысле подготовки к войне, было сделано. Киевский военный округ, бесспорно, был первым округом во всей России, он являлся образцом, по которому равнялись»⁵³.

Насколько велик был авторитет Драгомирова в военной среде, подтверждает и служивший тогда же под его началом и тоже, как и Лукомский, участвовавший в разработке его военно-научного наследства генерал М. Д. Бонч-Бруевич: «Основные положения учения Драгомирова почти во всем объеме были проведены в офици-

⁵² Там же. Л. 688—690.

⁵³ Там же. Л. 520.

альные уставы и наставления»⁵⁴. Их классовая направленность делала его одним из верных и умных слуг царизма. Его деятельность падает на годы, предшествовавшие первой русской революции. Немудрено, что и в области вооруженной борьбы с революционным движением поучения Драгомирова становились обязательными для генералов и офицеров, командовавших карательными войсками в классовых битвах последующих лет. Из «драгомировской школы» конца XIX — начала XX столетия вышли и те из них, кто возглавлял потом белые армии в гражданской войне.

Записки Лукомского дают дополнительный материал о взглядах и действиях штаб-офицеров и генералов Киевского военного округа, позволяющий судить о состоянии тех кадров, которыми царизм располагал для борьбы против революционного движения как во время первой русской революции, так и в последующие годы. Он описывает, в частности, солдатское выступление, происшедшее в Киеве 18 ноября 1905 г.: «Около 8 часов утра 4-й и 5-й пехотные батальоны, разобрав винтовки, с красными флагами и пением революционных песен двинулись в Печерск. Заходят в казармы расположенных там частей войск и, присоединяя их к себе, движутся дальше...» Подполковнику Лукомскому начальник штаба округа генерал А. А. Маврин приказал в это время «быть около телефона, принимать все донесения, делать ему доклады и передавать его распоряжения». Но Лукомский не считая себя вправе оставаться в пассивной роли передатчика приказаний, он проявил инициативу в вызове карательных войск. «Узнав, что толпа движется вдоль Бибиковского бульвара, я переговорил по телефону с командиром Миргородского пехотного полка полковником Н. Ф. фон Стаалем. Стааль взял бывшую у него под рукой полковую учебную команду и около Еврейского кладбища перегородил дорогу двигавшейся в город толпе бунтарей... Толпа появилась на площади Еврейского базара. Передние ряды увидели шагах в 150 от себя рассыпанную цепь солдат и направленные на них винтовки. Произошло замешательство. Передние ряды остановились, стали заряжать винтовки. Но в этот момент раздалась команда: «Пачками!» — и затрещали выстрелы. Толпа шархнула в одну сторону, затем в другую, и через несколько секунд,

⁵⁴ *Бонч-Бруевич М. Д.* М. И. Драгомиров. Основы воспитания и образования войск // Воен.-ист. журн. 1973. № 3. С. 80.

бросая винтовки, вся толпа, как куропатки⁵⁵, рассыпалась в разные стороны. Все было кончено. Убитых оказалось около 20 человек и раненых немного больше ста человек»⁵⁶.

Сохранились документы, в которых это выступление солдат описано куда более подробно, и которые позволяют проверить освещение его в записках Лукомского. Но в то же время в записках раскрывается та сторона событий, которая мало затрагивалась в литературе: действия контрреволюции по подавлению выступления солдат. Даже в подлиннейших полицейских документах не получили освещения те скрытые за шторами штаба Киевского военного округа пружины, которые приводили в действие военные силы контрреволюции на улицах Киева. Так, в донесении начальника киевского охранного отделения штабс-ротмистра А. М. Еремина в департамент полиции от 3 декабря 1905 г. читаем: «Когда после семичасового хождения по городу бунтовщики подошли к казармам Азовского полка, то были встречены учебной командой 168-го пехотного Миргородского полка, которая по инициативе командира полка полковника Столя дала по ним несколько залпов»⁵⁷. Надо полагать, что Лукомский точнее знал фамилию командира Миргородского полка и лучше, безусловно, знал, по чьей инициативе тот вывел учебную команду, чтобы встретить восставших солдат залпами: Стааль получил распоряжение из штаба округа, от Лукомского.

Кроме описания этого эпизода, Лукомский рассказывает о его последствиях для утверждения в офицерской среде драгомировских принципов расправ с революционным движением. Этот его рассказ посвящает нас в скрытую тогда от народа лабораторию выработки свирепых мер борьбы против революции, в атмосферу внутренней консолидации в лагере контрреволюции.

«Бунт был подавлен, — повествует Лукомский. — Начальство подняло голову. Но стали разбирать, все ли было сделано по правилам, нет ли виновных. Кто-то пустил мысль, что полковник Стааль, открыв стрельбу без пре-

⁵⁵ Этот образ у Лукомского не случайный: заядлый охотник, он много места отводит в записках вдохновенным описаниям охоты на глухарей, куропаток, вальдшнепов, зайцев, медведей, лосей лис как в мирное время, так и во время войны.

⁵⁶ *Лукомский А. С.* Указ. соч. Ч. 4. Л. 698—708.

⁵⁷ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания: Ноябрь — декабрь 1905 г. М., 1956. Ч. 3., кн. 1. С. 231.

дупреждения, этим не только нарушил закон, но и способствовал тому, что в общей панике успели скрыться руководители и зачинщики бунта, в том числе три или четыре саперных (понтонных) офицера... Подняла голос и „общественность“. Либеральные круги рвали и метали. Командующий войсками Сухомлинов⁵⁸ не знал, что скажет Петербург... Начальник штаба Маврин боялся всех и вся... Мы же, рядовое офицерство, отлично понимали, что Стааль поступил совершенно правильно, превысив свои права, и этим спас положение... Офицеры Генерального штаба решили „чувствовать“ Стааля, устроив торжественный ужин... Меня „как зачинщика“ ген. Маврин пригласил „переговорить“. Я изложил подробно взгляд большинства офицеров и отметил заслугу Стааля. Маврин доложил все Сухомлинову, и было решено взять „твердый курс“. В Петербург, хотя и со значительным запозданием, полетела телеграмма с представлением Стааля к Святому Владимиру 3-й степени. Через несколько дней был получен ответ, что Стааль удостоился высочайшего награждения Владимира на шею»⁵⁹.

Здесь обращает на себя внимание не совсем определенное «мы, рядовое офицерство», оказывающееся потом не чем иным, как «офицерами Генерального штаба», которые задавали тон в установлении реакционно-террористического курса киевской военщины в революционных событиях и собственную принадлежность к которым не без гордости подчеркивает Лукомский. Но как раз в то время, как он писал в Париже мемуары, другой ревнитель монархии, В. Н. Воейков, до приглашения Николаем II на должность дворцового коменданта проведенной службу в гвардейской кавалерии (был командиром лейб-гвардии гусарского полка), уже выпустил в Гельсингфорсе свои воспоминания. Из них можно узнать, что то усердие офицеров Генерального штаба в 1905 г., о котором поведал Лукомский, было одним из способов, какими они добивались повышения своего престижа на службе самодержавию и отеснения гвардейцев на задний план. «Моя 25-летняя служба в рядах кавалергардов и лейб-гусар, — писал Воейков, — убедила меня в том, что гвардия, самый верный и мощный оплот российского престола, была сильна

⁵⁸ Генерал В. А. Сухомлинов сменил М. И. Драгомирова в должности командующего войсками Киевского военного округа в 1904 г., а в 1905 г. и в должности киевского, подольского и волынского генерал-губернатора.

⁵⁹ *Лукомский А. С.* Указ. соч. Ч. 4. Л. 698—708.

своим корпоративным духом благодаря главным образом традиционному и крепко отстаиваемому праву баллотировки поступающих в полк молодых офицеров. Против этого права безостановочно велась борьба со стороны военного начальства, в ряды которого все более и более стали проникать офицеры Генерального штаба. Так как корпоративный дух у них был очень силен, им удавалось в мирное время безнаказанно подрывать престиж всякого неугодного им начальника; в период же войны Генеральный штаб добился, под предлогом замещения командных должностей научно подготовленными работниками, того, что не принадлежавшие к этой корпорации начальники стали составлять самое ничтожное количество».

Воейков обвиняет Генеральный штаб и в том, что во время мировой войны гвардия по его распоряжению «перевозилась якобы в силу стратегических соображений, с одного фронта на другой для участия в самых кровопролитных боях». Отсюда Воейков заключал, что громадная убыль в офицерском составе, вызванная таким использованием гвардии, «дала тому же Генеральному штабу возможность добиться прикомандирования к гвардейским полкам офицеров помимо установленной в гвардии традиции — баллотировки. Строевые офицеры не чувствовали симпатии к «черному войску», как они называли офицеров Генерального штаба, главным образом из-за их надменной манеры себя держать»⁶⁰.

Как бы ни проявлялось в этих рассуждениях соперничество между гвардейцами и генштабистами за первенство в военной иерархии, здесь запечатлен тем не менее реальный процесс небезуспешного выдвижения корпорации Генерального штаба на первые роли в руководстве военными силами империи. Зная этот процесс на его завершающей стадии, мы поймем, каким образом Генеральный штаб стал олицетворением той военной шайки, которая в июле 1917 г., уже во время керенщины, прибрала к рукам государственную власть⁶¹.

Стремление к такому верховенству настолько давало себя знать уже в 1905 г., что эта корпорация тогда заявляла свои претензии подняться даже над правительственной властью, о чем без смущения рассказывает Лукомский: «К сентябрю 1905 г. „революционная“ атмосфера

⁶⁰ Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 164.

⁶¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1, 12—13, 15.

сгустилась. То в одном, то в другом месте России стали происходить вспышки аграрных беспорядков, рабочих волнений и беспорядки в войсках... Становилось очень не покойно в Киевском военном округе. Но несмотря на то, что положение становилось очень тревожным, чувствовалось ясно, что в высших правительственных кругах происходят серьезные колебания, в провинцию не дается никаких определенных указаний и местные власти, как гражданские, так и военные, стараясь угадать настроения верхов, сами колеблются, предоставленные самим себе, и боятся принимать определенное направление: как бы не сесть в лужу и не пойти вразрез с Петербургом и не переборщить в правую или левую сторону. В Киеве мы это наблюдали по деятельности наших верхов. Генерал Сухомлинов все время любезничал и заигрывал с либеральными кругами (с общественностью); генерал Маврин ходил растерянный и ничего не понимал; войсковые начальники в различных пунктах округа (так же как и губернаторы) были предоставлены самим себе, руководствуясь лишь общим указанием: чтобы было спокойно, но чтобы никого не раздражать и не допускать ничего незаконного».

С этим, конечно, не могли мириться генштабисты и в их числе Лукомский. Они успели осознать себя обособленной, привилегированной группой и сочли своим долгом принять меры к «спасению» России. Лукомский рассказывает: «В Киеве при моем участии образовался кружок офицеров Генерального штаба, который поставил себе целью собирать все данные о попустительстве начальства или проявляемой им слабости при пресечении проявлений революционного движения. Пользуясь своею сплоченностью и возможностью оказывать давление на начальство (с нами особенно считался начальник штаба округа ген. Маврин), мы считали, что при проявляемых признаках „прострации“ и трусости (отсутствие гражданского мужества) со стороны многих начальствующих лиц, мы, ради пользы Родины и нашего общего „контрреволюционного“ дела, не только можем, а должны делать в этом направлении все, что только можем... К октябрю 1905 г. проявление революционной деятельности достигло своего предела. Начались крупные забастовки. Наконец забастовка перекинулась на железные дороги и на телеграф».

Классовым чутьем царские опричники улавливали опасность, грозившую охраняемому ими строю со стороны революционного движения. Однако понять, что забастов-

ки, хотя бы и крупные, это еще не «предел» и для первой революции, а одна из ступеней в развитии классовой борьбы, старый генштабист не мог и спустя много лет. Между тем уже в ноябрьских событиях в Киеве вооруженное восстание делало, видимо, «еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством», одновременно с организацией контрреволюционных сил «шла организация и мобилизация революции»⁶². Следя за ходом массовой борьбы, Ленин уже в сентябре предвидел близость подъема восстания «на новую, высшую ступень, когда на помощь толпе выйдут боевые отряды революционеров или мятежные части войска, когда они помогут массам достать оружие, когда они внесут сильнейшее колебание в ряды „царского“ (еще царского, но уже далеко не всецело царского) войска, когда восстание приведет к серьезной победе, от которой не в силах будет оправиться царизм»⁶³.

В описанное Лукомским время доживал свои последние дни в Конотопе тяжело больной М. И. Драгомиров. Лукомский взялся доставить больному необходимые ему баллоны с кислородом. Это была его последняя встреча с генералом: «М. И. Драгомирова я застал в этот вечер очень бодрым: он даже сыграл три роббера в винт. Расспросил он меня о том, что делается в Киеве; высказал большое огорчение относительно недостаточно твердого курса правительственной политики; сказал, что он сам был сторонником либеральных реформ, но что либерализм уместен в спокойное время, а в период народных волнений и революционных брожений всякие либеральные уступки только вредны и преступны. Всякие уступки правительства в подобные периоды объясняются слабостью и вызывают новые, повышенные и невыполнимые требования»⁶⁴. Таково было завещание старого генерала новому поколению генштабистов в лице Лукомского.

Лукомский изложил свое понимание причин того хода революции, какой она приняла в 1905 г.: «Если революция 1905 г. не удалась руководителям революционного движения, то заслуга в этом не твердого курса правительства, которое совершенно растерялось, выпустило управление страной из рук и своей неустойчивостью скорее способствовало развитию революционного движения, а за-

⁶² Там же. Т. 12. С. 123.

⁶³ Там же. Т. 11. С. 317—318.

⁶⁴ *Лукомский А. С. Указ. соч. Ч. 4. Л. 708—715.*

слуга в ликвидации революционного движения относится к решительности отдельных военачальников, которым поручалась ликвидация революционных всплесков и которые были совершенно предоставлены самим себе, а также тому, что армия в своей массе и корпус офицеров остались лояльными и верными присяге». В подтверждение такого заключения, «чтобы не быть голословным», Лукомский приводит ряд известных примеров со своими, однако, комментариями, которые подчас выразительны.

«Восстание в Кронштадте, — пишет он, — внесло панику в петербургские верхи. Подавлено оно было и быстро ликвидировано Н. И. Ивановым (был комендантом крепости) и генералом Щербачевым». Лукомский сопровождает фамилию Щербачева примечанием: «Решительные действия Щербачева, по существу человека далеко не талантливого, способствовали и его выдвигению сначала на пост начальника Академии Генерального штаба, а затем способствовали его дальнейшей блестящей строевой карьере». Действительно, в исторической хронике остались в начале карьеры Щербачева следы командования в Кронштадте «особым гвардейским отрядом», состоявшим из двух батальонов лейб-гвардии Преображенского полка, двух батальонов лейб-гвардии Павловского полка и батареи лейб-гвардии артиллерийского дивизиона ⁶⁵.

Но если бы автор мемуаров хотел заглянуть в самое начало карьеры Щербачева, он мог бы вспомнить, что у этого командира Павловского полка до Кронштадта было еще 9 января на Дворцовой площади. Разработанной Главным штабом на то январское воскресенье диспозицией на генерал-майора Щербачева было возложено руководство боевыми действиями против рабочих, их жен и детей под окнами Зимнего дворца. Прикрывая дворец сводным отрядом пехоты и кавалерии, составленным из подразделений Павловского, Преображенского, Казачьего, Кавалергардского и Конного гвардейских полков, он проявил в тот день, как показывают документы, изрядную распорядительность в руководстве огнем и маневром пехоты и кавалерии ⁶⁶. Впоследствии, после Октябрьской революции, Щербачев обрел прочную репутацию одного из главарей контрреволюции и прославлялся белыми ме-

⁶⁵ Ахун М. И., Петров В. А. Большевики и армия в 1905—1917 гг. Л., 1929. С. 22.

⁶⁶ См.: Начало первой русской революции. С. 49, 58—60, 68—69.

муаристами и за ученость и за таланты. Лукомский же нечаянно срывает с него это покрывало и показывает, что своей карьерой он обязан вовсе не этим качествам, а тому самому полицейскому усердию, которым похвалялся и сам Лукомский и которое отличало, по его свидетельству, корпорацию генштабистов. Для нас же все это служит наглядным показателем того, насколько прочно царизм и его слуги были спаяны узами совместно пролитой народной крови, чтобы понять основу последовательности их политических позиций.

Лукомский с восторгом пишет о «подвигах» Мина в Москве, Толмачева на Кавказе, Ренненкампа и Меллер-Закомельского в Сибири ⁶⁷.

Вряд ли есть основания сомневаться, что военщина, стоявшая на страже самодержавия, проявила во время первой русской революции такое усердие, какого она, может быть, не смогла проявить на фронте против Японии. И конечно, опыт кровавых расправ, учинявшихся царскими генералами, служил обнадеживающим для правительства и царской камарильи фактором, указывал пути дальнейшего совершенствования способов борьбы против революции. Лукомский имел основания гордиться тем «вкладом», какой был сделан генштабистами в сохранение устоев самодержавия. Однако он непомерно выпячивает роль отдельных военачальников, приписывает их деятельности решающее значение, совершенно смазывая роль военных верхов и правительства, которое не было столь пассивно, как в корпоративных интересах показывает Лукомский.

Все эти генерал-адъютанты, генерал-губернаторы и просто генералы именно царем, правительством и уполномочивались для реализации той стратегии борьбы с революцией, которая разрабатывалась в Петербурге. То, что казалось Лукомскому бездейтельностью или нерешительностью правящих кругов, на самом деле часто объяснялось невозможностью или даже осознанной нецелесообразностью поступить так, как считал необходимым действовать тот или иной офицер Генерального штаба, находящийся в районе революционных волнений. И было иллюзией и Лукомского, и подобных ему поборников карательных мер, будто они решали дело вопреки правительству, во исправление упущений правящих сфер. На самом деле, какую бы инициативу в организации кро-

⁶⁷ Лукомский А. С. Указ. соч. Ч. 4. Л. 721—736.

вопускания они ни проявляли на местах, они не переставали быть преторианцами монархии, исполнителями «высочайших» предначертаний. Они не стеснялись величать себя радетелями «контрреволюционного» дела, заключая это слово в кавычки только потому, что оно заимствовалось из словаря противной стороны.

От того, как решало самодержавие вопросы внутренней политики, зависел выбор мер борьбы против «смуты», а поскольку основной из них было признано военное подавление революции, то тем самым предписывались соответствующие действия и местным военным и гражданским властям, заслуги которых Лукомский изображает как результат их собственной инициативы, возмещавшей будто бы нерешительность и нераспорядительность правительства и военных верхов. Мы уже видели, однако, что правительство вовсе не было беспечно: ставя организацию борьбы против народа на первый план своей деятельности, оно заботилось о быстрейшей переброске внутрь империи войск из действующей армии, об увеличении численности карательных войск иными способами, об изменении дислокации вооруженных сил в интересах борьбы против революционного движения, предписывало генералам и офицерам наиболее жестокие методы подавления народных волнений.

Упрекать царское правительство в отсутствии «твердого курса», в том, что оно выпустило будто бы управление страной из своих рук, предоставив начальников карательных отрядов их собственному разумению, не позволяют даже те факты, которыми иллюстрирует свои рассуждения Лукомский, если, конечно, не преподносить их односторонне, заботясь лишь о престиже своей корпорации, и если отбросить фанаберию генштабиста-белогвардейца, свалившего в эмиграции хотя бы посредством мемуаров вину за крах старой России на «политиков», которые «погубили» ее «разговорами», когда «военщина», как писал в эмиграции и Деникин, была той «единственной силой, которая боролась активно, в прямом смысле этого слова, с большевиками». Сама посылка в пятом и в другие годы царских генерал-адъютантов «в губернии с наибольшим брожением», подбор генералов и офицеров для руководства карательными операциями были делом правящих верхов⁶⁸. Дубасов был послан в Черниговскую и Кур-

⁶⁸ Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.: Сб. документов. М., 1936. С. 115.

скую губернии, потом в Москву по выбору председателя Совета министров, который докладывал царю о необходимости назначить в Москву «решительного и твердого человека», а потом настаивал на отправке в помощь Дубасову подкреплений из Петербурга⁶⁹.

Руководящее начало при посылке войск и выборе военачальников в изложении Витте выглядело так: «Когда идет открытая бойня, с баррикадами, то военные всегда должны быть прежде всего военными, а войска — войсками, иначе это не будут войска»⁷⁰. Это не частное мнение какого-то чиновника, в этом состояла позиция правительства. В другом месте своих мемуаров Витте сообщает, что он «был солидарен с министром внутренних дел в том, что раз есть смута, выражающаяся в насилии и неподчинении законным требованиям властей, то против таких проявлений нужно мобилизовать силу... насилие должно быть подавлено силою, и в этом случае необходимо действовать решительно и энергично, без всякой сентиментальности»⁷¹. Ведь и сами Витте и Дурново попали на свои посты благодаря выбору, основанному на том же принципе, — иной подход был для самодержавия неприемлем. Когда потребовалось поставить «надежного» генерала во главе карательной экспедиции, направлявшейся из Харбина по Сибирской железной дороге (навстречу другой — двигавшейся с запада на восток), царь отверг предложенного председателем Совета министров Куропаткина, так как «на него не надеется», и были посланы, по рекомендации начальника Генерального штаба Палицына, генералы Ренненкампф и Меллер-Закомельский, о которых было известно «как о людях решительных»⁷².

Офицеров, не проявивших усердия в расправах с участниками революционного движения, не справившихся с палаческими обязанностями хотя бы и из-за отсутствия достаточных для этого сил или даже не имевших возможности применить самые свирепые меры подавления революции, царская администрация не только не продвигала по службе, но и изгоняла из армии; устраивались форменные чистки командного состава. В конце декабря 1905 г. Военное министерство предприняло пересмотр командного состава тех воинских частей, в которых были ре-

⁶⁹ *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 172—176.

⁷⁰ Там же. С. 102.

⁷¹ Там же. С. 160.

⁷² Там же. С. 153.

волюционные выступления, или, как формулировал задачу военный министр А. Ф. Редигер, решено было «пересмотреть начальство бунтовавших частей». Эту операцию одобрил Николай II. Начальнику Главного штаба министр дал распоряжение: «Прикажите составить список этим частям (где были крупные беспорядки) со справкою о судьбе командиров частей»⁷³. Ряд командиров был тогда уволен, в отношении же тех, что были пока оставлены в должности, поскольку «степень их пригодности для командования частями» не была вполне выяснена, «бывшие в их частях беспорядки» дано было указание учесть при аттестовании за 1906 г.⁷⁴

Чистка коснулась не только командиров частей, но и высших должностных лиц. 6 февраля 1906 г. за отсутствие должной решительности в подавлении восстаний и забастовок был смещен с должности главнокомандующего сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке генерал-адъютант Н. П. Линевич. В результате расследования, произведенного частным присутствием Военного совета, с него было снято обвинение в бездействии, каковым Линевич и в самом деле не отличался. Зато на его деле укрепили свое положение другие, более «решительные» генералы, приславшие доносы на своего начальника. Командующий 2-й армией генерал Бильдерлинг обвинял Линевича в затяжке эвакуации с театра военных действий войск, необходимых для подавления «беспорядков» внутри империи, в непринятии действенных мер для пресечения волнений в отправляемых из действующей армии войсках, в том, что Линевич не отряжал нужные контингенты войск для подавления забастовок и волнений рабочих на железных дорогах. Его обвиняли в том, что он, «имея в своем распоряжении миллионную армию, не смог сразу подавить забастовщиков и стачечников»⁷⁵. Генерал Меллер-Закомельский донес царю, будто Линевич «все время входил в переговоры со стачечными комитетами, находил нужным принимать их объяснения и объяснялся с ними»⁷⁶. Генерал Чичагов, в обвинение Линевича, доносил Витте «о полной анархии в Забайкалье и вооруженном

⁷³ Разманова Т. Чистка комсостава царской армии в 1906 г. // Красный архив. 1932. Т. 1/2 (50/51). С. 211.

⁷⁴ Там же. С. 214.

⁷⁵ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания: Ноябрь — декабрь 1905 г. М., 1955. Ч. 2. С. 1100.

⁷⁶ Там же. С. 1106.

восстании в Чите», для ликвидации которых не было выслано достаточной воинской силы⁷⁷.

Давая в июне 1906 г. объяснение частному присутствию Военного совета, смещенный Линевиц опровергал наветы своих обвинителей и не без ехидства писал: «К огорчению моему, в настоящее время внутри России во многих местах и даже в частях войск проявляются беспорядки, митинги и даже волнения, из чего следует заключить, что именно здесь, во внутренних местах России, не поддерживается тот спокойный, твердый и разумный порядок, какой строго соблюдался и поддерживался в бытность мою главнокомандующим в войне на Дальнем Востоке»⁷⁸.

Линевиц умер в 1908 г., 70 лет от роду. Когда молодые генералы и офицеры, сделавшие карьеру на кровавых расправах и доносах в 1905—1907 гг., упивались в годы реакции победой над народом, в назидание всем остальным над офицерским корпусом императорской армии витали тени как удачливых Меллеров-Закомельских, так и оскорбленных в верноподданнических чувствах Линевицей. Так царизм воспитывал и фильтровал командные кадры контрреволюции. Опыт гражданской войны во время первой русской революции поставил эту задачу перед правящими верхами со всей остротой, побуждал к ее решению и обнадеживал.

«Заслуги» генералов и офицеров в подавлении выступлений против самодержавия в годы первой русской революции надолго оставались главным мотивом в оценке их деловых качеств. Помощник военного министра генерал А. А. Поливанов 1 марта 1910 г. записал в дневнике, что на заключении Высшей аттестационной комиссии об увольнении командира корпуса генерала Адлерберга Николай II наложил резолюцию: «Я знаю его, он не гений, но честный солдат; в 1905 году отстоял Кронштадт, оставить». «Таким образом,— писал Поливанов,— попытка освободить армию от малопригодных корпусных командиров (подобным образом Николай II распорядился тогда же еще о двух генералах.— В. П.) не удалась»⁷⁹.

⁷⁷ Там же. С. 1109.

⁷⁸ Там же. С. 1110.

⁷⁹ *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916 гг. М., 1924. С. 96.

Каким же образом «отстаивал» Адлерберг Кронштадт? В октябре 1905 и в июле 1906 г. там происходили крупные волнения матросов и солдат, перераставшие в вооруженные восстания, с необыкновенной жестокостью подавлявшиеся правительственными войсками. В городе свирепствовали военно-полевые суды, отбиравшие из общей массы арестованных солдат и матросов «зачинщиков» и отправлявшие их на смертную казнь, которая приводилась в исполнение немедленно. Руководил казнями обычно комендант Кронштадтской крепости генерал Адлерберг. Тут он проявил себя чрезвычайно изобретательным: заставляя самих осужденных копать себе могилы, он приговаривал: «Копайте, ребята! Копайте, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете в небесах». Для устрашения Адлерберг приказывал выстроить у места казни всех арестованных участников восстания, а вокруг расставлял гвардейские и пехотные части с заряженными винтовками и пулеметами в готовности открыть огонь по роте, наряженной для расстрела, если она станет отказываться от убийства товарищей или хотя бы заколеблется. Но и этого Адлербергу оказывалось мало. После казни тела убитых сваливали в ямы, сравнивали ямы с землей и по свежим могилам комендант крепости пропускал церемониальным маршем войска и арестованных. «Подвиги» Адлерберга вызвали негодование прогрессивной общественности, даже офицеров, а в народе получила широкое распространение песня: «Мы сами копали могилу свою, готова глубокая яма...», напечатанная в большевистской газете «Казарма»⁸⁰.

В сентябре 1906 г. матросы и солдаты Кронштадтской военной организации РСДРП приняли решение об организации покушения на Адлерберга, однако оно не удалось. Царь наградил его очередным генеральским чином.

Государственная власть Российской империи во время революции, как никогда, может быть, раньше, зарекомендовала себя в качестве аппарата, способного вести успешную борьбу эксплуататоров за сохранение своего господства и привилегий. Можно было не сомневаться, что в этой роли он будет выступать и впредь, во всех случаях,

⁸⁰ Казарма. 1906. 26 окт.; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте, 1825—1917. М.; Л., 1948. С. 318—322. Автор песни — участник революционного движения (впоследствии профессор) В. Г. Тап-Богораз.

когда над помещиками и их слугами будет нависать угроза утраты ими господствующего положения.

Опыт 1905—1907 гг. убедительно подтвердил тем самым непреложную заповедь марксизма, гласящую, что первейшим результатом победоносной революции должно быть уничтожение, разрушение главного орудия угнетения трудящихся и подавления их стремлений к свободе — аппарата эксплуататорского государства, важнейшей составной частью которого была армия. Решение коренного вопроса революции — вопроса о власти — не могло быть иным, как завоевание пролетариатом государственной власти и создание нового аппарата, способного подавить сопротивление реакционных классов.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ КЛАССОВЫХ СИЛ В АРМИИ

Ленин глубоко оценил в 1917 г. политический опыт первой русской революции, говоря, что без нее и последовавшей за нею контрреволюционной эпохи (1907—1914 гг.) «невозможно было бы такое точное „самоопределение“ всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года»⁸¹. Вместе с самоопределением классов и их партий происходило и решительное закрепление за армией роли главной силы в борьбе против народа. Военщина, как никогда раньше, осознала себя не только как главную опору царизма, но и как силу, решающую исход войны на внутреннем фронте и потому имеющую право стоять над гражданской администрацией, приобретающую в условиях гражданской войны значение диктаторской силы. В вооруженной борьбе в годы революции были опробованы и усовершенствованы принципиальные основы карательной политики, взаимоотношения и взаимодействие военного командования с гражданской администрацией, завершились, наконец, отбор и воспитание офицерских кадров для войны против народа, внутри которых выделилось ведущее ядро военной контрреволюции — командные верхи армии, офицеры и генералы Генерального штаба.

Но в то же время были сделаны попытки образования и ядра революционной армии, которые открыли небыва-

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.

лые перспективы привлечения солдатской массы на сторону революции. «Упорная борьба рабочих, постоянные стачки, демонстрации, частичные восстания, все эти пробные, так сказать, сражения и схватки,— отмечал Ленин,— неизбежно втягивают войско в политическую жизнь, а следовательно, и в круг революционных вопросов». Ленин обратил внимание на то, что, несмотря на окончание русско-японской войны и заключение мира, царское правительство не прекращало мобилизацию, и становилось все более очевидным, что армия нужна всецело и исключительно против революции. Но это вело в то же время к вовлечению в борьбу все новых частей армии, все большее количество войск приучалось к гражданской войне, неизбежно расширялось поле борьбы, и сама она обострялась. Ленин установил серьезное явление в развитии революции: «Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии», и она стала колебаться. Оценивая восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» как «новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия», Ленин уже в июле 1905 г. выявлял такую последовательность в революционизировании солдатской массы: «Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев — рабочих. Затем — *переход части армии на сторону восстания*»⁸².

Эти выводы обобщали массу солдатских выступлений, происшедших во время первой русской революции. Об их массовости говорят прежде всего количественные данные. В течение 1905 и 1906 гг. было 437 выступлений, причем нарастание их шло в ногу с революционным движением в стране и происходило в течение 1905 г. скачкообразно: если в первой половине года было 34 выступления, в следующем квартале (середина июня — сентябрь)— 42, то на период высшего подъема революции (октябрь — декабрь) падает 195 выступлений⁸³. Подсчеты показывают, что свыше 90 % из них (179 из 195)— это выступления целых гарнизонов, нескольких воинских частей и отдельных подразделений. В числе их В. А. Петров выделяет 45 выступлений гарнизонов в полном составе или не-

⁸² Там же. Т. 10. С. 336.

⁸³ Петров В. А. Очерки по истории... С. 383.

скольких частей, они отличались большей организованностью и сплоченностью между отдельными частями. В 106 выступлениях участвовали целые воинские части: пехотные и резервные полки и батальоны, драгунские и казачьи полки, отдельные батальоны специального назначения, артиллерийские, кавалерийские и железнодорожные бригады, военные флотилии и экипажи.

Однако характер восстаний и их особенности, отмечает В. А. Петров, зависели не столько от величины воинских частей или подразделений, участвовавших в них, сколько от более важных причин: руководства революционных, в первую очередь большевистских, организаций, связи с пролетариатом, наличия среди солдат пролетарской прослойки и работы в частях революционных групп, влияния выступлений других воинских частей, способствовавших росту чувства солидарности у солдат⁸⁴.

Ленин отмечал такие этапы развития народного восстания, определившиеся к июлю 1905 г.: бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии. «Теперь мы дошли наконец и до последнего этапа», — писал он, имея в виду восстание на броненосце «Потемкин», однако замечал: «Это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в одесских событиях есть еще явные черты старого бунта»⁸⁵.

По мере того как на протяжении 1905 г. в стране созревали условия для всенародного вооруженного восстания, единичные, разрозненные выступления в войсках также перерастали в массовое революционное движение солдат. Они массами выступают на борьбу за свои права, предъявляя требования об улучшении их быта. Формой революционной борьбы становилась солдатская забастовка. Стаечное движение в войсках приобретает все бóльшую организованность, в ходе его постепенно изживаются надежды на возможность добиться уступок со стороны начальства мирным путем, оно перерастает затем в вооруженное восстание.

Вооруженные выступления, в свою очередь, развивались от стихийных ко все более организованным; солдаты стали создавать свои органы революционной власти — комитеты или собрания солдатских и матросских депутатов от частей, выбирать своих командиров взамен устранен-

⁸⁴ Там же. С. 374—375.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 337.

ных офицеров. В период высшего подъема революции для вооруженных выступлений становилась характерной борьба восставших с правительственными войсками (кронштадтское вооруженное восстание в октябре, севастопольское — в ноябре 1905 г.). Революционные войска принимают участие и в вооруженных выступлениях пролетариата и студенчества. Митинг 16 тыс. человек в Киевском политехническом институте под охраной солдат восставшего саперного батальона дал Ленину основание считать, что был сделан «шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством»⁸⁶. Еще дальше в совместной борьбе с рабочими пошли солдаты в Красноярске (ноябрь-декабрь) и Чите (декабрь 1905 — январь 1906 г.), где во главе революционных выступлений встали городские комитеты РСДРП и возникли объединенные Советы депутатов от рабочих и солдат⁸⁷.

Характеризуя революционное движение в армии в 1905 г., Ленин обратил внимание на то, что руководителей движения «давали те элементы военного флота и армии, которые рекрутировались главным образом из среды промышленных рабочих и для которых требовалась наибольшая техническая подготовка, например саперы». Однако основную массу войск составляло крестьянство, организованность и политическое сознание которого росли гораздо медленнее, и это накладывало свою печать на революционное движение в армии. В «Докладе о революции 1905 года», сделанном незадолго до Февральской революции (в двенадцатую годовщину «Кровавого воскресенья»), Ленин указывал на те слабые стороны солдатских восстаний, которые вели к поражениям восставших и которые должны были послужить уроком для дальнейшего развития революционного движения. «...Широкие массы, — писал он, — были еще слишком наивны, слишком мирно, слишком благодушно, слишком по-христиански настроены». Волнения «вспыхивали довольно легко, любой случай несправедливости, слишком грубое обращение офицеров, плохое питание и т. п. могло вызвать возмущение. Но не хватало выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: не хватало достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над всеми военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства

⁸⁶ Там же. Т. 12. С. 123.

⁸⁷ *Петров В. А.* Очерки по истории... С. 358—362.

и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции»⁸⁸.

Контрреволюция, накапливавшая, в свою очередь, опыт подавления революционных выступлений, пользовалась их слабыми сторонами и усиливала расправы с восставшими. В числе уроков 1905 г. Ленин отмечал и способы подавления революции со стороны военного командования. «Широкие массы матросов и солдат легко начинали бунтовать. Но так же легко делали они ту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали успокоить себя обещаниями и уговорами начальства; таким образом начальство выигрывало драгоценное время, получало подкрепление, разбивало силы восставших и затем следовали самое жестокое подавление и казни вождей»⁸⁹.

Через несколько лет, уже после того, как победила Октябрьская революция и пролетариат сумел отстоять ее завоевания в решающих сражениях гражданской войны, когда, следовательно, накопился и значительно больший опыт вооруженной борьбы с контрреволюцией, Ленин выведет как закон и урок на будущее весьма важное положение: «На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления»⁹⁰.

Когда Ленин говорил это на IX съезде РКП(б), он учитывал также уроки борьбы зарубежного пролетариата (в Финляндии, Венгрии, Германии), но в этом выводе сконцентрированы уроки и прежних революций: он развивает вывод того же порядка, сделанный Марксом и Энгельсом на опыте классовой борьбы во Франции, и уроки революции 1905 г., к анализу которых Ленин неизменно возвращал внимание пролетариата.

Оценивая историческое значение восстания на броненосце «Потемкин» и событий, происходивших в 1905 г. в Одессе, Ленин писал: «Царское правительство оказалось без флота». Может возникнуть вопрос: насколько отвечал действительности этот вывод? Ведь Ленин тут же

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 318.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Т. 40. С. 244.

указывал, что на сторону революции перешла тогда лишь одна крупная часть военной силы царизма, которому удалось «удержать флот от активного перехода на сторону революции», восстание же на броненосце «Потемкин» означало лишь попытку образования «ядра революционной армии»⁹¹. Но восстание на «Потемкине» не исчерпывало для Ленина оснований для его вывода — оно наиболее, может быть, ярко символизировало и позволяло вождю пролетарской революции реально оценивать тогдашнее состояние морской силы царизма. Проницательная мысль Ленина не была ни преувеличением в сравнении с действительным положением, ни только мечтой революционера.

Сохранились не вызывающие сомнений в своей достоверности документальные данные, которые означали признание высшими чинами империи того, что к концу 1905 г. царизм оказался «без флота». Одесса (подразумевается не только восстание одесского пролетариата, но и революционные действия потемкинцев в Одессе), Либава, Кронштадт, Владивосток, наконец, Севастополь (где в ноябре произошло новое восстание) — вот те удары революции, которые вызвали в ноябре 1905 г. тревогу в правящей верхушке царской России и заставили ее размышлять о способах воссоздания флота. Названия этих баз флота и сама формулировка вставшей перед царизмом задачи в отношении флота фигурируют, и именно в этой связи, в «Журнале совещания по вопросу о современном состоянии флота» от 15 и 16 ноября 1905 г.⁹²

Оба заседания проводились под председательством генерал-адъютанта великого князя Н. Н. Романова. На первом заседании, 15 ноября, он объявил приглашенным высшим военным чинам империи, что «вопрос о мероприятиях по установлению во флоте должного порядка», царь намерен рассмотреть в Особом совещании «под личным своим председательством», но предварительно поручил обсудить его в совещании под председательством великого князя, в составе чинов только военного ведомства, избранных по указанию царя, а затем — с участием представителей и морского ведомства, также назначенных царем.

«В настоящее время флот, — сказал на первом же заседании военный министр генерал-лейтенант А. Ф. Редигер, — представляет не элемент силы, а элемент госу-

⁹¹ Там же. Т. 10. С. 336—337.

⁹² ЦГВИА СССР. Ф. 830. Оп. 1. Д. 161. Л. 1—11.

дарственной опасности. Требования государственной безопасности вынуждают флот раскассировать, оставив из его состава лишь совершенно здоровую и небольшую ячейку, состоящую из отборных элементов, для будущего воссоздания нового флота». Исходя из этого, министр заявил, что «в данную минуту наиболее важное практическое значение имеет вопрос: как раскассировать большую часть личного состава флота». Н. Н. Романов высказал мнение, что события, происшедшие за последнее время в Одессе, Либаве, Кронштадте, Владивостоке и Севастополе, «не дают права относиться с доверием к кому бы то ни было из состава флота». Государственная безопасность требует, по его словам, «создать из малочисленных, но наиболее надежных элементов флота небольшое, но прочное ядро для воссоздания будущего флота».

Уже здесь можно заметить признак уникального, вероятно, в истории, парадоксального на первый взгляд явления. Одновременно в одной и той же обстановке революция, еще не успевшая создать своих военных сил, видит свой первый успех в попытке образования во флоте «ядра революционной армии»; для противоположной стороны, располагающей, казалось бы, и сухопутной армией, и флотом, оказывается насущной забота о создании всего только «прочного ядра» будущего флота или хотя бы «небольшой ячейки, состоящей из отборных элементов», как свидетельствуют сами столпы монархии. Это ли не собственноручная их расписка в реальности большевистской оценки состояния военной силы абсолютистской контрреволюции, фактически оказавшейся «без флота»?

Показательны способы, придуманные генералами, чтобы сначала расправиться с флотом, а потом уж «воссоздать» его. Мнения подавались начиная с младшего по чину. Дежурный генерал Главного штаба генерал-майор А. З. Мышлаевский, автор многих военно-научных и военно-исторических трудов, признал, что «современные события во флоте указывают на его нравственное разложение». «Следствие и суд, — как он считал, — не могут быть признаны в данном случае единственным средством для водворения во флоте порядка, так как невозможно присудить к наказанию всех замешанных в беспорядках». И он рекомендовал образовать «из ненадежных элементов» флота «особые безоружные военно-рабочие роты для работ в отдаленных пунктах с организацией по типу дисциплинарных батальонов».

Товарищ генерал-инспектора по инженерной части генерал-лейтенант А. П. Вернандер решил, что одной из главнейших причин «беспорядков» является избыток во флоте нижних чинов сверх потребности в них для укомплектования судовых команд и нехватка офицеров, вследствие чего «нижние чины на берегу не имеют определенного дела и находятся без должного надзора». Чтобы исправить такое положение, первую меру ему представлялось «уменьшение численности нижних чинов», а для сего из частей, «которые не принимали участия в беспорядках, следует уволить немедленно старшие сроки службы в запас», виновных же «изъять из состава флота». С большим, очевидно, знанием дела, чем Мышлаевский, инженерный генерал разъяснил, что если рабочие роты, сформированные «из ненадежных элементов», располагать в отдаленных местах, то там для них трудно будет найти работу, поэтому «правильнее было бы не задаваться целью извлечения из этих частей какой-либо пользы, а организовать их в виде строевых батальонов, разместить в пунктах, где их можно расквартировать в казармах, и подчинить их суровой строевой дисциплине». Вернандер предостерегал от того, чтобы собирать в некоторых из таких батальонов «наиболее распущенных нижних чинов, какими, например, представляются машинные команды, так как опасно образовать такое сосредоточение наиболее зараженных элементов», а лучше формировать каждый батальон «из людей разных специальностей и разной степени неблагонадежности».

Генерал-лейтенант М. А. Газенкамф, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, поделился собственными наблюдениями «во время своего пребывания в Кронштадте при подавлении беспорядков». Из этого опыта он вывел заключение, что наибольшее внимание нужно обратить на нижних чинов, обучающихся в школе машинистов. При их большой по сравнению с другими специальностями численности они должны вызвать опасения еще и потому, что «это бывшие механики и машинисты на заводах», получившие лишь 6-недельное строевое обучение в экипажах, и по существу «это те же мастеровые, но только одетые в форму». Плюс ко всему, по характеру своей службы эти нижние чины, находясь в нарядах на различных портовых работах, остаются «без офицерского надзора», да к тому же общаются «с вольнонаемными рабочими, в числе которых имеются и политические агитаторы». Газенкамф, как и Вер-

нандер, указал на опасность, связанную с формированием военно-рабочих рот: оно «приведет к скоплению лиц хотя и безоружных, но политически ненадежных и недовольных своим положением». Поэтому он предлагал «из элементов, исключенных из состава флота, сформировать строевые сухопутные батальоны».

У Газенкампа вызвала сомнение надежность самих офицеров флота. Он пришел к убеждению, что «морское начальство давно притерпелось» к отсутствию порядка в службе и взгляды его «весьма своеобразны». В подтверждение своего впечатления генерал привел пример: «На рапорте одного из морских офицеров, в котором доносится, что имеются сведения о подготовке к новому возмущению и бунту, причем предлагается принять предупредительные меры, морским начальством положена резолюция, требующая доказательств изложенного, а меры предосторожности не принимаются». В другом случае командир экипажа ходатайствовал «об освобождении из-под ареста 50—60 нижних чинов его экипажа, арестованных за участие в беспорядках, так как на основании произведенного им дознания он считает их невиновными». Эти факты позволили Газенкампу сделать заключение, что «при таких служебных взглядах морское начальство не будет в силах справиться с задачей установления во флоте должного порядка и дисциплины». Он предложил «произвести официальное следствие над действиями всех начальствующих лиц, виновных в нарушении служебного долга, и вместе с тем выяснить, кто из морских чинов во время беспорядков оказался вполне на высоте своего положения и своими действиями способствовал водворению порядка»; это важно, по его мнению, потому что «послужит указанием на тех офицеров, на которых можно с уверенностью опереться при будущей реорганизации флота», ее же он считал необходимым произвести «немедленно».

Подобно Вернандеру, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын настаивал на уменьшении численности нижних чинов флота и оставлении на службе только благонадежных, из которых можно было бы «сформировать небольшое число экипажей с судовой организацией». Находя, вслед за Газенкампом, что «современный состав морского начальственного персонала, судя по его деятельности, не в состоянии произвести коренные реформы для нравственного оздоровления флота», Палицын тем не менее считал, что «будущее воссоздание флота должно быть делом самих моряков», но для этого

пужно «из состава флота найти пригодных людей». Все находящиеся на берегу морские части он предложил «подчинить в отношении порядка наружной и внутренней службы начальникам гарнизонов». Высказываясь за уменьшение численности новобранцев, он полагал, что обучать и воспитывать их надо если во флоте, то «в особых командах под руководством отборных офицеров и учителей», а еще лучше «с целью изолирования новобранцев флота от вредного на них влияния современной атмосферы во флоте... обучать их в строевых пехотных частях».

Требуюя раскассировать флот, военный министр Редигер возразил против оставления во флоте чинов в количестве, достаточном для комплектации имевшихся судов. Такое соображение, заявил он, «в основе своей неправильно», ибо «честь и достоинство России не позволяет выпускать в плавание суда, в благонадежности экипажа которых нет полной уверенности». Эту мысль он заключил еще более определенно: «До воссоздания флота на совершенно новых началах не следует и подымать флага». Но прежде чем заниматься воссозданием флота, Редигер признавал необходимой мерой удаление из флота «всего излишествующего и ненадежного» с оставлением «только тех, на кого можно вполне положиться». Что касается новобранцев, военный министр требовал обучение их «производить в пехоте, дабы дать им правильное воинское воспитание», и заверял, что хотя для этого военному ведомству и придется «оторвать от своего прямого дела значительное число офицеров и унтер-офицеров», оно сочтет своим долгом «способствовать всеми силами и средствами к восстановлению во флоте порядка и дисциплины».

Председательствующий Н. Н. Романов, согласившись с мнениями генералов, сделал вывод: «С целью установления во флоте правильных основных понятий о служебных отношениях необходимо во главе флота на время предстоящих коренных преобразований поставить лицо, по взглядам своим совершенно расходящееся с установившимися среди высших морских начальствующих лиц понятиями о порядке службы. Такого лица во флоте не имеется... Поэтому во главе Морского министерства на период крупных в нем преобразований нужно поставить не адмирала, а генерала, обладающего твердыми взглядами на требования службы и сильною волею». Видимо, такой полет мысли великого князя изумил издавших всякие виды генералов. Во всяком случае Палицын осторож-

но высказался о желательности «поставить во главе морского ведомства моряка, хотя бы даже для этого пришлось назначить капитана 1-го ранга, за неимением подходящего адмирала».

На следующий день, 16 ноября, генералам предстояло выслушать мнения высших чинов морского ведомства. Вопрос о замещении должности морского министра в присутствии моряков не должен был обсуждаться. Но этих чинов не приходилось уговаривать — они только униженно хлопотали о том, чтобы при проведении предписываемых мер были учтены некоторые особенности обучения моряков и службы во флоте. Начальник Главного морского штаба контр-адмирал А. А. Вирениус доложил даже, что «проект обучения новобранцев в отдельных командах, при особых начальниках и инструкторах» уже разрабатывается в морском ведомстве, однако признал предпочтительным обучение их «при пехоте». Генерал-адъютант пояснил, что в целях изоляции от элементов, «произведших во флоте ряд взрывов», в пехоте они должны обучаться в течение целого года, тогда они придут во флот «настоящими солдатами», за год «из флота будут удалены все не вполне надежные чины и в нем успеют образоваться сплоченные войсковые части из отборных элементов», в такой «вполне пригодный кадр... вольются дисциплинированные молодые солдаты». А то, что в предстоящую навигацию в судовых командах не будет новобранцев, не должно смущать моряков, так как «вообще вопрос о возможности плавания судов в предстоящую кампанию не имеет большого значения и находится под большим сомнением, тем более что трудно определить, сколько во флоте может к лету остаться вполне благонадежных чинов...»

Флигель-адъютант капитан 1-го ранга Дабич заметил, что будет «крайне затруднительно определить, в особенности в тех экипажах, которые не принимали активного участия в беспорядках, кто именно из нижних чинов представляется ненадежным и потому подлежащим исключению из флота», потому что «крайне трудно делить их на надежных и ненадежных». Такую трудность усмотрели в практическом исполнении этой меры и Вирениус и контр-адмирал Петров. Но генерал-адъютант решил этот вопрос неожиданно просто: «При распределении нижних чинов на надежных и ненадежных надлежит всех сомнительных считать в числе ненадежных и исключить из флота, оставив в нем только лишь тех чинов, в которых можно безусловно быть уверенным». Он потребовал тут же от пред-

ставителей морского ведомства данных о примерной численности нижних чинов, подлежащих переводу в армию, в строевые батальоны с суровым режимом. «Совещание признало, — записано в журнале, — что из ненадежных нижних чинов флота придется сформировать до 20 батальонов 4-ротного состава, по 125 нижних чинов в роте. Батальоны эти надлежит распределить по военным округам при условии расквартирования их в казармах. Эти батальоны потребуют назначения в их состав до 20 штаб-офицеров, 400 обер-офицеров и весьма большого числа сверхсрочных унтер-офицеров... Содержание как офицерам, так и сверхсрочным унтер-офицерам должно быть повышенное».

Так в течение двух дней царские генералы по «высочайшему» указанию довершили разгром русского флота, начатый в Цусимском проливе.

«Его величество изволили читать, — сделал отметку на журнале этого совещания генерал-адъютант великий князь Н. Н. Романов. — Царское Село, 28 февраля 1906 г.»⁹³ Николай II поставил синим карандашом свой обычный знак, говорящий об отсутствии с его стороны возражений.

В документах можно найти следы применения тех мер, которые выработало совещание 15—16 ноября 1905 г. Вице-адмирал А. А. Ливен в предисловии к своей книжке в феврале 1908 г. писал: «После разгрома минувшей войны и полного крушения даже внешних признаков дисциплины во время бунтов мы теперь, наконец, дожили до того, что наши экипажи охраняются сухопутными войсками, что наши суда обезоруживаются перед роспуском Государственной думы... К ним приставили часовых... Как мы можем образовать эскадры, пока нет личного состава?»⁹⁴. И есть в этой книжке еще одно замечательное признание: «Что же у нас произошло? Нижние чины вернулись с войны не в духе. Произвели беспорядки, отчасти даже бунты. И вот мы их испугались. Скорее всех в запас в деревню. Некоторым судам не дали даже высадиться в порту. Прямо с корабля — на железную дорогу и по домам! — и сейчас же заместили их серенькими мужичками. Между тем вовсе не все бунтовали... Куда спокойнее с безгласными, тихими новобранцами... Они покорно

⁹³ Там же. Л. 6.

⁹⁴ *Ливен А. А. Дух и дисциплина нашего флота. 2-е изд. СПб., 1914. С. 67.*

повинуются всякому начальству...»⁹⁵ И начальник морского Генерального штаба наставлял офицеров: «Надо тщательно охранять корабли от возможности постороннего вмешательства помимо их хозяина — командира, а затем требовать строгого ответа от всей части за поведение каждого их члена. Это главное»⁹⁶. А может быть, одновременно с этими заботами военно-морского начальства матрос из гвардейского экипажа сообщал о «безгласных, сереньких мужичках»: «Теперь с приходом новобранцев 1906 года прибавилось в экипаже людей сознательных. Они пришли с родины, видели и испытали насилия и уже знают, что „добро“ и что „зло“. У многих на глазах были кровавые расправы, совершаемые казаками и войском; так как большая часть из них — люди мастеровые, и они, еще будучи дома, видели гнусные преступления правительства против народа»⁹⁷.

В предисловии к посмертному изданию книги Ливена издатели подтверждают, что она писалась «в тот чрезвычайно тяжелый для нашего флота период, когда под влиянием испытанных поражений и ряда других неблагоприятных обстоятельств дисциплина во флоте была подорвана в корне и казалось, что дело воссоздания нашей военно-морской силы погребено окончательно... С тех пор, — это писалось уже в 1914 г., — прошло уже довольно много времени и многое, конечно, изменилось. Наши экипажи, слава богу, больше не приходится охранять войсками, а суда обезоруживать»⁹⁸.

Кроме тех мер, о которых повествовал Ливен и применению которых он учил офицеров, были и другие, о которых он умолчал, но которые, очевидно, играли не последнюю роль в наведении нужного самодержавия «порядка» на флоте. Большевицкая «Казарма» напечатала в № 13 в марте 1907 г. речь, которую произнес в школе Балтийского флота вновь прибывший генерал-губернатор Кронштахта генерал Н. И. Иванов. Это был как раз один из тех сухопутных начальников, на «воспитание» которым царские генералы предложили отдать флот. «Это был седовласый старик с длинной бородой, — рассказывает о нем А. И. Верховский, — он был маленького

⁹⁵ Там же. С. 50.

⁹⁶ Там же. С. 58.

⁹⁷ Казарма. 1906. 8 мая.

⁹⁸ Ливен А. А. Указ. соч. С. 3.

роста, выглядел простачком, но его бесцветные, усталые глазки смотрели хитро. Иванов выдвинулся во время русско-японской войны. Командуя 3-м Сибирским корпусом, он умел среди общих неудач этой войны ловко и вовремя выводить свои части из-под ударов и тем избежал тяжелых поражений, преследовавших генералов, более твердых в исполнении своего долга. Это принесло Иванову известную популярность в армии. Но главное заключалось, конечно, не в этом. Он был подчеркнуто богомолен и с благоговением относился к своему императору, которого в знак обожания целовал по старому русскому обычаю в плечико. Зная о его преданности, царь выдвигал Николая Иудовича (в армии его прозвали просто Иудушкой) на высшие командные должности»⁹⁹.

Иванов не был ни генштабистом, ни из какой-нибудь знати, но описанные Верховским свойства обеспечили ему место на верхней ступени военной иерархии. Впоследствии тот же император в момент крушения монархии пошлет его во главе карательной экспедиции в мятежный Петроград, наделив его полномочиями военного диктатора, но, как известно, из этого ничего не получилось: Иванову, оставшемуся без войск, пришлось повернуть назад, а монархия таки пала.

В Кронштадте он бывал не раз и раньше: в 1890 г. — командующим кронштадтской артиллерией, потом в 1897—1899 гг. — врид. коменданта крепости¹⁰⁰. В ноябре 1906 г. царь послал его туда временным военным генерал-губернатором. Приступая к наведению там «порядков», он рекомендовал офицерам вести «задушевные нравственные беседы с матросами» и неоднократно выступал перед ними и сам. Одну из его речей и обнародовала «Газарма». «Я, ребята, хочу сказать вам маленькую речь, — заявил он матросам. — Из вас, здесь находящихся, народ большей частью мастеровой. А вы сами знаете, что мастеровые у нас самые мерзавцы и бунтовщики. А так как вы теперь на службе и носите военно-флотский мундир, то вы должны забыть, кем вы были раньше. Я знаю, что среди вас есть здесь такие, которые до службы участвовали в стачках, но это делают только подлецы и бунтовщики. Теперь вы должны забыть все это. У нас флот баловали с самого его основания, и вот это привело к бунту в Кронштадте прош-

⁹⁹ *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 63.

¹⁰⁰ ЦГВИА СССР. Ф. 409. Оп. 1. Д. 28587, 28840. Послужные списки Н. И. Иванова (1909 г.).

лой осенью и нынешним летом. Знайте, что теперь прощения не будет. Вы сами знаете, что в зимнее время пуля пробивает четверых, а в летнее время пробьет семь, а то и восемь. Вы сами знаете, что пуля шутить не любит. А теперь за бунт будем расстреливать не по пять да по десять, а прямо целую сотню. Так вот, ребята, я вам советую, если вы увидите или услышите, что какой-нибудь вольный будет вам говорить крамольные речи, то вы его прямо за глотку. Бей его по чему попало, по лицу, по глазу, а самое лучшее, так по переносице! Будет рваться, ломай ему ребра, а то тащи его к начальству, а уж начальство с ним расправится.

А между вас есть тоже мерзавцы! Во время бунта их убито мало, они еще остались. А вот если такой мерзавец будет вам что врать, то вы его за глотку. Но одному-то его не взять, потому что он будет говорить, что если его тронешь, то другие его товарищи тебя убьют или зарежут. Ну, а вы человек двадцать или тридцать вместе, он ничего не сделает, и бейте его прямо до смерти. За это ничего не будет, а то прямо его к начальству, а начальство уже с ним расправится по-своему.

«Подвиги» Иванова в Кронштадте описаны в литературе ¹⁰¹. Одна из его забот того времени запечатлена в секретном письме петербургскому градоначальнику, которое он послал 23 декабря 1906 г. Вот текст этого письма: «На Лисьем Носу, под Сестрорецком, производится казнь политических преступников, для чего туда доставлена от крепости складная виселица. При каждой экзекуции виселицу приходится собирать, а затем разбирать... Находя работу эту несовместимую с воинским званием, прошу ваше превосходительство распоряжения о том, чтобы каждый раз, когда предполагается экзекуция, были высылаемы особые обученные вольные рабочие для сборки и разборки виселицы... Сверх того прошу место казни несколько удалить от караула, производя ее в леску, дабы экзекуция не была бы видна часовым при пороховых погребах»¹⁰².

Однако та поляризация классовых сил в армии и во флоте, которая усилилась в ходе революции 1905—1907 гг., была уже явлением необратимым. Расправы контрреволюции с восставшим народом, с солдатами и мат-

¹⁰¹ *Найда С. Ф.* Указ. соч.; *Кораблев Ю.* Революционные восстания на Балтике в 1905—1906 гг. Л., 1956.

¹⁰² Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. С. 88.

росами не могли погасить их волю к свержению деспотического режима. Царскому правительству, его военным верхам лишь казалось, что путем подавления революционного движения им удалось «умиротворить» солдатскую и матросскую массу и оградить обновившийся личный состав от влияния революционных идей. После полосы жесточайшей реакции революционное движение стало снова набирать силу, и перед царскими сатрапами снова и снова вставали те же проблемы, какие им пришлось решать в разного рода Особых совещаниях. Что касается Балтийского флота, где при подавлении революции свирепствовали ивановы и адлерберги, то о его состоянии на новом историческом этапе убедительно говорит письмо последнего кронштадтского генерал-губернатора Вирена помощнику начальника Главного морского штаба контр-адмиралу графу Гейдену, посланное 16 сентября 1916 г. «Я не остановлюсь перед крайними крутыми мерами, — писал Вирен, — если потребуется, введу вместо розги плеть, вместо одиночного строгого заключения — голодный недельный арест, но, должен сознаться, опускаются руки... положение принимает характер катастрофы.

Вы, граф, играющий столь видную роль в Морском министерстве и в кругу близких государю лиц, обязаны знать всю правду. Под моим началом находится сейчас армия в 80 тысяч человек всех родов оружия... Однако я по совести говорю, что достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе со всеми судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите.

Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль, — через минуту раздастся взрыв...

Внезапные поиски выяснили наличие сети сильной подпольной организации, арестовать ядро ее не удастся.

Так всюду в Кронштадте. Мы судим уличенных, ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели: 80 тысяч под суд не отдашь. Мое убеждение в следующем: необходимо большинство сухопутных воинских частей немедленно разослать во все концы России, заменить их надежными войсками из старослужащих полков; технические команды должно сплошь раскассировать, задавив малейший протест суровыми дисциплинарными наказаниями...»¹⁰³

¹⁰³ Сивков П. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М., 1946. С. 5—6.

Зная этот пахнувший кровью документ, читатель не удивится, что восставшие матросы и солдаты в первый же день Февральской революции позаботились об устранении из политической борьбы прежде всего мрачной, опасной для дела свободы фигуры кронштадтского генерал-губернатора.

Изучая революцию 1905—1907 гг., историки делают обоснованный вывод о том, что как она ни распатывала армию, как ни страшился царизм потерять в лице ее свою военную опору, ему все же удалось удержать большую часть вооруженных сил от перехода на сторону народа; революция не захватила армию настолько, чтобы она перестала быть опорой самодержавия. Подавляющая часть армии, крестьянской по своему составу, оставалась верной царизму, и в этом состояла одна из причин поражения революции¹⁰⁴. Можно добавить, что не последним по значению способом удержания царизмом армии на своей стороне был классовый отбор и политическое воспитание офицерского состава, обеспечивавшие сохранение за самодержавием и удержание в узде солдатской массы. В ходе первой революции вместе с эксплуататорскими классами в целом, пережившими пору политического самоопределения и организации, получили проверку, опыт и реакционное воспитание генералы и офицеры царской армии, выявили себя те командные кадры, которые теперь уже были связаны с царизмом кровавыми расправами над народом — произошло самоопределение военной контрреволюции.

«РЕАКЦИОННЫЙ В ЦЕЛОМ СЛОЙ»

Забывая о сохранении армии в своих руках, самодержавие использовало все средства, которыми располагало, для подбора, воспитания и удержания командного состава в полной зависимости от правящих верхов. Революционная социал-демократия, борясь за войско, стала тщательно изучать возможности привлечения на сторону революции и офицеров. Еще до 1905 г., когда этот вопрос был для революционеров новым, они заботились о выявлении связей в военной среде, о скорейшем закреплении и оформлении «всех имеющихся связей среди офицеров

¹⁰⁴ Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975. С. 369, 376.

и нижних чинов», об образовании в войсках социал-демократических групп¹⁰⁵.

В октябре 1905 г. ЦК и Петербургский комитет РСДРП не раз обращались к офицерам с призывом переходить на сторону народа в его борьбе против самодержавия. В листовке «К офицерам» указывалось, что из армии и флота доносятся вести о восстаниях матросов, об отказе солдат идти на усмирение «внутреннего врага», «но эти вести всего меньше говорят об офицерах». Социал-демократы призывали офицеров, если у них нет «настолько чувства жизни и свободы, чтобы радостно отдаться могучему потоку революции», хотя бы устранившись от борьбы против народа¹⁰⁶. «Офицеры, — говорилось в другой листовке, — перед вами два пути: или служить до конца гнусному правительству, этому остатку монгольского ига, этому кошмару цивилизации, служить в роли палачей своих сограждан, быть проклятием родной страны, или же переходить на сторону народа, на сторону революции, ускорить ее, уменьшить число ее жертв, сделать ее менее кровопролитной». Листовка напоминала офицерам о гражданском мужестве их предшественников: декабристов, участников революционного движения 70-х и 80-х годов, «мучеников-борцов из офицерской среды», и в частности одного из них — подполковника М. Ю. Ашенбреннера, отбывшего 20-летнее заключение в Шлиссельбургской крепости. К тем из офицеров, «в ком еще не умерло чувство чести и собственного достоинства, не умерла любовь к родине и стремление к свободе и счастью России», социал-демократы обращались с призывом: «При будущих кровавых столкновениях переходите к нам вместе со своими частями... или, по крайней мере, парализуйте своей бездейтельностью правительство, дезорганизируйте его, доставляйте нам оружие и нужные сведения, помогайте нам всеми возможными способами — и благодарный народ не забудет вас»¹⁰⁷.

Однако уже на опыте революции, в конце 1906 г., большевики пришли к заключению, что «как классовый социальный состав офицерства, так и интересы офицерства как профессиональной военной касты заставляют их стремиться к сохранению постоянной армии и народного

¹⁰⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 81, 303.

¹⁰⁶ Военные вопросы в решениях КПСС, 1903—1917 гг.: Сб. документов. М., 1960. С. 51—52.

¹⁰⁷ Там же. С. 58.

бесправия», поэтому «в происходящем буржуазно-демократическом перевороте офицерство в целом играет роль реакционную», а «существующие оппозиционно настроенные группы офицерства активной роли не играют». Вместе с тем не исключалась возможность перехода на сторону революции отдельных офицеров, которые «своими специальными знаниями и специальной военной подготовкой могут оказать значительную услугу в момент восстановления армии и перехода ее на сторону народа, а также в технической подготовке к вооруженному восстанию»¹⁰⁸.

Эсеры и меньшевики исходили из иного представления о характере революции и ее движущих сил. Они уповали на союз со средней буржуазией и офицерством, т. е., пояснял Ленин, «с элементами кадетской партии»¹⁰⁹. О попытках претворения в жизнь этих идей рассказал впоследствии активный работник военной организации партии эсеров С. Д. Масловский (известный советский писатель С. Мстиславский). С горьким юмором вспоминал он о тех наивных хлопотах по созданию революционной офицерской организации, которым отдал много энергии сам в 1905—1907 гг. К работе с солдатами, пишет он, у эсеров в то время, наоборот, «не проявлялось особого рвения... ей не придавалось того значения, которое приписывалось вовлечению в движение офицеров». Эсеры, по словам Масловского, рассуждали так: «Если за нами будут офицеры, *тем самым* мы получим солдат — офицеры смогут вывести их [на борьбу] за народное дело „по команде“, даже без всякой предварительной подготовки. Напротив того, организовав небольшую группу солдат (а о крупных организациях при существовавших условиях мечтать не приходилось), мы фактически ничего не приобретаем, так как увлечь за собою данную воинскую часть — всю инертную массу, увлечь *против* офицеров, против железной и тупой дисциплины, царившей в полках, таким одиночкам-солдатам было бы невероятно трудно». Рассчитывая с помощью офицеров вовлечь в движение и солдат, эсеры еще и поэтому сосредоточивали «особые усилия на организации офицеров». Исходя из своих представлений о движущих силах революции, они считали, что с офицерами легче работать потому, объясняет Мстиславский, что «само движение, в которое их пред-

¹⁰⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 242.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 355.

полагалось вовлечь, носило, не в пример “низовому движению”, в которое надлежало ввести солдат, определенно буржуазный характер», характер „верхушечной“, интеллигентски-партийной революции, в которой «работники социалистических партий теснейшим образом соприкасались с буржуазными либералами и радикалами»¹¹⁰.

Мстиславский вспоминает о том, как весной 1905 г. группа офицеров — слушателей военных академий учредила «Всероссийский офицерский союз», который, по их решению, не должен был иметь «никакой зависимости от политических партий и никакой официальной с ними связи»; соответственно и программа союза «не заключала в себе ничего, что могло бы особо отпугнуть даже очень „среднего“ офицера» и в общем сводилась к смутно представляемой «демократизации армии». В дальнейшем были созданы отделения союза в Киеве, Выборге, Луге, Ярославле, Астрахани, Варшаве. Но вот Масловский, избранный членом центрального комитета союза, отправляется в Москву, где у него были связи с офицерами-гренадерами. «С программой союза московские гренадеры согласились, правительство ругали дружно и крепко, дали на союз некоторую сумму, но от вступления в организацию воздержались. „Какая, дескать, разница: числиться в союзе или нет? Комитеты и прочее — только волокита липная; да еще донесет кто-нибудь, потом расхлебывай”»¹¹¹.

На какой же платформе объединялись офицеры в этом союзе? Каких-либо конкретных, «боевых» (кавычки Мстиславского) задач союз перед собой не ставил — «он был как бы полностью рассчитан на будущее — на „следующий“ после изменения государственного строя день, когда станет на очередь вопрос о том, как *далее* быть с армией. По отношению же к самому перевороту союз занимал нейтральную, по существу, позицию, не придавая своим программным симпатиям к революции сколько-нибудь активных форм. В силу этого союз был чрезвычайно пестр по составу». Это ведь только после 1917 г. да после гражданской войны могло приобрести анекдотический оттенок сообщение Мстиславского о том, что в рядах союза «числился, правда чрезвычайно конспиративно, ничем себя не проявляя», Деникин, он и вышел из союза в 1906 г. по соображениям якобы «конспирации».

¹¹⁰ Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 39. С. 12—13.

¹¹¹ Там же. С. 16.

Из практических деяний членов союза Мстиславский называет оказание помощи (по указаниям центрального комитета) местным революционным и общественным организациям (собирали деньги на революционные нужды, сообщали списки членов военно-полевых судов и т. д.), но, по его словам, «приходилось регистрировать и факты участия членов союза в рядах своих частей в подавлении беспорядков». Зачастую, пишет Мстиславский, приходилось слышать от членов союза «даже прямые оправдания участия в усмирениях, на том основании, что „аграрный бунт не имеет ничего общего с революцией“, а является „безобразием“, совершенно аналогичным еврейским погромам, проявлением „темной силы“: проявлением даже более безобразным, чем погромы, так как крестьяне громят „своих же“, русских». Участвовали члены союза и в военно-полевых судах, вынося при этом смертные приговоры членам революционных боевых организаций¹¹².

И вот — царский манифест 17 октября. «Конституция», по мнению некоторых членов союза, «разрешала вопрос, которым болела организация последние дни. Не только отпадала необходимость выступления, но под сомнение ставилась целесообразность самого дальнейшего существования союза. Ибо с переходом к „конституционным формам правления“ иными, легальными, путями должны были получить разрешение и задания, стоявшие в программе союза»¹¹³. Да и большинство офицеров «держалось того мнения, что „конституция“ коренным образом изменила программу и тактику союза, что о каких-либо самостоятельных выступлениях и действиях не приходится и говорить, а дальнейшая ориентация союза должна идти на Думу».

А то, что произошло в союзе после утверждения Николаем II в феврале 1906 г. новых правил «призыва войск для содействия гражданским властям», Мстиславский корректно называет «расслоением внутри союза», получившим «окончательное оформление». Новые правила, пишет он, не допускали ни стрельбы в воздух, ни стрельбы холостыми патронами. «Введение этих правил поставило вопрос ребром: членам Офицерского союза приходилось выбирать между революцией или правительством». «Креп-

¹¹² Мстиславский С. Из истории военного движения: (По личным воспоминаниям): «Офицерский» и «Боевой» союзы 1906—1908 гг. // Каторга и ссылка. 1939. № 6. (Кн. 55). С. 23.

¹¹³ Мстиславский С. Отрывки о пятом годе. С. 34.

ким предостережением» для них стал случай с капитаном С. В. Шаманским, который при направлении его с ротой на подавление «беспорядков» в г. Боровск подал рапорт с ходатайством об освобождении его от командировки, «связанной с применением насилия», и тут же был арестован, предан суду, исключен с военной службы и посажен в крепость¹¹⁴.

Этот случай повел к резкому сокращению численности членов союза¹¹⁵. Ряды его «стали катастрофически редеть, и в меру этого поредения стало изменяться и самое его „лицо“: уже к весне [1906 г.] стал вопрос о полной реорганизации союза на открытой революционной платформе». Однако к этой реорганизации было приступлено не сразу: нечего было «реорганизовывать», так как союз продолжал существовать только номинально — «в сущности сохранилась только центральная питерская группа, по преимуществу эсеровская»¹¹⁶. Лишь в конце 1906 г. в Петербурге состоялся учредительный съезд делегатов местных офицерских групп и организаций, выработавший

¹¹⁴ В сообщении Мстиславского об этом факте имеются некоторые неточности (в названии полка, в котором служил Шаманский, в самой фамилии капитана, не указано время, когда это произошло), но в целом факт подтверждается документами. В протоколе заседания Главного военного суда от 15 апреля 1906 г., разбиравшего кассационную жалобу капитана 222-го пехотного Шацкого полка С. В. Шаманского, записано: Московский окружной суд признал его виновным в том, что он, «получив 25 ноября 1905 г. в г. Калуге от командующего полком предписание отправиться в г. Боровск и вступить в командование ротой, находившейся в этом городе, для содействия гражданским властям при подавлении ожидавшихся беспорядков, умышленно не исполнил этого приказа, в г. Боровск не поехал, а с представлением предписания донес командующему полком, что выполнить обязанность, возлагаемую на него, Шаманского, означенным предписанием, он не может, так как содействие гражданским властям противоречило бы его понятию о долге, присяге и его совести. При этом судом признано уменьшающее вину подсудимого обстоятельство: прежняя долговременная, больше 10 лет, беспорочная служба. Суд... постановил: подсудимого капитана Шаманского подвергнуть заключению в крепости на 1 год 4 месяца с исключением из службы без лишения чинов, с потерей некоторых особенных прав и преимуществ». Кассационную жалобу Главный военный суд оставил «без последствий» (ЦГВИА СССР. Ф. 801. Оп. 46. Д. 53. 1906 г. Л. 9 об.). В дальнейшем, после отбытия Шаманским срока наказания и вплоть до 1915 г., полицейские власти, считая его «убежденным революционером», вели за ним наблюдение, пока он не скрылся из Самары (ЦГАОР СССР. Ф. ДП 00. 1915 г. Д. 291. Л. 3 об.).

¹¹⁵ Мстиславский С. Отрывки о пятом годе. С. 36.

¹¹⁶ Мстиславский С. Из истории военного движения. С. 10—11.

программу, тактику и устав «Всероссийского офицерского союза». Он создавался, по словам резолюции съезда, «как внепартийная профессионально-политическая организация, которая в основу своей программы кладет не цельное обособленное миросозерцание, выражающее какую-либо резко отмежевавшуюся отрасль идейных течений, но создается на почве более доступного объединения сил для достижения ближайших конкретных целей». Политическая часть его программы признавала необходимость уничтожения самодержавия и установления полного народовластия через свободно избранное Учредительное собрание, но о формах будущего государственного устройства, как и о социальных преобразованиях, в программе, по свидетельству Мстиславского, «намеренно не упоминалось ни слова», исключение было сделано только для военной реформы, «чтобы офицеры почувствовали союз доподлинно „своим“»¹¹⁷.

Наиболее острыми оказались на съезде прения о тактике — это были, по существу, прения о составе союза: «Широта захвата, — поясняет Мстиславский, — целиком зависела от того, будет ли наша тактика приемлема не только для революционного офицерства, но и для оппозиционного: элементов оппозиционных было, конечно, несоизмеримо больше, чем революционных, и со стороны конституционно-демократической партии уже принимались меры к „объединению их“ под своим водительством». Спор о тактике сосредоточился, собственно, на одном вопросе, определявшем, однако, всю судьбу создававшегося союза: быть или не быть в его программе пункту о вооруженном восстании. Противники включения его доказывали, что «для победы народа достаточно отказа войск в повиновении правительству, т. е. военной забастовки», пункт же о вооруженном восстании мог оттолкнуть от союза многих офицеров, так как «при мысли о вооруженном восстании призрак крови встает с большей силой, чем в первом случае. А ведь, конечно, чем более дешевой ценой в смысле пролития крови достигнется свобода, тем лучше»¹¹⁸. Более левому крылу удалось отстоять пункт о вооруженном восстании путем либерального толкования практического его применения, но и при этом он составил немалое препятствие для «широты захвата» офицерства союзом. Таким образом, пресловутое «расслоение» в среде

¹¹⁷ Там же. С. 17—18.

¹¹⁸ Там же. С. 18—19.

союза происходило без отклонений от кадетской тактики в революции.

Документы, запечатлевшие деятельность союза, подтверждающая и конкретизируя сведения Мстиславского, определенно указывают, что его организации были субсидируемы и непосредственно руководимы партией эсеров. В самом замысле организации союза, выраженном в проекте его программы, были заложены кадетские принципы политической борьбы, определявшие тактику союза. «Россия переживает тяжелую историческую эпоху, — говорилось в проекте. — Уже почти два года страна живет в атмосфере кровопролитной и разорительной гражданской войны, которая разгорается все шире и все глубже захватывает народные массы. Старая власть, неспособная более удовлетворять нуждам народа, утратила его доверие. Народ ищет выхода из того невыносимого положения, к которому его привел самодержавный режим. В поисках новых путей он организуется в партии и союзы, стремясь при помощи сознательного вмешательства в государственную жизнь перестроить ее согласно своим идеалам и потребностям. Но эти стремления народа встречают противодействие правительства, опирающегося на армию. Раз правительство стало на путь борьбы с народом, оно перестало быть законным правительством, а превратилось в антинародную политическую партию, преследующую свои узкопартийные интересы; армия же у такой партии является только слепым и опасным для народа орудием».

Проект программы признавал долгом армии противодействие «правительственным попыткам втянуть ее в борьбу с народом». Отсюда выводилась необходимость создания внутри армии организации, которая «была бы достаточно сильна, чтобы парализовать деморализующую власть правительства над нею». Целью офицерского союза провозглашалось: «Устранить влияние армии на исход борьбы правительства с народом и тем дать возможность свободно-выборному народному правительству установить в стране законную власть, которая пользовалась бы авторитетом в глазах населения». И вот тогда-то армия, по мысли составителей проекта, «будет в состоянии стать вне политической борьбы... занять положение строжайшего нейтралитета по отношению ко всем существующим партиям», станет «силой, охраняющей свободу политической жизни от всяких на нее давлений путем насилия, но сама обязана — как целое — оставаться внепартийной». Организационный комитет Офицерского союза брал на себя ини-

циативу «по организации внепартийного Офицерского союза на изложенных началах»¹¹⁹. Это был не просто организационный взгляд, а идеология, на почве которой формировался Союз офицеров, — идеология либеральной буржуазии, эволюционировавшая к прямой, открытой контрреволюции.

Ни Офицерскому союзу, ни армии в целом, ни трудовому народу не удалось тогда достигнуть той цели, которую провозглашала эта программа. В других, более поздних революциях XX в. революционным военным организациям удавалось обеспечить успех политического переворота, иногда перераставшего в народную революцию. Однако иллюзорный «нейтралитет» и «внепартийность» армии после таких переворотов нередко приводили либо к реставрации старых режимов, либо к установлению еще более свирепых военных диктатур. Там, где, стремясь к «беспартийности», революционные силы довольствовались результатами демократического переворота и, не имея ясных политических целей на будущее, уклонялись от борьбы за войско, там развивалась бешеная деятельность реакция и при помощи своих военных кадров добивалась перерешения вопроса о власти в пользу эксплуататорских классов.

Изучающих тот далекий опыт прошлого не должна сбивать с толку крикливая революционность «социалистических» партий и руководимых ими организаций. Мстиславский пишет, что шум, поднятый эсерами при подготовке офицерского съезда, вызвал «значительную тревогу в правящих сферах»¹²⁰. Полиция, жандармы через свою агентуру изымали в частях рассылавшиеся Офицерским союзом листовки, проекты программы и устава, подготовительные к съезду материалы. Следы борьбы правительства и высшего командования армии и флота против «утопичных» и «преступных идей», распространявшихся этим союзом, сохранились в архивах департамента полиции, Главного и Генерального штабов¹²¹.

В феврале 1907 г. агентура Тифлисской охраны добыла печатный «Устав Союза кавказских офицеров», ко-

¹¹⁹ ЦГАОР СССР. Ф. ДП 00. 1906 г. Оп. 6. Д. 814. 1-а. Л. 14. Печат. экз.

¹²⁰ Мстиславский С. Из истории военного движения. С. 21.

¹²¹ Второй период революции. 1906—1907 гг. М., 1957. Ч. 1, кн. 1. С. 317—319; 112—113, 157—158; М., 1961. Ч. 2., кн. 1. С. 513—514, 522; М., 1963. Ч. 3. С. 375—376 и др.

торый, по словам жандармского офицера, препроводившего листовку в департамент полиции, представлял собой «преступную прокламацию». «Глубокая пропасть образовалась между царским правительством и народом, — говорилось в уставе. — События последнего времени еще больше расширяют и углубляют эту пропасть... Покрывши всю Россию сплошной сетью военных положений, правительство заставляет армию исполнять все полицейские обязанности и при помощи военно-полевых судов оно заставляет нас, офицеров, убивать порою ни в чем не повинных людей. Оно делает солдат и офицеров убийцами наших же родных братьев и сестер, не останавливаясь даже перед устройством погромов... Довольно нам быть послушным орудием в руках сановных палачей. Интересы родного нам народа, интересы отечества заставляют нас отречься от присяги царю...»

Призывая офицеров переходить на сторону народа «в его борьбе с игом царского самовластия», составители листовки напоминали, что русское офицерство уже внесло «свою лепту в историю революционного движения», выдвинув из своей среды офицеров-декабристов, лейтенанта П. П. Шмидта, руководителей Свеаборгского восстания подпоручиков А. П. Емельянова и Е. Л. Коханского, погибших в борьбе за народ. «Мы горячо чтим этих славных борцов, — говорилось в листовке, — и исполним их завет служить родине, во имя дорогой нам родины зовем мы наших товарищей офицеров и солдат сплотиться в военный союз», и далее следовало обращение ко всем гражданам «оказать нам моральную и материальную поддержку в великой борьбе за волю и счастье народа». Но и при таком, казалось бы, темпераментном заявлении о своей политической позиции, целью своей деятельности Союз кавказских офицеров признавал добиваться, «чтобы армия, являясь защитницей государства от внешних врагов, была [во] внутренней политической жизни страны внепартийной»¹²². Ясно, что такими декларациями союз мог привлечь в свои ряды офицеров определенного, буржуазно-оппозиционного, круга. Те же военнослужащие, которые успели узнать цену подобного рода призывам, давали своим товарищам, вступавшим на путь революции, другие советы: «К Всероссийскому союзу военнослужа-

¹²² ЦГАОР СССР. Ф. ДП 00. 1906 г. Оп. 6. Д. 814. 1-а. Л. 52—53.

щих я не советую присоединяться. Союз этот оказался очень розовеньким, платформа ближе к кадетам»¹²³.

В одном из воззваний «Союза офицеров русской армии», захваченном полицией 27 марта 1906 г., констатировалось, что освободительное движение «приходит к последнему этапу». На что уж революционным кажется такое заявление: «Близок момент, когда революция примет реальные формы вооруженной борьбы свободного народа со своими историческими врагами». И вроде бы полное сознание роли и ответственности армии в этих условиях: «На рубеже двух порядков — старого, основанного на произволе и насилии, и нового, обеспечивающего народу основные права человека и гражданина, — роль и значение армии неизмеримо велики». Чтобы понять, о каком рубеже идет речь, достаточно знать, что составители воззвания считали после царского манифеста 17 октября самодержавный строй «минувшим» и «державные права» перешедшими к народу. «По приказу преступной бюрократии» армия пока еще расстреливает этот самый народ, но «завтра» она «будет присягать» ему на верность. И в этих-то условиях, «когда правительство и народ противопоставлены друг другу как две враждебные силы, — армия, дитя народа, не может колебать весов исторической справедливости слепым служением одному в ущерб другому. Она должна выделить себя из сферы враждующих сил и бесстрастно наблюдать неизбежный ход событий»¹²⁴.

Меньшевики, как и эсеры, выставляли лозунг «за Думу» (призывать к протесту против разгона Думы) на том основании, что «в глазах широких сельских и городских масс, армии, офицерства и оппозиционных слоев буржуазии» Государственная дума играет роль «естественного преемника власти», и тем самым обнаруживали, по оценке большевиков, свое желание «быть идеологами „общенационального“ движения „офицеров“, темного крестьянства и „оппозиционной буржуазии“». Большевики осуждали эту, по существу кадетскую, позицию, означавшую приспособление лозунгов социал-демократии «к офицерству, буржуазии и темным массам»¹²⁵.

¹²³ Второй период революции, 1906—1907 гг. Ч. 1, кн. 1. С. 177. Письмо, перехваченное полицией, датировано 19 января 1906 г.

¹²⁴ Там же. С. 317—318.

¹²⁵ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: Апрель — май 1907 г.: Протоколы. М., 1963. С. 728—729.

В августе 1906 г. большевистская газета «Пролетарий» поместила статью Ленина «Политический кризис и провал оппортунистической тактики». В ней беспощадной критике были подвергнуты меньшевики, которые союз «с средней буржуазией и офицерством, одним словом с элементами кадетской партии»¹²⁶, считали средством против перехода солдат и матросов на сторону Советов рабочих депутатов, что повело бы, по их убеждению, к установлению военной диктатуры армии, перешедшей на сторону народа, тогда как сами они ратовали «за Думу». Этот вопрос приобретал в рядах социал-демократии особенную остроту как раз в августе 1906 г. в связи с тем, что Г. В. Плеханов выступил в меньшевистской печати с заявлением о том, что только участие офицеров в военных организациях положит конец «*бунтам* (солдат и матросов), представляющим собою непланомерную и непроизводительную затрату сил, нужных для революции». Специально по этому поводу Ленин заметил: «Видите, как энергично: *только* участие офицеров положит конец бунтам!! Без офицеров не будет конца „*непланомерной*“ трате глупых мужицких сил»¹²⁷.

Но столь ясная мотивировка меньшевистской тактики была обнародована не сразу. В статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» Ленину только на основании одного письма меньшевистского ЦК к партийным организациям приходилось делать вывод о том, что меньшевики, утратив «элементарный революционный инстинкт» и «всякое чутье действительности», не видели разницы «между дворянской революционностью декабристов — разночинно-интеллигентской революционностью офицеров-народовольцев, — и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века». Оппортунисты не заметили коренной разницы «между революционностью офицеров в эпоху Народной Воли при полном почти равнодушии солдатской массы и теперешней реакционностью офицерства при могучем движении именно серой военной массы»¹²⁸.

Не забудем, что это писалось в августе 1906 г. А на октябрь и вообще на конец того же года и на первые месяцы следующего, 1907 г. приходилась наиболее интенсивная деятельность Союза офицеров: следы ее сохранились в переписке жандармских управлений Рязани, Тифлиса,

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 355.

¹²⁷ Там же. Т. 15. С. 287—288.

¹²⁸ Там же. Т. 13. С. 356.

Москвы, Иркутска, Томска, Киева, Маргелана и других городов и губерний с департаментом полиции¹²⁹. По общепию же Мстиславского, союз перестал существовать к концу 1907 г. Так что между августом 1906 г. и концом 1907 г. лежат и его организационная полоса, и полицейские преследования, и медленное затухание деятельности, и, наконец, распад. Тогдашний его председатель вспоминает, что союз уцелел после полицейских розысков и провалов, по «не уцелел от внутреннего недуга: уже в самой организации его заложено было зерно его будущей гибели: я разумею оторванность его от солдатских масс... Решение не сливаться с солдатскими организациями, ограничившись лишь контактом, притом — контактом «верхушечным», было принято вполне сознательно... В те дни так резка, так, в буквальном смысле, непереходима была грань между офицером и солдатом, так било в глаза даже малейшее отступление от этой традиционной грани...».

Не только офицеры, но и вольноопределяющиеся, «находившиеся в постоянном и непосредственном общении с солдатами, оставались фактически изолированными, держались особняком — не только потому, что они чуждались солдатской среды, но и потому, что и сама среда сторонилась их, как «чужих», как «бар», и чрезвычайно туго шла на сближение». Мстиславский делает удивительное сравнение, не вызывающее, однако, сомнения в его обоснованности: «Значительной части революционного даже офицерства психологически было легче — как ни парадоксально прозвучит это — произвести государственный переворот, чем побрататься в обыденности, в быту, в повседневном общении с солдатами, ибо здесь им приходилось переступать классовую грань, в чем-то отрекаться от себя... и солдатские организации, со своей стороны, не выражали ни малейшего стремления к объединению с офицерством. Напротив, мне лично не раз приходилось слышать от солдат, что офицеры «стесняют» их, что без офицеров лучше».

И вот финал: «Развитие движения с 1906 года явственным и predeterminedным путем перемещалось на низы, в массы... Всероссийский офицерский союз по составу своему не мог, не умел и не смел войти в массовое движение; этим судьба его была решена». Мстиславский под-

¹²⁹ ЦГАОР СССР. ДП 00. 1906 г. Оп. 6. Д. 814. 1-а.

робно описывает процесс, который проходил у него на глазах, когда «даже очень искренние, казалось бы, члены союза» постепенно «вовлекались в работу реакции и, тем самым, все дальше отходили от движения... приток новых членов прекратился, полковые и батальонные кружки стали распадаться... связи отмирали, рвались или переждались»¹³⁰.

Весь этот процесс — наглядное свидетельство того провала оппортунистической тактики мелкобуржуазных партий, которую Ленин раскрыл на примере меньшевиков; эсеры продемонстрировали этот провал на кратковременной истории Офицерского союза, предоставив, таким образом, дополнительный материал для лучшего понимания марксистской оценки этапов революционного движения и классовой характеристики его сил в царской армии. Этот реальный процесс может служить подтверждением и тех выводов Ленина, в которых он обобщил уроки изучения офицерства как политической силы в годы первой русской революции, уроки, ценность которых с новой силой раскрылась в более позднее время, особенно в 1917 г.

В апреле 1907 г. путем сравнения резолюций, вынесенных в октябре 1906 г. меньшевистской конференцией военных организаций, а в ноябре — большевистской конференцией военных и боевых организаций РСДРП¹³¹, Ленин дал классовую характеристику офицерства как участника буржуазно-демократической революции. Из анализа этих резолюций Ленин сделал три вывода, которые обуславливали тактику пролетарской партии по отношению к офицерству. Нельзя, прежде всего, определить ее, не поставив «во главу угла» оценку классового состава офицерства и его роли в ходе буржуазной революции, о чем меньшевики даже не ставили и вопроса. Во-вторых, Ленин обращал внимание на невозможность создания из офицеров самостоятельной социал-демократической организации, считая, что в смысле технической помощи восстановлению могут оказать услугу лишь «отдельные офицеры». Наконец, меньшевики боятся указать «классовую связь офицерства с буржуазией» и потому признают возможность превратить офицеров «в сознательных сторонников с.-д. партии»; большевики дают офицерству открытую пролетарскую оценку как «реакционного в целом слоя»

¹³⁰ Мстиславский С. Из истории военного движения. С. 29—31.

¹³¹ Второй период революции, 1906—1907 гг. М., 1963. Ч. 3. С. 30, 51.

и из этого делают вывод: оппозиционных офицеров допустимо использовать «для осведомления», а «отдельных членов» привлекать в партийные военные и боевые организации. В целом же в рассуждениях меньшевиков Ленин усматривал оппортунистическую боязнь «оценить буржуазный классовый состав офицерства и внести в работу среди войска идею классовой розни массы «нижних чинов» из крестьян и рабочих и кучки дворянских сынков или буржуев, пролезающих через военную службу в дворянство»¹³².

Насколько точен сделанный Лениным анализ этих двух линий социал-демократов в отношении офицерства, показывают и такие факты. Большинство делегатов меньшевистской конференции «показывало, что теперь состав офицеров не чисто дворянский, как то было прежде, что в него вошло много разночинских элементов, что поэтому необходимо обратить более серьезное внимание на работу среди офицеров»¹³³. Иначе отнеслись к проблеме большевики. К протоколам их конференции приобщен письменный доклад одного из активных участников ноябрьского (1905 г.) вооруженного восстания в Севастополе, И. П. Вороницына, который указывал, что «у нас слишком мало внимания обращают на привлечение в военные организации офицеров», и находил, что они могли бы с успехом работать в социал-демократической организации «несмотря на свою буржуазность»¹³⁴. Однако подобные соображения опровергались опытом революции и были большевиками отклонены; в основу их резолюции была положена классовая характеристика офицерства, играющего в буржуазно-демократическом перевороте реакционную роль.

Статья Ленина, посвященная специально протоколам большевистской военно-боевой конференции и защите как самой конференции, так и ее материалов от нападок меньшевистского ЦК¹³⁵, сама по себе является итоговым документом большевизма, обобщающим опыт борьбы с оппортунизмом по вопросам тактики социал-демократии в первой русской революции. В статье Ленин обратил внимание

¹³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 285—287.

¹³³ Второй период революции, 1906—1907 гг. Ч. 3. С. 28.

¹³⁴ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. М., 1955. Ч. 1. С. 342.

¹³⁵ Конференция была созвана большевиками «вопреки решительному протесту ЦК, находившего какие бы то ни было формы объединения боевых организаций недопустимыми» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 281).

членов партии и всех сознательных социал-демократических рабочих на эти протоколы как на «чрезвычайно ценный материал», который необходимо изучать, особенно в той их части, в которой анализируются опыт работы в войсках и вопросы вооруженного восстания¹³⁶. В теоретическую разработку проблемы вооруженного восстания как особого вида классовой борьбы пролетариата протоколами этой конференции, как и анализом их, сделанным Лениным, был внесен неопенимый вклад; раскрывалась одна из самых важных сторон «генеральной репетиции» Октября.

В мае 1907 г. на V съезде РСДРП меньшевики, имевшие большинство в ЦК, попытались опорочить «дебаты и решения» ноябрьской конференции военных и боевых организаций. Мартов договорился до того, что в них нашла будто бы отражение позиция «заговорщических и анархистских элементов», стремившихся-де к образованию внутри партии «централизованной специальной организации подготовки восстания», и высказал опасение, что «шаг, сделанный „боевиками“ в ноябре, грозит партии расколом»¹³⁷. Большевики, участники конференции, отвели эти обвинения, заявив, что решения конференции «являются единственными принципиально обоснованными резолюциями социал-демократической партии по вопросу о работе в армии»; став «достоинством значительного числа военных организаций, отдельных областных конференций», они «не вызвали никакой критики, ни одного отрицательного замечания ни ЦК, ни какой бы то ни было другой партийной организации»¹³⁸. В материалах съезда была, таким образом, подтверждена ленинская оценка решений большевистской конференции.

Когда мы читаем сделанные впоследствии Лениным выводы о том, что ожесточеннейшая борьба по программным и тактическим вопросам между представителями главных политических течений в 1903—1905 гг., а затем в 1905—1907 гг. предвосхищала и подготовляла открытую борьбу классов, «великую борьбу 1917—1920 годов»¹³⁹, то эта ленинская мысль должна напомнить нам, что в спорах тех лет получили оформление и тактические взгляды пролетариата по вопросам борьбы за армию, в том числе

¹³⁶ См.: Там же. С. 289.

¹³⁷ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. С. 81.

¹³⁸ Там же. С. 94.

¹³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9, 371—372.

об отношении к офицерскому составу. Так что в 1917 г. пролетариат вступил во вторую революцию с готовой, выработанной и проверенной на опыте первой революции и в борьбе с оппортунистами позицией.

Классовая рознь, проявлявшаяся в отношениях офицеров и солдат, в необычайно острой форме выплеснулась на поверхность общественной жизни в дни Февральской революции и сразу же после свержения самодержавия оказалась в центре внимания разных политических сил. Известны многочисленные случаи расправ солдат и матросов с ненавистными офицерами и высшими чинами армии и флота в последние дни февраля и первые дни марта, а затем широко разлившаяся по всему театру военных действий и по гарнизонам тыловых округов волна смещений с должностей, изгнания из частей и арестов офицеров и генералов. А. И. Верховский, служивший в Севастополе начальником штаба дивизии, 2 марта 1917 г. записал в своем дневнике: «Сегодня слухи о перевороте распространились по городу и проникли в полки нашей дивизии... На улицах собираются митинги. Один из митингов, в несколько тысяч человек, потребовал коменданта свиты его величества адмирала Веселкина для переговоров. Адмирал поехал, не сняв, вероятно по недосмотру, вензелей государя с погон, и должен был снять их по резкому требованию толпы». Размышляя о тех опасностях, которые несет с собой «разбушевавшаяся стихия», Верховский с ужасом пытается представить, как «много горячего материала в нашей армии», сколько «старых обид» может вспомниться. «Все, что пережито, вся кровь, пролитая даром, все ошибки командования, все это теперь зачтется». Он, тогда подполковник Генерального штаба, прекрасно сознает, что движет эту «стихию»: «Недоверие солдатских масс к нам, офицерам, очень велико. Они видят в нас теперь своих политических врагов, от которых нужно ждать величайших опасностей для народа»¹⁴⁰. «Между офицерами и солдатами образуется все большая и большая пропасть...— доносил 19 марта командующему 8-й армией генералу А. М. Каледину командир 11-го армейского корпуса генерал от артиллерии граф М. А. Баранцов.— Солдаты не верят офицерам»¹⁴¹.

¹⁴⁰ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе: Из походного дневника 1914—1918 гг. Пг., 1918. С. 68.

¹⁴¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 639.

Если раньше, в годы первой революции в России, классовая рознь между офицерами и солдатами проявлялась в условиях неограниченной власти командного состава над солдатской массой, при сохранении армии в руках самодержавия, то теперь, во второй русской революции, непримиримость классовых отношений приобрела еще большую остроту в иных условиях: власть командного состава с падением самодержавия оказалась подорванной и положение офицеров стало часто зависеть от отношения к ним солдат. Это озлобило офицеров и заставляло их искать способы восстановления старых порядков. Вот что сообщал, например, в марте 1917 г. в частном письме офицер Павловского гвардейского полка: «Между нами и ими — пропасть, которую нельзя перешагнуть. Как бы они [солдаты] ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами... Раньше правила мы, теперь они хотят править сами. В них говорят невысеченные обиды веков. Общего языка нам не найти»¹⁴². Здесь нет чего-нибудь принципиально нового по сравнению с тем, что говорилось о классовой розни в армии в 1905—1907 гг. и что сознавалось тогда и офицерами и солдатами, но сознательное ядро солдатской массы подошло к новой революции, впитав опыт предшествующих классовых битв, который предостерегал от повторения ошибок, допущенных в первой русской революции.

Тогда, говорил В. И. Ленин, «широкие массы матросов и солдат легко начинали бунтовать. Но так же легко делали они ту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали успокоить себя обещаниями и уговорами начальства; таким образом начальство выигрывало драгоценное время, получало подкрепление, разбивало силы восставших, и затем следовало самое жестокое подавление и казни вождей»¹⁴³. Это было сказано Лениным примерно за месяц до начала Февральской революции и не было тогда напечатано, но этот его доклад, впервые опубликованный в 1925 г., доносит до нас запечатленные уроки классовой борьбы и тактику большевиков в борьбе за войско, выработанную на опыте первой русской революции и ставшую для революционных сил руководством в грядущих классовых боях. Пропедевский через царский суд и каторгу большевик И. Д. Сладков

¹⁴² Красный архив. 1932. № 1/2 (50/51). С. 200.

¹⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 318.

в первый же день Февраля напутствовал на Якорной площади Кронштадта многотысячную массу матросов: «Товарищи! Берите под стражу царских офицеров, вспомните их расправы в пятом и шестом годах. Не повторяйте прежних ошибок, не останавливайтесь на полпути. Не верьте им, будьте бдительны»¹⁴⁴. Арестовывая офицеров, матросы убеждались, что те «не верили в завтрашний день революции... знали, чем закончились события 1905 года, ждали такого же окончания и Февральской революции 1917 года», но матросы были научены поражениями в 1905—1907 гг., а затем и в 1912 гг.¹⁴⁵ «Мы не строили иллюзий,— вспоминал активный участник Февральской революции в Кронштадте матрос С. Н. Баранов,— понимали, что завтра они будут чинить расправы над нами, топить в крови революцию, если она не сможет себя защитить»¹⁴⁶.

Насколько просветил солдат и матросов полученный опыт, показывает эпизод, описанный в «Правде» в апреле 1917 г. Следственная комиссия, состоявшая из 7 лиц, избранных исполкомом Кронштадтского Совета, и 6 юристов, присланных Керенским (тогда министром юстиции), разобрав дело командира батальона крепостного полка капитана Альмквиста, арестованного солдатами, распорядилась освободить его из-под стражи и отправить в распоряжение военной комиссии Государственной думы. Солдаты и матросы усмотрели в действиях комиссии потворство арестованным офицерам и, собравшись у здания Совета, потребовали ареста следственной комиссии. Они лишь тогда отказались от этого намерения, когда члены

¹⁴⁴ Баранов С. Н. Ветер с Балтики. М., 1967. С. 22.

¹⁴⁵ Весной 1912 г. одновременно развернулась подготовка к вооруженному восстанию на Балтийском и Черноморском флотах. Раскрыв с помощью провокаторов планы восстания, царизм обрушил на участников подполья массовые репрессии. На Балтике было арестовано 700 матросов, из которых 52 преданы военному суду. Массовые выступления рабочих и студентов в защиту осужденных заставили царские власти заменить вынесенные матросам смертные приговоры разными сроками каторги. В Севастополе было арестовано 500 матросов. Из преданных суду 143 человек 10 были расстреляны, остальные отправлены на каторгу, 20 человек оправданы за недоказанность обвинения (см.: Найдя С. Ф. Указ. соч. С. 446—478). Оценку восстаниям 1912 г. в армии и флоте В. И. Ленин дал в статьях: «Восстания в армии и во флоте», «Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22).

¹⁴⁶ Баранов С. Н. Указ. соч. С. 36.

исполкома и представители большевистского комитета разъяснили, что комиссия допустила ошибку, освободив офицера без согласия арестовавших его солдат, но не злонамеренно. В тот же день члены комиссии от исполкома были переизбраны, а юристы сложили свои полномочия и вернулись в Петроград¹⁴⁷.

Командные верхи армии не сразу уразумели коренное изменение в политическом положении в стране и в армии. В первых числах марта Ставка по-прежнему продолжала предписывать подчиненным генералам принимать «самые решительные меры, дабы дезорганизация и анархия не проникли в армию», «захватывать и предавать... на месте военно-полевому суду» делегации, приезжающие из Петрограда и «обезоруживающие полицию и офицеров». Генералы требовали от правительства не вводить до конца войны «изменений в те внутренние распорядки армии, к которым она привыкла и в которых воспитывалась в течение многих лет», объявили «злостной провокацией» приказ № 1 Петроградского Совета «о неповиновении солдат офицерам»¹⁴⁸, запрещали его распространять, «так как никакого отношения этот Совет к армии не имеет», проникшие в войска экземпляры приказа конфисковывались. Однако накал политической борьбы, враждебные действия солдат по отношению «ко всем лицам, пытавшимся убедить их спокойно выждать распоряжений нового правительства», и аресты ненавистных генералов и офицеров убеждали генералов, как доносил 5 марта командующий 5-й армией А. М. Драгомиров, что «о применении оружия не может быть и речи, ибо таковой способ действий довел бы страсти до наивысшего предела и, несомненно, привел бы к окончательному разладу между войсковой, крайне впечатлительной массой и ее начальниками и... мог бы повести к самым серьезным последствиям»¹⁴⁹.

9 марта военный министр нового правительства А. И. Гучков в ответ на домогательства М. В. Алексеева, исполнявшего обязанности верховного главнокомандующего, об узаконении суровых мер к обузданию солдат открыл ему по секрету глаза на «действительное положение вещей», состоявшее ни больше, ни меньше как в том, что «Временное правительство не располагает какой-либо

¹⁴⁷ Правда. 1917. 14 апр.

¹⁴⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 606, 614, 619.

¹⁴⁹ Там же. С. 620, 614, 615.

реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов», в руках которого «важнейшие элементы реальной власти» — войска, железные дороги, почта и телеграф. И вообще, «Временное правительство, — писал Гучков, — существует, лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов. В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным отдавать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета»¹⁵⁰.

Ставка вынуждена была на время изменить свой курс, приспособивая его к новым условиям. 11 марта генерал Алексеев в целях «ограждения армии от беспорядков» и удержания солдат в повиновении рекомендует командующим фронтами и армиями стать, «к сожалению... на путь компромиссов», а для этого «организовать офицерский состав», внушить ему необходимость сближения с солдатами и ввести офицеров в возникшие «помимо воли начальства» солдатские комитеты, «дабы взять ход событий в свои руки, руководить ими, а не сталкиваться беспомощно с явлениями, получившими жизнь явочным порядком». На понятном им языке Алексеев внушал генералам: «Исключительность переживаемых событий и быстрое их развитие заставляет выйти из рамок обычных мероприятий, прибегнуть к приемам исключительным, лишь бы достигнуть цели»¹⁵¹.

Генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Лукомский разъяснял офицерам, что Временное правительство, «не имея в первое время своего существования никакой силы, на которую могло бы опереться, самым ходом событий поставлено было... в зависимое от Совета рабочих и солдатских депутатов положение», по тут же успокаивал: «Когда угар пройдет, то, естественно, нужно будет принять ряд мер для укрепления в армии дисциплины», идя же на «уступки в изменении уклада внутренней жизни армии», приходится делать «лишь то, чего избежать теперь нельзя»¹⁵². В переводе на язык, свободный от «дипломатии», все эти разъяснения означали, как выразился командир

¹⁵⁰ Там же. С. 429—430.

¹⁵¹ Войсковые комитеты действующей армии. Март. 1917 г. — март 1918 г. М., 1982. С. 29—30.

¹⁵² Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 156.

одного из пехотных полков, только одно: после войны «мы покажем всей этой сволочи»¹⁵³.

Командный состав армии и флота стал усиленно заботиться о том, чтобы создававшиеся в войсках, в особенности после издания знаменитого приказа № 1 Петроградского Совета, солдатские комитеты были под присмотром и не выходили из-под влияния офицеров. Командирам частей, начальникам учреждений предписывалось включать офицеров в комитеты, а затем и в гарнизонные Советы солдатских депутатов. В этом командные верхи нашли поддержку у меньшевистско-эсеровских лидеров, призывавших «обеспечить дружную и согласованную работу солдат с офицерами», создавать «общие солдатско-офицерские Советы». Проследившая процесс образования таких комитетов в Петроградском гарнизоне, Г. Л. Соболев оценивает его как явление, свидетельствующее о непоследовательности и колебаниях политически неопытной, пропитанной мелкобуржуазной психологией крестьянской массы, составлявшей основу гарнизона; в принципе это свидетельствовало о том, что в проведении демократизации армии массы поступались классовым подходом¹⁵⁴.

Большевики в борьбе за войско твердо стояли на почве именно тех принципов, которые были сформулированы в решениях ноябрьской (1906 г.) конференции военных и боевых организаций и работах Ленина. В них была теоретически разработана и позиция революционной социал-демократии в отношении таких боевых союзов, какими являлись Советы рабочих депутатов. Эта позиция была изложена Лениным еще в ноябре 1905 г., когда он писал: «В боевом союзе место только тем, кто борется за цель этого союза» т. е. социал-демократам и революционным демократам, и указывал, что исполком Совета рабочих депутатов не должен открывать своих дверей либеральным демократам, представителям буржуазных организаций и анархистам, сколько бы они ни привлекли в свои ряды беспартийных рабочих¹⁵⁵.

¹⁵³ Там же. С. 144.

¹⁵⁴ Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973. С. 90—92.

¹⁵⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 66, 130—131.

ГДЕ ЖЕ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ?

Анализируя ход Февральской революции, большевики оценивали классовые позиции тех сил, которые ее совершили, и участие в ней различных слоев армии. «В Петербурге, — писала «Правда», — революционные войска победили без офицеров... и только после победы офицерство стало присоединяться к революции». Отмечая наблюдавшееся уже к 10 марта «повсеместное присоединение офицерства к революции», большевистская газета обращала внимание на то, что об этом «особенно хлопочут буржуазные слои общества», и раскрывала цель таких хлопот: буржуазия хочет «взять дальнейшее направление революции в свои руки»¹⁵⁶.

Показательна в этом отношении борьба за солдатские массы между буржуазией и пролетариатом, развернувшаяся в первые же дни марта в Московском гарнизоне. В течение 3—4 марта в Москве вслед за Советом рабочих депутатов был образован Совет солдатских депутатов, поставивший вопрос о слиянии в ближайшее время этих двух организаций ввиду общности их интересов в единый Совет рабочих и солдатских депутатов. Тогда командование военного округа¹⁵⁷ созывает в кинотеатре «Арс» (ныне «Художественный») двухтысячное собрание офицеров и солдат гарнизона и предлагает создать Совет офицерских и солдатских депутатов. С делегацией от Совета солдатских депутатов пришел сюда и большевик В. А. Обух (член военной комиссии Совета рабочих депутатов). Он решительно возразил против объединения офицеров и солдат в одном Совете и выступил за сохранение самостоятельности Совета солдатских депутатов¹⁵⁸. Командованию удалось добиться принятия собранием резолюции, призывавшей «к полному единению между офицерами и солдатами», но объединение тех и других в одной организации не состоялось. А на другой день после собрания в кинотеатре «Арс» Совет солдатских депутатов постановил не объединяться с офицерской организацией и существовать отдельно.

После провала попытки создать объединенный Совет Грузинов вызвал в Москву представителей солдат и офи-

¹⁵⁶ Революционная армия и офицерство // Правда. 1917. 10 марта.

¹⁵⁷ 1 марта 1917 г. генерал И. И. Мрозовский был отстранен от должности командующего войсками Московского военного округа и на его место назначен председатель Московской уездной земской управы подполковник в отставке А. Е. Грузинов.

¹⁵⁸ Летопись героических дней. М., 1973. С. 24—29.

перов из всего военного округа, чтобы создать организацию, стоящую над солдатским Советом гарнизона. Большевики, развернувшие активную работу среди солдат, убедили их покинуть это собрание. И Совет солдатских депутатов отозвал солдат, разъяснив им, что впредь они должны приезжать на собрания и совещания только по вызову Совета солдатских депутатов. 8 марта снова в кинотеатре «Арс» собрание офицеров гарнизона постановило создать Совет офицерских депутатов и приняло резолюцию, определявшую их политическую позицию: подчинение Временному правительству, доведение войны «до победного конца», восстановление «строгой дисциплины как в строю, так и вне его». Казалось бы: нужна офицерам своя профессиональная организация — они ее получили. Однако штаб округа не успокаивался. В противовес Совету солдатских депутатов он вместе с контрреволюционным Комитетом общественных организаций организовал при штабе военный совет («Совет 33-х»), в который эсеро-меньшевистский исполком Совета солдатских депутатов делегировал своих представителей. Большевики настояли на том, чтобы всех представителей солдат отозвать и оттуда¹⁵⁹.

С самого начала своего существования Совет солдатских депутатов заявил, что будет работать в полном контакте с Советом рабочих депутатов, при поддержке которого он и образовался, и отбивал посягательства контрреволюционного офицерства на его самостоятельность¹⁶⁰. А это как раз и вызывало тревогу у буржуазии. Если уж не удалось предотвратить самоорганизацию солдат, то нельзя было допустить, чтобы они полностью выпадали из подчинения офицерам и оказывались под влиянием пролетариев, большевиков. Грузинов предписал солдатскому Совету переместиться в Кремль, чтобы быть ближе к обосновавшемуся там Совету офицерских депутатов. 17 марта объединенное заседание президиумов Советов рабочих и солдатских депутатов ответило отказом на том основании, что «Совет рабочих и солдатских депутатов есть единая организация, [поэтому] решено и в дальнейшем помещаться под единой крышей, т. е. в одном здании». Правда, организационно оба этих Совета так до Октябрьской революции (точнее — до 14 ноября 1917 г.) и не объединились, по контакт между собой поддерживали.

¹⁵⁹ *Васин И.* Армия и революция. М., 1973. С. 122—124.

¹⁶⁰ *Игнатов Е.* Московский Совет рабочих депутатов в 1917 году. М., 1925. С. 16—18, 22—34, 45—47.

Грузинов не прекращал попыток либо объединить в одном Совете представительство солдат и офицеров, либо каким-нибудь иным путем подчинить солдатский Совет офицерскому. Наконец 24 апреля объединенный пленум Советов рабочих и солдатских депутатов сформулировал их общую позицию предельно ясно: «Совет офицерских депутатов в большинстве представляет собой организацию привилегированных классов, а потому предложение о слиянии Совета солдатских депутатов и Совета офицерских депутатов совершенно неприемлемо, но общее собрание считает, что солдаты имеют право выбирать в ССД офицеров, достойных их доверия и отстаивающих интересы солдат, крестьян и рабочих»¹⁶¹. А Советы рабочих и солдатских депутатов были той же резолюцией провозглашены «единой пролетарски-крестьянской организацией, стоящей на стороне завоеванных революционным народом прав»¹⁶². Таким образом, в деятельности солдатской демократической организации в Москве в первые же недели после свержения самодержавия восторжествовала тактическая линия, выработанная большевиками на опыте первой русской революции и последовательно ими отстаивавшаяся.

Но не так было тогда в большинстве гарнизонов в тылу и в большинстве частей на фронте. В крупных гарнизонах, например, в Николаеве, Одессе, Самаре, Саратове, Вятке, Уфе, Ачинске, Томске, Владивостоке, в запасных частях Туркестана¹⁶³, образовались, как и в Петрограде, объединенные солдатско-офицерские Советы и комитеты. Процессу создания солдатских, а потом смешанных (солдатско-офицерских) комитетов в действующей армии в первые месяцы после февраля посвящена специальная работа В. И. Миллера¹⁶⁴, в которой на большом фактическом материале показано, как сначала в виде комитетов воз-

¹⁶¹ *Грунт А. Я.* Москва, 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 85; *Музылева Л.* Залог победы революции. М., 1980. С. 19.

¹⁶² *Васин И.* Указ. соч. С. 124—125.

¹⁶³ *Милю И. И.* История Великого Октября. 2-е изд. М., 1977. Т. 1. С. 600—612.

¹⁶⁴ *Миллер В. И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 г.: Возникновение и начальный период деятельности. М., 1974. Дальнейший ход демократизации армии прослежен в кн.: *Гаврилов Л. М.* Солдатские комитеты в Октябрьской революции: Действующая армия. М., 1983; *Андреев А. М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975; *Кузьмина Т. Ф.* Революционное движение солдатских масс

ники подлинно солдатские организации, как затем, осознав свое бессилие остановить процесс демократизации армии, командные верхи берут курс на подчинение солдатских организаций офицерам и генералам, что при низкой политической сознательности солдатской массы облегчалось оппортунистической тактикой соглашателей, заседавших в комитетах.

Однако по мере развития революции, вызывавшего обострение классовых противоречий и в армии, комитеты постепенно приобретали облик солдатских демократических организаций, все более выражавших интересы солдат вопреки контрреволюционному натиску со стороны командного состава. Переизбрание комитетов низшего звена (ротных, полковых и им равных) вело к вытеснению из них сначала офицеров, а затем и соглашательских элементов. Это, в свою очередь, приводило в ярость контрреволюцию, и она в лице военных верхов обрушивала на солдатские комитеты репрессии, добиваясь их ликвидации или, по крайней мере, низведения к роли безгласных прислужников командного состава. Корниловщина, вызвавшая резкое усиление политической борьбы в армии, привела уже к форменному изгнанию офицеров, меньшевиков и эсеров из солдатских комитетов. Но лишь после победы Октября на протяжении ноября—декабря 1917 г. этот процесс смог охватить «всю массу армии» снизу доверху, «выражаясь прежде всего в смещении и перевыборах старых верхушечных организаций» (армейских комитетов), в пересоздании их руководящих органов, давая преобладание в них партии большевиков¹⁶⁵.

Здесь закономерно может встать вопрос: насколько отвечала действительности 1917 г. бескомпромиссная тактика большевиков, в данном случае по отношению к офицерству, пережившему со времени первой русской революции не одно потрясение под влиянием военных неудач царизма и роста классовых противоречий в стране, к тому же претерпевшему известную деформацию в своем социальном составе, оказавшемуся после свержения самодержавия уже в новых условиях и в какой-то своей части как будто лояльно встретившему февральский переворот?

Центра России накануне Октября: По материалам Московского военного округа. М., 1978; *Протасов Л. Г.* Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971; и др.

¹⁶⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 163—164.

В исторической литературе, в той или иной мере касающейся революционного движения в русской армии в 1917 г., существуют различные мнения о политической позиции офицеров, как противоречащие одно другому, так и взаимно дополняющие друг друга. Стимулом к изучению этого вопроса послужила также потребность в теоретическом осмыслении процесса привлечения офицеров старой армии на службу в вооруженные силы Советской Республики. В решении этих вопросов часто используется положение Ленина, высказанное в начале марта 1917 г., о том, что тяжелые поражения, нанесенные в мировой войне России и ее союзникам, «ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскоружило-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разпочинским, мелкобуржуазным»¹⁶⁶. Привлекая обширный фактический материал, в частности статистические подсчеты, историки раскрыли отмеченное Лениным явление в его более или менее реальном, конкретном виде и проанализировали степень влияния изменений в социальном составе офицеров и генералов на политическое состояние как армии в целом, так и на политические позиции разных слоев офицерства.

Учитывая потери и пополнение офицерского корпуса за время войны, Л. М. Спирин приходит к заключению: «Поскольку в генералы и штаб-офицеры производились только офицеры довоенного времени, т. е. прошедшие полный курс военно-учебных заведений, то к концу войны социальный состав генералов очень мало изменился, а среди штаб-офицеров только возросло число представителей буржуазии. Значит, к концу войны верхушка офицерского корпуса по-прежнему оставалась дворянской». Что касается низшего слоя офицерского состава, то здесь произошли большие изменения: основная масса прапорщиков (за время войны их влилось в армию около 130 тыс в числе примерно 220 тыс. офицеров военного времени) «происходила из средней, мелкой буржуазии, учителей, служащих. Среди них имелись крестьяне и даже рабочие, но последних было мало. В значительной части прапорщики к концу войны стали подпоручиками, поручиками и даже штабс-капитанами». Раскол, происшедший в среде офицеров в связи с Февральской революцией, Л. М. Спирин

¹⁶⁶ Там же. Т. 31. С. 15.

характеризует следующим образом: «Большинство генералов и штаб-офицеров враждебно отнеслось к свержению царя. За ними шли многие кадровые (довоенного времени) обер-офицеры. Подавляющая часть офицеров военного времени, прежде всего прапорщики, поддерживала Временное буржуазное правительство»¹⁶⁷.

С таким заключением совпадает мнение Д. А. Гаркавенко, исследовавшего данный вопрос также, что называется, «с цифрами в руках». Его вывод таков: «Перемены в командном составе ослабили самую надежную опору царизма в армии, но не изменили политической сущности и главных ее функций как орудия защиты самодержавия, господства помещиков и ведения империалистической войны. Офицеры военного времени занимали лишь должности младших офицеров, командиров рот, реже командиров батальонов. Верхние этажи военно-иерархической лестницы занимали дворяне»¹⁶⁸.

Возникает вопрос: ввиду изменившегося за годы войны социального состава офицеров (по их происхождению) нуждалось ли в пересмотре отношении революционеров к ним по сравнению с тем, какое было выработано большевиками на опыте первой русской революции?

В оценке последствий происшедшего во время мировой войны изменения в социальном составе офицерства есть, однако, и другая точка зрения. Наиболее четко она изложена в книге А. М. Иовлева, посвященной формированию командных кадров Красной Армии. Используя фактические данные Л. М. Спирина, а именно те, которые характеризуют офицеров по социальному происхождению (генералы остались на 85 %, штаб-офицеры — на 71 % и обер-

¹⁶⁷ *Спирин Л. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Воен.-ист. журн. 1965. № 4. С. 11.* Л. Г. Протасов уточняет сведения о пополнении офицерского состава за время войны (до 1 мая 1917 г.) по сводке Военного министерства. Подтверждая общее количество 219 513 человек, эти сведения показывают, что школы прапорщиков выпустили 118 414 человек, училища — 74 418 человек, произведено солдат в прапорщики 22 084, призвано из других ведомств 4489 человек и 108 человек явилось «из бегов и бывших под судом» (*Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. С. 28*).

¹⁶⁸ *Гаркавенко Д. А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С. 53.* Этот вывод (с несущественными изменениями чисто редакционного характера) повторен в статье того же автора «Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма» в сборнике статей «Революционное движение в русской армии в 1917 году». (М., 1981. С. 33).

офицеры — на 50 % из дворян, тогда как прапорщики стали примерно на 80 % выходцами из разночинцев, т. е. из средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, а отчасти из крестьян и рабочих), в изменении соотношения между офицерами-дворянами и выходцами из разночинцев (в пользу последних) автор видит основу «расслоения» офицерства и «полевения» части его. Цитируя ленинское положение об изменении социального состава офицерства, А. М. Иовлев считает, что «под влиянием мировой войны и активной работы партии большевиков произошло также „полевение“ взглядов части офицеров».

Февральская революция, пишет А. М. Иовлев, «углубила расслоение внутри офицерского корпуса», и оно стало выглядеть так: «Большинство генералов и штаб-офицеров враждебно отнеслось к свержению самодержавия. Они оставались монархистами. За ними шла значительная часть кадровых обер-офицеров. Подавляющая же часть офицеров военного времени и прогрессивно настроенные кадровые офицеры встретили переворот восторженно. Наиболее сознательная, но численно небольшая прослойка офицеров, вышедших из демократических слоев, пошла за партией большевиков, а некоторые из них вступили даже в ее ряды (например, подполковник Н. Г. Крапивянский, подпоручик И. П. Уборевич, прапорщик В. К. Путна, прапорщик Г. И. Благонравов и другие)»¹⁶⁹.

В историографических работах сопоставляются разные точки зрения по затрагиваемому вопросу — «полярные» и «промежуточные»¹⁷⁰. Противопоставляются точки

¹⁶⁹ *Иовлев А. М.* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М., 1976. С. 35—37. Проследившая дальнейшее расслоение офицеров, автор указывает, что Октябрьская революция «внесла еще более глубокий раскол в офицерскую среду. Большинство генералов, адмиралов, штаб-офицеров отнеслось к Советской власти враждебно и в развернувшейся затем гражданской войне оказалось в стане интервентов и белогвардейцев. Самая многочисленная часть офицерства — главным образом выходцы из мелкобуржуазных слоев — колебалась, занимала выжидательную позицию. Что касается офицеров, подготовленных в годы войны из среды интеллигентов, крестьян и рабочих, то многие из них встали на сторону Советской власти, были избраны на солдатских собраниях командирами подразделений, частей и начальниками штабов».

¹⁷⁰ *Миллер В. И., Протасов Л. Г.* Солдатские массы в Февральской революции // Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979. С. 103—104; *Метелица Д. А.* Борьба партий большевиков за солдатские массы в трех революциях: Историография вопроса. Харьков, 1984. С. 64—65.

зрения, с одной стороны, Д. А. Гаркавенко, хотя, нужно сказать, она варьирует ранее высказанную Л. М. Спириным, с другой стороны — А. П. Стеклова¹⁷¹, развитием которой можно считать изложенное выше мнение А. М. Иовлева.

Д. А. Метелица подводит известный итог освещению этой проблемы в литературе. Хотя он и констатирует, что выводы цитируемых авторов «не всегда совпадают», все же в отличие от В. И. Миллера и Л. Г. Протасова не усматривает их «полярного характера». При этом, очевидно, не учитывается мнение Л. Г. Протасова, высказанное в 1982 г.: «Утверждая, что офицерство в массе своей демократично и революционно, что только единение солдат и офицеров может спасти армию и страну от военного разгрома, идеологи эсеро-меньшевизма недальновидно отождествляли подчинение войск командованию с их боеспособностью»¹⁷². Но уже само «несовпадение» суждений дает основание Д. А. Метелице подтвердить высказанную В. И. Миллером и Л. Г. Протасовым мысль о необходимости проанализировать «политические и психологические последствия демократизации офицерского корпуса в ходе войны». Раскрывая содержание этой проблемы, Д. А. Метелица находит необходимым «показать участие офицеров в революции, деятельность партии большевиков в формировании революционных настроений в офицерской среде, особенности и трудности этой работы». При этом «социально-политические сдвиги в офицерском составе и их последствия» автор рассматривает «как один из объективных факторов, способствующих демократизации и революционизированию армии», а работу большевиков среди офицеров — как борьбу «за вовлечение демократических и патриотических слоев армии в революционный процесс на стороне народных масс».

При изучении этих вопросов следует также учитывать, что в литературе признана почти не исследованной деятельность Советов офицерских депутатов и союзов офи-

¹⁷¹ «Значительная часть офицеров-разночинцев, в том числе и кадрового состава, приняла активное участие в революции 1917 года, многие стали преданными членами большевистской партии» (Стеклов А. П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте, 1914—1917 гг. Тбилиси, 1969. С. 45).

¹⁷² Протасов Л. Г. Армия в политических концепциях меньшевиков и эсеров в 1917 г. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конф. М., 1982. С. 213.

церов-республиканцев¹⁷³, которая тоже относится к последствиям демократизации офицерства.

Не будем ограничиваться отдельными фактами, отдельными лицами. Перед нами стенографический отчет весьма представительного съезда офицеров русской армии, проходившего в мае 1917 г. в Петрограде.

Открывая съезд, председатель исполнительного комитета Петроградского Совета офицерских депутатов¹⁷⁴ и подполковник Генерального штаба А. Ф. Гуцин поведал о вполне демократических началах, определявших созыв и работу съезда. «Вы собраны, — сказал он, — не инициативой отдельных лиц и не по усмотрению начальства, а собраны на основании — решения общего собрания Совета офицерских депутатов Петрограда»¹⁷⁵. Разъясняя политическую позицию этого Совета, Гуцин сообщил, что уже 1 марта, т. е. до отречения Николая II, около 5 тыс. офицеров, собравшись в помещении Собрания армии и флота, вынесли «резко революционную резолюцию» о признании впредь до созыва Учредительного собрания власти исполнительного комитета Государственной думы; Совет же офицерских депутатов организовался «с единой мыслью полного союза с солдатами». Делегаты «из действующей армии и со всей территории Российского государства» приглашены теперь на съезд «для того, чтобы сговориться по всем наболевшим политическим вопросам и по всем специально нашим, военным...»

С приветствием к съезду от имени исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов выступил участник революционного движения социал-демократ Ю. М. Стеклов: «Я должен констатировать, к чести офицерской массы, что в глубине ее заложены здоровые инстинкты, что активного сопротивления наша революция не встретила, правда, не встретила и поддержки, но из нашей сре-

¹⁷³ Андреев А. М. Указ. соч. С. 54.

¹⁷⁴ Полное название, под которым выступал этот Совет, было: «Совет офицерских депутатов петроградского гарнизона, его окрестностей, Балтийского флота и отдельного пограничного корпуса пограничной стражи» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний исполнительного комитета и бюро ИК. М.; Л., 1925. С. 43, 305).

¹⁷⁵ Гуцин почему-то не сказал, что и исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на заседании 26 апреля, признав созыв съезда офицеров «крайне желательным, своевременным», заявил, что он «всячески поддерживает этот съезд» и примет в работах его активное участие (Известия Петроградского Совета р. и с. д. 1917. 27 апр.).

ды не раздается упрека по адресу массы офицерства, потому что мы знаем, в каком растерянном положении очутилось оно во время революции». Высказав уверенность, что «никогда не вернется то ужасное положение», при котором царизм использовал офицерскую массу «для подавления свободы русского народа», Стеклов под аплодисменты зала заявил: «1905—1906 годы не вернутся никогда», и через вырытую самодержавием «пропасть между офицерством и народом, с одной стороны, и с другой — между офицерством и солдатской массой... теперь перекидывается мост и вы можете говорить с солдатом на общем языке... Мы можем сказать смело, что этот язык почти найден. В массе русский офицер такой же угнетенный демократ по своему положению и происхождению». Призывно прозвучали обращенные к офицерам слова члена исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов: «Я убежден, что потомки декабристов найдут достаточно сил и энергии для того, чтобы стать на путь демократического развития России»¹⁷⁶.

Аудитория, которая восторженно внимала этим словам, была разнообразна по своему месту на иерархической лестнице русской армии, но с огромным, подавляющим преимуществом обер-офицеров. Было всего 8 генералов и 140 штаб-офицеров (полковников и подполковников), что составляло пятую часть приехавших на съезд делегатов. Остальные же четыре пятых — 516 делегатов — обер-офицеры, т. е. те самые офицеры военного времени, которые фигурируют в подсчетах, характеризующих изменения в социальном составе офицерства, но и из них лишь 79 — капитаны (15 %), остальные же 437, т. е. 85 %, — штабс-капитаны, поручики, подпоручики и прапорщики, причем 151 (29 % от всего количества обер-офицеров) — прапорщики¹⁷⁷. Действующую армию представляли 456 делегатов, действующий флот — 19 и тыловые гарнизоны — 273 делегата.

Стенограмма этого съезда предоставляет исключительно благоприятную возможность для изучения политических позиций разных категорий офицерства и глубины его расслоения: этому способствует и представительность

¹⁷⁶ Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде с 8 по 27 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 3—4, 7—9.

¹⁷⁷ Там же. С. 526—528. Кроме офицеров среди делегатов съезда было 72 военных чиновника, 1 священник и 12 солдат. Всего приехало 749 делегатов.

съезда, и время, когда он проходил,— шел третий месяц революции, улеглись вспыхнувшие в первые ее дни страсти, все политические течения и организации имели достаточный срок, чтобы разобраться в обстановке и в перспективах общественных отношений. Срок настолько в революционные времена большой, что успело смениться первое, буржуазное, Временное правительство и приступило к делу коалиционное, в котором министры-капиталисты заседали вместе с министрами-социалистами.

На съезде выступали десятки ораторов — от прапорщика до генерала, но не раздалось ни одного голоса, не то чтобы осуждавшего революцию или солдат, принявших в ней участие, но с уст выступавших не сорвалось хотя бы только в какой-то мере не лояльного по отношению к ней слова. С восторгом говорил прапорщик М. А. Майкапар (Союз офицеров-республиканцев) о том, что «разразилась великая русская революция, которая смела старый строй, старый режим»¹⁷⁸. Иные не скрывали, насколько лестно слышать в этом зале признание их причастности к революции. «Мы согласны с тем, что нам сказали,— подтверждал поручик И. П. Смирнов (14-я пехотная дивизия),— что наше офицерство есть офицерство революционной армии»¹⁷⁹. Член исполкома Совета офицерских депутатов прапорщик Г. Г. Шахвердов призывал: «Мы должны показать, что мы есть убежденные революционеры»¹⁸⁰. От группы делегатов, «объединившихся на платформе Совета рабочих и солдатских депутатов», военный чиновник Г. Синани, с университетской скамьи отправившийся добровольцем на фронт, объяснял, что эта платформа включает такие требования, как «освобождение народностей», отказ от контрибуций и аннексий, означающие «продолжение того революционного порыва, который охватил действительно могущественную сильную часть русского народа... Мы стремимся вызвать мятеж среди всех народов мира, требуя от них свержения империализма, требуя поражения его, как у нас, призываем к освобождению народов... Это первый акт русской революции, давший ей силу и возможность свергнуть гнет, давший возможность поднять могущественный призыв к демократиям всего мира...»¹⁸¹.

В начале работы съезда при выработке повестки дня

¹⁷⁸ Там же. С. 319.

¹⁷⁹ Там же. С. 81.

¹⁸⁰ Там же. С. 177.

¹⁸¹ Там же. С. 382—383.

было высказано соображение о том, что в первую очередь следовало бы обсудить чисто военные вопросы, по которым не предвидится расхождений в точках зрения делегатов, иначе, если ставить на первое место вопросы политические — «о войне, о мире, о революции, об армии», — мнения могут разойтись, поскольку «есть две разные платформы по этим вопросам», и тогда может случиться, что съезд не сможет решить тех вопросов, которые офицеров непосредственно касаются и мнения по которым страна, армия и революция «от нас ждут». Но на это возразил прапорщик Майкапар: «Вы как будто бы хотите решать чисто военные вопросы раньше, чем решить те вопросы, которые сейчас так волнуют, которые стоят перед всей страной и мимо которых пройти нельзя». Он заявил, что главным для текущего момента является вопрос о боеспособности армии, «но задача эта может быть решена только в связи с общими политическими вопросами... Только тогда, товарищи офицеры, за нами пойдут солдаты... Мы обязаны разобраться политические вопросы, выявить свое политическое лицо»¹⁸². Его поддержал прапорщик А. Г. Щербаков (21-й армейский корпус): «Я вам прямо скажу, что 12-я армия в лице своих делегатов думает так, что вопросы политические — вопросы жизни и смерти армии»¹⁸³. С еще большей революционной решительностью предложил подойти к этим вопросам штабс-капитан П. К. Мармузов (177-я пехотная дивизия). «Недоразумение тут или ошибка? — задал он вопрос. — Ведь говорят: мы — революционное офицерство, а о политике говорить боимся. Если вы революционное офицерство, говорите о политике, а если вы не революционное офицерство — молчите»¹⁸⁴. И съезд принял реальное в той атмосфере направление работы, не позволявшее уклоняться от обсуждения политических вопросов, и в естественной связи с ними стал рассматривать военные. Высказанные же опасения — о возможном расхождении во мнениях — оказались напрасными: делегаты продемонстрировали редкое в те времена единодушие.

Таким единодушием было отмечено, в частности, обсуждение одного из коренных политических вопросов — о положении рабочего класса, доклад по которому исполкомом Совета офицерских депутатов был поручен пра-

¹⁸² Там же. С. 85.

¹⁸³ Там же. С. 86.

¹⁸⁴ Там же. С. 87.

порщику Г. Г. Шахвердову. Раскрыв условия существования пролетариата в царской России, докладчик с глубоким сочувствием говорил о его борьбе за лучшую долю, как об этом мог говорить человек, пожалуй только находящийся с ним по одну сторону фронта классовой борьбы. «Резюмируя все вышеизложенное, — продолжал офицер, — мы можем сказать: крайне несовершенное, вынужденное, скудное фабричное законодательство и самая беспощадная эксплуатация трудящихся при малочисленности и чрезмерной стесненности их организаций создавали невыносимые условия жизни и труда для рабочих; старая государственная власть, всемерно покровительствуя хозяевам, жестоко преследовала рабочих и лишала их всякой возможности организовываться и отстаивать свои права эксплуатируемых от жадности эксплуататоров; под гнетом административно-полицейского режима рабочее движение было почти совершенно парализовано; из «патриотических» соображений рабочие были прикреплены к заводам и фабрикам, работающим на оборону, и тем превращены в беспрекословных рабов хозяев и администрации. Под влиянием государственной разрухи и предательства власти, с одной стороны, продовольственного кризиса и растущей дороговизны — с другой, положение становилось еще более невыносимым. Так жить дольше было невозможно».

Естественным после этого представляется тот пафос, с которым говорил докладчик о завоеванной свободе: «Грянула Великая Русская Революция, в корне изменившая положение вещей. Старый режим был разрушен до основания и сметен народным гневом. Во всей России утвердился новый революционный порядок на основе свободы слова, собраний, союзов, печати и т. д. Завоевания рабочих оказались громадными. Помимо неограниченной свободы коалиций, рабочие добились 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, введения в жизнь фабрично-заводских комитетов, примирительных камер и т. д.»

В резолюции, принятой по докладу, съезд призывал новое правительство к энергичной охране интересов рабочего класса, насколько это позволяет обстановка войны и революции. Резолюция была принята единогласно при 9 воздержавшихся¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Там же. С. 458—459, 475.

С тем же единодушием (при отсутствии на этот раз даже воздержавшихся) была принята резолюция по докладу об Учредительном собрании, сделанному членом исполкома Совета офицерских депутатов прапорщиком Л. Р. Окрентом. «Съезд уверен, — говорилось в ней, — что избирательный закон воплотит в себе полностью демократический принцип всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. И убежден, что в избирательной кампании примет активное участие вся армия и флот»¹⁸⁶.

Доклад о землепользовании делал член исполкома Совета офицерских депутатов военный чиновник В. Г. Левшиц. В принятой резолюции съезд признал, «что историческим ходом нашего государственного развития крестьянство было приведено в состояние крайнего малоземелья и экономического рабства, что развитие благосостояния государства и справедливость по отношению к трудовому крестьянству может быть осуществлена при полной передаче земель в руки трудящихся, причем основания и детали таковой передачи должны быть разрешены Учредительным собранием». Съезд выражал далее непреклонную волю офицерства, заявляя, что оно «всеми разумными средствами... будет отстаивать настоящее свое решение, ибо в вопросах защиты трудящихся масс офицерство будет идти лишь с народом и за народ...»¹⁸⁷. Голосованием, как мы видим, выражалось уже мнение не только докладчика и не только исполкома Петроградского Совета офицерских депутатов, пославшего своего члена с докладом, но и всей массы делегатов всероссийского и всеармейского съезда, и тем не менее расхождений, которых в начале работы съезда опасались, не возникало. Это даже создает впечатление некоей монолитности, сплоченности офицерства на единой политической платформе.

Возможно, эти и многие другие места стенограммы съезда прольют тот или иной свет на «социально-политические сдвиги в офицерском составе и их последствия», или, что, по-видимому, одно и то же, — на «политические и психологические последствия демократизации офицерского корпуса в ходе [первой мировой] войны», и тем самым помогут в решении, хотя бы отчасти, проблемы, выдвинутой в историографических очерках последнего времени.

Во-первых, стенограмма прямо опровергает рассуждения о мнимой аполитичности или хотя бы политической

¹⁸⁶ Там же. С. 475—480.

¹⁸⁷ Там же. С. 422—435.

наивности офицерства, об их неспособности вести политическое воспитание солдат, в чем пытался убедить задним числом своих читателей генерал Деникин¹⁸⁸. В материалах съезда мы видим, наоборот, свидетельство того, что офицеры, начиная с их низшего звена, получившего ускоренную подготовку в военное время, достаточно разбирались в современной политике, чтобы уметь делать из нее выводы и определять собственную политическую позицию и общую «платформу». В их речах и в реакции на эти речи, в форме ли резолюций, возгласов одобрения или протеста, пунктуально зафиксированных в стенограмме, не просто бездумные восторги или минутные увлечения красивыми фразами, романтикой «медового месяца» революции — здесь если не всегда вполне осознанное понимание, то во всяком случае инстинктивное, «психологическое» восприятие классовых интересов и стимулов действий.

Во-вторых, следует, видимо, уточнить некоторые критерии. Ведь подчас авторы, сообщая о восторженном отношении офицеров к революции, в особенности когда речь идет о кадровых офицерах, остерегаются говорить об их революционности и говорят лишь о «прогрессивности», каковой, в свою очередь, объясняют ту или иную степень участия их в революции или нейтралитета. Уже приведенные высказывания делегатов офицерского съезда проливают некоторый свет на эту сторону дела. Но возможности для решения и этого вопроса стенографический отчет предоставляет гораздо большие.

Такие критерии были выработаны марксистской теоретической мыслью в практике революционной борьбы. Еще летом 1905 г., когда часто можно было слышать слова «победоносная революция», Ленин привлекал внимание к значению этих слов и, выясняя его, писал: «Нельзя обоготворять понятия „революция“ (это будут делать неизбежно буржуазные революционеры и делают уже). Нельзя делать иллюзий, создавать себе мифы — материалистическое понимание истории и классовая точка зрения безусловно враждебны этому». Указывая, что

¹⁸⁸ «Недостаточная осведомленность в области политических течений и особенно социальных вопросов русского офицерства, — писал Деникин, — сказалась уже в дни первой революции... А в годы второй революции большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой, спасавав даже перед солдатской полунинтеллигентней, натаскавной в революционном подполье» (Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 68).

«у нас перед глазами идет борьба двух сил» — революции и контрреволюции, задачу марксиста Ленин видел в том, чтобы «дать себе точный отчет в том, каково (1) классовое содержание этих социальных сил; (2) каково содержание реальное, экономическое, их борьбы теперь, в данное время»¹⁸⁹.

На основе анализа Февральской революции и последующих событий 1917 г. Ленин развивал эту идею в новых условиях противоборства революции и контрреволюции. Он напомнил ее на Апрельской конференции большевистской партии, предшествовавшей офицерскому съезду, в связи с обсуждением большевиками именно тех вопросов, которые вскоре же оказались в центре внимания офицеров на съезде. Когда рассуждают о революции, о правительственной власти, «надо выяснить, — говорил Ленин, — о какой революции мы говорим»¹⁹⁰. Разработка этого положения была продолжена Лениным в статье «Классовый сдвиг» (июнь 1917 г.), в которой обобщался ход революции за четыре месяца после 27 февраля, т. е. за тот период, к какому относится и работа съезда офицеров. В другой статье, «За деревьями не видят леса» (август 1917 г.), были учтены уже и более поздние события, подтвердившие выводы, сделанные до июльского кризиса. Большое теоретическое значение для понимания рассматриваемой проблемы имеет также работа Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата», написанная в начале апреля, но печатавшаяся в гельсингфорской большевистской «Волне» 6, 9 и 10 мая 1917 г., т. е. как раз в дни, когда начинал работу съезд офицеров. В дальнейшем, в октябре 1918 г., при переиздании брошюры, Ленин отметил, что правильность данной в апреле, до образования коалиционного Временного правительства, характеристики главных партий и их классовых основ подтвердилась на всех последующих этапах революции, а рост революции в Западной Европе показал, что и там «основное соотношение главных партий то же самое»¹⁹¹.

Вернемся к стенограмме майского съезда офицеров в Петрограде. Резолюция по рабочему вопросу хотя и призывала рабочий класс и предпринимателей, считаясь с обстановкой войны и революции, «к необходимой осторожности в осуществлении своих классовых стремлений»,

¹⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 221.

¹⁹⁰ Там же. Т. 31. С. 344.

¹⁹¹ Там же. С. 193.

все же оставляла впечатление общей направленности на закрепление завоеваний пролетариата, перечисленных в докладе Шахвердова. Но доклад содержит и более обширный комментарий к резолюции. Вот что можно прочитать в нем, кроме цитированных уже слов, наполненных пафосом резолюции: «Требования рабочих должны быть удовлетворены, но лишь в таких пределах, чтобы это не грозило разрушением основам современной промышленности и не устраняло бы совершенно минимальную законную прибыль капиталистов... Сознательным рабочим необходимо всеми разумными мерами удерживать своих малосознательных товарищей от предъявления неосуществимых требований капиталистам... Нельзя в наше время совершенно игнорировать интересы капитала». Приведа далее компетентное мнение Г. В. Плеханова: «Кто вполне порывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает социалистическую революцию», докладчик заявляет: «Для социалистической революции меньше всего имеется оснований в экономически отсталой России. Только одни фантазеры, утописты и враги рабочих могут призывать рабочих совершить сейчас социалистическую революцию».

Докладчик разъяснил далее смысл «строгого согласования» мероприятий в защиту труда «с обстановкой войны и революции», о чем сказано в резолюции: «Все силы, все помыслы революционной демократии, и в частности рабочих, должны быть направлены к тому, чтобы довести войну до такого конца, когда будет достигнута возможность для России продиктовать свою революционную волю полубабсолютистской Германии... А чтобы побеждать нам на фронте, надо всем усиленно работать в тылу. И кто будет тормозить эту работу на оборону, на победу, тот враг революции, враг отечества»¹⁹².

Этот комментарий проливает свет на вопрос о том, по какую сторону фронта классовой борьбы находится докладчик, а вместе с ним и уполномочивший его Совет офицерских депутатов и, более того, Всероссийский съезд офицеров армии и флота, единодушно, без единого возражения проголосовавший за резолюцию, сформулированную на основе доклада. Одного уже такого «решения» рабочего вопроса достаточно, чтобы выяснить, «о какой революции» офицеры говорили. Они порицают самодержавие, которого уже нет, у власти стоит либеральная

¹⁹² Стенографический отчет... С. 469—471.

буржуазия, увидевшая, что революция пошла дальше цензовой конституционной монархии, к созданию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и буржуазия стала «сплошь контрреволюционной»¹⁹³. И когда офицеры с такой решительностью выступают именно против пролетарской, социалистической революции, против рабочего класса, который заведомо готовы объявить и «врагом революции» (их революции), и «врагом отечества», это ясно говорит о том, что офицерство, защищая буржуазию, отчетливо чувствует, откуда надвигается угроза, видит в пролетариате главного классового врага. По отношению ни к какой другой социальной категории, ни к какому другому социальному слою не раздалось на съезде таких угроз, не заявлено такой вражды, как именно к рабочему классу.

Этого, вероятно, опять-таки достаточно для того, чтобы получить представление о классовой позиции офицерства, но в стенограмме съезда запечатлены признаки не всегда сдерживаемой агрессивности офицерства, ставшего, как и вся буржуазия, таким же контрреволюционным. Это особенно проявилось при обсуждении вопроса об отношении к Временному правительству. «Когда меня послали сюда офицеры, — докладывал с трибуны съезда капитан В. С. Хитрово (2-я гвардейская кавалерийская дивизия), — то они мне сказали: скажи там, в Петрограде, что мы жаждем, мы молим, чтобы нам дали единую, твердую власть». Услышав его заявление о том, что приказ № 1 Петроградского Совета «есть корень зла в нашей армии», аудитория разразилась аплодисментами. Этим заявлением капитан Хитрово, по его же словам, «хотел подчеркнуть тот вред, и вред признанный, который принесло двоевластие». «Пусть Временное правительство, — продолжал он, — в чем-либо даже отступит от своей программы, ему будет нужно это отступление простить во имя единения власти, потому что сейчас наша первая задача — это спасение армии, и какие благие порывы и как бы строго ни проводило Временное правительство, если оно не восстановит дисциплины, порядка, боевой мощи армии, то все эти благие начинания погибнут; поэтому на первом плане мы должны ставить единение власти твердой, определенной и решительной... Когда до нас, товарищи, после революции стали доходить известия о двоевластии, когда мы на местах стали видеть

¹⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 384—385.

весь пагубный вред этого, мы сказали: это двоевластие приведет нас к гибели. Почему же теперь мы не смеем сказать правду, что если это двоевластие не будет вырвано с корнем, то мы дойдем до края гибели, мы уже подошли к пропасти и свалимся в эту пропасть». И снова — аплодисменты зала ¹⁹⁴.

Ту же тему развил с трибуны съезда прапорщик П. М. Виридарский (делегат от съезда офицеров Особой армии): «Временное правительство не пуждается, чтобы говорили о доверии, так как оно есть всеобщее... Мы должны сказать не о доверии, а о повиновении, необходимым Временному правительству», — и здесь тоже взрыв аплодисментов. Когда же оратор произнес следующую фразу: «Повиновение должно быть со всех сторон, и первый должен показать пример Совет рабочих и солдатских депутатов», раздались возгласы: «Ура!», «Браво!» — и новая волна аплодисментов. «Да подчинится он Временному правительству и окажет самую энергичную помощь в деле воссоздания боевой мощи армии», — в стенограмме здесь уже отмечены «бурные аплодисменты». «Вы помните, — обращался Виридарский к чутко внимающему залу, — был такой лозунг: „признаем постольку, поскольку“... Нужно отбросить этот лозунг, нужно определенно сказать, что мы верим Временному правительству, что всю энергию нужно сконцентрировать у Временного правительства... Как орган государственной власти, Совет рабочих и солдатских депутатов признан быть не может». Подкупленный новой волной аплодисментов, прапорщик поставил точку над «i»: «В нашей резолюции мы должны усилить элемент потенциальный Временного правительства, затем сказать, что не признаем Совета рабочих и солдатских депутатов органом государственной власти»¹⁹⁵.

На съезде много говорилось об «анархии», которую породила якобы революция и которую надо было теперь искоренить. И тут опять взоры обращались к Петроградскому Совету. «Не самая революция, национальная в своей глубине, национальная по своему существу, произвела анархию, анархию производит проповедь классовой борьбы», — давал объяснение этому явлению поручик И. П. Смирнов, ранее согласившийся с признанием офицерства революционным, и пытался теперь раскрыть

¹⁹⁴ Стенографический отчет... С. 166—168.

¹⁹⁵ Там же. С. 179.

истоки классовой борьбы в армии: «Господа, кроме самой революции, которая дала толчок, нарушила душевное равновесие войск, кроме общей моральной и физической усталости войск, кроме этих общих причин, я, как офицер, нахожу, что значительную долю разрухи в армии следует отнести на дезорганизирующую роль Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Эти слова тоже были покрыты аплодисментами, но единодушие было нарушено одновременно свистом¹⁹⁶. Это уже был некий симптом расслоения в среде делегатов. Оно дало себя знать и в речах. В чем же оно состояло, это «расслоение»?

В то время как ряд представителей Совета офицерских депутатов и разделявшие ту же позицию офицеры с армейской периферии требовали ликвидации двоевластия и перехода к единовластию буржуазии в лице Временного правительства, представители Совета рабочих и солдатских депутатов всячески изощрялись, чтобы оправдать существование представляемого ими Совета. Военный чиновник Г. Синани сетовал на то, что кое-кто из выступавших принижал Совет, обращая против него «целый ряд упреков», среди которых самый главный — упрек в двоевластии, причем некоторые ссылались на приказ № 1. Синани отводил этот упрек напоминанием о том, что приказ № 1 «вышел в тот момент (1 марта. — В. П.), когда Временного правительства еще не было», следовательно, не было и двоевластия, и потом в приказе ведь в ряде мест шла речь о дисциплине¹⁹⁷.

Член исполнительной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов солдат Звеняцкий даже обиделся на то, что Совет расценивается как антипод Временного правительства, тогда как на самом деле он и не думал соперничать с правительством. «Совет рабочих и солдатских депутатов, — успокаивал он офицеров, — потому и не взял на себя, в свои руки власти, чтобы власть была у тех, кто был привычен к ее пошепию, у тех общественных деятелей... которых общество привыкло в известных частях считать выразителями своих мнений, своими водителями в предшествующий брожению период, чтобы они взяли на себя ближайшие бразды правления. Вот почему Совет рабочих и солдатских депутатов в первые же дни революции на себя власти

¹⁹⁶ Там же. С. 197.

¹⁹⁷ Там же. С. 184—185.

не взял»¹⁹⁸. И уж прямо-таки на защиту Совета встал подполковник К. И. Рыбалко (188-я пехотная дивизия), сказав: «Здесь был брошен упрек Совету рабочих и солдатских депутатов в двоевластии, тогда как он могучей волей остановил гражданскую войну 20—21 апреля и когда не побоялся весь авторитет власти поставить на весы судьбы, чтобы спасти Россию от гражданской войны... То, что Совет не допустил гражданской войны в Петрограде, спасло Россию от гражданской войны и от гибели»¹⁹⁹.

Итак, по какой же линии пошло «расслоение» офицеров на съезде? В стенограмме различаются «группы, стоящие на платформе Временного правительства», с одной стороны, и «объединенные группы, стоящие на платформе Совета рабочих и солдатских депутатов, группы „Единство“ (в стенограмме — „Единение“.— В. П.) и ИК Петроградского Совета офицерских депутатов» — с другой. Если перевести эти формальные обозначения на теоретически более точный язык, то за ними окажутся: первые группы — буржуазные, разделяющие позиции кадетов; вторые — мелкобуржуазные, эсеро-меньшевицкие, соглашательские. Соответственно этому в стенографическом отчете зафиксировано разделение делегатов при голосовании 13 мая резолюций по докладу о Временном правительстве и соотношении его с Советом рабочих и солдатских депутатов: за резолюцию, предложенную от имени первых фракцией партии народной свободы (кадетов), было подано 246 голосов, за резолюцию «объединенных групп» — 265, и кроме того, 77 человек воздержались²⁰⁰. Большинство делегатов отдали, таким образом, голоса за резолюцию обоих Советов и группы «Единство», и это показывает, что блок, противостоявший кадетскому, оказался на съезде сильнее. Здесь видимо, и следует искать

¹⁹⁸ Там же. С. 170.

¹⁹⁹ Там же. С. 177.

²⁰⁰ Всего здесь учтено 588 присутствовавших при голосовании. Разница между этой суммой и количеством всех делегатов (748) объясняется, по-видимому, тем, что к 13 мая приехали не все делегаты, зарегистрированные к концу съезда. Не все из них приехали и к 16 мая (мандатная комиссия докладывала тогда о прибытии 717 человек). Кроме того, председательствующий отмечал 16 мая, что и из прибывших не все делегаты участвуют в заседаниях, так что иногда встает «очень серьезный вопрос о кворуме» (Стенографический отчет... С. 265—267, 291, 305). 13 мая, судя по количеству голосовавших, вопрос этот не вставал.

разграничительную линию между политическими группировками внутри офицерства.

Если мы вернемся к тем страницам стенограммы съезда, где запечатлено полное единодушие всего его состава по рабочему вопросу, впечатление такого «расслоения» рассеивается. Может быть, это не тот вопрос, решение которого рельефно выявляет политическую позицию того или иного класса или хотя бы разных его слоев? Но ведь в условиях капитализма — это вопрос о перспективах общественного развития, о социализме как цели рабочего движения и о судьбе самого капитализма.

Как относились в то время разные политические партии к социализму? Кадеты и все те, кто стоял правее их, — «безусловно враждебно»; меньшевики и эсеры — «за социализм, но думать о нем и немедленно делать практические шаги к его осуществлению рано»²⁰¹. Наставляя делегатов съезда, П. Н. Милюков провозгласил партию народной свободы «первым застрельщиком в деле великой русской революции», но «великая русская революция сделала свое дело», и задача ее — «показать нашим врагам и друзьям, что русская революция не ослабила способности русского народа в борьбе против врага». Под аплодисменты зала кадетский лидер обратился к офицерам: «Я и мои политические товарищи питаем глубокую, твердую уверенность, что перед русской новорожденной свободой и перед русским народом российская армия в единении солдат и офицеров исполнит свой долг»²⁰². В другой же аудитории, в клубе кадетской партии, тот же оратор вскоре выразил полное удовлетворение взаимопониманием кадетов с «социалистами»: «Если мы сравним те планы и намерения программы, с которыми пришли теперь социалистические партии, с тем, что было 10 лет назад, в 905 г., мы увидим, что социалистические партии теперешнего времени гораздо разумнее смотрят на ближайшие задачи русской жизни». Они, по мнению Милюкова, усвоили многие уроки прошлого и «принимают как исходную аксиому то положение, что русская революция, как и все другие современные и прошлые революции, не может быть победой социализма и социалистического строя, что эта революция есть по преимуществу революция политическая и революция, применяясь к их терминологии, буржуазная, произведенная известными буржуазными клас-

²⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 195.

²⁰² Стенографический отчет... С. 46, 48.

сами, открывшими большие перспективы массам, но вовсе не направленная к немедленной победе социализма». Поскольку, как считал Милюков, «социалистические» партии за 10 лет своего существования усвоили эту аксиому, то можно не опасаться, «что они вовлекут Россию в утопические опыты и неосновательные политические и социальные эксперименты»²⁰³. Это говорилось в лекции 14 июля 1917 г. Кадеты могли быть спокойны за поведение соглашателей, поскольку их лидеры, засвидетельствовав свое единомыслие с кадетами, в июльские дни связали себя с ними еще и участием в расправах с революционным народом.

Только большевики, борясь за социализм, считали, что Советы рабочих депутатов должны «тотчас» делать «практические возможные шаги к осуществлению социализма» и прежде всего шаги, ведущие к национализации, к передаче в собственность народа банков и синдикатов капиталистов²⁰⁴.

Единодушно одобренная съездом офицеров позиция исполнительного комитета Совета офицерских депутатов ясно и недвусмысленно разрешала основной вопрос революции так: 1) в экономически отсталой России нет оснований для социалистической революции, к ней могут призывать сейчас только «фантазеры, утописты и враги рабочих»; 2) предъявляя свои требования капиталистам, рабочие не должны выходить за пределы их осуществимости, дабы не подрывать основ современной промышленности и не игнорировать интересы капиталистов.

Во всех этих материалах мы находим ясный ответ на тот вопрос, без выяснения которого невозможно серьезное исследование проблем классовой борьбы, — это вопрос о том, «о какой революции мы говорим», каково классовое содержание сил революции и контрреволюции, каково реальное экономическое содержание их борьбы в рассматриваемое время. Офицерство в целом, а на съезде и без всякого исключения показало, что оно выступает за революцию буржуазную, против революции социалистической, оставаясь кадетским элементом в армии и обществе. Единодушным решением одного уже этого вопроса и кадетами, и эсеро-меньшевистскими лидерами Советов, и съездом офицерских депутатов стирается та мнимая разграничительная линия, механически разделявшая яко-

²⁰³ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854-а. Л. 3—4.

²⁰⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 195, 202.

бы по признаку формальной принадлежности к буржуазно-демократическим и соглашательским организациям две основные группировки в составе съезда. В действительности она проходила не между этими группировками, а по водоразделу между всеми ими вместе взятыми, с одной стороны, и большевиками — с другой, в конечном счете — между двумя основными противоборствующими классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом.

Это проявляется еще и в том, что в полном согласии с кадетами, в политической деятельности которых борьба с большевиками закономерно занимала главное место, делегаты съезда, принадлежавшие к обеим группировкам, дружно травили большевиков. Среди них и докладчик по вопросу о Временном правительстве член исполкома Совета офицерских депутатов штабс-капитан С. К. Вряжосек, участник судебных расправ с революционерами при царизме (о чем, не находя в том цинизма, рассказал публично), а в февральские дни 1917 г. подвизывшийся в Таврическом дворце в качестве посредника между Советом рабочих депутатов, Временным комитетом Государственной думы и офицерами воинских частей; и член Союза офицеров-республиканцев прапорщик М. А. Майкапар; и подполковник К. И. Рыбалко (188-я пехотная дивизия); и штабс-капитаны С. К. Лобачевский (1-я гвардейская пехотная дивизия) и А. И. Савич (7-я Сибирская стрелковая дивизия); и, по собственной аттестации, «социалист по убеждениям» член исполкома Совета офицерских депутатов, товарищ председателя съезда корнет И. С. Сакс.

В стенограмме значатся прямые выпады этих лиц против В. И. Ленина, «Правды», большевиков²⁰⁵. А сколько таких отравленных стрел было пущено с трибуны съезда без конкретного адреса в прениях, касающихся Советов, двоевластия, землепользования и всех остальных стоявших в повестке дня вопросов, в которых фигурировали безвестные «анархисты»! Единодушные в этой травле было столь полное, что не было нарушено ни единым голосом, раздавшимся в защиту большевиков, против разнузданной клеветы по их адресу.

Характеризуя в 1917 г. политические партии в России, Ленин разобрал их позиции по главным, актуальным тогда вопросам. Среди них ряд вопросов затрагивал самую жгучую проблему того времени — о войне и мире.

²⁰⁵ Стенографический отчет... С. 117, 319, 348, 351, 368, 400.

Естественно, что на офицерском съезде она заняла центральное место. Кадеты и все стоящие правее их, указывал Ленин, безусловно стоят за войну, потому что она ведется в интересах капиталистов, неся им неслыханно большие прибыли и упрочивая их господство. Меньшевики и эсеры с готовностью идут на обман народа по кадетским рецептам, выдавая войну за оборонительную и пропагандируя «революционное оборончество». Одни большевики «безусловно против империалистической войны вообще», против ведущих ее буржуазных правительств и «безусловно против „революционного оборончества“ в России»²⁰⁶. Они еще и этой позицией вызывали бешеную злобу у кадетов и их приспешников из мелкобуржуазных партий. Съезд офицеров в дебатах по этому вопросу наглядно продемонстрировал не то что размежевание, а глубокую пропасть опять-таки именно между офицерами и большевиками, незримо, как противная сторона, как бы присутствовавшими на съезде.

При голосовании резолюций о войне и мире произошло некоторое расхождение уже между фракциями, объединившимися на общей платформе при обсуждении рабочего вопроса, докладов о Временном правительстве и об Учредительном собрании. Там, как мы видели, было полное единодушие на кадетской, буржуазной платформе. Теперь же, 16 и 17 мая, проблема войны и мира нарушила это единодушие. Если раньше соглашатели вместе с офицерами (с кадетами) демонстрировали свою полную солидарность, когда шла речь о защите буржуазной революции против социалистической, то теперь Совету офицерских депутатов оказалось не совсем по пути с Советом рабочих и солдатских депутатов, и первый из них стал брать верх. Резолюция, предложенная Советом рабочих и солдатских депутатов, была провалена (за нее проголосовал только 71 человек, а против — 209)²⁰⁷. Защищая оборонческую позицию и третируя солдат за братание на фронте, расценивая его как «позорное явление», как «предательство интересов народной демократии» и «измену делу революции», она выражала протест против «стремления затянуть войну» и слишком нацелила на проведение в жизнь «возвещенной Советом рабочих и солдатских депутатов и принятой Временным правительством политики, направленной к скорейшему заключению мира без ан-

²⁰⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 199.

²⁰⁷ Степнографический отчет... С. 406.

некий и контрибуций, на основе самоопределения народов»²⁰⁸, которую соглашатели сочли за чистую монету, тогда как только что, 28 апреля, военный министр Гучков приказом по военному ведомству объявил проповедь «необходимости окончить войну возможно скорее» происками лиц, состоящих «на службе наших врагов»²⁰⁹.

Съезд принял резолюцию, предложенную исполкомом Совета офицерских депутатов от имени фракций, объединившихся на платформе декларации Временного правительства, «Единства» и представителей флота. Повторяя ту же демагогическую формулу, ее составили в более «энергичных» тонах: она предостерегала от «всякого промедления в воссоздании боеспособности армии и флота», подхлестывала — «время слов прошло и необходимо действие» — и, взывая «к гордости свободного народа», объявляла, что «ныне на фронте необходимо немедленное и решительное наступление, в коем жизнь и залог победы». Группировка голосов по этой резолюции количественно оказалась та же самая, только как бы в перевернутом виде: те же самые 209 голосов (здесь — 210, на один голос больше), которые были поданы против резолюции, предложенной Советом рабочих и солдатских депутатов, выступили за вторую резолюцию; и наоборот, только 69 делегатов (от 71 голоса, поданного за вторую резолюцию, отпало 2) голосовало против резолюции фракций,

²⁰⁸ Там же. С. 368—369. Здесь имеются в виду декларации Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 27 марта и коалиционного Временного правительства от 5 мая 1917 г., в которых наряду с демагогическими фразами, подобными цитированной, подтверждалось «полное соблюдение обязательств, принятых в отношении наших союзников», и «все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием», предоставлялось решать «воле народа», однако «в тесном единении с нашими союзниками». Правительство, требуя, при одобрении соглашателей, «полного и безусловного к нему доверия всего революционного народа», заявляло, что оно будет «на деле» осуществлять «всю полноту власти», и угрожало «самыми энергичными мерами против всяких контрреволюционных попыток», причем в попытке такого рода зачислялись «анархические, неправомерные и насильственные действия, дезорганизующие страну». Так, подминая не сопротивлявшийся ему Совет, Временное правительство устремляло всю свою решительность и категоричность на обеспечение задач империалистической политики. См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 444—445; Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 229—230.

²⁰⁹ Революционное движение в русской армии, 27 февраля — 24 октября 1917 г. М., 1968. С. 75.

объединившихся на платформе Временного правительства²¹⁰.

Таким образом, при голосовании обеих резолюций о войне и мире участники съезда офицеров продемонстрировали стабильность своей политической позиции. Покинув своих мелкобуржуазных попутчиков, составивших для них «демократическую» ширму при решении вопроса о том, о какой революции идет речь, представители Совета офицерских депутатов еще раз утвердились на кадетской позиции.

До понимания этого не требуется добираться сложным логическим путем. На съезде сами представители исполкома Совета офицерских депутатов, сообщая, что предлагаемые ими резолюции исходят из фракции кадетов, проявляли беспокойство о том, как они будут восприняты солдатами. Совершенно отчетливо этот мотив прозвучал в выступлении члена исполкома подпоручика М. М. Карпова. Он увидел «величайшую трагедию русской общественной жизни» в том, что «партия народной свободы оказалась без народа» и что «эту же самую трагедию пережило и Временное правительство, когда оно 20 апреля оказалось без народа». Сделав далее закономерный выпад против большевиков и «Правды», подпоручик высказал опасение: «Если солдат прочтет вашу резолюцию, резолюцию партии народной свободы, он скажет: да, хорошо написано, но офицеры не за нас. И вот когда они скажут: офицеры не за нас, это у них прямо и определенно будет значить: значит, офицеры против нас». И он предложил выход из этого положения: «Если вы хотите, чтобы действительно вся полнота власти была в руках Временного правительства, чего и мы хотим, то создайте такую власть, которая была бы ответственна перед организованным представительством большинства демократии». А пока он усматривал в резолюции, внесенной «от имени фракции народной свободы», желание офицеров «быть вне факта, вне реальной жизни», и предостерегал: «Я скажу, товарищи офицеры, что всякий, кто подпишется под той резолюцией, то кроме стены, которая была между солдатом и офицером, выроет еще пропасть, и вы с солдатами не объединитесь»²¹¹.

Кадетская резолюция о войне, принятая съездом, полностью отвечала общей направленности как доклада, сде-

²¹⁰ Стенографический отчет... С. 404—406.

²¹¹ Там же. С. 250—253.

ланного подполковником Генерального штаба Гуциным, так и развернувшись вокруг него прений. «Россия может безусловно погибнуть,— говорил Гуцин,— если промедлить... Оборона для данного положения является неприемлемой, мы должны переходить в наступление»²¹². «Наша война,— под аплодисменты провозглашал поручик В. Д. Воскресенский (47-я пехотная дивизия),— есть только война оборонческая... Мы только должны обороняться, но обороняться, наступая»²¹³. Отрекомендовавшийся «простым строевым офицером, не принадлежавшим ни к какой партии», штабс-капитан Лобачевский бросил в зал: «Мы должны, конечно, наступать, наступать и наступать... Призываю вас к наступлению, наступлению и только наступлению»²¹⁴. «Свобода должна быть отстаиваемая, — рассуждал полковник М. Е. Аленич (16-я кавдивизия),— непременно ударом вперед, переходом нашим в наступление»²¹⁵. Дело, однако, не ограничивалось такими призывами. Некоторые из выступавших, как, например, штабс-капитан А. И. Савич, предлагали подумать: «Как заставить армию наступать? — вот в чем кроется задача наша. Можно ли заставить армию наступать, рассылая в эту же армию газеты „Правда“, „Солдат“?»²¹⁶ Ответом на подобные сомнения были речи других делегатов. «Какие цели этой войны, какие цели этой победы — это не наше дело... — урезонивал братьев по оружию подполковник К. И. Рыбалко.— Мы должны победить врага, а аннексия, контрибуция, самоопределение народа — это дело дипломатов, дело министра иностранных дел, дело правительства. Мы — солдаты и, как солдаты, должны сказать, что нам нужна победа»²¹⁷.

В те дни, когда работал съезд офицеров, глава коалиционного правительства князь Г. Е. Львов в беседе с корреспондентами разъяснил, в чем состоит его «дело»: «Страна должна сказать свое властное слово и послать свою армию в бой». Прочитав это откровение, В. И. Ленин написал: «Вот суть „программы“ нового правительства. Наступление, наступление, наступление!»²¹⁸. Такова была «программа капиталистов, перенятая Черновыми

²¹² Там же. С. 301.

²¹³ Там же. С. 311.

²¹⁴ Там же. С. 353.

²¹⁵ Там же. С. 376.

²¹⁶ Там же. С. 368.

²¹⁷ Там же. С. 350.

²¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 52.

и Церетели. Это — программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивание бойни». Ей противостояла другая программа — «программа революционных рабочих всего мира, защищаемая в России нашей партией». Она выдвигала задачи: развить братание, распространить братание и фактическое перемирие на все фронты, облегчить этим хоть временную передышку солдатам всех воюющих стран, «ускорить переход власти в России в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ускорить этим заключение действительно всеобщего мира в интересах трудящихся, а не в интересах капиталистов».

Как видим, центральным, всепоглощающим пунктом политической программы контрреволюционного правительства Ленин здесь назвал требование продолжения империалистической войны. Противоположная политическая программа — революционного лагеря, наоборот, ставила во главу угла задачу свержения правительства империалистической войны и завоевания «всеобщего мира» революционно-демократическим путем. Третьего пути, третьей программы быть не могло. «Правительство наше с Черновыми и Церетели, с народниками и меньшевиками, — писал Ленин, — за первую программу.

Большинство русского народа и всех народов России (и не только России), т. е. большинство рабочих и беднейших крестьян, несомненно, встает за вторую программу»²¹⁹.

Между этими программами проходила разграничительная линия, разделявшая все социальные силы в стране на два лагеря. И офицерство в лице всероссийского съезда заняло позицию на стороне первой программы, в лагере капиталистов, в лагере империалистической войны и наступления. Лишь четвертая часть голосовавших (69 из 279) — «фракция, объединившаяся на платформе Совета рабочих и солдатских депутатов», — по вопросу о войне не решилась встать на ту же позицию, хотя по другим неразрывно связанным с ним и тоже решающим для политической позиции вопросам эта часть делегатов шла в ногу с ротой. Но отсюда не следует, что эта четверть откололась от подавляющего большинства делегатов, от остальных трех четвертей, и что между теми и другими пролегла принципиальная грань. Они, составлявшие эту четверть, просто еще не «дозрели» до полного понимания

²¹⁹ Там же. С. 54.

классовых интересов, классовых задач буржуазии. Они поняли уже, что нельзя разрушать «основ современной промышленности» и предъявлять капиталистам (со стороны рабочих) «неосуществимые требования», что нельзя призывать рабочих «совершить сейчас социалистическую революцию», что «все силы, все помыслы революционной демократии, и в частности рабочих», должны быть направлены к тому, чтобы довести войну до победы над Германией, а для этого «надо всем усиленно работать в тылу», и если кто будет тормозить работу на оборону, «тот враг революции, враг отечества». Но они еще не поняли, что нужно не обороняться, а «наступать, наступать, наступать», и что «время слов прошло» и нужно «дело», причем немедленно.

Увидев разлад с тремя четвертями сидевших в зале, они стали вымалывать у них право на дальнейшее существование своего Совета. Тот же солдат Звенияцкий, заверяя офицеров, что Совет рабочих и солдатских депутатов вовсе не собирался брать на себя бремя власти, отбирая ее у тех, «кто был привычен к ее ношению», убеждал их: «Граждане офицеры! Политическая ваша физиономия... разнообразна, но есть одно, что нас объединяет всех — это момент доведения России до Учредительного собрания и момент доведения войны до ее решительного конца»²²⁰. Все эти мольбы выражают как раз то явление, которое Ленин, обозревая в 1920 г. весь ход революции, сформулировал в словах: «Припомним, что у нас дело началось с соглашательства, что оно привело к корниловщине...»²²¹ На пути соглашательства к корниловщине ясно прослеживаются промежуточные ступени. В мае на офицерском съезде подполковник Рыбалко прощает Совету рабочих и солдатских депутатов его существование за то, что тот «не допустил (в апрельские дни) гражданской войны в Петрограде», прикрыв Временное (тогда еще не коалиционное) правительство своим авторитетом при ликвидации конфликта между министрами-капиталистами и революционными массами и снова отказавшись взять в свои руки власть, на чем настаивали эти массы. России не потребовалось прожить после этого и трех месяцев, чтобы дать соглашателям пройти весь путь измены революционной демократии и опуститься на самое дно контрреволюции. В июльские дни они, войдя с порт-

²²⁰ Стенографический отчет... С. 171.

²²¹ Ленинский сб. Т. 39. С. 224.

фелями министров во Временное правительство, уже прямо помогали ему вызывать против восставших карательные войска. Тем самым они дали новый повод для похвалы по своему адресу, подобной той, какую слышали из уст подполковника Рыбалко, только теперь уже им плюнул в глаза казачий генерал, сказав на Московском совещании: «Ведь вы же сами, министры-социалисты, призвали „нас“ 3 июля на помощь!», «а они,— перефразировав эти слова Каледина, писал Ленин,— утерлись и сказали: „божья роса“!»²²²

Извлекая из опыта русской революции уроки для международного пролетариата, Ленин указывал на важность борьбы против обмана буржуазией трудящихся и эксплуатируемых масс и «самообмана мелкобуржуазных вождей». Он обращал внимание на склонность «плаксивого мелкого буржуа» поддаваться реакционным мещанским иллюзиям о социальном мире и «трусить рубаку-офицера». Рассеять эти иллюзии и преодолеть трусость перед такими «рубаками» особенно важно было потому, что «преступнейшая и реакционнейшая империалистическая война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики... десятки и десятки тысяч реакционных офицеров», представлявших собой готовую контрреволюционную силу в руках буржуазии в борьбе против пролетариата²²³.

Важным звеном в процессе воспитания и выдвижения на авансцену политики реакционных офицеров в 1917 г. были офицерские организации и, в частности, проводившиеся тогда этими организациями съезды офицеров.

Разного рода офицерские организации возникали на всех этапах революционного движения. Известны организации декабристов, народовольцев. Были попытки создания офицерских союзов во время революции 1905—1907 гг. Все это были «общества», «союзы» либо революционные, либо оппозиционные, либерального толка. Возникавшие в условиях империалистической войны, после

²²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 127. В стенограмме Московского совещания записаны слова Каледина: «Вместе с тем казачество отмечает, что это обвинение в контрреволюционности было брошено именно после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство, по призыву министров-социалистов 3 июля вышли решительно, как всегда, с оружием в руках для защиты государства от анархии и предательства» (Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 74).

²²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 56—57.

Февральской революции, они носили уже определенно реакционный характер. Они создавались по инициативе офицеров Генерального штаба, по прямым указаниям командных верхов армии, которые к этому времени успели выйти на арену политической деятельности, обрели идейного вождя в лице ведущей буржуазной партии — кадетов и теперь заботились о втягивании в политическую борьбу всего офицерского корпуса.

Именно в командной верхушке армии, а не в низах офицерского состава, приученного к безусловному повиновению верхам, возникла и в директивном порядке распространилась идея организации офицеров в целях политической борьбы. 10 марта начальник штаба армий Западного фронта генерал М. Ф. Квевцинский телеграфировал в Ставку: «Раз проникновение политики в армию не может быть остановлено, то необходимо, чтобы офицерство взялось за самоорганизацию, дабы иметь соответственное значение в этой новой стороне жизни армии»²²⁴. Ориентируя главнокомандующих армиями фронтов в новой политической обстановке, исполнявший должность главноверха генерал Алексеев на следующий же день, наряду с рекомендацией взять в свои руки солдатские комитеты путем введения в них офицеров, указал также на настоятельную необходимость «сорганизовать офицерский состав»²²⁵. Эти распоряжения падали на подготовленную почву. Офицеры искали способы самоорганизации для борьбы против солдат. Уже вечером 14 марта группа офицеров явилась на заседание исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с приветствием от имени образовавшегося Совета офицерских депутатов под председательством подполковника Генерального штаба Гущина²²⁶.

Бурную деятельность развили офицеры Генерального штаба и в действующей армии. 25 марта собрание генштабистов Особой армии вынесло постановление, которое решено было распространить «среди всех офицеров Генерального штаба». Заявив в самом начале о своей верности «долгу перед родиной и Временным правительством», офицеры решительно выступали за «уничтожение влияния

²²⁴ *Миллер В. И.* Ставка и солдатские комитеты в марте 1917 г. // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966. С. 73.

²²⁵ Войсковые комитеты действующей армии: Март 1917 г.— март 1918 г. М., 1982. С. 30.

²²⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний исполнительного комитета и бюро ИК. С. 305.

безответственного, анонимного сверхправительства», т. е. Петроградского Совета. «Большинство касающихся армии распоряжений Временного правительства, объявленных „с согласия“, а вернее — под давлением анонимного Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, — говорилось в постановлении, — ведут к разрушению основ организации боевой силы государства... Мероприятия проводятся с вредной поспешностью, не считаясь ни с боевой обстановкой, ни с основами военного дела, ни с мнением действующей армии, ни с поставленной самим правительством целью — довести войну до победного конца». Офицеров возмущало то, что Петроградский Совет через печать «делает свои постановления и проекты достоянием широких войсковых масс, которые в большинстве не могут уяснить себе необязательного характера этих сообщений печати и принимают их за новые узаконения, особенно когда они касаются расширения личных прав солдат. Попытки офицеров выяснить истинный характер и необязательность для действующей армии этих постановлений... возбуждают недоверие к ним и даже враждебные чувства». Генштабисты не могли мириться с тем, что все постановления и проекты Совета имеют «благую цель — демократизацию армии и предоставление солдатам гражданских прав, *при умолчании*, — подчеркивалось в постановлении, — *об обязанностях*», вследствие чего «солдатская масса противопоставляется корпусу офицеров» и «все реформы направлены к освобождению солдатских масс от эксплуатации якобы офицерами их бесправного положения». По мнению офицеров, Совет должен был заботиться об уничтожении «главным образом классовой перегородки, существовавшей между офицером и солдатом», а вместо этого между ними «воздвигается глухая стена морального разъединения...»

Не устраивал авторов постановления и «провозглашенный Советом солдатских и рабочих депутатов принцип „оборонительной войны“, который «понимается солдатской массой в смысле пассивного отстаивания армии на занимаемых позициях», почему нет «настоящей уверенности в том, что войска перейдут в наступление, когда им это прикажут, и даже проявят должную энергию при обороне». Для «спасения армии от разложения и укрепления ее боеспособности» офицеры-генштабисты находили необходимым повернуть все общественные организации в армии на борьбу «со злыми течениями, разрушающими организм армии», и на оказание действующей армией

полной живой помощи Временному правительству», от него же требовали «проявить твердость *независимой* (подчеркнуто в постановлении.— В. П.) правительственной власти, не смущаемой безответственными влияниями»²²⁷.

Вот эти-то идеи генштабистов Особой армии и привез в Петроград приехавший на съезд офицеров прапорщик Виридарский. Из этого можно также видеть, насколько верно передавали делегаты настроения пославших их офицерских организаций, движимых ненавистью к революционным преобразованиям в стране и армии.

В обращении к офицерам русской армии и флота, выпущенном офицерами Ставки верховного главнокомандующего, была со всей резкостью выражена тревога за «незыблемые основы военной организации», при нарушении которых вооруженные силы рискуют превратиться «в небоеспособную вооруженную толпу, опасную не для врага, а для своей страны». Тревога усиливалась «на почве взаимного недоверия офицеров и солдат и падения дисциплины». Перед глазами генштабистов вставал «ужас чужеземного завоевания и междоусобной войны», и они призывали: «Офицеры! Мы не можем и не должны ждать извне помощи для восстановления сплоченности и порядка в армии... Нам нужно организовать, чтобы едино мыслить, чтобы одинаково понимать происходящие события, чтобы работать в одном направлении, чтобы иметь одно лицо при общении с солдатами и обществом. Нам нужно создать орган, который мог бы говорить от лица всех офицеров армии и флота». Призывая к созданию «могучего Союза офицеров армии и флота», составители обращения предлагали «политическое сгедо союза», один из пунктов которого требовал защиты Временного правительства в оригинальной формулировке: «Борьба против попыток узурпировать власть у народа, представленного Временным правительством». Среди задач создававшегося союза были и такие: «Предотвращение возможности разложения армии и флота на почве взаимного недоверия между офицерами и солдатами, падения дисциплины и укрепления в армии и флоте ложных идей, подрывающих в корень силу военной организации»; «Борьба со всякими попытками как отдельных лиц, так и обществ создать рознь между офицерами и солдатами»; «Политическая подготовка офицеров в целях сознательного уча-

²²⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2723. Л. 267—269.

ствия в предстоящих выборах депутатов в Учредительное собрание»; «Защита офицерского корпуса от беспочвенных и злостных выпадов со стороны лиц и групп, ложно понявших свободу слова и печати». Съезд представителей отделов союза, организуемых в войсках, предлагалось созвать 5 мая при Ставке, где уже действовал Временный комитет Союза офицеров армии и флота ²²⁸.

Этот съезд проходил в Могилеве одновременно с офицерским съездом в Петрограде. Причем извещения о созыве обоих съездов появились в газетах одновременно, за месяц до их открытия, и многие части посылали делегатов на оба съезда. В Могилев отправилась делегация от Петроградского Совета офицерских депутатов, чтобы выяснить соотношение задач того и другого съезда. На первом же заседании петроградского съезда возвратившаяся из Могилева делегация объяснила, что в Ставке собирается «не съезд, а учредительное собрание особого офицерского союза». Во Временном комитете союза петроградцам объяснили, что «в Ставке совсем не будут предлагаться на разрешение съезда политические вопросы», а будут обсуждаться «профессиональные» вопросы, «касающиеся боевой подготовки армии». Туда не были допущены, кроме офицеров, ни военные врачи, ни военные чиновники, а если кто из них, делегированный от части, приезжал, то получал разъяснение, что ему «в Могилеве делать нечего» и он может отправляться в Петроград, где в съезде участвуют и военные чиновники. Несмотря на попытки петроградских офицеров координировать задачи и работу обоих съездов, руководители могилевского съезда не желали иметь что-либо общее с петроградской затеей и отказались послать на съезд в Петроград своих представителей ²²⁹.

Так что дело обстояло совершенно ясно: в Могилеве собирался съезд замкнутой касты, которому предстояло утвердить фактически уже работавший свой руководящий политический орган,— им стал Главный комитет Союза офицеров армии и флота при Ставке, находившийся целиком в руках офицеров Генерального штаба под председательством кадета подполковника Л. Н. Новосильцева.

В Петрограде же на съезд была допущена и «революционная демократия», стоящая «на платформе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Создания

²²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2646. Л. 417—419, 421—423, 425—427.

²²⁹ Стенографический отчет... С. 66—69.

какого бы то ни было постоянного органа на петроградском съезде не предусматривалось. Речь шла лишь о том, чтобы сплотить на общей позиции и дать определенные идеологические установки офицерам-делегатам. С этой целью на съезде выступили с агитационными речами лидеры партии кадетов — П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, Ф. И. Родичев, посол США Д. Фрэнсис, военные представители союзных армий — полковники Лавернь (Франция), Тонелли (Италия), майор Павлович (Сербия), капитан Хасимото (Япония), министры-социалисты Вандервельде, Керенский, Церетели, представители партий эсеров и меньшевиков, группы «Единство», авантюристы из пресловутой черноморской делегации. В их речах соглашательская часть делегатов съезда получила моральную опору и сама в унисон с ними выступала с позиций «революционного шовинизма». В выступлениях представителей мелкобуржуазной демократии на съезде можно различить все основные элементы, характерные для «революционного шовинизма»: 1) буржуазный национализм с его лозунгом «защиты отечества», «спасения страны», «самозащиты», «территориальной целостности России» и т. д.; 2) социал-реформизм (соглашательство с буржуазией и приглушение классовой борьбы «в интересах обороны»); 3) мелкобуржуазную революционность с ее восторгами по поводу свержения самодержавия. Объективно же «революционные шовинисты», громя задним числом свергнутое самодержавие, переключали главные усилия на утверждение политического господства буржуазии и на продолжение великодержавной империалистической политики, очищенной лишь от старых «военно-феодалных» элементов ²³⁰.

Выступления офицеров и мелкобуржуазных идеологов, стоявших на этой позиции, пронизывает разоблаченная Лениным иллюзия, которую усердно распространяла буржуазия. «Буржуазии выгодно (и для увековечения ее господства необходимо), — писал Ленин, — обманывать народ, изображая дело так, что она представляет будто бы „революцию вообще, а справа, от царя, грозит контрреволюция“». Царистская контрреволюция была уже ничтожна, никакой политической роли не играла, но буржуазии нужно было это пугало, «чтобы отвлекать внимание народа от настоящей серьезной контрреволюции»,

²³⁰ Тютюкин С. В. Война, мир, революция: Идеиная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М., 1972. С. 202.

от «контрреволюционной роли союза всей буржуазии России, называемого партией кадетов». И именно кадетская партия, как главная политическая сила буржуазной контрреволюции, «сплотила вокруг себя всех черносотенцев... в аппарате военного и гражданского управления»²³¹. Такого сплочения она достигла и на майском съезде офицеров в Петрограде.

‡ Не говоря об основной массе офицеров, и в лице «революционных шовинистов» она обрела послушно идущих под ее лозунгами «рубак-офицеров», готовых в нужный момент выступить на стороне буржуазии против пролетариата. Факты говорят о том, какой оставалась политическая позиция офицерства и соответственно тактика большевиков по отношению к нему и после съезда. Проходившая в июне Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) одну из задач демократизации армии видела в замене «назначенных сверху офицеров» выборными органами, считала основными принципами строения революционной и демократической армии «выборность, самоуправление и предоставление инициативы снизу». Причем необходимость проведения этих принципов в России диктовалась, в частности, тем, что в армии оставался «заведомо в большинстве контрреволюционный подбор командного состава»²³².

О том, где проходила разграничительная линия между противоположными политическими силами в армии, говорит, например, воззвание Венденской военной организации РСДРП(б), опубликованное «Окопной правдой» 5 июля. «Граждане офицеры! — говорилось в нем. — Вашими контрреволюционными действиями в отношении к солдатам не убедите нас в правоте вашего дела, не сдвинете нас, солдат, с правильного пути! Мы стоим за наше общенародное революционное дело! Советуем вам, господа офицеры... если вы не в состоянии идти вместе с народом, укротить немножко свои нравы»²³³.

В общем же, если говорить об офицерах военного времени, наиболее демократичного по своему составу поколения, то нельзя отрешиться от факта, что это поколение, вытянутое большей частью из интеллигенции мировой войной и возвращенное ею; война отдала его в выучку

²³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 82—83.

²³² КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 564—565.

²³³ Революционное движение в русской армии, 27 февраля — 24 октября 1917 г. С. 180.

и под надзор командным верхам армии, генштабистам, сблизилась с ними и предопределила их общую судьбу.

Можно назвать также немало революционеров, большевиков, попавших во время войны по мобилизации в армию и получивших боевое крещение и офицерский чин. Таковы прапорщики Н. В. Крыленко, А. Ф. Мясников, А. Ф. Ильин-Женевский, И. П. Павлуновский, подпоручик Р. И. Берзин, штабс-капитан В. М. Турчан и многие другие. Это были профессиональные революционеры, ко времени мобилизации не один год уже работавшие в большевистском подполье. Они были до армии и остались, вступив в нее, за той разграничительной чертой, которая разделяет реакционное офицерство и пролетарских революционеров. Они из тех, о ком Ленин говорил: «Пока была царская власть, нам приходилось идти в армию и работать там»²³⁴. Естественно, что перед ними не стоял вопрос о выборе пути, переходить на сторону революции или не переходить; за их счет незачем наращивать процент офицеров, принявших революцию, перейдя ту разграничительную черту; не по ним судить о политическом облике офицерства старой армии, хотя бы только военного времени. И какой бы ни был большой их список, они не могут поколебать выверенного революционной практикой убеждения большевиков, что из офицерского корпуса лишь одиночки могли прийти на помощь пролетариату в его борьбе за социализм.

ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВ АРМИИ И «ЭЛИТА»

Командный состав старой русской армии изучался у нас в основном в той мере, в какой это требовалось сначала для практического решения задачи привлечения в Красную Армию оставшихся от старой армии военных специалистов²³⁵, а потом для исторического освящения этого опыта. Советскую власть и советских историков в первую очередь интересовали, конечно, офицеры и генералы,

²³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 242.

²³⁵ 19 марта 1918 г. Совет Народных Комиссаров поставил перед Высшим военным советом в качестве одной из задач «систематическое собирание фактических сведений о всех военных, по их познаниям и боевому опыту пригодных по должности высшего военного командования» (Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 570).

оказавшиеся способными пересмотреть свои политические позиции и прийти на службу народу. С разной степенью полноты разрабатывалась в литературе характеристика генералитета и офицеров старой армии в связи с их ролью в революционных событиях в предоктябрьское время, в годы борьбы за власть Советов, а также в порядке изучения истории первой мировой войны и состояния военного искусства и военной мысли русской армии на последнем этапе ее существования.

В советской историографии пока не появилось крупных специальных исследований о командном составе старой русской армии на этом историческом этапе²³⁶. Однако разностороннее представление о нем дают работы, в которых освещена роль и деятельность командного состава в тех ситуациях, в которых он выступал как активная сила на том или ином поприще общественной жизни.

Некоторые зарубежные исследователи, занимающиеся историей русской армии, изложили свою точку зрения относительно разработки этой темы. Наиболее крупной из их работ является монография о русском Генеральном штабе последнего времени его существования, выпущенная западногерманским издательством в Оснабрюке в серии исследований по военной истории и военной теории, которая издается группой военных специалистов, представляющих научные учреждения Западной Германии, Австрии и Швейцарии, занимающиеся изучением военной истории и военной теории. Автор монографии доктор истории М. Майзель (Тель-Авивский университет) следующим образом характеризует состояние историографии: «Армия принадлежит к числу тех аспектов русской истории, которые не подвергаются широкому изучению. Правда, много написано о революционном строении армии в 1917 г., но в этой литературе рассматриваются массы людей, находившихся на военной службе в то время (одетые в военную форму), и, как таковые, эти публикации относятся к области политической ис-

²³⁶ П. А. Зайончковский довел исследование русской армии и ее «олицетворения» в основном до начала XX в. Последние его опубликованные работы по этой проблеме: монография «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903». (М., 1973) и статья «Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной» (Вопр. истории. 1981. № 4).

тории революционных устремлений масс и мало что вносят в наше понимание военного аппарата перед революцией и во время нее. Более того, акцент на политико-революционном аспекте истории армии в 1917 г. вводит в заблуждение, потому что отвлекает наше внимание от других аспектов истории армии в XIX в. и вплоть до 1917 г. В отличие от изучения революционных настроений масс солдат в 1917 г., мало что известно о социальной и политической истории военного аппарата перед революцией»²³⁷. Здесь не указано конкретно, кому именно адресуется эта критика. Должно, однако, заметить, что внимание к революционно-политическим аспектам в изучении русской армии и к освещению деятельности солдатских масс составляет, может быть, самую сильную и плодотворную сторону любого исследования истории вооруженных сил в революционную эпоху. А без этого вряд ли имеет смысл изолированное изучение и того военного аппарата, о котором идет речь.

Наряду с таким безличным экскурсом в историографию в работе того же автора мы встречаем, казалось бы, совершенно иного порядка заявление: «Советские историки обычно занимаются военной мыслью и развитием военного искусства, не изучая серьезно социальную и политическую историю русской царской армии»²³⁸. В виде исключения Майзелем все же названы два исследования советских авторов (упомянутая монография П. А. Зайончковского и «Русская армия и флот в XIX в.» Л. Г. Бескровного, изданная также в 1973 г.). Раскрытие именно социального, политического характера армии является руководящим началом в освещении всех процессов, происходивших в армии в то время, которое охватывает эти монографии. В них уделено должное внимание участию офицеров и солдат в общественном движении и революционных событиях в самой армии и на флоте. Но ни одна из этих монографий не доводит, однако, исследование русской армии ни до 1917 г., ни до первой мировой войны, ни даже до первой русской революции. Следовательно, не о них идет речь в первой цитированной выдержке из книги Майзеля.

Странными, однако, могут показаться диаметрально

²³⁷ *Mayzel M. Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979. P. 2.*

²³⁸ *Ibid. P. 230.*

противоположные его суждения об освещении в литературе истории русской армии; в самом деле, трудно представить, как это может быть: с одной стороны, «политико-революционный аспект» (даже «акцент» на нем) «вводит в заблуждение, потому что отвлекает наше внимание от других аспектов истории армии в XIX в. и вплоть до 1917 г.», а с другой стороны, как будто те же самые историки «обычно занимаются военной мыслью и развитием военного искусства, не изучая серьезно социальную и политическую историю русской царской армии»? Дело, оказывается в том, что политическая деятельность в представлении Майзеля была прерогативой лишь высшего командования армии. Он так и пишет: «С началом [мировой] войны история высшего командования стала неотделима от политической истории России». Автор иллюстрирует этот тезис последствиями поражения русских войск в Восточно-Прусской операции 1914 г., когда в правящих кругах остро встал вопрос о том, «как следует вести войну», и на этой почве возник «политический конфликт, в котором вели борьбу между собой двор, правительство, Дума и политические партии (имеются в виду партии прогрессивного блока.— В. П.). Армия, высшее командование и генштабы были глубоко вовлечены в этот огромный политический конфликт»²³⁹. Мы видим, таким образом, что в данном случае речь идет о политике, которой занимаются высшие сферы государства. Правда, вовлечена будто бы в политический конфликт и «армия», но смысл такого утверждения остался бы загадочным, если бы автор не разъяснил своего понимания существа «политической истории России» и степени приобщения к ней «армии».

«Еще перед революцией», утверждает он, генштабы и генералы высшего командования «начали заниматься политикой», и поясняет, в чем эта «политика» состояла: «Нехватка снабжения вынуждала командующих тесно сотрудничать с гражданскими организациями, учрежденными для того, чтобы решать проблему снабжения». А поскольку во главе этих организаций стояли деятели «политической оппозиции», генералы не имели выбора и вынуждены были связываться «с политиками, которым они не симпатизировали по личным мотивам, а именно с Родзянко, Гучковым и другими думцами». Решение

²³⁹ Ibid. P. 42.

сотрудничать с этими политиками, по словам автора, и «означало политическое решение против царя»²⁴⁰.

Знакомя читателя с воззрениями генералов и «политиков», автор сообщает, что вожди Думы «отождествляли армию с ее высшим командованием, точно так же, как высшее командование отождествляло себя с армией»²⁴¹. На протяжении книги автор не ставит вопроса о резонности такого отождествления и упоминает о нем только для того, чтобы раскрыть механику приобщения армии к «политике». Она представляется ему, например, так: «В последние дни февраля армия в целом действовала через военную командную структуру, вынуждая Николая отречься»²⁴²; иначе говоря, «генштабисты высшего командования руководили революционными переменами, которые привели к падению самодержавия»²⁴³. Развивая эту мысль, автор утверждает, что в событиях Февральской революции армия «сыграла крайне важную, но негативную роль», которая «заклучалась в ее огромной разрушительной силе, проявившейся в отсутствии действий с ее стороны»; она «фактически и разрушила старый режим — тем самым, что не защищала его»²⁴⁴, а это повело и к ее собственному разрушению: «Армия разлагалась, военная машина гибла и больше не могла функционировать. Солдаты выступили против своих офицеров, офицеры не могли добиться исполнения своих приказов, и военная дисциплина исчезла. Военная машина не могла быть использована (царским правительством, а позднее самим высшим командованием) для подавления „бунтов“ в столице». Чтобы «сдержать революционную волну», «прекратить беспорядки в Петрограде», чего хотели «политики» (октябристы и кадеты), надо было «остановить разложение армии». Если бы «массы оказались надежно (твердо) в руках высшего командования (так они думали), армия могла бы сыграть свою законную роль на политической сцене»²⁴⁵.

Таким-то образом автор раскрывает основную идею своего исследования: политикой занималось высшее командование, остальная масса армии была далека от нее,

²⁴⁰ Ibid. P. 57—58.

²⁴¹ Ibid. P. 52.

²⁴² Ibid. P. 94.

²⁴³ Ibid. P. 77.

²⁴⁴ Ibid. P. 49.

²⁴⁵ Ibid. P. 52.

служила «очень полезным политическим инструментом» — сначала для защиты царя ²⁴⁶, а потом для отказа от его защиты ²⁴⁷, потому что этот инструмент был в руках генералов, которые оказались политически близки лидерам октябристов и кадетов, сама же она политической роли не играла, была «вне политики». Произведя «негативное» действие, она не выполнила своего назначения, перестала быть политическим инструментом режима и с падением его разложилась, перестала существовать как организованная сила.

Здесь мы имеем рецидив той старой версии в истолковании Февральской революции, которую западная буржуазная историография перехватила в свое время у русских белоэмигрантов и от которой последовательно отказалась сначала либерально-кадетская литература, а потом и западная иностранная историография. Согласно этой версии, либерально-буржуазная оппозиция представляла собой политически сознательный фактор, ведущую силу, свалившую царизм; народные же массы были способны «только на бунты», не имевшие «ни цели, ни руководства». Процесс отхода от примитивной трактовки Февраля разобран в специальных историографических исследованиях советских историков. Сначала советологи признали силу «стихийного взрыва толпы, раздраженной военными лишениями и очевидным неравенством в распределении трудностей», — взрыва, который сверг династию Романовых (Э. Карр), затем подтвердили тот несомненный факт, что именно массы — солдаты и рабочие — совершили революцию (Э. Крэнкшюу), что «массовое движение нанесло старому режиму последний смертельный удар» (Л. Кочэн). В этом процессе позже обозначился так называемый «сбалансированный подход», не согласный с утверждением, что восстание в феврале 1917 г. было «полностью стихийным», и сложилось мнение, что думские лидеры сыграли в свержении самодержавия важную и даже главную роль, но с оговоркой, что политика буржуазной оппозиции не может быть понята, если не учитывать стимулирующее воздействие на нее восстания масс (Ц. Хасегава), что Февральская революция, являясь «революцией пролетариата и солдат... была также и революцией буржуазии» (Х. Вада). «Сегодня нельзя сомневаться, — заявляет западно-

²⁴⁶ Ibid. P. 58.

²⁴⁷ Ibid. P. 77.

германский историк Р. Виттрам, — в историческом значении масс в Февральской революции». Французский историк М. Ферро также считает, что «массы сыграли решающую роль в движении»²⁴⁸.

После того как советские историки на основе бесспорных данных детально воспроизвели ход Февральской революции, дали всесторонний анализ ее движущих сил²⁴⁹, после того как иностранные историки, даже те, которые не принимают марксистского метода исторического исследования, сделали крупные шаги к более объективному освещению истории свержения самодержавия в России, истолкование ее Майзелем выглядит каким-то анахронизмом, сопоставимым разве только с известным суждением о начавшейся революции, которое высказала 25 февраля 1917 г. А. Ф. Романова в письме своему венценосному супругу: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи... Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать... Если бы погода была холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам...»²⁵⁰ Коснулась она и военной стороны создавшегося в Петрограде положения, высказав уверенность, что все это «хулиганское движение» может ликвидировать всего лишь один кавалерийский полк, но «настоящий», какого в городе почему-то не оказалось. Майзель пошел, однако, дальше. Негативную характеристику общественного движения он перенес на армию, которая, как он считает, оказалась неспособной к каким бы то ни было политическим действиям, лишь разлагалась, и не было сил

²⁴⁸ Цит. по: *Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977. С. 117, 127, 134; Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979. С. 293—295; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983. С. 113—115. (См. также: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970.

²⁴⁹ Наиболее полное освещение истории Февральской революции, носящее итоговый характер, дано в труде: *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. См. также: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; *Он же.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия.

²⁵⁰ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 218—219.

остановить ее разложение. Конечно, если «разложением» армии именовать воздействие ее основной массы — в первую очередь солдат и матросов — на политическую жизнь и заслонять этот процесс кадетски-гиперболизированной характеристикой политических симпатий командных верхов армии, то от автора не приходится ждать ничего другого, как пренебрежительного отношения к «политико-революционному аспекту» истории армии, который будто бы вводит кого-то «в заблуждение».

На политической сцене при таком подходе к делу остается только «элита офицерского корпуса», самая верхняя часть армии. И сама ее политическая физиономия рисуется не по основному признаку классовых отношений, а — в силу своеобразного понимания политики — по нюансам внутренних отношений в кругу этой «элиты»²⁵¹. Вся остальная масса армии, в том числе офицеры и генералы, остающиеся за бортом «элиты», имела значение для политики лишь до «разложения» армии, поскольку ею могла управлять разбиравшаяся в политике «элита», а как только вышла из повиновения ей и перестала играть «законную роль на политической сцене», так потеряла всякую связь с «политикой», растворилась в общей массе бунтующих толп, для подавления которых до того предназначалась «военная машина».

²⁵¹ Майзель делит генштабистов на три категории: 1) консервативных, которые поддерживали политику октябристов и кадетов и оспаривали любые предложения о реформах в армии; 2) «революционных», «близких к политическим идеям революционных партий (эсеров и меньшевиков)»; 3) молодых офицеров, «которые сочли революцию и активное участие в работе революционных учреждений крайне полезными для удовлетворения своих личных и политических амбиций. Некоторые члены этой группы были политически консервативными, другие же более радикальными. Некоторые имели тесные связи с октябристской и кадетской партиями, тогда как другие — с эсерами и меньшевиками» (*Mayzel M. Op. cit. P. 74—78*); они работали «совместно на революцию и армию», а когда «осознали, что интересы армии не есть интересы революции, и эта группа также раскололась по политическим признакам». Конструируя эту умозрительную схему без опоры на какой бы то ни было критерий и не представляя себе конкретных лиц с их политическими позициями, Майзель окончательно запутывается, когда начинает характеризовать свою третью категорию, в которую попадают все те же «консерваторы» и «революционеры». Отбросив классовый критерий, автор взвалил на себя поистине сизифов труд: поиски революционеров среди заведомых реакционеров, и никакой классификации тут получиться не могло.

Не в том, оказывается, беда, что советские историки занимаются исследованием «политико-революционного аспекта» армии, а в том, что этот аспект они видят не только в оппозиционных настроениях командной верхушки армии, но и в действительно революционных действиях рядовой массы и не сужают этот «аспект» до «социальной и политической истории военного аппарата», чему как раз наибольшую и исключительную важность придает Майзель. В атмосфере возрастания роли армий в политической жизни разных стран ему важно, конечно, найти в истории революции и контрреволюции прецедент для возвышения роли «элиты» и оттирания от «политики» армейской массы. Для этого нужно и подходящее методологическое кредо. Автор его нашел.

Избирая предметом исследования русскую военную «элиту», Майзель прямо указывает, что эта проблема «обретает свои истинные пропорции, когда мы вспоминаем, что почти в каждой стране Европы имели место успешные или безуспешные попытки военных установить контроль над гражданским правительством»²⁵². Указывая, что накануне мировой войны «примерно из 40 тыс. офицеров русской армии не больше 1000 офицеров относились к Генеральному штабу»²⁵³, автор утверждает: «Группа генштабистов была крошечной долей офицерского корпуса, но они господствовали в высшем командовании, держали в своих руках огромную власть и управляли армией»²⁵⁴. Но при более сдержанном обобщении положения этой «элиты» («внутри старой армии имелись офицеры, которые занимали очень важные должности и были в оппозиции к царскому режиму») фантазия ведет автора дальше. «Если это так,— заявляет он,— то тогда нам при-

²⁵² *Mayzel M. Op. cit. P. 3.*

²⁵³ М. Майзель ссылается на данные, приведенные в изданной за рубежом книге А. Зайцова «1918 год» (б. м., 1934. С. 184), однако произвольно уменьшает их: у Зайцова, на основании официального Списка офицеров Генерального штаба на 1913 г., числится 1356 генералов и офицеров. В годы мировой войны численность их возрастала за счет новых выпусков Академии Генерального штаба, но в то же время и уменьшалась из-за боевых потерь и естественной убыли, так что Зайцов считал неизменной ту же численность и к концу 1917 г. Согласно списку Генерального штаба, изданному в 1917 г., к осени этого года насчитывалось 1350 генералов и офицеров Генерального штаба (*Списки Л. В. И. Ленин и создание советских командных кадров. С. 12*).

²⁵⁴ *Mayzel M. Op. cit. P. 45.*

дется пересмотреть наши представления о русском обществе конца XIX века и наши объяснения русской революции и ее места в русской истории», ибо история этой группы, господствовавшей в высших армейских инстанциях с февраля по октябрь 1917 г., имеет решающее значение для понимания русской революции²⁵⁵.

Основную идею Майзеля вряд ли можно считать самостоятельной. Она встречалась уже у Ц. Хасегавы, который в 1972 г. обосновывал главную роль думских лидеров в свержении царизма. Они, по его мнению, оказали политическое давление на генералов царской Ставки и склонили тех на сторону революции. Хасегава делал вывод: «Наиболее решающим фактором в гибели монархии было не народное восстание, а маневрирование думского комитета и слепая поддержка его политики высшим командованием». Но при этом Хасегава все же признавал, что политика буржуазной оппозиции не может быть понята «без учета общего кризиса, созданного народным восстанием и вездесущим присутствием радикализованных масс»²⁵⁶. Подобные признания идут у Хасегавы в общем русле отказа буржуазной историографии от игпорирования роли масс в революции. Он утверждает даже, что Февральская революция «началась с восстания масс, и именно этот фактор определял основное содержание революции»²⁵⁷.

Майзель берет у Хасегавы посылку о роли военных верхов в свержении самодержавия, «очищает» ее от кажущихся ему, видимо, несущественными связей вроде зависимости поведения этих верхов от думского комитета, а тем более от движения масс, и сосредоточивает внимание на политическом портрете «элиты». Ставя вопрос так, он не считается ни с объективными данными советских историков, ни с противоречащими ему, хотя и односторонними, выводами западных историков, касающимися оценки, правда, сильно преувеличенной, политической роли армейской массы. (Они подчас утверждают, будто основной силой, совершившей Февральскую революцию, явился не рабочий класс, а солдатские массы, т. е. вчерашние крестьяне. Упомянувшийся уже западногерман-

²⁵⁵ Ibid. P. 5.

²⁵⁶ Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Указ. соч. С. 127—128.

²⁵⁷ Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. С. 114.

ский историк Р. Виттрам даже считает Февральскую революцию «военным мятежом»²⁵⁸.)

Не соглашаясь с советскими историками, Майзель не обращает внимания и на свидетельства буржуазных политических деятелей, среди которых ведь были же «толковые, знающие и чуточку смыслящие в политике люди»²⁵⁹. Профессор М. И. Туган-Барановский принадлежал как раз к той партии, в тесной связи с которой занималась «политикой» военная «элита», — он был кадетом. Его свидетельство должно было бы служить для Майзеля как бы аутентичным источником. В статье «Смысл русской революции», напечатанной 10 марта 1917 г. в «Биржевых ведомостях», этот профессор писал, что русский трон опрокинули 27 февраля гвардейские полки, которые пришли без своих офицеров, и во главе их «стояли не генералы, а толпы рабочих, которые начали восстание и увлекли за собою солдат». Как бы предостерегая от неверного взгляда тех историков, которые станут расценивать потом Февральскую революцию как «военный мятеж», Туган-Барановский писал: «Русская революция, несмотря на свое внешнее сходство с военным восстанием, имеет свои глубокие социальные корни. Ибо не армия, а рабочие начали восстание. Не генералы, а солдаты пошли к Государственной думе. Солдаты же поддерживали рабочих не потому, что они послушно выполняли приказание своих офицеров, а потому, что они считали себя народом не в том смысле, чтобы они почувствовали себя такими же русскими людьми, как и офицеры, а в том смысле, что они почувствовали свою кровную связь с рабочими как с классом таких же трудящихся, как и они сами. Таково социальное происхождение русской революции, и в этом ее характерная черта»²⁶⁰.

Так что «негативная роль» армии проявилась не «в отсутствии действий с ее стороны», а как раз наоборот: именно в действиях, но только не в защиту самодержавия, а против него. Но это уже означало, по убеждению Майзеля, не «законную роль на политической сцене», а совсем «незаконную», поэтому, надо полагать, она и не принимается им во внимание и расценивается как бездействие «на политической сцене».

Если Майзель упрекает советских историков факти-

²⁵⁸ Там же. С. 113.

²⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 9.

²⁶⁰ Цит. по: Правда. 1917. 12(25) марта.

чески за то, что они не исследуют военную «элиту», и на этом основании считает, что они не изучают «серьезно социальную и политическую историю русской царской армии» (тогда как, по его мнению, только «элита» и имела отношение к «политике»), то счет к нам другого историка, американского профессора П. Кенеза, значительно больший: он касается изучения всего офицерского корпуса. В статье, напечатанной в 1973 г. в трудах Калифорнийского университета ²⁶¹, Кенез заявлял: «Советские историки не опубликовали ничего о социальном составе офицерского корпуса, несмотря на то, что их архивы содержат богатый материал по этому вопросу». Из такой как бы объективной констатации факта выводится мораль: «Как ни парадоксально, эти „марксистские“ историки давно перестали мыслить в духе (в терминах) социального анализа и довольствуются бесполезными ярлыками» ²⁶². Чтобы понять, о каких ярлыках здесь говорится, достаточно прочитать предшествующие этому тексту рассуждения Кенеза. Рассказав, что во время гражданской войны большевистская пропаганда характеризовала Алексея, Корнилова и Деникина «как представителей эксплуататорских классов», хотя они «вышли из бедных семейств», Кенез высказывает догадку: «Если б было возможно сравнить социальный состав красного и белого руководства, обнаружилось бы мало разницы». И тут же «опровергает» марксистов: «Вульгарное марксистское представление, согласно которому социальное происхождение определяет политические взгляды индивидов, явно не может рассматриваться всерьез» ²⁶³.

Дело, конечно, не в том, что-де советские историки при изучении русской армии и ее командных кадров «перестали мыслить в духе социального анализа», раз они «не опубликовали ничего о социальном составе офицер-

²⁶¹ Эта статья, как и упоминавшаяся уже статья Ц. Хасегавы, послужила также важным источником идей для Майзеля. Во всяком случае и выражение «элита» в применении к военным верхам, и суждения о роли армии и офицерского корпуса в свержении самодержавия, и ряд других мыслей перешли в книгу Майзеля из этой статьи, знакомство с которой он в книге подтверждает.

²⁶² Kenez P. A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // California Slavic Studies. 1973. Vol. 7. P. 121. «Крупным исключением из этого обобщения» он признавал тогда книгу П. А. Зайончковского «Российское самодержавие в конце XIX столетия» (М., 1970).

²⁶³ Kenez P. Op. cit. P. 121.

ского корпуса» и пренебрегают имеющимися в архивах источниками, как предлагает считать Кенез. Не говоря о принципиальном анализе проблемы, в советской литературе можно найти и фактические данные, и статистические подсчеты, делавшиеся и до того, и после того, как взялись за эту тему Кенез и Майзель²⁶⁴. Дело, однако, в том, что добавляемые к этим данным несущественные сведения, рассматриваемые Майзелем и Кенезом под нужным им углом зрения, ни к каким «открытиям», способным опровергнуть точку зрения историков-марксистов, не ведут (если, конечно, не приписывать марксизму «вульгарные» представления). Это особенно наглядно сказывается в экскурсах в социальную характеристику командных кадров русской армии.

Вспомним фразу из одного разрекламированного белой эмиграцией в качестве «исторического» документа 1917 г.: «Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ, путем победы над врагом, до Учредительного собрания, на котором он сам решит свою судьбу и выберет уклад своей новой государственной жизни»²⁶⁵. Так клялся кандидат в русские кавеньяки, организатор тайного заговора против революции, направляя отборные реакционные войска на красный Петроград.

Комментарием к «клятве» Корнилова могло бы служить свидетельство хорошо знавшего его генерала Е. З. Барсукова, служившего в Ставке верховного главнокомандующего начальником управления полевого генерал-инспектора артиллерии: «Сын простого казака, Корнилов почитал себя „демократом“, но его демократизм сводился к стремлению к тому, чтобы он, Корнилов, сын казака, стал генерал-адъютантом, а после свержения

²⁶⁴ См., напр.: *Спирин Л. В.* И. Ленин и создание советских командных кадров. С. 9—13; *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 28—33 (раздел «Состав морского офицерства»); *Хесин С. С.* Русский флот накануне Октября: Положение, численность, состав // Ист. зап. 1968. Т. 81. С. 77—80, 88; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С. 51—52 (раздел «Социальный состав армии и флота. Истоки классовой борьбы в войсках»); *Он же.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 году: Сб. статей. М., 1981.

²⁶⁵ *Мартынов Е. И.* Корнилов: Попытка военного переворота. [М.], 1927. С. 110—111.

царской власти — диктатором»²⁶⁶. Другой генерал, Е. И. Мартынов, также знавший Корнилова (Корнилов был в течение двух лет в его подчинении, а затем они вместе около года сидели в австрийском плену, «в такой обстановке, — пишет Мартынов, — когда все скрытое в человеке становится явным»), на основании послужного списка Корнилова утверждал: «Следовательно, Корнилов родился сыном мелкого чиновника [коллежского секретаря], а совсем не сыном казака-крестьянина, каким стал выставлять себя впоследствии, в своих воззваниях к народу и армии. Конечно, возможно, что его отец выслужился из простых казаков, но это уже не относится к разбираемому вопросу»²⁶⁷.

Однако поскольку «сам» Корнилов оставил весьма выразительный «документ», а его сподвижники засвидетельствовали искренность и достоверность сведений в столь пламенном его обращении за поддержкой ко «всем и каждому», этого оказалось достаточным для некоторых зарубежных историков-советологов, чтобы не сомневаться в характеристике Корнилова и других генералов того же склада.

«Как Корнилов, так и Деникин, — уверенно заявляет, ссылаясь на Деникина, американский историк Джордж Бринкли, — были людьми простого происхождения, противниками не только реставрации царизма, но также и классовых или особых привилегий»²⁶⁸. Переключаясь на характеристику Деникина, Бринкли подчеркивает те общие черты, которые роднили его с Корниловым: «Оба были людьми простого происхождения... Отец Деникина был крепостным до 30-летнего возраста, когда пришло его освобождение в форме призыва на военную службу... Как и Корнилов, Деникин отвергал царское самодержавие и полностью поддерживал демократическую революцию в России»; «с той же наивной честностью, какой характеризовался Корнилов», под лозунгом «Единая, великая и неделимая Россия» Деникин «посвятил себя единственной задаче военной победы [в гражданской войне], уверенный, что ни он, ни какие-либо политики не „предрешат“ будущее устройство России, которое должно быть предоставлено свободно избранному национальному собранию. До

²⁶⁶ ОР ГБЛ. Ф. 218. № 685. Д. 4. Барсуков Е. З. Первая мировая война. 1917 год. Рукопись. Л. 39.

²⁶⁷ Мартынов Е. И. Указ. соч. С. 12.

²⁶⁸ Brinkley G. A. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. Notre Dame, 1966. P. 298.

того момента власть должна будет осуществлять временная диктатура, и даже обсуждение реформ должно быть отложено...»²⁶⁹

Рассуждения по тому же поводу развивает в своей книге и П. Кенез. «Случайный наблюдатель — пишет он, — часто удивляется тому, что основатели Добровольческой армии генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов и А. И. Деникин происходили из бедных семей. Однако в этом нет ничего странного, если учесть, что на высших постах в царской армии были дюжины других подобного происхождения. Тот факт, что вожди белых не происходили из аристократических семейств, мог бы иметь большое значение в гражданской войне. Корниловы и Деникины могли обращаться к крестьянам, подчеркивая свое происхождение (в примечании П. Кенез отмечает все же: «Корнилов делал такие попытки 27 августа 1917 г.», имея в виду цитированный выше «исторический документ». — *В. П.*). То, что они этого не делали, позволяя, таким образом, большевикам изображать их как представителей эксплуататорских классов, было политическим просчетом первостепенной значимости»²⁷⁰.

Что касается «наивной честности», позволявшей Корнилову и Деникину демонстрировать как свой «демократизм» «в истинном и лучшем смысле слова», так и «простую и хорошую человеческую любовь» к народу, то тут мемуаристов и историков, аттестующих их подобным образом, прямо-таки подвел сокамерник обоих генералов по Быхову, а потом начальник штаба Добровольческой армии и даже глава деникинского правительства генерал А. С. Лукомский, нечаянно для себя выдавший тайный сговор белогвардейской верхушки относительно того, какую цель борьбы она ставит перед собой (установление конституционной монархии), как она смотрит на Учредительное собрание, избранное по «дурацкой четыреххвостке», какую «любовь» она питает к «черни» и «темной массе» и т. д.

Можно допустить, что письмо Лукомского, о котором уже говорилось, хранящееся в личном архиве Деникина, не было известно ни белоэмигрантам-мемуаристам, ни восприимчивым их идей на Западе, когда им потребовалось характеризовать белых русских генералов, — дело вполне понятное: переписка была сугубо интимная, и Деникин

²⁶⁹ Ibid. P. 24.

²⁷⁰ Kenez P. The First Year of the Volunteer Army: Civil War in South Russia, 1918. Berkeley; Los Angeles; L., 1971. P. 15.

процитировал из письма в «Очерках русской смуты» лишь самую малую толику, не бросающую особую тень на адресованные в свое время «всем и каждому» широковещательные декларации вождей контрреволюции, в полном же виде держал автограф письма в своих тайниках. Для мемуаристов 20-х годов неудивительно опять-таки, что они не знали в полной мере кредо Деникина, изложенное им в посмертно изданной исповеди, в которой он признавался, что «политическое мировоззрение» свое, сложившееся «в академические годы», он «дones нерушимо до революции 1917 года» (и даже, добавим, куда дальше), а идеалом этого мировоззрения была конституционная монархия ²⁷¹.

Энгельгардт, хорошо знавший Деникина и близкий к нему по мировоззрению, писал о нем: «Происхождения он был самого демократического, а по убеждениям типичный русский либерал в военном мундире»²⁷². Но смысл этого либерализма сам Деникин, характеризуя по собственному опыту психологию русского офицерства, раскрывал довольно ясно: «Корпус русских офицеров в целом, в особенности после 1905 года, относясь с большим вниманием, анализом, критикой, не раз с осуждением к некоторым явлениям военной и общегосударственной жизни, сохранил характер охранительно-государственной силы. В этом — его заслуга, в этом же — предопределение его трагической судьбы»²⁷³.

Сослуживцев и единомышленников этого руководителя «белого движения» объединяло с ним и своеобразное понимание демократии. Как уверяет Энгельгардт, Деникин был близок к партии, именовавшей себя и конституционной, и демократической (и партией народной свободы), и из тактических соображений, чтобы приобрести «любовь» народа, заменившей в своей программе в 1917 г. конституционную монархию на республику; лидер же партии, не изменяя, как он считал, демократизму, домогался потом восстановления хотя бы и романовской монархии, полагая, что она любима русскому народу, и в этом тоже усматривал истинный демократизм.

Может показаться удивительным, что и поныне те или иные историки, которым стали доступны вполне достаточные источники для обоснованного суждения о политиче-

²⁷¹ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 96.

²⁷² ОР ГБЛ. Р. 218. Карг. 384. Энгельгардт Б. А. Контрреволюция (Воспоминания за период с февраля 1917 г. по 1945 г.). Рукопись. Л. 186.

²⁷³ Деникин А. И. Старая армия. Париж, 1929. С. 150.

ских позициях главарей контрреволюции, оказываются в ложном положении, когда ставят политические воззрения военного деятеля в прямую зависимость от его социального происхождения: им надо признать, что либо они не знают необходимых источников, проходить мимо которых историку непрослительно, либо их представления о демократии те же самые, что были у Деникина, Корнилова, Милюкова. Авторы такого рода продолжают обычай контрреволюции объяснять свои узкоклассовые, корыстные цели, то «чисто» профессиональными (т. е. неполитическими), то общенациональными интересами, возникающими на почве заботы о благе «единой, великой, неделимой России», не желая принимать во внимание монархического значения этого символа буржуазно-феодалной реакции.

В подобных случаях мы сталкиваемся не просто с вопросом о социальном происхождении ряда лидеров российской контрреволюции; в нем отражается не столько эмпирический момент — уточнение биографических данных этих деятелей, а нечто более существенное: стремление затушевать классовый характер контрреволюции. Это стремление нельзя не поставить в связь с теми процессами, на фоне которых в буржуазной литературе времен «холодной войны» возрождались белоэмигрантские трактовки «белого движения», с возраставшими тогда усилиями идеологов империализма извлечь уроки из опыта борьбы с революционным движением в прошлом и прежде всего из разностороннего, богатого опыта контрреволюции 1905—1917 гг. и в гражданской войне в России.

В зарубежной литературе проскальзывали иногда цифровые данные о социальном происхождении офицеров старой армии, призванные удостоверять их «демократичность». Бывали среди них и подсчеты сомнительного свойства. Так, белоэмигрант Н. Н. Брешко-Брешковский, оспаривая утверждение о кастовости офицерского состава русской армии, заявлял, что «в российских гвардии, флоте и армии офицеры — потомственные дворяне были в таком подавляющем меньшинстве, которое выражалось всего лишь в семи процентах!». «Семь процентов! — восклицал он, иронизируя. — Кастовая армия с девяносто тремя процентами золотопогонников: крестьян, мещан, разночинцев, купцов, кантонистов и сыновей кантонистов»²⁷⁴.

²⁷⁴ *Брешко-Брешковский Н. Н.* Поход Корнилова на Петроград (к 20-летию неудачной попытки захватить революционную столицу) // *Для вас.* 1937. № 31. С. 3—4.

Некоторые подсчеты, сделанные советскими историками по сведениям за последние два десятилетия существования царизма, дают фактические основания для суждения по этому вопросу. Первой в ряду источников таких сведений является таблица «О сословном происхождении офицеров частей войск к 15 мая 1895 г.», составленная Главным штабом по сводкам военных округов. Она показывает, что потомственных дворян среди офицеров русской армии было 50,8 %. Наиболее высокий процент их был в гвардейской кавалерии (96,3), в гвардейской пехоте (90,5), в гвардейской артиллерии (88,7). Наименьший процент дворянства (39,6) был в армейской пехоте. Из полных генералов (по данным на 1 мая 1903 г.) потомственных дворян было 97,5 %, из генерал-лейтенантов — 96 %. Имеются также сведения (на 1 января 1904 г.) о генерал-майорах Генерального штаба (потомственных дворян 85,4 %) и полковниках Генерального штаба (74,2 %).

В общем же, делает вывод П. А. Зайончковский, офицерский корпус наполовину состоял из потомственных дворян (в подавляющем большинстве не поместных, а служилых), в остальной же своей части был разночинным, но это не означало господства среди офицеров разночинной идеологии ²⁷⁵.

К началу первой мировой войны основную часть офицерского корпуса по-прежнему составляло дворянство. По данным за 1913 г., из 921 генерала 89,2 % были из дворян, 7,8 — из буржуазии и 2,9 % — из податных сословий (крестьян, мещан); из 6456 штаб-офицеров (полковники, подполковники, войсковые старшины) 72,6 % происходили из дворян, 16,2 — из буржуазных слоев и 11,2 % — из податных сословий; из 34 084 обер-офицеров (ниже подполковника по чину) 50,4 % — из дворян, 21,9 — из буржуазии и 27,8 % — из податных сословий. В казачьих войсках было 27 генералов, большинство которых (85 %) происходило из дворян, среди 265 штаб-офицеров из дворян было 56,6 %, из 2356 обер-офицеров дворяне составляли еще меньшую долю — 33,6 % ²⁷⁶.

Во время мировой войны из-за острого недостатка командного состава (вследствие боевых потерь и непредвиденного по масштабу развертывания армии) царское пра-

²⁷⁵ *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. С. 202—214.

²⁷⁶ *Гаркавенко Д. А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма. С. 33.

вительство вынуждено было отказаться от сословных ограничений и открыть доступ в военные школы выходцам из мелкобуржуазных, разночинских слоев населения, из крестьян, а то и из рабочих. Царизму потребовалось изыскать сотни тысяч хотя бы элементарно грамотных кандидатов в офицеры. Поэтому в школы прапорщиков попадали преимущественно выходцы из зажиточных слоев, те, кто имел возможность получить хотя бы минимальное образование. Но их катастрофически не хватало, тем более что многим из них родительская кошелек позволяла «откупиться» от фронта. Может показаться удивительным факт, рассказанный офицером военного времени (впоследствии известным крымским партизаном) П. В. Макаровым. Из запасного полка, в котором он начал службу рядовым, требовалось по разнарядке послать в школу прапорщиков трех нижних чинов с четырехклассным образованием. Один из отобранных командиром полка — рядовой Мартын Ивакин «наотрез отказался ехать в школу прапорщиков. Но надо было посылать трех человек. Стали искать. И во всем полку не нашли третьего солдата с четырьмя классами школы. Мартыну ехать в школу прапорщиков приказали»²⁷⁷.

При таком положении командирам полков, озабоченным прежде всего тем, чтобы набрать нужное количество кандидатов по образовательному цензу, приходилось подчас закрывать глаза на «опасное» направление мыслей иных нижних чинов; заодно это давало удобный случай избавляться от «неблагонадежных». По мобилизации попадали в военные школы и становились прапорщиками, затем подпоручиками, поручиками, штабс-капитанами нередко и революционеры-профессионалы, как уже не один год состоявшие в партии большевиков Н. В. Крыленко, И. П. Павлуновский, А. Ф. Ильин-Женевский, Р. Ф. Сиверс, А. И. Седякин, Г. Д. Гай и многие другие. По иронии истории царизм, словно бы заботясь о военных кадрах для грядущей революции, вопреки своей воле давал военную подготовку тем, кому она как раз нужна была для квалифицированной борьбы против него самого. Конечно, эта категория офицеров военного времени была не особенно многочисленной. Но тяжкая, к тому же несчастная война просвещала и тех, кто надел золотые погоны, будучи политически девственным, далеким от каких бы то ни было революционных устремлений, и даже радо-

²⁷⁷ Макаров П. В. Партизаны Таврии. М., 1960. С. 24.

вался поначалу, что удалось выбиться «в люди», и еще скорее просвещала, если эти погоны только и связывали нечаянного счастливец с существующим строем и правящими классами.

Ленин придавал громадное значение такой деформации армии и ее офицерского корпуса. Он писал, что поражения России и ее союзников в войне распатали весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, «ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным»²⁷⁸. Надо полагать, что эти изменения, происшедшие в офицерском корпусе, Ленин учитывал, когда перед Советской властью встала проблема привлечения на службу военных специалистов старой армии. Вместе с тем учитывалась и разница в военной подготовке кадровых офицеров довоенной выучки и офицеров, прошедших ускоренное обучение в военное время: в связи с той же проблемой Ленин говорил, что «военные науки знает только офицерство — полковники и генералы, которые остались от царской армии»²⁷⁹.

Нельзя, однако, упускать из виду, что офицеры военного времени находились на нижней ступени военной иерархии. В генералы и штаб-офицеры производились только офицеры довоенного времени, т. е. прошедшие полный курс военно-учебных заведений, так что состав генералов очень мало изменился к концу войны, только среди штаб-офицеров возросло количество представителей буржуазии, верхушка же офицерского корпуса по-прежнему оставалась дворянской. Изучение фактических данных привело советских историков к заключению, что перемены в командном составе, происшедшие в последние годы самодержавия, ослабили самую главную его опору в армии, но не изменили классовой сущности и функции царского войска; оно по-прежнему оставалось орудием самодержавия, дворянско-помещичьих верхов²⁸⁰.

Это находит довольно убедительное подтверждение в воспоминаниях Энгельгардта. «Молодые офицеры, — пишет он, — мобилизованные на время военных действий и

²⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 15.

²⁷⁹ Там же. Т. 40. С. 182.

²⁸⁰ Спириин Л. М. Указ. соч. С. 11; Гаркавенко Д. А. Указ. соч. С. 33; Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 22, 29.

не прошедшие в мирное время военной муштровки кадровых офицеров, во время войны невольно сроднились со взглядами старшего состава и, даже искренне приняв революцию, тоже не хотели допускать немедленного мира. Он рисовался им в тот момент возможным лишь в крайне унижительной для России форме». Энгельгардт указывает, что в расхождении офицеров с солдатской массой, требовавшей немедленного мира, и состояла в первое время их контрреволюционность. «Солдаты, почти сплошь, все требовали мира. Доводы о невыгодности его заключения, которые могли быть восприняты офицерами, до солдатской массы не доходили. Солдаты руководствовались чутьем, которое подсказывало им, что правда не в этих доводах, а в проповеди Ленина, зовущего к прекращению мировой бойни и к переходу к созидательному труду».

Такое проявление контрреволюционности офицеров Энгельгардт наблюдал и в последующем. «Подобное отношение офицеров к революции, к миру, а в дальнейшем к гражданской войне я встречал на протяжении всех трех лет всероссийской смуты. Во время гражданской войны часто приходилось слышать от молодых офицеров: «Разве мы боремся за возвращение земли помещикам? Нет. Ради этого мы не взяли бы за оружие. Мы готовы жертвовать жизнью за гибнущую Родину». «Гибель Родины» они усматривали в том разрушении всех основ старой государственности, и старой армии в том числе, за которое сознательно принялись большевики, с намерением строить нечто новое. Между тем развал старой армии являлся стихийным выражением отношения народных масс, одетых в солдатские шинели, к революции и ее завоеваниям»²⁸¹.

Что касается флота, то там офицерский состав по социальному признаку в военное время почти не изменился. Дело в том, что подготовка флотских офицеров была более сложной и длительной, чем в сухопутных войсках, и не могла проводиться ускоренно. К тому же потери среди офицеров флота не были столь значительными (за время войны флот потерял всего 245 офицеров и чиновников). В морской кадетский корпус, который готовил основной контингент командных кадров, по-прежнему принимались только дети дворян, офицеров и высшего духовенства; они и составляли более 90 % всех выпускников²⁸².

²⁸¹ Энгельгардт Б. А. Контрреволюция. Л. 45—46.

²⁸² Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 32; Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. С. 28.

Здесь приходится ограничиться лишь некоторыми данными, характеризующими командный состав и в том числе его верхнюю ступень, из тех, которые публиковались в нашей литературе. Это не может, конечно, служить признаком того, что исследование данного вопроса исчерпано. Тем не менее уже эти фактические данные и сделанные в результате их анализа выводы не позволяют, видимо, столь категорически утверждать, что советские историки не изучают «сколько-нибудь серьезно социальную и политическую историю русской царской армии» (М. Майзель), а тем более «уличать» их в том, что они «не опубликовали ничего о социальном составе офицерского корпуса, несмотря на тот факт, что их архивы содержат богатый материал по этому вопросу»²⁸³, и на этом основании упрекать советских историков в том, что они «давно перестали мыслить в духе социального анализа» и т. д. (П. Кенез). Относительно же приписываемого историкам-марксистам «вульгарного» представления о том, что социальное происхождение определяет политические взгляды индивидов, которое, по словам П. Кенеза, «не может рассматриваться всерьез», приходится заметить, что принадлежность такого представления названным адресатам, как и связанных с ним «ярлыков», требует выяснения.

Вопрос об отношении между представителями того или иного класса и самим классом, о принадлежности их к классу, политику которого они проводят, Карл Маркс разъяснил еще в середине прошлого века, характеризуя природу мелкобуржуазной демократии. «Не следует думать, — писал он, — что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение». Маркс сделал вывод, имеющий более общее значение: «Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными пред-*

²⁸³ Попутно замечу, что П. Кенез, как видно из упоминавшейся его статьи, пользовался материалами ЦГВИА СССР; М. Майзель не пользовался ими, потому что архив, по его словам, «остаётся закрытым» (*Mayzel M. Op. cit. P. 8*).

ставителями класса и тем классом, который они представляют»²⁸⁴.

На опыте трех российских революций этот вывод получает подтверждение и в отношении военных представителей эксплуататорских классов. Среди генералов и офицеров, командовавших карательными войсками, а затем возглавлявших белые армии, были и выходцы из старинных родов, как Лукомский, и «худородные», как Алексеев, Деникин и др. и сынки буржуазии, и потомственные военные — всех их объединяла верная служба монархии, принадлежность к высшему персоналу, «по буржуазному живущему и мыслящему»²⁸⁵.

Английский историк Р. Лаккет, пытаясь найти объяснение этому факту, высказывает некоторые не лишённые оснований предположения. «Кадровые офицеры составляли важную социальную группировку в дореволюционной России, — пишет он. — Поскольку в царской России образованные классы являлись небольшой частью всей нации, кадровое офицерство, естественно, представляло значительный процент социально приемлемых классов. Внутри этих классов они были осознавшей себя кастой, хотя и не в силу превосходства в происхождении. Точнее говоря, так как офицеров сильно не хватало, а источник рекрутирования их среди образованных классов был недостаточен, то значительное число мест в военных академиях доставалось способным детям бедных родителей. В результате кастовое самосознание армии служило до некоторой степени защитным механизмом, снимавшим клеймо худородности в обществе в целом и создававшим социальную терпимость внутри армии в обмен на соблюдение кодекса чести. Мы допустили бы, однако, ошибку, если бы предположили, что армия была вполне демократической... Но внутри офицерской касты социальная терпимость была большей, чем принято считать».

Эти суждения подводят Лаккета непосредственно к сути рассматриваемого вопроса. Одним из последствий социальной терпимости внутри офицерской касты, как он полагает, «была значительно большая приверженность к привилегиям своего положения у офицеров скромного происхождения, чем у тех, кто с привилегиями родился. Этим, видимо, объясняется большое число белых офицеров, происшедших из рассматриваемой нами категории,

²⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 148.

²⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 263.

и это позволяет также до некоторой степени объяснить ожесточенность столь частых нападков слева на „офицерскую касту“». Последнее замечание Лаккета станет вполне понятным, если иметь в виду его же следующее пояснение: «В 1914 г. служба в регулярной армии все еще представляла единственную возможную карьеру для многих образованных русских. Это была всегда, в любой стране, профессия, в значительной мере заполненная теми, кто не может думать о каком-либо ином занятии. В этом состоял своеобразный пассивный, но для армии мирного времени во многих отношениях более предпочтительный побудительный мотив, чем пламенный энтузиазм... Такое отношение становится менее уместным во время войны»²⁸⁶. Объяснять «ожесточенность нападков» на офицерскую касту слева тем, что особенными службистами проявляли себя так называемые «худородные», было бы, конечно, не очень убедительно, однако в этих суждениях Лаккета нельзя не усмотреть реалистической попытки объяснить, хотя бы в некоторой степени, психологию этой категории офицеров старой армии.

Объясняя позицию интеллигенции в гражданской войне, Ленин обращал внимание на то, что вся она «жила буржуазной жизнью, она привыкла к известным удобствам», представляла собой элемент «крупнокапиталистической культуры»²⁸⁷. Так обстояло дело с интеллигенцией вообще, военные же верхи в сравнении с нею составляли еще более привилегированную касту, да еще спаянную с эксплуататорскими классами правом распоряжаться сильнейшим орудием власти — вооруженной силой. И дело нисколько не меняется от того, что эти буржуазные элементы в какой-то своей части, хотя бы и в значительной, вышли из «простого народа». Маркс и Энгельс указывали на обычное в истории явление, когда ставший у власти класс ставит и многих индивидов «из других классов, не восходящих к господству... в положение, позволяющее им подняться в ряды господствующего класса». Разъясняя это явление, основоположники научного социализма прибегали к примеру из истории Великой французской революции: когда буржуазия свергла господство аристократии, многие пролетарии получили возможность «подняться

²⁸⁶ *Luckett R.* The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. L., 1971. P. 12—13.

²⁸⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 218, 221.

над пролетариатом», при этом «они превращались в буржуа»²⁸⁸.

В царской России существовал узаконенный способ усиления у выходцев из низших слоев общества чувства сопричастности к господствующему классу, коль скоро они верно ему служат: «одворянивание» среднего и высшего чиновничества и офицерства. Царизм «жаловал» обер-офицерам личное дворянство, а полковники и капитаны 1-го ранга возводились в потомственное дворянство²⁸⁹. Ленин писал в 1907 г. о буржуах, «пролезающих через военную службу в дворянство»²⁹⁰. Такой порядок пополнения рядов правящего класса не был особенностью лишь самодержавной России. Маркс указывал, что подобный способ, свойственный капитализму, «укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества». Маркс добавляет при этом: «Совершенно так же, как в средние века то обстоятельство, что католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние, было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян»²⁹¹.

Такие индивидуумы, как Линевич, Иванов, Алексеев, Корнилов, Деникин, поднявшись в условиях царизма в ряды господствующего класса, усвоили их идеологию и верно им служили. Впоследствии, уже во время гражданской войны, в апреле 1919 г., называя старых военных специалистов, принятых на службу в Красную Армию, царскими генералами и офицерами, Ленин указывал, что они «воспитывались в буржуазных условиях, — и хорошо еще, если в буржуазных, а то в помещичьих, в палочных, в крепостнических» да еще запятнали себя «служением царизму, а иногда и кровавыми расправами с рабочими и крестьянами»²⁹².

Вспоминая об офицерах и генералах, учившихся с ним впажеском корпусе (среди них были граф А. А. Игнатъев,

²⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений: Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., 1966. С. 61.

²⁸⁹ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861—1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 23—27.

²⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 287.

²⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 150.

²⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 53—54.

П. П. Скоропадский, Н. Н. Головин, братья Д. и А. Треповы, А. А. Брусиллов, М. В. Родзянко и др.), Б. А. Энгельгардт писал, что у всех у них «общей чертой была любовь к Родине» и готовность «сложить свои головы за нее». «Однако только на старости лет я понял, какое большое место в нашей любви к Родине занимала привязанность к нашим привилегиям. Люди, утратившие их, поначалу недоумевали... и от недоумения перешли к борьбе... к безнадежной борьбе»²⁹³.

В другом месте своих воспоминаний Энгельгардт проливает свет и на те либеральные настроения, которые были свойственны и ему, офицеру Генерального штаба. Напоминая о характеристике, какую давал либералам Н. А. Некрасов в поэме «Медвежья охота» («не спасал он утопающих, но и в воду не толкал»), Энгельгардт пишет: «Надо признать, что во времена Некрасова русские либералы проявляли большую терпимость к самым крайним революционным убеждениям. Так продолжалось, пока подлинная революция не стала угрожать их насущным интересам. Тогда большинство этих либералов (и я в том числе) оказались в стане контрреволюции»²⁹⁴.

Энгельгардт прошел, кажется, через все этапы политической деятельности в рядах контрреволюции — от ее формирования, собирания сил и до бесславного конца. На склоне лет он оказался способным критически осмыслить ее, а вместе с тем и собственный путь в борьбе против своего народа. Его наблюдения, впечатления, попытки разобраться в событиях, в которых он участвовал, находясь по ту сторону баррикад, помогают лучше понять то, что происходило в лагере, к которому он принадлежал. И конечно, свидетельства человека, принадлежавшего к той самой военной «элите», которой посвящают свои исследования историки нового поколения, должны быть высоко ценимы. Они, в частности, помогают уточнить линию того водораздела, который прошел в политической жизни русской армии в последние годы ее существования. В уже приведенных его суждениях она вырисовывается довольно рельефно: армию разделял тот же классовый антагонизм, который накалял общественную жизнь страны, и именно по этой линии шла политическая борьба между сол-

²⁹³ ОР ГБЛ. Ф. 218. П. 305. Д. 1. *Энгельгардт Б. А. Потонувший мир.* Рукопись. Л. 82.

²⁹⁴ Там же. Л. 19.

датской (матросской) массой и офицерством, выразившим интересы и волю эксплуататорских классов. Мы уже видели, что М. Майзель избирает другую основу разделения армии по ее месту в политической жизни: солдатскую массу не считает политической силой в революции, а из офицерского корпуса признает способной к политической деятельности лишь «элиту», внутри нее и пытается выявить политические течения (консерваторы, революционеры, смесь тех и других), позиции которых определяли будто бы ход и исход революции и исследование которых, как он считает, чревато большими последствиями для исторической науки: не пришлось бы ей «пересмотреть наши представления о русском обществе конца XIX в. и наши объяснения русской революции и ее места в русской истории»²⁹⁵.

Чтобы оценить реальность такой перспективы, воспользуемся лишь одним эпизодом из мемуаров Энгельгардта, в котором действующими лицами выступают сам Энгельгардт (октябрист и, следовательно, «консерватор») и Керенский («близкий к политическим идеям революционных партий» и, значит, «революционер»).

В ночь на 28 февраля 1917 г. с образованием Временного комитета Государственной думы под председательством Родзянко полковник Энгельгардт был назначен председателем Военной комиссии, на него же возлагались и обязанности военного коменданта Петрограда. К нему тут же подошел член думского комитета Бубликов.

— Взяли власть в руки — это уже хорошо, но теперь надо действовать. Что вы собираетесь делать? — спросил он.

— Прежде всего, — ответил Энгельгардт, — надо, чтобы вся эта солдатская масса, разгуливающая по городу, вернулась в свои казармы, затем надо восстановить внутренний порядок в частях, наладить некоторую дисциплину, тогда можно думать о восстановлении порядка в городе.

— Правильно, — одобрил Бубликов. — Диктуйте приказ войскам гарнизона, я буду писать.

От имени Государственной думы Энгельгардт продиктовал приказ: «Солдатам вернуться в свои казармы. Офицерам — восстановить внутренний порядок в частях. Начальникам частей прибыть в Таврический дворец (комна-

⁹⁵ *Mayzel M.* Op. cit. P. 5.

та такая-то) 28 февраля к 11 часам утра за получением распоряжений». Приказ, сообщает Энгельгардт, был подписан Родзянко и отдан для размножения в типографию Государственной думы.

Ту ночь все члены думского комитета, и вместе с ними Энгельгардт, провели в кабинете Родзянко. Но «не было еще 5 час. утра, — рассказывает Энгельгардт, — как меня разбудил человек из Военной комиссии. Там было волнение: приказ о наведении порядка в частях войск вызвал возмущение в Совете рабочих депутатов. Попытку ввести солдат в рамки дисциплины и порядка он не без основания рассматривал как желание приостановить развитие начавшейся революции. Впервые мне был брошен упрек в контрреволюции. Говорить нечего, что для постепеновцев, конституционалистов, членов „прогрессивного блока“ дальнейшее углубление революции было уже не нужно 28 февраля. И наоборот, для тех политических группировок, которые стремились к созданию социалистической республики, нужно было сильнее расшатать устои прежней государственности, а для того подорвать тот цемент, которым она держалась, — дисциплину.

Корректурa приказа была захвачена и уничтожена членами Совета, и печатанье приостановлено. Так закончилась первая попытка Временного комитета задержать развитие революции».

Вопрос о «дисциплине» войск стал в тот момент, оказывается, главным политическим вопросом, отношение к которому разделило революцию и контрреволюцию, в котором как в фокусе сошлись классовые отношения в армии и вообще в государстве, и решение этого политического вопроса осталось за революционной массой.

«Часам к 5 вечера, — продолжает Энгельгардт, — выяснилось, что весь Петроград в руках революции... Керенский торжествовал.

— Нас можно поздравить с победой, — сказал он, встретив меня в Екатерининском зале.

Но во мне эта победа уже вызвала тревогу. Я чувствовал, что мы не будем в силах справиться с разбушевавшейся народной стихией, и подозревал, что она не остановится на достигнутом.

— Победу-то я вижу, — с усмешкой сказал я, — но невольно с грустью вспоминаю об участии жирондистов...

Керенский засмеялся и с покровительственным видом похлопал меня по плечу.

— Да, да, вы жирондист, но это не означает, что вам грозит их судьба,— уверенным тоном сказал он.

Эту сцену Энгельгардт описывал уже после того, как закончилось и отошло в прошлое «белое движение», стала достоянием истории и керенщина и когда можно было судить о делах 1917 г. со знанием того, как все начиналось, как далее шло и чем окончилось. И Энгельгардт саркастически добавил к этому диалогу: «Керенский, очевидно, считал себя якобинцем»²⁹⁶.

Насколько общим был их путь — путь «консерватора» и «революционера» — показывает уже то, что он закончился в эмиграции. И Энгельгардт описывает как символическую последнюю их встречу на чужбине. Он напомнил на этот раз Керенскому их разговор в последний день февраля 1917 г. в Таврическом дворце о жирондистах. «Я шутливо заметил, что теперь, в Париже, мы встретились оба в одинаковой роли жирондистов, благополучно ускользнувших от якобинцев... Моя шутка... не понравилась Керенскому,— пишет Энгельгардт и, уже умудренный перипетиями политической судьбы, как своей, так и собеседника, заключает: — Он, конечно, продолжал считать себя подлинным революционером, непонятым на родине, и становиться со мной на одну доску не хотел»²⁹⁷. Но мало ли что Энгельгардт числит и себя и Керенского в жирондистах, в умозрительной схеме Майзеля продолжают существовать «якобинцы» внутри лагеря русских жирондистов 1917 г.!

²⁹⁶ ОР ГБЛ. Ф. 218. № 306. Д. 3. *Энгельгардт Б. А.* Воспоминания. Гл. 13. Февральская революция. Рукопись. Лл. 317—325.

²⁹⁷ Там же, Гл. 8. Выстушение Корнилова. Лл. 111.

Часть вторая

ПОИСКИ ПУТЕЙ «ОЗДОРОВЛЕНИЯ» АРМИИ И ТЫЛА

Классовые интересы буржуазии выдвигали в качестве важнейшей задачи ликвидацию двоевластия и установление безраздельной диктатуры буржуазии. Необходимо было прежде всего объединить на общей политической платформе разные силы контрреволюции. Координирующим центром, способным выполнить эту задачу, явился Центральный комитет кадетской партии. «Будем же активны, — призывал Милюков активистов своей партии, выступая перед ними в середине июня 1917 г., — не будем слагать оружия и, если мы уверены, что не вся Россия представлена в Советах рабочих и солдатских депутатов, будем со своей стороны организовывать ту часть России, которая ими не представлена. И если мы создадим равновесие, если мы создадим его не в частном заседании Государственной думы со случайными поводами для заседаний, но создадим в более нормальной обстановке широко развертывающейся деятельности политической партии, то я думаю, что у нас есть еще шансы, что время еще не прошло...»¹

В этом направлении партия кадетов развертывала практическую деятельность. В мае под председательством видного члена партии члена Государственной думы полковника Новосильцева в Могилеве, в Ставке, проходил съезд офицеров, на котором был создан Союз офицеров армии и флота. О направлении съезда и политическом лице созданного союза можно судить по программе доклада 2-й секции съезда 17 мая 1917 г. (докладчик — штабс-ротмистр Андерс). Главными причинами, «нарушившими нормальное течение военных действий», в докладе признавались следующие: «а) усталость, б) падение дисциплины, в) недоверие солдат к офицерам, г) классовая вражда, перекинутая в ряды армии, д) уклонение от выполнения воинского долга перед Родиной; дезертирство, е) братание с противником, ж) сильно ухудшившееся снабжение,

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 855-а, Л. 40—41.

з) нововведения в армии, и) слухи, идущие из тыла, и влияние тыла». Соответственно формулировались в программе доклада «меры, признаваемые офицерством необходимыми для успешного продолжения войны; а) единодушный порыв всей страны к победе, б) твердая правительственная власть, в) восстановление этой властью авторитета начальника, г) установление железной дисциплины и начал, поддерживающих ее, д) полное содействие тыла фронту, е) установление трезвого взгляда на противника как на врага добытой русским народом свободы, ж) установление твердого и прямолинейного курса высшего командного состава для поднятия авторитета строевого офицерства, з) организационное объединение офицеров». На пленарном заседании съезда по этому докладу была принята резолюция, в которой содержались требования: «Нужна единая, твердая правительственная власть, власть приказывающая, но не взывающая. Власть, пользующаяся полным доверием страны и опирающаяся на реальную силу. Нужен авторитет начальника, поддерживаемый этой властью и твердым и прямолинейным курсом высшего командного состава. Нужны железная дисциплина и начала, поддерживающие ее. Нужно полное содействие тыла фронту»².

В бумагах Милюкова оказался присланный ему отчет о заседаниях съезда и в нем — текст доклада Новосильцева. Сказав о том, что «родина переживает смуту», что народ, «проживши 300 лет во тьме», «ослеп от первых лучей восходящей свободы» и поддался тем, кто «сеет смуту, анархию и произвол», Новосильцев перешел к положению в армии. «Злые влияния, — продолжал он, — перекинулись и в армию, в тот же темный народ, одетый в серые шинели». Призывая офицеров «думать об одном, стремиться к одному» — к созданию сильной армии, он раскрывал и цель такого стремления: «Опираясь на нее (сильную армию. — *В. П.*), революционная власть благополучно проведет страну через разруху и германский кулак к Учредительному собранию». Он убеждал офицеров «помнить, что офицеры — мозг армии, что армия без офицеров — нуль, сброд, не годная ни к чему толпа. И нужно помнить, что этот мозг должен едино мыслить, быть свеж и ясен...». Новосильцев указывал и путь к такому единомыслию: произвести чистку командного состава и выбросить из среды офицеров «дурной элемент», «разлагающий армию,

² Там же. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 71. Типограф. экз.

ищущий дешевой популярности и заискивающий перед низменными инстинктами массы»³.

Один из активных работников контрреволюционных организаций 1917 г., П. Н. Финисов, спустя двадцать лет рассказывал о деятельности связанного с кадетами тайного контрреволюционного центра: «В мае 1917 года на квартире Ф. А. Липского, члена совета Сибирского банка, собрались, кроме хозяина, ген. Л. Г. Корнилов, К. В. Николаевский, П. Н. Финисов, бывший член Думы Ф. Аладьин и полковник Шуваев. На этом собрании был учрежден „Республиканский центр“. Выбрали председателя и казначея — К. В. Николаевский (н. с.) и трех товарищей председателя — А. А. Богдановский (н. с.), Л. Л. Рума (с.-р.) и П. Н. Финисов (беспарт.). Цель организации? Затормозить начавшееся стихийное революционное движение. Ген. Корнилов уже в это время чувствовал, что дело кончится плохо. До июльского восстания мы занимались исключительно пропагандой, оставаясь в легальных рамках и на платформе примерно кадетской партии. А затем встала мысль об установлении крепкой власти»⁴ Липский, Николаевский и Финисов были директорами или председателями правлений крупных акционерных обществ. Они, как свидетельствует Финисов, с самого начала существования «Республиканского центра» обратили главное внимание на организацию военного отдела и установление контактов с разного рода контрреволюционными организациями.

Его сведения подтверждаются свидетельствами других активистов этих организаций, как, например, Б. А. Гуревича и самого председателя «Республиканского центра» К. В. Николаевского. «В контакте с „Республиканским центром“, — сообщал в публичной лекции в июне 1932 г. в Париже Б. А. Гуревич, — действовали: Военная лига (председатель — ген. И. И. Федоров), Союз офицеров армии и флота (полковник Новосильцев, кадет, бывший член Думы, и полковник Пронин), Совет Союза казачьих войск (полковник А. И. Дутов)... и ряд других организаций, стремившихся к спасению боеспособности армии»⁵. Военный отдел «Республиканского центра» сначала возглавлял полковник Генерального штаба В. Н. Доманевский, затем вице-адмирал А. В. Колчак; в состав отдела

³ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2258. Л. 1—4.

⁴ Последние новости. 1937. 27 февр.

⁵ Там же. 1932. 1 авг.

входили помощники военного министра Барановский и Туманов и ряд других офицеров, занимавших высокие посты в армии⁶.

О том, какое значение придавала буржуазия борьбе за армию, говорит тот факт, что крупнейшие банковские дельцы по инициативе А. И. Путилова и А. И. Вышнеградского образовали «негласный комитет из представителей банков и страховых обществ». Вошедший затем в этот комитет А. И. Гучков вспоминал в эмиграции: «Чтобы официально оправдать наше существование, мы назвали себя Обществом экономического возрождения России. На самом же деле мы поставили себе целью собрать крупные средства на поддержку умеренных буржуазных кандидатов при выборах в Учредительное собрание, а также для работы по борьбе с влиянием социалистов на фронте. В конце концов, однако, мы решили собираемые нами крупные средства передать целиком в распоряжение генерала Корнилова для организации вооруженной борьбы против Совета рабочих и солдатских депутатов»⁷.

Рассказывая о целях Общества экономического возрождения России, А. И. Путилов вносил в сведения Гучкова большую ясность: «...Нужно было организовать борьбу с большевиками на фронте и в тылу. Поскольку же Временное правительство намерено было созвать Учредительное собрание, перед нами вставала также задача провести в Учредительное собрание своих умеренных буржуазных кандидатов. Без денег, как известно, вести пропаганду нельзя. Вот у нас — промеж банков, промышленных и страховых обществ — и начался тогда обмен мнений... Задача настолько была очевидна, что на нашу инициативу немедленно откликнулись все банковские, промышленные и страховые круги...»⁸ В комитет этого общества, по свидетельству Путилова, входили, кроме него, крупные деятели финансово-промышленного мира Н. Н. Кутлер, Н. А. Белоцветов, Б. А. Каменка, А. П. Мещерский и А. И. Вышнеградский. Имеющиеся документы не позволяют выяснить взаимодействие Общества экономического возрождения России с ЦК партии кадетов в сколько-нибудь полном объеме, но о том, что общество финансировало кадетов, говорит «Журнал заседания организационной комиссии литературно-художественного отдела при из-

⁶ Там же. 1937. 27 февр.

⁷ Там же. 1936. 30 сент.

⁸ Там же. 1937. 20 янв.

дательской комиссии партии народной свободы». На заседании 27 мая 1917 г. (присутствовали А. С. Милюкова, А. В. Тыркова, М. Ф. Кокошкина, кн. С. А. Гагарин и др.) было решено «из суммы в 75 тыс. руб., внесенных Н. А. Белоцветовым на текущий счет издательской комиссии, ассигновать 25 тыс. руб. специально для литературно-художественных изданий партии народной свободы»⁹.

К. В. Николаевский не называет ни Общество экономического возрождения России, ни фамилий его руководителей или участников, но, несомненно, о нем ведет речь, когда говорит: «Организаторы „РЦ“ были близки к той части петербургского русского общества, которая делала в стране промышленность, торговлю, деньги; от нее же „РЦ“ пользовался денежной помощью. Это была небольшая по числу, но очень влиятельная группа. Довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах, она нередко оказывала давление на правительство старого режима и в известных случаях влияла на экономическую политику государства»¹⁰. «Республиканский центр» рекрутировал в свой состав буржуазные элементы, чиновников, представителей мелкой буржуазии, политическая платформа которых была несложна: «...достаточно было,— писал Николаевский,— заявления о желании борьбы с большевизмом и о сохранении армии». Ближайшей же целью «Республиканский центр» считал установление в стране военной диктатуры и деятельно подбирал кандидатуру диктатора: сначала руководители центра вели переговоры об этом с Колчаком, изгнанным матросами из Севастополя и приехавшим в Петроград, потом их взоры остановились на Корнилове.

В «Республиканском центре» было положено начало объединению контрреволюции промышленно-финансовой («гражданской») и военной. По свидетельству Николаевского, дело обстояло так: «Военные чины в совещаниях (руководства «Республиканского центра»).— В. П.) преобладали, так как вопрос касался прежде всего установления диктатуры». В другом месте своих воспоминаний он пояснял, что ввести диктатуру предстояло «против жела-

⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 775. Л. 1.

¹⁰ Цитируя рукопись Николаевского в незначительной и не в самой существенной части, А. И. Деникин (Очерки русской смуты. Париж, [1922] Т. 2. С. 27—29) не называет автора воспоминаний. Рукопись сохранилась среди материалов, использованных Деникиным в «Очерках» (ЦГАОР СССР. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 23. Л. 25—59).

ния как толпы, так особенно большевиков, для устранения которых диктатура, в сущности, и предлагалась». Финисов, Гуревич, Николаевский в числе организаций, с которыми «Республиканский центр» состоял в контакте, называют Главный комитет Союза офицеров армии и флота. Деникин хорошо знал деятельность этого комитета и участвовал в ней. Он свидетельствует: «С первых же дней существования комитета в составе его образовался тайный активный коллектив, к которому впоследствии примкнул весь состав комитета... Комитет поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры — единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну»¹¹. Стремление к установлению военной диктатуры, как видим, оказалось общим и у руководящего центра военной контрреволюции (Главного комитета Союза офицеров армии и флота), и у связанной с ним организации промышленно-финансовой буржуазии («Республиканский центр»), — собственно, эта общность целей и создавала почву для контакта между ними.

Таким образом, начиная с апреля 1917 г. в разных кругах российской контрреволюции — в руководящих учреждениях буржуазных партий, в среде крупной буржуазии и в командной верхушке армии — шла организационная работа по выявлению и собиранию сил, оформлению главных центров и сколачиванию ударных формирований, готовых взять на себя инициативу борьбы против революционных масс, в первую очередь против большевиков. Объединяющим эти силы началом был страх перед дальнейшим развитием революции, грозившим существованию буржуазного строя и «института частной собственности» вообще.

Характеризуя полосу русской революции, начавшуюся после апрельского кризиса, Ленин писал: «Контрреволюционная буржуазия усилилась, укрепилась под прикрытием и под защитой „социалистических“ министров, подготовив наступление и против внешнего врага и против внутреннего, т. е. революционных рабочих»¹². Буржуазия стала форсировать переход армии в наступление, причем речь уже пошла «не о наступлении вообще, а именно о немедленном наступлении»¹³. В этом пункте сосредоточились судьбы революции. Стоять за немедленное на-

¹¹ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 28.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 66.

¹³ Там же. Т. 32. С. 298.

ступление означало выступать за продолжение империалистической войны, за оживление и укрепление контрреволюции — вместе с капиталистами и в интересах капиталистов; бороться против наступления значило добиваться перехода власти к Советам, требовать немедленного предложения мира угнетенными классами всех стран на условиях свержения ига капитала и освобождения всех колоний, всех угнетенных и неполноправных народностей, — это путь разрыва с капиталистами. Ленин указывал, что выбор есть «только между этими двумя путями... В этом пункте среднего быть не может», и если Церетели, Чернов и другие «любители средних путей» будут колебаться или отделяться фразами, они «окончательно скатятся к роли орудия в руках контрреволюционной буржуазии»¹⁴.

Но соглашатели пошли по первому пути — вместе с капиталистами, вместе с кадетами. Они составляли большинство на I Всероссийском съезде Советов и, выразив снова доверие Временному правительству, отклонили предложенную большевиками резолюцию о передаче власти Советам. Прошедшие во время съезда массовые выступления рабочих и солдат, требовавших перехода власти к Советам, явились выражением нового политического кризиса, но его «перерезало наступление на фронте»¹⁵, начатое с одобрения меньшевиков и эсеров в момент подъема революционной волны, 18 июня, и кризиса буржуазной власти, таким образом, не произошло. Однако мощные манифестации под лозунгами «Вся власть Советам!» и «Долой десять министров-капиталистов!» с протестами против тайных договоров с империалистами Антанты показали мощь революционных сил пролетариата и рост влияния большевистской партии в массах.

Причины июньского кризиса остались неустраненными. Более того: возобновление войны Временным правительством разрушило у народа надежды на близкий мир, требовало от него новых жертв и несло новые бедствия. Провал наступления на фронте и расправы Временного правительства с революционными частями возбудили острое недовольство политикой буржуазной власти и привели снова к массовым волнениям. Буржуазия решила воспользоваться моментом для ликвидации двоевластия. Кадеты предприняли выход из правительства. Желая

¹⁴ Там же. С. 299.

¹⁵ Там же. С. 430.

переложить расправу с революционным движением на министров-«социалистов», центральный орган кадетской партии писал: «Мы желали бы, чтобы оно (правительство без кадетов. — В. П.) обнаружило также и решимость власти покончить, наконец, с анархистскими нарушениями порядка. Эта миссия отныне с уходом министров-кадетов специально ложится на то более умеренное течение социализма, к которому принадлежит большинство в Совете рабочих депутатов. Справившись с уличным движением, течение тем самым выдержит экзамен на власть»¹⁶.

Расчет у кадетов был на то, что министры-«социалисты» струсят остаться одни лицом к лицу с восставшим народом и пойдут на уступки буржуазии. Лидеры буржуазии не ошиблись: соглашатели стали уговаривать министров-кадетов вернуться в правительство и согласились «на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда»¹⁷. Керенский, заняв кресло вышедшего из правительства Львова, сформировал новое коалиционное правительство. В него снова вошли кадеты, и, хотя у меньшевиков и эсеров был перевес в один голос, это не имело уже никакого значения: они отказались от своего «среднего пути» и полностью стали на позицию капиталистов. Фактически «власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддерживаемой, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами»¹⁸. Соглашательские Советы превратились в безвластный придаток буржуазного правительства. Двоевластие кончилось, и установилось то единовластие буржуазии, которого она так упорно добивалась.

8 июля Временное правительство издало декларацию, в которой своей «первой основной задачей» объявило «напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка» и подтвердило верность «началам, возвещенным декларацией 6 мая»¹⁹. Решив вопрос о восстановлении смертной казни на фронте, оно не стало откладывать и мер по наведению «порядка» в армии. С этой целью оно одновременно же распо-

¹⁶ Речь. 1917. 4 июля.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 67—68.

¹⁹ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 295—296.

рядилось собрать в Ставке совещание высших чинов армии. Получив это распоряжение, верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусилов попросил прибыть на совещание, кроме генералов, Керенского и Терещенко²⁰. Оно было назначено на 16 июля.

В этом совещании участвовали высшие чины армии и руководящие лица Временного правительства. Кроме министра-председателя (он же военный и морской министр) А. Ф. Керенского и министра иностранных дел М. И. Терещенко, здесь присутствовали верховный главнокомандующий А. А. Брусилов, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А. С. Лукомский, начальник Генерального штаба генерал-майор Г. Д. Романовский, главнокомандующие армиями Северного и Западного фронтов генералы В. Н. Клембовский и А. И. Деникин, комиссар Юго-Западного фронта Б. В. Савинков и другие лица высшего командного состава армии. В задачи совещания, как заявил, открывая его, Керенский, входило выяснение, «какими мерами, по мнению присутствующих, можно восстановить боеспособность армии»²¹.

С проектом мер, необходимых для того, чтобы вывести армию «на истинный путь», на совещании выступил генерал Деникин. «Армия развалилась, — заявил он. — Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь». Среди предложенных им мер были такие:

«Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством».

«Изъять политику из армии».

«Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменить функции последних».

«Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину».

«Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации».

«Ввести военно-революционные суды и смертную казнь».

²⁰ ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 67. Л. 21.

²¹ Протокол совещания, бывшего 16 июля 1917 г. в Ставке // Красная летопись. 1923. № 6. С. 19—20.

для тыла — войск и гражданских лиц, совершающих тяжёлые преступления».

Л. Г. Корнилов, тогда главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, на совещании не присутствовал, но по предложению верховного главнокомандующего передал свои соображения по телеграфу, и они были оглашены на совещании. Проекты обоих генералов проникнуты одним и тем же духом и взаимно дополняют друг друга. Если, например, Деникин настаивал на том, чтобы при назначении на высшие должности учитывать боевой и служебный опыт офицеров, то Корнилов шел дальше: «В кратчайший срок произвести самую основательную и беспощадную чистку всего командного состава. Все начальники, обнаружившие неспособность, отсутствие знаний, растерянность, недостаточную решимость и твердость, должны быть уволены в отставку. Те же из них, которые своей бездеятельностью, нерешительностью и колебаниями ставили войска в критическое положение, должны быть преданы суду независимо от положения и чина. Вперед должны быть выдвинуты люди решительные и способные принимать на себя всю ответственность вне зависимости от числа лет службы и чина»²².

Деникин предлагал ликвидировать войсковые комитеты путем постепенного изменения их функций. Корнилов тоже требовал низведения их роли до положения прислужников командного состава, выполняющих лишь те функции, которые им будут дозволены начальством. Все это означало устранение из жизни армии войсковых комитетов как демократических организаций, имеющих какую бы то ни было самостоятельность. Между тем революционная солдатская масса видела в комитетах одно из крупнейших завоеваний революции, но это завоевание сохраняло свое значение до тех пор, пока комитеты давали возможность солдатам «непосредственно влиять на жизнь своей части и контролировать распоряжения командного состава», ибо, разъяснял центральный орган партии большевиков, только «деятельный контроль самих солдат во всех областях военной жизни может устранить для солдат опасность сделаться слепым орудием в руках тайных или явных контрреволюционеров, какими, несомненно, за малым лишь исключением, является весь командный состав наших армий». Разобла-

²² ЦГАОР СССР. Ф. 9. Оп. 1780. Д. 14. Л. 22—23. Телеграмма Корнилова главнокомандующему № 4254 от 15 июля 1917 г. Завер. копия.

чая происки контрреволюции по отношению к комитетам, большевики ориентировали солдат: «...контрреволюционеры прекрасно понимали и понимают, что армия до тех пор не сделается послушным орудием в руках контрреволюции, пока не будут уничтожены ротные и полковые комитеты, эти властные выразители солдатской воли. Поэтому с самого начала своего возникновения эти комитеты сделались мишенью для выпадов со стороны высшего командного состава и черносотенных газет всех оттенков... Теперь, в связи с начавшейся контрреволюцией и под флагом борьбы с большевизмом, обнаглевшие контрреволюционеры опять пытаются разделаться с ненавистными им солдатскими комитетам»²³. Отсюда должен быть ясен смысл требований генералов об «изменении» функций комитетов.

Рьяно настаивали оба генерала на мерах по повышению авторитета офицерского состава вплоть до того, чтобы Временное правительство открыто признало свою вину в подрыве этого авторитета. Здесь нельзя не заметить у генералов явную тенденцию к усилению власти и роли командного состава в жизни армии при полнейшей дискриминации солдатских организаций, к аннулированию тех демократических завоеваний, которые дала буржуазная революция. По этой же линии шло и требование Деникина «изъять политику из армии». Корнилов как бы расшифровывает эту лаконичную формулу своего единомышленника тремя пунктами: «...6) Воспретить законом на все время войны во всех войсковых частях и учреждениях митинги, собрания и карточную игру. 7) Воспретить ввоз и распространение в районе расположения армии литературы и газет большевистского направления. 8) Воспретить въезд в район расположения армий всякого рода делегаций, deputаций и агитаторов без предварительного разрешения соответствующих военных властей»²⁴.

Единомыслие генералов сказалось и в важном с точки зрения восстановления «порядка» в армии и стране вопросе — о применении репрессий. Корнилов первым пунктом своей программы поставил требование: «Восстановленный в пределах территории военных действий закон о смертной казни и революционно-полевых судах распространить и на внутренние округа в отношении

²³ Женеvский А. Солдатские комитеты // Рабочий и солдат. 1917. 28 июля.

²⁴ Красная летопись. 1923. № 6. С. 31—32.

военнослужащих за преступления, указанные в законе. Если эта мера не будет распространена на внутренние округа, армии будут продолжать вместо пополнений, долженствующих увеличивать их боеспособность, [получать] банды распущенных необученных солдат, которые способны разлагать даже самые крепкие части»²⁵. Деникин не давал обоснования аналогичного требования (пункт 8) при помощи столь «красноречивых» оценок прибывающих из тыла пополнений, зато он предлагал распространить закон о смертной казни в тылу не только на войска, но и на гражданских лиц.

Проект Деникина содержал некоторые другие требования, которых не было у Корнилова (предлагалось, например, создать отборные карательные части из трех родов оружия). Но Корнилов вовсе не был противником и этих мер Деникина. Через два дня после совещания в Ставке он был назначен верховным главнокомандующим; Деникин послал ему текст своего доклада и в ответ получил от него письмо: «С искренним и глубоким удовольствием я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с божьей помощью нам удастся довести (до конца) дело воссоздания родной армии и восстановить ее боеспособность»²⁶.

Таким образом, в двух формулировках программы восстановления боеспособности армии — Корнилова и Деникина — отразилось единство взглядов высшего генералитета; в полном согласии с Деникиным и Корниловым выступили на совещании в Ставке и другие генералы, в том числе находившийся еще на посту верховного главнокомандующего А. А. Брусилов и приглашенный на совещание М. В. Алексеев. Ничего существенно отличного от их мнений не высказал на совещании и Керенский, он даже заявил им: «Я в вашем распоряжении. Употребляйте меня как аппарат с большой властью». Уточняя свое отношение к их требованиям, он пояснил: «При принятии известных мер необходимо учесть, что при данном соотношении реальных сил возможно сделать и чего нет. Я так говорю не потому, чтобы я был против указанных мер, но потому, что должен учитывать настроение масс». Терещенко, ил-

²⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

²⁶ Деникин А. И. Указ. соч. Париж, [1922]. Т. 1, вып. 2. С. 188.

люстрируя взгляд Временного правительства на предложенные на совещании меры, подтвердил, что сейчас нельзя вводить смертную казнь в тылу, «однако необходимо всячески ускорить в массах сознание необходимости указанной меры. Уничтожить комитеты, как все говорят, сейчас нельзя. К этому надо прийти постепенно»²⁷.

Через каких-нибудь три месяца, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова, Керенский говорил, что его программа не была чем-то новым для Временного правительства: «Существо его мероприятий в известной мере уже вырабатывалось Военным министерством и должно было планомерно проводиться в жизнь»²⁸. В начале же 1918 г., готовя к изданию стенограмму своего допроса, в пояснениях к ней, которые имеют значение свидетельств, написанных по сравнительно свежим следам, Керенский чуть ли не обвинял ретивого генерала в плагиате, говоря, что «существо „требований ген. Корнилова было вовсе не Америкой, им открытой, а являлось только своеобразной формулировкой тех мер, которые уже отчасти проводились, отчасти проектировались Временным правительством, и... это существо отвечало настроениям ответственных демократических и либеральных кругов»²⁹. Да и на самом совещании 16 июля 1917 г. Терещенко заявил, что правительство «занято теперь разработкой мер, которые идут иногда даже дальше, чем предлагает генерал Деникин»³⁰. Это было не что иное, как программа контрреволюции, проект восстановления в армии всевластия буржуазии, необходимого для того, чтобы в нужный момент двинуть армию против Советов.

Совещание 16 июля показало, что налицо единство не только в генеральской верхушке армии, но и между этой верхушкой и Временным правительством. «...На фронте так настоятельна была потребность в волевой личности», — говорил потом Керенский, мотивируя назначение Корнилова главкомом³¹. Самим фактом такого назначения Временное правительство нагляднее, чем каким бы то ни было иным заверением, засвидетельствовало одобрение выдвинутой генералами программы.

²⁷ Красная летопись. 1923. № 6. С. 44—45.

²⁸ Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918. С. 26.

²⁹ Там же. С. 4.

³⁰ Красная летопись. 1923. № 6. С. 45.

³¹ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 26.

Впоследствии белоэмигрантский военный историк генерал Головин утверждал, что в основе требований Деникина на июльском совещании «не лежало никакой рестаурационной идеи» и что они являлись «продуктом патриотизма, болезненно обостренного только что пережитыми позором и ужасами поражения». Но тот же Головин должен был признать, что эта максимальная, по его оценке, военная программа таила в себе «начала близкого контрреволюционного взрыва»³². Он различил в докладе Деникина на совещании 16 июля три идеи: 1) «продолжать войну во что бы то ни стало»; 2) «правительство должно поставить ставку на офицера, а не на солдата»; 3) «идея третья — военная диктатура». Говоря о третьей идее, Головин замечал: «Хотя генерал Деникин и не произносит этих слов («военная диктатура». — *В. П.*), но требования, изложенные в пунктах 2, 3, 4, 5 и 8-м, могли быть осуществлены лишь военной силой»³³. К этому можно добавить, что та же идея является стержнем программы и у Корнилова, вообще же она — вовсе не генеральское изобретение. Деникин и Корнилов лишь разработали профессионально способ выполнения той задачи, которую ставила буржуазия: утверждение своего единовластия. Восстановление боеспособности армии рассматривалось ею как главная на данном этапе борьбы часть более крупной «патриотической» задачи — «оздоровления» России в целом.

Но и тревога за армию, выработка мер по ее «оздоровлению» не были только плодом размышлений генералов под непосредственным влиянием падения дисциплины в войсках, конфликта между солдатами и офицерами или неудач на фронте. Не одни генералы забили эту тревогу. Ее выразил, например, 4 мая на частном совещании членов Государственной думы А. И. Гучков, сказав: «...на началах непрекращающегося митинга управлять государством нельзя, а еще менее можно командовать армией на началах митингов и коллегиальных совещаний. А мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили самую идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть». Он высказал опасение: «Не слишком ли далеко зашел этот роковой разрушительный процесс и будем ли мы в состоянии оста-

³² Головин П. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ревель, 1937. Ч. 1, кн. 1. С. 135.

³³ Там же.

новить его развитие?»³⁴ Принимая на себя и своих единомышленников тяжкую вину за развитие «разрушительного процесса» революции, Гучков, конечно, напрасно занимался самобичеванием: ни свержение самодержавия, ни дальнейшее развитие революции не составляли ни его (и людей его круга) заслуги, ни его вины; истина здесь заключена в одной лишь резонности сомнения: удастся ли им остановить «роковой разрушительный процесс»?

Генералы не первыми распознали и ту действительную ведущую силу революции, от влияния которой они пытались оградить армию. 3 июня опять же на частном совещании членов Государственной думы Милюков указывал на опасность, грозящую со стороны тех, кто «борьбу с неприятелем заменяет острой классовой борьбой с целью воспользоваться затруднительным положением во время войны для низвержения всех буржуазных правительств и для перехода власти в руки пролетариата...» Лидер кадетов призывал в связи с этим: «Русское общество должно сплотиться для борьбы с опасностью того большевизма, который, правда, один договаривает свои мысли до конца, но который умеет внушать свои мысли очень многим людям...»³⁵ Его единомышленник член ЦК кадетской партии В. А. Маклаков на том же совещании связывал воедино задачи продолжения войны и укрепления власти буржуазии: «Если нам действительно удастся наступать и вести войну... так же серьезно, как мы вели ее раньше, тогда очень скоро наступит полное оздоровление России. Тогда оправдается и укрепится и наша власть, которая покажет, что была достойна управлять Россией, укрепится и наш режим...»³⁶ Ленин расценил эти слова Маклакова как открытое признание вождя капиталистов, как классовую правду, состоящую в том, что «полное оздоровление России» означает для них, капиталистов, полную победу контрреволюции. «Вести войну, „как мы ее вели раньше“, — „мы“, т. е. капиталисты с царем во главе! — подчеркивал Ленин, — вести эту войну империалистов значит „оздоровить“ Россию, т. е. обеспечить победу капиталистов и помещиков»³⁷.

³⁴ Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 5—6.

³⁵ Там же. С. 109.

³⁶ Там же. С. 112.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 32, С. 301—302.

В выработанных генералитетом проектах мер по восстановлению реакционных порядков в армии и распространению их на всю страну получила отражение интенсивная деятельность буржуазно-помещичьих кругов в борьбе за единовластие буржуазии. Первоочередной задачей на пути к установлению военной диктатуры было овладение армией. Эта задача заняла тогда важнейшее место в программных документах политического штаба контрреволюции — ЦК кадетской партии.

15 июля, накануне совещания в Ставке, члены ЦК этой партии Н. И. Астров, Н. М. Кишкин и В. Д. Набоков направили Керенскому открытое письмо с изложением условий, на которых они соглашались вступить по его приглашению во Временное правительство. В этом письме были не только личные мнения Астрова, Кишкина и Набокова. Происхождение его «Речь» раскрыла в передовой: «Одобрив намеченные кандидатуры, Центральный комитет (партии народной свободы. — В. П.) вместе с ними выработал программу деятельности нового правительства. Главными чертами этой программы являются все те меры, которые необходимы для успешного продолжения борьбы с врагом и для прекращения смуты внутри страны»³⁸. И далее кратко излагались те требования, которые предъявлялись Керенскому в письме. Среди них были такие: «...2) осуществление всех основных социальных реформ и разрешение вопросов о форме государственного строя должны быть безусловно отложены до Учредительного собрания; 3) чтобы в вопросах войны и мира соблюден был принцип полного единения с союзниками; 4) чтобы приняты были меры к созданию мощи армии путем восстановления строгой военной дисциплины и решительного устранения вмешательства войсковых комитетов в вопросы военной тактики и стратегии; 5) чтобы в основу внутреннего управления положены были начало уничтожения многовластия и восстановление порядка в стране...»³⁹

Можно было бы считать, что декларация торгово-промышленных организаций по поводу приглашения в состав правительства Третьякова, направленная Керенскому, просто-напросто повторяла эти кадетские требования. В ней тоже был пункт: «2) Временное правительство не в праве предпринимать коренной ломки существующих

³⁸ Речь. 1917. 16 июля.

³⁹ Там же. 18 июля.

социальных отношений до Учредительного собрания...»⁴⁰ Но в речи, произнесенной 17 июля в зале певческой капеллы перед членами партии, Милюков указывал, что требования, изложенные в письме Керенскому за подписями Астрова, Кишкина и Набокова, были составлены Центральным комитетом. И далее председатель кадетского ЦК говорил: «В письме, [подписанном] другим кандидатом, Третьяковым (от торгово-промышленного класса), кроме этой программы мы ставили некоторые другие условия. Мы ставили в особенности условия, которые давали бы нам возможность функционировать в правительстве в сильном составе, а не в одиночку»⁴¹.

Так что требования, предъявлявшиеся лицами, принадлежавшими к разным организациям кадетской партии и торгово-промышленному союзу, на самом деле исходили из одного центра — из ЦК кадетской партии. Показательно и то, что меры в военном вопросе, предложенные ЦК в переговорах с Керенским, по свидетельству Милюкова, до отъезда премьер-министра на совещание в Ставку, выглядят как принципиальный набросок тех проектов, которые были развернуты на этом совещании генералами. «...Далее мы хотели, — сообщал Милюков, — чтобы пресечено было то зло, которое валило нашу армию: мы считали необходимым восстановить прежнее иерархическое отношение между командованием и нижними чинами, мы хотели вместо комитетов армейских, которые расширили свои задачи сужением других ⁴² до пределов хозяйственных распоряжений, мы хотели, чтобы была закрыта та дыра, через которую проникла большевистская пропаганда... мы хотели, таким образом, чтобы восстановленная в своей мощи путем восстановления дисциплины армия служила той широкой задаче окончания войны в полном согласии с союзниками»⁴³.

Нельзя не видеть, что требования генеральской верхушки представляли собой конкретизацию требований кадетов и капиталистов. Это было не простое совпадение: реакционный генералитет представлял собой верных оруженосцев эксплуататорских классов, с которыми был связан всей своей службой и общностью интересов.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 9—10. Стенограмма лекции П. Н. Милюкова.

⁴² Так в стенограмме.

⁴³ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 9.

Все программные документы разных кругов контрреволюции — ЦК кадетской партии (в виде письма Кишкина, Астрова и Набокова), Временного комитета Государственной думы (повторявшего требования кадетского ЦК), торгово-промышленных организаций — появились в одно и то же время (16—19 июля) и в одной и той же газете — органе кадетской партии. «Речь» активно пропагандировала программу, выработанную Центральным комитетом кадетской партии. В передовой, посвященной предстоящему тогда Государственному совещанию, высказывалась уверенность в том, что «наша общественность» сумеет «объединиться на общей внепартийной программе... Такую программу не приходится выдумывать. Отдельные части ее носятся в воздухе. Со времени оглашения в печати известного письма В. Д. Набокова, Н. М. Кишкина и Н. И. Астрова к А. Ф. Керенскому основные условия оздоровления России постепенно стали общим лозунгом, объединяющим все живые силы страны. Создание единой, действительно независимой от Советов сильной национальной власти, которая могла бы возродить армию и спасти страну от грозящих ей голода и холода, — вот требование, единогласно выдвигаемое всей страной»⁴⁴. Добившись в результате разрешения июльского кризиса ликвидации двоевластия, буржуазия форсировала воплощение своего единовластия в наиболее действенную, чрезвычайную форму — в военную диктатуру. ЦК кадетской партии не только выработывал платформу, объединявшую все силы контрреволюции, но и спланировал их при помощи своего печатного органа.

Организация и укрепление контрреволюции после июльского кризиса, указывал В. И. Ленин, характеризовались соединением трех ее главных сил: 1) партии кадетов, являвшейся вождем организованной буржуазии, 2) Генерального штаба и командных верхов армии и 3) черносотенно-монархической и буржуазной прессы⁴⁵. Объективное положение того времени Ленин оценивал как назревшую неизбежность решить коренной вопрос революции: «либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих»⁴⁶. Такая ситуация выдвигала в авангард контрреволюции командные верхи армии. Прямая поддержка со стороны Вре-

⁴⁴ Речь. 1917. 8 авг.

⁴⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1.

⁴⁶ Там же. С. 2.

менного правительства, выразившаяся прежде всего в назначении Корнилова верховным главнокомандующим, облегчала подготовку этих верхов к утверждению военной диктатуры. Оказавшийся в руках Корнилова аппарат Ставки приступил к деятельной разработке мероприятий, необходимых для этой цели.

Деникин рассказал в своих мемуарах, что в конце июля 1917 г. он неожиданно был перемещен с Западного фронта на Юго-Западный. Выезжая к новому месту службы, он взял с собой и начальника штаба фронта генерала Маркова. Проездом они остановились в Могилеве и в тот же день были приглашены Корниловым на совещание начальников отделов Ставки, на котором обсуждалась «корниловская программа восстановления армии»⁴⁷, оформлявшаяся в виде докладной записки верховного главнокомандующего Временному правительству. Находясь уже в эмиграции и собирая материалы для «Очерков русской смуты», Деникин запросил бывшего 2-го генерал-квартирмейстера Ставки Ю. Н. Плющевского-Плющика (тоже эмигрировавшего) об обстоятельствах подготовки этого доклада. Тот ответил письмом 3 мая 1921 г. «Начну с истории этого доклада, — писал Плющевский-Плющик. — Вы, конечно, помните, что на заседании 16 июля не было вынесено никаких конкретных решений. Это обстоятельство заставило меня, как 2-го генерал-квартирмейстера, постараться все-таки подвести итог всему на заседании сказанному⁴⁸ и наметить ряд мероприятий, необходимых для поднятия ее боеспособности. Числа 20-го июля в этом смысле я и подал генералу Лукомскому как начальнику штаба обширный доклад. Лукомский прочел его, одобрил и подал его Корнилову в день его приезда в Могилев, т. е. 22 июля. Корнилов тоже доклад одобрил, снабдил его богатыми резолюциями и приказал мне в кратчайший срок развить этот доклад в обширный доклад Временному правительству. Доклад этот, законченный в срок, и был прочтен на том заседании в Ставке, на котором присутствовали вы и Марков. Главная цель его была не только наметить необходимые реформы, но и нарисовать ту ужа-

⁴⁷ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1, вып. 2. С. 196—197.

⁴⁸ Очевидно, в протокол совещания были включены семь пунктов, сформулированные Плющевским-Плющиком как «итог» совещания (см.: Красная летопись. 1923. № 6. С. 52). В сборнике документов «Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 года» (М., 1968. С. 223—224) они опубликованы с архивной копии как постановление совещания.

сающую картину развала, которую в это время представляла собою армия»⁴⁹.

3 августа Корнилов приехал в Петроград, чтобы выступить с этим докладом на заседании Временного правительства и добиться проведения в жизнь намеченных мероприятий. Первым ознакомился с докладом верховный комиссар при Ставке М. М. Филоненко, находившийся в это время в Петрограде. Филоненко, как он показывал позже на следствии по делу Корнилова, нашел этот доклад «весьма неудачным, обнаружившим непонимание автором условий политического момента»⁵⁰. Вместе с управляющим Военным министерством Б. В. Савинковым Филоненко не рекомендовал Корнилову представлять доклад Временному правительству в таком виде. Не нашел возможным огласить эту записку на заседании Временного правительства и Керенский, которому Корнилов показал ее при личном свидании. «Там был изложен целый ряд мер, в огромном большинстве вполне приемлемых, — рассказывал потом следственной комиссии Керенский, — но в такой редакции и с такой аргументацией, что оглашение ее привело бы к обратным результатам. Во всяком случае был бы взрыв и при опубликовании ее *сохранить Корнилова главнокомандующим было бы невозможным*... Было решено, что записка эта будет переработана вместе с военным министром, вместе со мною так, чтобы сделать ее приемлемою для Ставки, для общественного мнения и для меня, а генерал Корнилов в этот день делает только доклад о стратегическом положении армии и о возможных военных событиях»⁵¹.

Корнилов передал привезенный доклад Савинкову с тем, чтобы через неделю, когда Корнилов снова приедет в Петроград, обсудить окончательный текст. «При совместном обсуждении вопроса о докладе с ген. Корниловым и Б. В. Савинковым, — показывал Филоненко следственной комиссии, — мы остановились на решении, что доклад должен охватить все стороны жизни армии и тыловых учреждений, с ней сопряженных, и что доклад Ставки, равно как и доклады главных управлений министерства, составленные по приказанию Б. В. Савинкова, должны послужить материалом. Составление доклада Б. В. Савин-

⁴⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 42.

⁵⁰ Мартынов Е. И. Корнилов: Попытка военного переворота. М.; Л., 1927. С. 46.

⁵¹ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 37.

ков возложил на меня»⁵². Оставшись с этой целью в Петрограде, Филоненко отправил вместе с Корниловым в Могилев своего помощника Фонвизина с поручением «следить за тем, чтобы, под влиянием штаба, за подписью генерала Корнилова не вышло бы из Ставки чего-либо не отвечающего определенной, им же одобренной, политической ориентации»⁵³. Керенский свидетельствовал потом, что «во второй записке, представленной 10 августа, появилось два совершенно новых отдела — фабрично-заводский и путей сообщения»⁵⁴. Записку подписали Савинков и Филоненко, а затем и Корнилов.

Если подытожить сказанное о происхождении доклада, представленного Корниловым Временному правительству 10 августа, то получается, что исходным материалом для его составления послужил протокол совещания в Ставке 16 июля, в особенности зафиксированные в нем предложения Деникина и Корнилова. Этот материал получил более обстоятельную разработку в отделах Ставки, затем был обобщен Плющевским-Плющиком и откорректирован в результате обсуждения, проведенного Корниловым на заседании в Ставке с участием Деникина. Текст, окончательно отредактированный Филоненко, был дополнен материалом из докладов главных управлений Военного министерства, составленных по приказанию Савинкова.

«Прошли времена, истекают крайние сроки,— говорилось во вводной части этого доклада,— пока стихийными движениями ничем и никем не управляемых народных масс не закрыт путь определенный и твердый, революционная власть должна на него без всякого промедления, без всякого колебания встать». В самых мрачных красках рисовалось положение на фронте: тарнопольский разгром армий Юго-Западного фронта расценивался как прецедент, который «может повториться каждый день, в любой точке боевой линии. По выбору противника может пасть либо Рига, либо Одесса, может быть по произволу врагов разрешен в пользу Румынии бессарабский вопрос... Солдаты армии, бежавшие под Тарнополем летом, зимой, при первых морозах, начнут массами дезертировать с позиций». Это писалось для обоснования тех мер, которые намечались прежде всего по отношению

⁵² ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 15.

⁵³ Мартынов Е. И. Указ. соч. С. 48 (из показаний Филоненко).

⁵⁴ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 37—38.

к армии. И тут же давался их общий перечень: «Спасти положение может только: А) самая суровая дисциплина и Б) общее упорядочение состояния армии: 1) поднятием на должную высоту офицерского состава; 2) постановкой в точные, законом определенные рамки функций правительственных военных комиссаров, 3) функций войсковых выборных организаций; 4) урегулированием вопросов быта; 5) урегулированием печати в армии; 6) реорганизацией армии в административном отношении; 7) оборудованием фронта и непосредственного тыла армии в техническом отношении; 8) урегулированием тыла армии и запасных полков, 9) железных дорог, 10) боевого снабжения армии»⁵⁵.

В докладе подробно расписывались меры по восстановлению дисциплинарной власти начальников. В качестве одной из них преподносилось издание уставов: дисциплинарного, внутренней и гарнизонной службы, с одновременной отменой декретом правительства «всех предыдущих положений, законов и приказов, затрагивающих вопросы дисциплины и внутреннего быта армии». Если учесть, что особенные протесты командных верхов армии вызвали такие «предыдущие положения», как приказ № 1 Петроградского Совета и другие документы, фиксировавшие демократические завоевания солдатских масс, то станет ясно, что речь шла о реставрации и закреплении уставами старых порядков в армии. Для обоснования такой реставрации используются любые средства. Констатируется, например, рост заболеваний сапом и чесоткой лошадей и гуртового скота, а объяснение дается такое: «Причину этих явлений, грозящих лишить армию конского состава, разрушить совершенно ее боеспособность и отозваться в конечном счете самым тяжелым образом после демобилизации на сельском хозяйстве, надлежит искать исключительно в полнейшей распущенности солдат, не желающих по праздности и лени ни чистить лошадей, ни даже кормить их, и в совершенном отсутствии у начальников средств к понуждению неповинующихся». «Еще более серьезным, грозящим обратиться в стихийное всенародное бедствие» признается в докладе антисанитарное состояние людского состава армии. Это явление доклад также относит «исключительно на счет отсутствия дисциплины вообще и дисциплинарной власти начальников в частности», ибо «солдаты, отказывающиеся

⁵⁵ Красная летопись. 1924. № 1(10). С. 207.

исполнять работы, к общей пользе армии направленные, вследствие крайней разнузданности и укоренившейся привычки к безделью отказываются от работы, имеющей целью непосредственное телесное благополучие каждого из них в отдельности». И — как рефрен: «Ни у начальников, ни у врачей нет средств бороться со злом».

Раздел о поднятии авторитета офицеров и улучшении их материального положения составители доклада заключают двумя весьма характерными пунктами: «...5) Озабочиваясь подбором соответствующего командного состава, не останавливаясь перед решительным удалением всех не соответствующих своему назначению, в то же время необходимо тщательно пересмотреть списки лиц, уволенных со службы в первый период революции, и вернуть уволенных как по недоразумению, так и вследствие пристрастной аттестации безответственных лиц. 6) Для устранения тех немногих офицеров армии, которые не проникнуты надлежащим воинским духом и пониманием дисциплины, необходимо усилить кару за преступления по должности, бездействие и превышение власти».

Все под тем же углом зрения рассматривалась и роль в армии комиссаров. «В настоящее время без комиссаров обойтись в армии нельзя» — таким заявлением открывался посвященный им раздел доклада. Их деятельность «должна быть направлена к восстановлению боеспособности народной армии... в этом отношении экстраординарный институт комиссариата чрезвычайно облегчает задачи командного состава. Комиссары — врачи, которые по оздоровлению армии должны считать свою задачу выполненной». Предлагался совершенно определенный статут комиссаров, исключавший не только наделение их полномочиями от Советов, но и какую бы то ни было зависимость от любых демократических организаций. Это требование получило в докладе категорическое выражение: «Комиссары должны являться полномочными представителями Временного правительства, а отнюдь не каких-либо общественных, политических и профессиональных организаций, и в качестве таковых должны представлять из себя стройную организацию государственного механизма, лишённую характера случайности как в отношении назначения на должности, так и в порядке осуществления своих обязанностей. В этом смысле важно единообразие общих принципов их деятельности под руководством главного военного комиссара при верховном главнокомандующем и предоставление им широкой инициативы по проведению

этих принципов в жизнь. Положение о комиссарах должно получить силу закона»⁵⁶.

Особое внимание уделялось в докладной записке войсковым выборным организациям. Как и в отношении комиссаров, вопроса об их ликвидации не ставилось. Наоборот, говорилось: «Не может быть и речи об уничтожении комитетов. Следует помнить, что комитеты, в общем и целом пользующиеся доверием широких солдатских масс, смогут, при правильном направлении их деятельности, послужить могучим средством для внедрения в воинские массы дисциплины и гражданского сознания, обеспечивая своим существованием, символизирующим в глазах массы бытие революции, спокойное отношение к тем суровым мерам, которые необходимы для спасения армии и страны и на фронте и в тылу». Речь шла, таким образом, не о том, чтобы уничтожить комитеты, из которых командные верхи армии надеялись извлечь для себя пользу, а о том, чтобы, лишив их какой бы то ни было самостоятельности, сделать безусловно послушным орудием в руках этих верхов. Эта задача обосновывалась следующим образом: «До сих пор комитеты являлись организациями совершенно безответственными перед законом; они могли выносить какие угодно постановления, хотя бы явно противозаконные и вредоносные, не подвергаясь никакой каре; с другой стороны, они не обладали достаточным авторитетом в солдатской массе, находясь от нее в полной зависимости, так как могли быть в любой момент лишены полномочий и переизбраны вновь. Если к этому прибавить, что компетенция комитетов не была определена, так как были последовательно отменены все приказы, регулирующие их деятельность, что не были установлены ни их права, ни их обязанности и что в то же время солдаты предъявляли всевозможные запросы и требовали от них отклика на все явления не только солдатского быта, но и совокупности русской, а иногда и иностранной жизни, должно казаться удивительным, насколько эти молодые выборные учреждения сравнительно мало уклонялись от правильного пути и насколько часто оказывались на высоте положения, кровью запечатлевая свою доблестную воинскую деятельность».

Как видно отсюда, генеральскую верхушку не удовлетворяла даже «доблестная воинская деятельность» соглашательских комитетов, если благодетельное ее направ-

⁵⁶ Там же. С. 210.

ление не гарантировалось твердым регламентом и было подвержено влиянию солдатской массы, которая предъявляла комитетам, кроме бытовых, и политические требования и могла в случае, если они не давали «отклика» на эти требования, лишать их полномочий и переизбирать. Таковую «анархию» надлежало пресечь. «Для осуществления этого, — гласил доклад, — необходимо: 1) немедленно, путем соответственного законодательного акта, придать комитетам характер законных выборных организаций воинского управления. Для этого нужно установить несменяемость комитетов на все время их полномочий... 2) Определить точную компетенцию комитетов... 3) Определить ответственность их по суду за превышение власти, бездействие власти, неисполнение и нарушение обязанностей». Перевыборы комитетов допускались, помимо истечения срока полномочий, не по воле избирателей, а лишь «вследствие роспуска их комиссарами за противозаконные или вредные для боеспособности армии постановления или деяния», а также в случае «осуждения по суду за преступную деятельность или конкретные преступления». Так что на отсутствие кары за «противозаконные и вредоносные» постановления комитеты, согласно данной пропозиции, пожаловаться уже не могли бы.

«Таким образом, — подводился итог разработке вопроса о комитетях, — постановление п. 1 придаст комитетам необходимые независимость и авторитетность, постановления же пунктов 2 и 3, сделав их ответственными и перед законом, создадут для них альтернативу: либо исполнять свои обязанности и проводить в сознание масс идеи порядка и дисциплины, либо поддаваться безответственному влиянию масс и тогда нести кару по суду». Загнав комитеты в такую западню, наставляемые Корниловым законодатели высказывали уверенность: «Есть все основания думать, что комитеты станут на первый, а не на второй путь»⁵⁷. Так приводились к общему знаменателю внешне будто бы неодинаковые требования Корнилова и Деникина в отношении комитетов, предъявленные на совещании в Ставке 16 июля. Альтернативы, собственно говоря, никакой не предоставлялось: комитетам приуготовлялась судьба, тогда еще намеченная Деникиным, — упразднение путем изменения (даже не постепенного) их функций.

Кажется, совсем безобидно выглядели в общей формулировке вводной части доклада предложения об урегули-

⁵⁷ Там же. С. 211.

ровании вопросов быта и печати в армии. Но за этими общими формулировками стояло вот что: «Устройство военных митингов на всем театре военных действий должно быть запрещено на все время войны»; воспретить въезд «в район расположения армии всякого рода делегаций и агитаторов без предварительного разрешения соответствующих комиссаров»; принятое Временным правительством постановление «о недопущении в армии издания газет явно вредного большевистского направления» дополнить «законом, возлагающим на комиссаров и комитеты просмотр всего поступающего в части войск печатного слова». Все это не что иное, как повторение 6, 7, 8-го пунктов программы Корнилова, оглашенной в Ставке 16 июля.

Не менее содержательной была и другая общая формулировка вводной части — об «урегулировании тыла армии и запасных полков». В специальном разделе обращалось внимание на то, что «запасные части, питающие армию комплектованием, заражены дезорганизацией не менее самой армии». Особенно разлагающее влияние на них приписывалось приказу № 1 Петроградского Совета и в связи с ним особая роль в процессе разложения тыла — столичному гарнизону. Петроградский гарнизон, объявивший, «что он остается в столице как страж революции», третировался как «банда празднующихся», опасная для «высшего представителя революционного народа», под коим разумелось Временное правительство, причем недвусмысленно делался намек на июльские события в Петрограде. Но «печальный пример» Петроградского гарнизона не расценивался как исключение. «В каждом городе, везде, где расположены запасные части, — без стеснения в выражениях повествовалось в докладе, — скопились массы таких же „спасителей революции“, распущенных, дезорганизованных тыловых солдат, обильно укомплектованные дезертирами с фронта. Эти воинские части, поскольку, весьма условно конечно, к ним можно применять такое название, являются не только бесполезными, но даже вредными и опасными для фронта».

Не гнушаясь никакими инсинуациями, вплоть до обвинений Петроградского гарнизона в разложении под влиянием «подкупной пропаганды», авторы доклада изображали состояние тыловых гарнизонов в самых мрачных красках, набрасывая на революционные выступления солдат покров разного рода аморальных действий и даже уголовщины. Таким образом в докладе очернялись июльские выступления солдат в Петрограде, Царицыне, Астра-

хани, Твери, Нижнем Новгороде и других городах. Ссылаясь на донесения генералов с фронтов, составители доклада в призраке большевизма находят отмычку для объяснения развала не только в тылу, но и в действующей армии. «В еженедельных сводках, представляемых фронтами, постоянно указывается, чем является пополнение для армии: „Пополнение очень плохо подготовлены и вносят разлагающий элемент в войска“. „Дальнейшая присылка запасных вызовет кризис“. „Среди солдат, прибывающих на пополнение, сильно распространены идеи большевизма“». А отсюда уже выводилось требование распространить смертную казнь и на тыл: «Колебания быть не должно. Нет никаких логических оснований, применив смертную казнь в действующей армии, карая преступников, стоящих все-таки перед лицом врага и опасности, оставить для тех же преступлений, совершаемых в тылу, наказания менее суровые...»

Но смертная казнь была не единственной мерой, приготовленной для того, чтобы, по замыслу составителей доклада, «перевоспитать тыловую массу». В подкрепление ей были изобретены и такие меры: «...2) Безусловно необходимо теперь же изъять из запасных полков все вредные элементы, в наиболее острых случаях прибегая к расформированию неповинующихся частей. Для расформированных необходимо создать особые концентрационные лагеря с самым суровым режимом и уменьшенным пайком, привлекая одновременно содержащихся в них на государственных работы. Бессмысленно распределять людей расформированных частей по другим полкам. 3) Командный состав тыла должен быть пересмотрен в ближайшее же время. Твердая власть, энергичные меры спасения армии должны проводиться в жизнь людьми, умеющими действовать неуклонно и твердо... Строжайшая дисциплина должна быть восстановлена на одинаковых для действующей армии и тыла основаниях».

Не ограничиваясь пределами своего ведомства — действующей армией, запасными войсками тыловых гарнизонов, военщина намеревалась раздавить и рабочее движение. Предлогом для вмешательства в революционные порядки в промышленности и на транспорте служило падение боевого снабжения армии. Имелось в виду реализовать давнишнюю мечту буржуазии — милитаризировать железные дороги и промышленные предприятия.

«Железные дороги, — говорилось в докладе, — должны быть объявлены на военном положении. Комитетам [долж-

по быть] категорически воспрещено вмешиваться в технические распоряжения начальства. Всякое неисполнение технического приказа должно рассматриваться как неисполнение боевого приказа на фронте и облагаться соответственной карой, для чего на дорогах в крупных узловых центрах должны быть учреждены военно-революционные суды. С другой стороны, правительство должно обеспечить спокойную работу железнодорожных служащих, для чего должна быть учреждена государственная стационарная милиция, поддерживаемая, где нужно, воинскими командами». Раздел «Железные дороги» заканчивается фразой: «Относительно железнодорожных мастерских и депо применить те же самые меры, которые предложены ниже относительно заводов, работающих на оборону»⁵⁸. Какие же это меры? Они предначертаны в последнем разделе доклада, именуемом «Снабжение армии».

Здесь прежде всего статистической сводкой доказываются понижение производительности предприятий, занятых выполнением военных заказов, рисуется «грозная картина» разрухи и дается обычное для буржуазной экономической науки и публицистики объяснение кризиса. Его причиной выставлен по аналогии с отсутствием чувства «долга» у солдат низкий «нравственный уровень» рабочих при полном умолчании об активном саботаже и дезорганизации производства предпринимателями в провокационных целях, о затяжном топливном и транспортном кризисе, о резко ухудшившемся материальном положении рабочих. Так обосновывалась необходимость «перевоспитания тыловой массы» и в области промышленности, а затем уже перечислялись самые меры.

«Для спасения страны и свободы,— предлагалось в докладе,— необходимо теперь же:

1) объявить все заводы, работающие на оборону, а также угольные копи, на военном положении;

2) решительно воспретить на территории заводов все то, что мешает работать: митинги и всякого рода собрания, за исключением совета старост и правления больничных касс;

3) категорически потребовать от рабочих исполнения минимального ежедневного количества изделий по средней норме последних месяцев до переворота (октябрь—январь) при неременной оплате труда не за время, а сдельно;

⁵⁸ Там же. С. 215—216.

4) немедленное увольнение и отправление на фронт каждого рабочего, не удовлетворяющего условию п. 3-го;

5) прекращение самовольства рабочих в отношении лиц технического персонала и заводской администрации, а также полное запрещение вмешательства рабочих в дела хозяйственные...

7) воспреещение всяких стачек и локаутов на все время войны, с привлечением к уголовной ответственности и обложением высшей мерой уголовного наказания за подстрекательство как к первому, так и второму...

9) немедленный призыв на военную службу всех лиц заводской администрации с командированием их на занимаемые ими должности распоряжением военного министра...»⁵⁹

Нельзя не заметить, что если первые восемь разделов доклада имели главной целью «перевоспитание» солдат фронта и тыла, реставрацию порядков царской армии, то два последних раздела непосредственно направлены против ведущей революционной силы в стране — пролетариата. Этих разделов не было в докладе, сочиненном в Ставке, но это не значит, что они были разработаны в военном ведомстве без участия Ставки. В беседе Корнилова с корреспондентом «Русского слова» еще 3 августа проскользнули сведения о том, что «проект оздоровления транспорта» уже к тому времени был разработан в Ставке комиссией под председательством генерала Романовского генералом Кисляковым и инженером Шуберским и сводился «к введению на дорогах железной дисциплины». Защищая этот проект во Временном правительстве, Корнилов указывал на пагубность продолжения «политики морального воздействия»⁶⁰. Поставив свою подпись под докладом, включавшим эти разделы, он никогда не отделял их от того текста, который сам привез в Петроград из Могилева.

Хотя окончательный текст доклада Филоненко скомбинировал из материалов Ставки и министерства, Корнилов имел, видимо, полное право заявить на Государственном совещании в Москве: «Для восстановления армии необходимо немедленное принятие тех мер, о которых я доложил Временному правительству. Мой доклад представлен, и на этом докладе без всяких оговорок подписались управляющий Военным министерством Савинков и комиссар

⁵⁹ Там же. С. 216—217.

⁶⁰ Русское слово. 1917. 4 авг.

при верховном главнокомандующем Филоненко»⁶¹. Керенский возмущался тем, что Корнилов «в речи на Московском совещании даже авторство ее (докладной записки.— В. П.) приписал себе»⁶², но вопрос о том, был ли Корнилов единоличным автором доклада или доклад вышел из недр Ставки и министерства как плод их совокупных усилий, не имеет существенного значения, коль скоро изложенные в нем требования были приняты Временным правительством к исполнению, не встретив принципиальных возражений.

В книге «Дело Корнилова» Керенский писал, что на заседании правительства 11 августа он огласил докладную записку Корнилова в первой редакции, «более боевой по силе, но более приемлемой по существу, без двух щедринских отделов»⁶³, а следственной комиссии показывал: «...На заседании 11 августа Временным правительством было решено принципиально признать возможность применения тех или иных мер до смертной казни в тылу включительно, но проводить их в жизнь лишь по обсуждению в законодательном порядке отдельно каждой конкретной меры»⁶⁴. Заместитель министра-председателя Н. В. Некрасов в беседе с редакторами ежедневных газет 19 августа 1917 г. также заявил, что принципиальных разногласий между Корниловым и Временным правительством, по крайней мере в «чисто военных вопросах», нет и правительство будет «работать над осуществлением намеченной программы»⁶⁵. Принимая к исполнению программу военной верхушки, Временное правительство признавало тем самым главенство этой верхушки во всей государственной жизни; по сранению с теми фактами, на которые В. И. Ленин обратил внимание после июльских дней, это означало новый шаг на пути к победе «военной диктатуры до конца»⁶⁶.

Сознанием такого главенства был пронизан весь доклад Корнилова, Савинкова и Филоненко. Знаменательно его заключение: «Указанные мероприятия должны быть

⁶¹ Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 63.

⁶² Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 39.

⁶³ Там же. С. 59. Щедринскими («стилизированными под Угрюм-Бурчесва») Керенский называет разделы доклада о железных дорогах и снабжении армии (см.: Там же. С. 38).

⁶⁴ Там же. С. 62.

⁶⁵ Речь. 1917. 20 авг.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1—2.

проведены в жизнь немедленно с железной решимостью и последовательностью.

Надо предупреждать события, и пусть у кормила правления станут люди, имеющие или могущие обрести в себе решимость провести их в жизнь... Не страхом и движением натянутых нервов должно осуществляться руководство судьбами государства, а спокойной и сознательной твердостью людей с мощной волей, решившихся во что бы то ни стало спасти свободную Россию»⁶⁷.

Этот возглас, не допускающий возражений, исторгла сила, чуждая сомнений в близком и окончательном торжестве военной диктатуры.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ВЫРАВНИВАЕТ ФРОНТ ПО КАДЕТАМ

Может показаться удивительной та синхронность, с какой действовали разные круги контрреволюции в первые десять дней августа 1917 г.

В тот самый день, когда Корнилов приехал в Петроград и представил Керенскому первый вариант своего доклада, 3 августа, в богословской аудитории Московского университета открылся 2-й Всероссийский торгово-промышленный съезд, рассматривавший вопрос об участии Всероссийского торгово-промышленного союза в Государственном совещании. Председатель союза московский миллионер П. П. Рябушинский открыл съезд речью, в которой были такие слова: «Мы должны сказать, и это признается всеми левыми группами, что настоящая революция была революцией буржуазной, что буржуазный строй, который существует в настоящее время, еще неизбежен, а раз неизбежен, то из этого нужно сделать вполне логический вывод. Те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать». Это отсюда разнеслись те печально знаменитые, ставшие в своем роде крылатыми слова Рябушинского: «...Нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились». Это отсюда раздался клич: «В этот трудный момент, когда надвигается новое смутное время, все живые культурные силы страны

⁷ Красная летопись. 1924. № 1(10). С. 217.

должны образовать одну дружную семью. Пусть проявится стойкая натура купеческая. Люди торговые, надо спасти землю русскую»⁶⁸.

И в тот день, когда Корнилов, Савинков и Филоненко представили Временному правительству второй вариант программы «оздоровления» армии, 10 августа, в той же самой аудитории Московского университета, где 3—5 августа проходил торгово-промышленный съезд, закончилось трехдневное совещание «общественных деятелей», явившееся смотром единства взглядов и целей ведущих контрреволюционных сил. Инициатором и этого совещания был все тот же Рябушинский. Еще в конце июля он дважды собирал у себя дома предварительные совещания общественных деятелей Москвы, на которых были решены организационные вопросы (обсужден состав совещания, составлен организационный комитет, выработан текст приглашения, распределены доклады)⁶⁹, а в промежутке между этими двумя «домашними» совещаниями Рябушинский 25 июля провел на заседании совета Всероссийского союза торговли и промышленности, где он председательствовал, решение об ассигновании на нужды совещания 20 тыс. руб.⁷⁰

Всероссийское совещание общественных деятелей замыслилось как подготовительное к Государственному совещанию «для установления согласованных выступлений тех общественных групп, представители которых примут в нем участие»⁷¹. 8 августа в университете собралось около 400 представителей кадетской партии, крупных промышленников, финансистов, землевладельцев, высшего духовенства, членов четырех Государственных дум, Союза офицеров армии и флота и других буржуазных и помещичьих слоев и организаций. Открывая совещание, один из его инициаторов, князь Е. Н. Трубецкой, охарактеризовал приглашенных как «государственно мыслящих людей» и напомнил, что данное совещание проводится за несколько дней до открытия Временным правительством Государственного совещания «и поэтому, может быть, в

⁶⁸ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы: Март — октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 200—201.

⁶⁹ Русское слово. 1917. 29, 30 июля.

⁷⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 3631. Оп. 1. Д. 2. Л. 34. Отчет 17-го заседания Совета Всероссийского союза торговли и промышленности 25 июля 1917 г.

⁷¹ Речь. 1917. 6 авг.

значительной мере подготовит его и подготовит нас, участников, к этому предстоящему собранию»⁷². Иначе говоря, цензовая контрреволюция проводила генеральную репетицию перед Государственным совещанием.

Здесь, на закрытых заседаниях, перед классово однородной аудиторией, участники совещания были совершенно откровенны. Ораторы, поднимавшиеся на трибуну, проявили полное единодушие в том, что важнейшей задачей момента является образование «сильной», «твердой», «могущественной» и т. д. власти, способной принять действительные меры «против своеволия рабочих», «против крестьянских захватов», как об этом говорил Трубецкой⁷³, или, по более общему выражению депутата IV Думы прогрессиста А. А. Бубликова, против «своеволия отдельных классов»⁷⁴. Обосновывая правительственную политику «твердой власти», виднейший идеолог буржуазии правый кадет П. Б. Струве внушал присутствующим: «Прямое вторжение во власть предпринимателя над предприятием есть насилие, предусмотренное и наказуемое всеми уголовными кодексами цивилизованного мира. Это есть захват, нарушение собственности... Так же, как в области военного уклада устранение офицеров солдатами есть разрушение армии, ибо означает несовместимое с бытием армии санкционирование в ней права бунта, так же в экономической области замена власти предпринимателя над предприятием управлением рабочих есть разрушение нормального уклада хозяйственной жизни всякого предприятия». Отсюда Струве и выводил нужду в «твердой государственной власти, которая незыблемо поддерживала бы общий правопорядок и неумолимо смела всякие захватные стремления»⁷⁵.

Другой кадетский экономист, харьковский профессор М. Н. Соболев, обосновывал необходимость продолжения войны. Заключение мира с Германией, заявил он, грозит русской буржуазии бедствиями прежде всего в финансовом отношении. Англия, Франция, Соединенные Штаты, Италия перестанут смотреть тогда на Россию как на дружеское государство и «будут прекращены для нас те финансовые источники, которыми мы в значительной мере

⁷² Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 года. М., 1917. С. 5.

⁷³ Там же. С. 11.

⁷⁴ Там же. С. 16.

⁷⁵ Там же. С. 62—63, 67.

поддерживали доселе нашу финансовую боевую готовность»; эти государства потребуют кроме того, выплатить многомиллиардные займы, полученные у них Россией, и выбросят на денежный рынок громадное количество русских ценных бумаг, что приведет Россию к финансовому банкротству. «Политическое обособление от союзников, — высказывал опасения Соболев, — создаст и обособление экономическое. Мы, таким образом, лишимся связи с теми странами, от которых мы могли бы иметь в экономическом отношении некоторую помощь и содействие». Настаивая на том, чтобы требуемые войной финансовые жертвы были возложены не только на имущие классы, но и на широкие народные массы, этот дипломированный приказчик буржуазии указывал, что для предотвращения финансового банкротства нужно «создать сильную реальную власть, которая могла бы водворить правопорядок», восстановить «реальный аппарат принуждений, который должен показать всем плательщикам, что есть действительно твердая, реальная власть, которая может осуществить на деле свои веления»⁷⁶. Таким образом, как явствует из речей Струве, Соболева, да и других участников совещания, необходимость сильной власти не была каким-то платоническим желанием тех или иных общественных кругов — она прямо диктовалась экономическими интересами эксплуататорских классов.

И вовсе не случайно все эти «государственно мыслящие», даже не военные люди проявили на данном совещании исключительную заботу об армии. Объяснение этому можно найти уже в докладе Трубецкого, который, ратуя за правительство, способное обуздать рабочих и крестьян, папоминал, что оно должно быть вооружено «всем арсеналом принудительных мер»⁷⁷. Пугая опасностью, грозящей со стороны большевиков и «других элементов, которые шли по одной дороге с большевиками», философ-кадет Н. А. Бердяев заключал, что без надлежащим образом реорганизованной армии не только «невозможно защищать государство от внешнего врага», но и «положение внутри страны делается страшным»⁷⁸. Выступая от имени Союза офицеров армии и флота, как его почетный председатель, генерал М. В. Алексеев благодарил собравшихся за их заботу об армии: «С глубоким чувством удовлетворения

⁷⁶ Там же. С. 77—84.

⁷⁷ Там же. С. 11.

⁷⁸ Там же. С. 72.

мы услышали здесь, что мы находимся в среде, родной нам по духу, что вы так же, как офицеры, болеете душой за нашу родную армию»⁷⁹. Он изложил в этой действительно «родной по духу» среде программу «оздоровления» армии, в которой получали развернутое толкование требования Корнилова и Деникина, оглашенные на совещании в Ставке 16 июля. Речь Алексева, в основном совпадавшая и с докладом Корнилова Временному правительству, служила как бы другим вариантом той же программы. Его выступление было горячо поддержано присутствовавшими генералом А. А. Брусиловым («...то, что говорил ген. Алексеев, есть святая истина»⁸⁰), П. Н. Милюковым («...эти слова глубокой государственной мудрости, слова чистого золота...»⁸¹), генералом А. М. Калединым и другими «государственно мыслящими людьми».

Венцом работы совещания общественных деятелей явилась предложенная Милюковым⁸² и единогласно принятая резолюция. В ней обобщались основные мотивы выступлений и утверждалось: «В стране нет власти... В стране нет суда и закона... Правильный кругооборот хозяйственной жизни нарушен не только тяжкими требованиями войны, но и понижением производительности труда, а также захватными стремлениями отдельных групп, близоручко осуществляющих под лозунгами классовой борьбы своекорыстные стремления...»⁸³ Источником «зла» в резолюции выставлялась «подмена великих общенациональных задач революции мечтательными стремлениями партий, принадлежащих к социалистическим». «Время не ждет, и медлить нельзя», — призывала резолюция и тут же формулировала требования энергичной борьбы правительства против революционных сил. Среди этих требований были такие: «Пусть в войсках будут восстановлены дисциплина и полнота власти командного состава... Пусть центральная власть, единая и сильная, покончит с системой безответственного хозяйничанья коллегиальных уч-

⁷⁹ Там же. С. 38.

⁸⁰ Там же. С. 51.

⁸¹ Там же.

⁸² Позже, в эмиграции, Милюков в некрологе М. В. Родзянко сообщил, что текст резолюции и написан был им (Последние новости. 1924. 27 янв.). Деникин же уличал автора резолюции в заимствовании мыслей из «корниловской программы» (*Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 30*).

⁸³ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 133.

реждений в области государственного управления, пусть восстановит свои органы на местах и через их посредство прекратит безначалие и хаос, обеспечит личность и собственность». На протяжении резолюции варьировалось требование ликвидировать зависимость правительства и армии «от каких бы то ни было комитетов и советов и других подобных организаций»⁸⁴.

Августовское совещание общественных деятелей, имея значение генеральной репетиции буржуазии перед Государственным совещанием, означало важный шаг и в выработке ее политической программы. До него в разных сферах общественной жизни «государственно мыслящие люди» действовали побуждаемые своими корпоративными интересами. На совещании из уст дипломированных идеологов своего класса (здесь были академик Струве, профессора экономики Соболев, Устинов, профессора истории и философии Милюков, Трубецкой, Бердяев) они услышали квалифицированное обоснование политических требований буржуазии и помещиков. Координируя интересы разных групп «цензовых элементов» и их усилия в борьбе с нарастающей революцией, совещание закладывало ту основу единства эксплуататорских классов, которая была необходима им уже в ближайшие дни на Государственном совещании. Нечего и говорить, что составом, направляющим и цементирующим буржуазно-помещичьи слои, являлась партия кадетов, подготовившая оформление их общей платформы и увенчавшая работу совещания своей резолюцией.

Считая себя руководящей силой общества, буржуазия, или, как она стала именовать себя, «торгово-промышленный класс», не могла не признать, что нецензовые слои составляют основную массу, подавляющее большинство населения, что свержение царизма, как говорил об этом А. И. Гучков, выдвинуло «на одно из первых мест в нашей политической жизни демократические силы, или, вернее, силы так называемой „революционной демократии“», в чем Гучков усматривал первопричину «хронической слабости нашей государственной власти и безнадежности попыток ее оздоровления»⁸⁵. На Государственном совещании эксплуататорским классам, успевшим выработать единство взглядов в своей среде, предстояло встретиться с «революционной демократией», представляемой «социалистиче-

⁸⁴ Там же. С. 135; Речь. 1917. 12 авг.

⁸⁵ Государственное совещание. С. 101—102.

скими» партиями. Поэтому нужно было поставить дело таким образом, чтобы классовые интересы цензовых слоев авторитетом Государственного совещания были освящены как общенациональные, отвечающие требованиям и чаяниям всего народа. Весьма прозрачно излагал эти помыслы в своих воспоминаниях член IV Государственной думы, активист «Республиканского центра», крупный помещик полковник Б. А. Энгельгардт. «Буржуазные общественные деятели, открыто собиравшиеся на съезд в Москве в начале августа 1917 года⁸⁶, — писал Энгельгардт, — преследовали буквально те же цели, что и заговорщическая тайная организация „Республиканского центра“. Как и „Республиканский центр“, они стремились свести на нет все завоевания революции. Но они скрывали свои подлинные стремления под громкими фразами патриотического характера и искали более спокойных путей для их достижения, заручаясь в то же время военными союзниками». «Республиканский центр», по свидетельству Энгельгардта, стремился к установлению военной диктатуры «вооруженной рукой»; относительно задач диктатуры деятели этого центра «в прятки не играли: диктатура должна была утвердить в стране старый экономический порядок». Общественные же деятели, рассчитывая добиться твердой власти «выражением „народной воли“ на большом государственном собрании», «маскировали свои сокровенные желания под формулой „довести войну до победного конца и страну до Учредительного собрания“»⁸⁷. Таким путем буржуазия надеялась привлечь на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать в борьбе широкие массы мелкой буржуазии и устранить тем самым первопричину «хронической слабости» государственной власти, на которую указывал Гучков.

На Государственном совещании представители буржуазных верхов выступили с изложением и обоснованием своей программы. Здесь повторились требования о создании сильной, твердой государственной власти, способной пресечь «анархию» в экономике, внутренней и внешней политике, установить твердый правопорядок, восстановить боеспособность армии и т. д. Тот же Энгельгардт отметил характерную черту этих выступлений: «Речи представителей помещиков и промышленников Родзянко, Шульгина,

⁸⁶ Имеется в виду совещание общественных деятелей 8—10 августа.

⁸⁷ Энгельгардт Б. Потопувший мир // Воен.-ист. журн. 1964. № 5. С. 73.

Маклакова, Гучкова при всем их ораторском искусстве страдали некоторой недоговоренностью. Все они твердили о „сильной власти“, не договаривая, зачем им нужна эта сильная власть, и останавливались на необходимости довести войну до победного конца⁸⁸. Если полагаться только на стенографический отчет, сохранивший на своих страницах лишь произнесенное в Большом театре, но не могущий разъяснить, что же скрыто за произнесенным, то нельзя понять по-настоящему ни существа, ни значения трехдневного театрализованного представления, разыгранного 12—15 августа 1917 г. И вот именно программные документы контрреволюции, разработанные до и в самый канун Государственного совещания, помогают проникнуть в его подлинную суть.

Чтобы понять причину, почему представители «цензурной России» многого не договаривали, нет надобности строить предположения, логические заключения и т. д. Объяснение этому можно найти у самих промышленников, банкиров, помещиков и остальных их друзей по классу.

При обсуждении на II съезде Всероссийского союза торговли и промышленности 3—5 августа 1917 г. платформы, с которой этот союз должен был выступить на Государственном совещании, банкир И. Г. Коган назвал одним из основных положений его декларации указание на необходимость положить конец «дезорганизации», но, добавил он, здесь «без органов, авторитетных среди рабочего класса, ничего сделать нельзя»⁸⁹. Это показывает, насколько верно раскрыл цели Государственного совещания Центральный Комитет большевистской партии в резолюции, принятой 6 августа 1917 г. Там было сказано, что это совещание «имеет своей задачей подделывать общенародное мнение и ввести тем самым широкие народные массы в обман», в конечном же счете оно «имеет своей целью санкционировать контрреволюционную политику, поддерживать затягивание империалистической войны, встать на защиту интересов буржуазии и помещиков, подкрепить своим авторитетом преследование революционных рабочих и крестьян»⁹⁰.

Понятно, когда стоит вопрос о том, чтобы представители «революционной демократии» поставили свой штампель

⁸⁸ Там же. С. 74.

⁸⁹ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 359.

⁹⁰ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 14.

на решениях такого характера, апологеты «цензовых слов» не должны были договаривать до конца того, что они с полной откровенностью выкладывали на своих классово однородных съездах и совещаниях. Борьбу «против своеволия» рабочих и крестьян им пришлось оболочивать «патриотическими», «общепародными», «национальными» и иными оболочками; о том, что боеспособная армия в сложившейся обстановке необходима не только и не столько для борьбы против внешнего, сколько для подавления внутреннего врага, что она рассматривается как один из ренающих рычагов принуждения и мощи правительства, об этом не следовало даже заикаться. Алексеев не стал здесь повторять кое-что существенное из того, что он говорил в «родной по духу» среде. Мы не видим его категорического требования «уничтожить комитеты и комиссаров»⁹¹, вместо него — в согласии с Корниловым — допускается существование комитетов, но при условии, «чтобы эти комитеты знали предел своих обязанностей», признается возможность сохранить и комиссаров «как временную меру, но поставить грань между комиссарами и между командующими», ограничив обязанности и установив ответственность комиссаров перед правительством⁹². В Большом театре у Алексеева не сорвалось с языка и требование подготовить «твердые части, при помощи которых можно будет провести в жизнь эти принципы (меры по «оздоровлению» армии.— В. П.), потому что эксцессы могут быть... Должна быть прочная, твердая рука, усмиряющая такую часть, десятки потерянных людей спасут новые сотни и тысячи, а главное вернут нам верную и способную к бою армию»⁹³. Даже ставшее каноническим на совещаниях депутатов Государственной думы и «общественных деятелей» признание благодетельности восстановления смертной казни здесь вызвало шум слева и возглас «Палач!», так что Алексееву пришлось переводить это признание в соображения о том, какими воспитательными мерами можно было бы устранить «тяжкую необходимость такого решительного средства, как казнь»⁹⁴.

Меньше всего можно было ожидать маневрирования от Корнилова, который успел до совещания высказать корреспондентам газет уверенность в том, что Временное пра-

⁹¹ Отчет о Московском совещании общественных деятелей... С. 48.

⁹² Государственное совещание. С. 202—203.

⁹³ Отчет о Московском совещании общественных деятелей... С. 47.

⁹⁴ Государственное совещание. С. 206.

вительство в ближайшее время опубликует и утвердит его программу ⁹⁵, а при обсуждении ее у Керенского не проявил готовности быть сдержанным при обнародовании своих требований на Государственном совещании, на чем настаивали министры ⁹⁶. Однако в написанной для него Филоненко и Завойко речи, хотя и построенной, по словам Филоненко, «на тех же соображениях, которые легли в основу доклада»⁹⁷, острые углы были сглажены, и она получила вид сравнительно приемлемый для огласки. «Я не являюсь противником комитетов... — заявил Корнилов на Государственном совещании. — Но я требую, чтобы деятельность их протекала в круге интересов хозяйственного и внутреннего быта армии, в пределах, которые должны быть точно указаны законом, без всякого вмешательства в область вопросов оперативных, боевых и выбора начальников». Он признал и необходимость — «в настоящее время» — комиссаров, только ставил вопрос о подборе соответствующих лиц на эти должности ⁹⁸. Но мы знаем, что Корнилов так же признавал комитеты и комиссаров в телеграмме от 15 июля, оглашенной на совещании в Ставке, чем покорила тогда Керенского и Савинкова, а потом, став верховным главнокомандующим, заявил, что обеими руками подписывается под докладом Деникина, который требовал ликвидации комитетов и Советов. Он и теперь предложил провозгласить это требование на Государственном совещании Каледину, выступавшему с декларацией казачьих войск, и тот сформулировал его в таком виде: «Все Советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений»⁹⁹. Здесь нельзя не видеть преломления идеи Деникина об упразднении комитетов путем постепенного изменения их

⁹⁵ Беседа с верховным главнокомандующим // Речь. 1917. 4 авг.

⁹⁶ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 38.

⁹⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 19 (показания М. М. Филоненко, подлинник); Д. 3. Л. 44 (показания В. С. Завойко, автограф).

⁹⁸ Государственное совещание. С. 64.

⁹⁹ Там же. С. 75. Один из сподвижников Каледина, Н. М. Мельников, участвовавший в выработке декларации казачьих войск, рассказал в воспоминаниях, как объяснил тогда Каледин, почему он изменяет редакцию пункта о комитетах и Советах. На вопрос Мельникова Каледин ответил, что он только что вернулся от Л. Г. Корнилова, который прочитал ему проект своей речи на

функций. В докладе же Корнилова от 10 августа был предложен другой способ ликвидации комитетов, не вынесенный в широкую аудиторию, который ставил комитеты перед альтернативой: «либо исполнять свои обязанности и проводить в сознание масс идеи порядка и дисциплины, либо поддаваться безответственному влиянию масс и тогда нести кару по суду». Не сказал Корнилов публично и о комиссарах предусмотренного докладом от 10 августа, а именно того, что превращало их в «стройную организацию государственного механизма», свободную от влияния «каких-либо общественных, политических и профессиональных организаций» (такой формулировкой поглощались Советы, которые в первую очередь под перечисленными «организациями» и подразумевались, но вовсе не упоминались).

Читая стенографический отчет Государственного совещания, нельзя получить подлинного представления о том, какие меры предусматривала корниловская программа «оздоровления» армии в отношении тыла. То, что сказал Корнилов, слишком общо и не передает действительных намерений военных верхов. «Армии без тыла нет, — говорил Корнилов. — Все проводимое на фронте будет бесплодным... если дисциплинированная боеспособная армия останется без таких же пополнений, без продовольствия, без снарядов и одежды. Меры, принятые на фронте, должны быть приняты также и в тылу, причем руководящую мыслью должна быть только целесообразность их для спасения родины»¹⁰⁰. И это все. Здесь «патриотическое» соображение о «целесоответственности» зловеще за-

Государственном совещании, — в пункте о комитетах ген. Корнилов будет требовать ограничения деятельности армейских комитетов сферой хозяйственной, что Корнилов этим и другими своими требованиями восстановит против себя крайних левых, а потому из тактических соображений, чтобы подкрепить верховного главнокомандующего, необходимы еще более радикальные требования, в свете которых требования ген. Корнилова покажутся умеренными и относительно приемлемыми» (Донская летопись. Белград. 1923. № 1. С. 25). Это свидетельство Мельников подтвердил в своей книге «А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман» (Мадрид, 1968. С. 152—153). Из этого видно, что Корнилова, так же как и других представителей «родной по духу» среды, заботил вопрос о приемлемости формулировок для неоднородной аудитории.

¹⁰⁰ Государственное совещание. С. 64. Кроме того, Корнилов дальше подчеркнул, что не должно быть разницы между фронтом и тылом «относительно суровости необходимого для спасения страны режима» (Там же. С. 65).

звучит только в том случае, если мы будем знать, что под мерами, которые надлежало перенести с фронта в тыл, разумелись и смертная казнь, и «наказания менее суровые», и «перевоспитание тыловой массы» при помощи концентрационных лагерей «с самым суровым режимом и уменьшенным пайком», — одним словом, все те меры, которые придавали полную конкретность докладу Временному правительству от 10 августа.

Керенский рассказывал следственной комиссии, что он, Некрасов и Терещенко просили Корнилова не касаться на Государственном совещании тех отделов своего доклада, в которых шла речь о железных дорогах и промышленности, говоря ему, «что если он эти отделы огласит, то будет просто большой скандал»¹⁰¹. Заботясь о том, чтобы выступление Корнилова на совещании «не вызвало настроения против него в широких массах», и учитывая, что его «было некем заменить в то время», Временное правительство вынесло «категорическое постановление о рамках выступления ген. Корнилова»¹⁰². Керенский указывал далее, что Корнилов сделал на совещании отступление от условий, предъявленных ему министрами: допустил «общее рассуждение о необходимых мерах в тылу» и, несмотря на запрет, «коснулся» железных дорог¹⁰³. Если уж говорить об отклонении от условий, то следовало признать, что Корнилов еще больше «коснулся» в своей речи промышленности: ведь все те цифры о падении производительности заводов, работающих на оборону, которые были приведены в его речи, взяты из таблицы, помещенной в докладной записке от 10 августа¹⁰⁴. Тем не менее изложение и этих вопросов в речи Корнилова на Государственном совещании не дает никакого представления о тех мерах в отношении транспорта и промышленности, которые намечались в докладной записке, и именно эта записка служит ключом к стенограмме совещания, позволяющим судить о программе, лишь условные обозначения которой были сделаны на совещании.

Это была программа не только Корнилова, Савинкова и Филоненко, не только военных верхов. Ведь недаром

¹⁰¹ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 38.

¹⁰² Там же. С. 64.

¹⁰³ Там же. С. 67.

¹⁰⁴ Ср.: Государств. совещание. С. 65; ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 23. Л. 89 об. Корнилов сделал только ошибку, указав, что производство орудий за время с января 1917 г. упало к августу на 60 % — в докладе было 50 %.

накануне Государственного совещания к Керенскому явился член ЦК партии кадетов министр Ф. Ф. Кокошкин и заявил, «что сейчас же выйдет в отставку, если не будет сегодня же принята программа ген. Корнилова»¹⁰⁵. Признав, что в его докладной записке «в военной части большинство изложенного правильно и приемлемо» и только «по форме невозможно», Керенский на заседании Временного правительства именно эту записку рекомендовал как основу для изложения на совещании точки зрения правительства «по вопросу об армии», но «предложил свою формулировку программных пунктов», более приемлемую «и для Ставки и для широкого общественного мнения» и в то же время отвечающую «действительным намерениям самого Временного правительства»¹⁰⁶.

В показаниях следственной комиссии Керенский заявил, что на Государственном совещании он в своей формулировке излагал записку Корнилова, но указал, что о смертной казни в тылу не говорил, потому что Временное правительство признало эту меру возможной при условии специального обсуждения ее в законодательном порядке¹⁰⁷. В своих же более поздних комментариях к показаниям он признал, что и об этой мере он на совещании говорил, но условно¹⁰⁸. Из этих рассуждений можно сделать заключение, во-первых, что в принципе корниловская программа была принята Временным правительством (кроме требований о милитаризации транспорта и промышленности, как не раз указывал Керенский в других местах своих показаний¹⁰⁹), во-вторых, что на Государственном совещании Керенский в своей формулировке, приемлемой «для широкого общественного мнения», изложил от имени Временного правительства именно эту программу, причем в подтверждение этого он ссылается на соответствующее место своей речи и даже сам цитирует его¹¹⁰. Но еще меньше, чем речь Корнилова, слова Керенского дают представление о действительной программе, принятой Временным правительством. Даже за условное обозна-

¹⁰⁵ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 31.

¹⁰⁶ Там же. С. 59.

¹⁰⁷ Там же. С. 62.

¹⁰⁸ Там же. В стенограмме это условие выглядело так: «...если будет нужно для спасения государства...» (Государственное совещание. С. 14).

¹⁰⁹ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 38, 56.

¹¹⁰ Там же. С. 58 (цитирование не обозначено кавычками), 60; Государственное совещание. С. 14—15.

чение этой программы их можно принять лишь с натяжкой, самую же суть программы надо искать не в стенографическом отчете совещания, а все в той же докладной записке Корнилова, Савинкова, Филоненко.

Программа «цензовой России» не исчерпывалась, конечно, этим докладом, но в нем формулировались главные для того времени политические требования буржуазии и помещиков, а они лежали в военной области. Центральный орган кадетов в своей передовой высказывался по этому вопросу так: «Прежде всего и выше всего при данных условиях стоит оздоровление армии и поднятие ее боеспособности. Здесь, в этом пункте, лежит, так сказать, узел Московского совещания...»¹¹¹ В целом же политическая программа эксплуататорских классов, «в полном согласии с требованиями генерала Корнилова и генерала Каледина», как подчеркивала передовая другого номера «Речи», была выражена в резолюции IV Государственной думы, оглашенной на Государственном совещании полковником А. Е. Грузиновым¹¹². Она была выдержана в категорических тонах, однако не содержала ни тех требований, которые предусмотрительно опустил Алексеев, ни тех пунктов, которые вызывали опасения у министров Временного правительства при обсуждении доклада Корнилова.

Главнейшей задачей текущего момента резолюция, естественно, признавала «доведение мировой борьбы, в единении с союзниками, до победоносного конца», и тут же присовокупляла недвусмысленное предостережение: «Всякое правительство, которое не стремилось бы всеми средствами к достижению этой первейшей национальной цели, потеряло бы смысл своего существования и не могло бы оставаться у власти». Для достижения этой цели резолюция подтверждала необходимость восстановления в кратчайший срок боеспособности армии путем применения тех мер, которые выдвигались на июльском совещании в Ставке. Ратуя за соблюдение «национальных интересов России», Дума выводила, однако, борьбу с социалистическими тенденциями далеко за пределы этих интересов: переговоры правительства с союзниками надлежало оградить от влияния как «своих» социалистов («безответственных делегатов»), так и «от решений интернациональной социалистической конференции», — тут уже дает себя

¹¹¹ Речь. 1917. 15 авг.

¹¹² Там же. 18 авг.

знать и забота о классовых интересах буржуазии союзных держав.

Во внутренней политике резолюция требовала независимости правительства от Советов «и т. п. организаций, не выражающих мнения и воли всего народа». Более того, на местах должны быть созданы органы административной власти и органы самоуправления, которые «должны заменить все местные организации, созданные явочным порядком и присвоившие себе власть управления». В резолюции повторялось требование, уже фигурировавшее в программе деятельности правительства, которую разработал Центральный комитет кадетской партии в середине июля в связи с приглашением Астрова, Кишкина и Набокова в состав Временного правительства, о недопустимости предрешения правительством воли народа в национальных и социальных вопросах до Учредительного собрания. Но здесь это требование было увязано с наказом правительству, во-первых, ввести стремления национальностей к самоопределению «в пределы, совместимые с полным сохранением государственного единства России» (мы увидим потом, как это требование вырастет в лозунг борьбы за «единую, великую, неделимую Россию»), а во-вторых, с императивом правительству «предотвратить всякие попытки обострения социальной жизни и тем более открытой классовой борьбы, поставленной на очередь некоторыми социалистическими партиями», так что монополия классовой борьбы оставлялась за несоциалистическими партиями.

Не были упущены в резолюции и требования принять решительные меры для усиления производительности труда, «в особенности в области производства для целей обороны», и меры, ограничивающие «чрезмерные требования рабочего класса». В заключение в резолюции отмечалось, что к изложенным в ней требованиям «уже присоединился целый ряд общественных групп», и следовал призыв: «Пусть на этой общенародной программе объединятся все живые силы страны, пусть на ней же сосредоточит всю свою деятельность Временное правительство...»¹¹³.

Оценивая эту резолюцию как наиболее полное воплощение воли участников Государственного совещания, кадетская «Речь» не ошибалась. Резолюция, несомненно, обобщала вождедения всех цензовых слоев, представленных на совещании, а окончательно скатившаяся еще в июль-

¹¹³ Государственное совещание. С. 163—165.

ские дни в бездну контрреволюции соглашательская «революционная демократия» осталась и на этот раз верной интересам буржуазии. Концентрированное выражение это предательство интересов народа нашло в речи меньшевика Церетели. От имени ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов крестьянских депутатов он полностью поддержал «общенациональную» программу, выдвигавшуюся представителями буржуазно-помещичьих организаций, и обещал, что «демократия» будет усердно служить делу реализации этой программы, закреплению в стране капитализма. Символом этого контракта хозяина и слуги явилось публичное рукопожатие, которым обменялись на сцене Большого театра представитель промышленников и банкиров Бубликов и меньшевистский лидер Церетели. Это был как раз тот штемпель, в котором нуждалась программа контрреволюции. Публицист «Русского слова» И. Жилкин, расценивая этот момент как апофеоз Государственного совещания, писал: «Это была минута, по трогательности необыкновенная, потрясающая. Это были неожиданный духовный сдвиг и весь долгожданный смысл Государственного совещания. А Церетели, от имени революционной демократии протянувший руку направо, был истинный главнейший герой совещания, — герой в том смысле, что герои, как гении, первые находят нужнейший жест и нужнейшее слово, по которым томятся в горячем ожидании массы»¹¹⁴.

Был, пожалуй, только один вопрос, вызвавший разногласия между хозяевами и слугами, — вопрос о существовании или, по крайней мере, о функциях «самочинных» комитетов и Советов. Большевики Чхеидзе, Церетели, Кучин отстаивали их существование хотя бы до той поры, пока в стране не утвердится «порядок». «Нельзя еще убирать эти леса, — говорил Церетели, — когда здание свободной революционной России еще не достроено»¹¹⁵. Большевики помогли достигнуть компромисса, заверив лидеров правых сил в полезности комитетов и Советов для решения именно тех задач, которые выдвигала буржуазия, обещая работу демократии в будущем «не во имя своих корыстных интересов, а во имя защиты страны, во имя демократической революции, во имя буржуазной революции»¹¹⁶. На другой день после окончания Государствен-

¹¹⁴ Русское слово. 1917. 18 авг.

¹¹⁵ Государственное совещание. С. 122.

¹¹⁶ Там же. С. 126—127 (из речи Церетели).

ного совещания «Речь» подвела его итог в своей передовой: «Партия народной свободы может быть горда тем, что именно ее лозунги для данного момента признаны сверхпартийными, всенародными. Вокруг этих лозунгов... объединились весьма разнообразные слои, и эти лозунги являются основой того нового блока общественных сил, который должен стоять на арене истории и энергично влиять на судьбы России. Выравнивание фронта производилось по лозунгам партии народной свободы...»¹¹⁷

В выработке политической программы контрреволюции Государственное совещание означало своеобразный этап. С ним связано появление двух вариантов программы: один предназначался для узкого круга единомышленников, в нем со всей откровенностью излагались цели буржуазии и способы их достижения; другой вариант был рассчитан на обнародование и должен был создавать иллюзию приемлемости программных требований цензовых слоев для всего народа. Адаптация программы сводилась к умолчанию о наиболее свирепых мерах, направленных против трудящихся, в защиту капитала. Государственное совещание принесло успех реакционным силам, руководимым кадетами: на нем политическая программа контрреволюции не только буржуазией, но и представителями «революционной демократии» была признана единственно приемлемой.

Однако для торжества кадетов и вдохновляемых ими правых сил было не очень много оснований. В политической атмосфере, окружавшей Большой театр, грозный симптом ожесточенной внепарламентской борьбы — стачка московских рабочих — смазал эффект полного приручения «социалистов» «государственно мыслящими людьми» и не позволил им ощутить безусловность и завершенность своей победы. Стачка показала буржуазии, что добиться единения с соглашателями еще не значит восторжествовать над подлинно демократическими силами. На горизонте вырисовывалась еще борьба за установление той «твердой», «сильной», «могущественной» и т. д. власти, о которой мечтала буржуазия и которая положила бы предел такому «своеволию» других классов, какое вылилось в московскую стачку. Организацией корниловского выступления буржуазия сделала попытку перевести решение этого вопроса в плоскость гражданской войны. При-

¹¹⁷ Речь. 1917. 16 авг.

частный к организации заговора руководитель комитета «Республиканского центра» К. В. Николаевский признавал позже (в цитированной выше рукописи), что «корниловское выступление... не было только военным движением. Оно было согласовано и поддержано беспартийной и в то время влиятельной группой русского общества, желавшей таким способом уберечь Россию от надвигавшейся опасности большевизма». Вряд ли нужно требовать от Николаевского более ясной квалификации корниловщины в том смысле, что это был заговор, подготовленный буржуазными верхами России.

20 августа кадетский ЦК обсуждал политическое положение после Государственного совещания. Симптомы были неутешительные: если в Большом театре несколько дней назад буржуазная публика и соглашатели «выравнивали фронт» по кадетам, то теперь на митингах рабочие, матросы, солдаты не давали говорить кадетским ораторам, в самой грубой, издевательской форме обрывали их. С тревогой ожидали кадетские лидеры «бунтов» на фронте, как только Временное правительство начнет приводить в исполнение меры по «оздоровлению» армии, призрак «пугачевщины» вставал перед их глазами в деревне. Из своих наблюдений они сделали вывод, что «темные» массы отбросили «недавнего вождя Церетели», что «средняя группа социализма сыграла свою роль и уходит, на смену является большевизм». Все сходились на том, что наступает момент, когда необходимо «хирургическое вмешательство», и его могут сделать только «старые боевые генералы». Выход вырисовывался один — единоличная военная диктатура, «только через кровь»¹¹⁸.

Оставалась всего неделя до назначенного Корниловым срока выступления. К 27 августа оно подгонялось не случайно: предполагалось, что в этот день будет отмечаться полугодовщина Февральской революции и в Петрограде произойдут многолюдные демонстрации, которые очень удобно будет выдать за «беспорядки», организованные большевиками, и сделать из этого предлог для того, чтобы бросить на столицу войска во имя «спасения родины и революции».

К этому дню, к этой полугодовщине был свой, затаенный, счет у кадетских лидеров. Об этом доверительно рассказал Милюков как раз в августе 1917 г. одному из сво-

¹¹⁸ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 372—376.

их корреспондентов: «В ответ на поставленные Вами вопросы, как я смотрю теперь на совершенный нами переворот (т. е. на Февральскую революцию, которую кадеты все еще считали делом своих рук. — *В. П.*), чего я жду от будущего и как оцениваю роль и влияние существующих партий и организаций, пишу Вам это письмо, признаюсь, с тяжелым сердцем. Того, что случилось, мы, конечно, не ожидали и не хотели. Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же конституционной монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть... Полной разрухи мы не хотели... Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, что временную разруху в армии остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатим за свержение царя лишь временной отсрочкой победы. Надо сознаться, что некоторые даже из нашей партии указывали нам на возможность того, что произошло потом, да и мы сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии... Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций помимо полной своей бессмысленности уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками и подорвала наш кредит... Мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, т. е. на блоке партий Государственной думы... Что же делать теперь, спросите Вы... (отточие документа. — *В. П.*) Не знаю. То есть внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних месяцев ясно показали, что народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать этого мы не можем. Признание есть крах всего дела и всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которому мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, соединиться с теми правыми, с которыми так долго и с таким успехом боролись, тоже не можем. Вот все, что могу сейчас сказать»¹¹⁹.

Конечно, вождь кадетов мог бы и еще кое-что «сказать», по крайней мере то, что говорилось на заседании ЦК кадетской партии 20 августа. Выступая там, Мплюков

¹¹⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Л. 1.

заявил, что «его диагноз совпадает с диагнозом А. В. Карташева», т. е. с тем, что только старые боевые генералы «могут еще справиться с развалом», да еще добавил к нему вопрос о том, не следует ли предусмотреть «экзекуции в селах против анархических элементов». На том же заседании ближайший сподвижник Милюкова, А. И. Шингарев, не выражался о перспективе столь туманно, как Милюков в письме. «Дело идет к расстрелу, — говорил он, — так как слова бессильны. Мы вступаем в этот период, и в Москве не было смелости сказать это. И в перспективе уже показывается диктатор». «Другого выхода нет, — поддержала его член ЦК А. В. Тыркова, — только через кровь». И, подтверждая слова других членов ЦК, сам Милюков заговорил о неизбежности «хирургической операции», о том, что по отношению к этому процессу кадеты «не в нейтральном положении: мы призываем его и сочувствуем ему», и развил мысль о том, как должна измениться «вся картина... в предусмотренном нами направлении»; главное в этом «направлении» — Советы: «Раз они бросились в большевизм, тем самым они предрешили свою судьбу»¹²⁰.

Эти знакомые теперь нам мотивы нельзя не заметить, не ощутить в действиях Корнилова. На любую войсковую часть при проведении «хирургической операции» он положиться не мог: ненависть солдат, для которых его имя было равнозначно смертной казни, для него не была секретом. И он приготовил наиболее надежные, в его глазах, казачий 3-й конный корпус и Кавказскую туземную («дикую») дивизию. Корпусом командовал хорошо известный ему воинствующий монархист генерал А. М. Крымов, главарь монархических офицерских организаций в Киевском военном округе; по убеждению Корнилова, он «не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов»¹²¹, а не только большевиков, которым прежде всего и готовилось кровопускание. Относительно же «дикой» дивизии Корнилов и его окружение полагали, что «кавказским горцам все равно кого резать»¹²², а в силу незнания русского языка они застрахованы от воздействия большевистской агитации.

¹²⁰ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 372—376.

¹²¹ *Лукомский А. С.* Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 228.

¹²² *Мартынов Е. И.* Указ. соч. С. 74.

В те первые августовские дни, когда Корнилов возил Керенскому докладные записки с требованиями о мерах по «оздоровлению» армии, он уже вытребовал с Юго-Западного фронта казачий корпус и «дикую» дивизию, приказав расположить их в районе Новосokolьники, Невель, Великие Луки. Замысел мятежа был разработан во всех деталях. Уже в те дни в Петроград были посланы из Ставки полковники Генерального штаба В. И. Сидорин и Л. П. Дюсиметьер, взявшие в свои руки военное руководство деятельностью Военной лиги и «Республиканского центра». В середине августа туда было командировано через Главный комитет Союза офицеров армии и флота еще около 100 офицеров. В Петрограде была организована специальная контрразведка под начальством полковника «дикой» дивизии Геймана для наблюдения за настроением и действиями петроградского пролетариата.

За несколько дней до мятежа конспиративным организациям предписывалось разослать по заводам и фабрикам своих агитаторов, которые возбуждали бы рабочих и подбивали на выступления. Если рабочие не поддадутся на провокацию, то переодетые офицеры и юнкера должны были бы сами имитировать выступления большевиков. И вот тут в целях «водворения порядка» начинали действовать отряды заговорщиков: их делом было разгромить большевистские и близкие к ним организации, разогнать Совет, арестовать Временное правительство. Как свидетельствовал потом один из активных заговорщиков, полковник Ф. В. Винберг, «к приходу войск Крымова главные силы революции должны были уже быть сломленными, уничтоженными или обезвреженными, так что Крымову оставалось бы дело водворения порядка в городе»¹²³.

Для усиления заговорщиков с фронтов спешно вызывались в Могилев якобы для ознакомления с новыми образцами минометов и бомбометов еще более трех тысяч офицеров — наиболее надежных, преимущественно кадровых. По приезде в Могилев их инструктировали в Ставке: в Петрограде ожидается выступление большевиков, которые-де с помощью немецких военнопленных намереваются свергнуть Временное правительство и захватить власть; в распоряжение каждого из офицеров давалось по 5—10 юнкеров или надежных солдат, с ними надлежало отправиться в Петроград и помочь поддержанию там «порядка». В Петрограде им предписывалось

¹²³ Там же. С. 77.

являться не в комендантское управление, а к одному из руководящих заговором офицеров.

В горячие дни перед 27 августа в Ставке шли бесконечные заседания: Корнилов со своими сообщниками и советниками — генералами, офицерами, «общественными деятелями» и агентами тайных заговорщических групп — разрабатывали организацию управления страной и армией. Сам он должен был стать диктатором, ближайшие подручные — получить министерские и иные высокие посты. Керенский, в зависимости от его благоразумия и готовности содействовать успеху предпринимаемого дела, мог получить портфель министра юстиции или заместителя диктатора.

26 августа Корнилов отдал приказ о сформировании Петроградской отдельной армии, в которую включил 3-й конный корпус (командиром его назначался генерал-майор П. Н. Краснов), переформированную в корпус «дикую» дивизию и некоторые другие части. Назначенный командармом Крымов получил приказ: немедленно двигаться с войсками на Петроград, «занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнули к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы», по выполнении этой задачи послать бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк. В своих приказах подчиненным войскам Крымов требовал употреблять оружие «без всяких колебаний и предупреждений», «силою оружия усмирить все попытки к беспорядкам и неповиновениям», подавлять беспорядки «самыми энергичными, жестокими мерами»¹²⁴.

Корнилов был настолько уверен в поддержке Временного правительства (ибо оно само требовало прислать корпус на случай возникновения «беспорядков»), что 26 августа телеграфировал Савинкову, что корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28-го, и просил 29-го объявить Петроград на военном положении.

Большевики бдительно следили за происками контрреволюции. 26 августа ЦК партии большевиков опубликовал обращение к рабочим и солдатам Петрограда: «Темными личностями распускаются слухи о готовящемся на воскресенье выступлении и ведется провокационная агитация якобы от имени нашей партии. Центральный Коми-

¹²⁴ Там же. С. 93—95.

тет РСДРП призывает рабочих и солдат не поддаваться на провокационные призывы к выступлению и сохранить полную выдержку и спокойствие»¹²⁵. В тот же день с подобным предостережением обратились к населению столицы Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Петроградский совет профсоюзов и Центральный совет фабзавкомов.

27 августа, когда стало известно, что Корнилов двинул на Петроград войска, ЦК партии большевиков, Петербургский комитет РСДРП(б), Военная организация при ЦК разъясняли трудящимся, что «мятеж поднят не рабочими, а буржуазией и генералами во главе с Корниловым» и что «правительство оказалось не в состоянии исполнить свою первую и прямую задачу: задавить в корне генеральско-буржуазную контрреволюцию». Большевики в лице своих руководящих органов теперь уже во всеуслышание призвали солдат, рабочих, население столицы выступить на самую решительную борьбу с контрреволюцией. «В братском союзе, спаянные кровью февральских дней,— обращались они к солдатам и рабочим,— покажите корниловцам, что не корниловы задавят революцию, а революция сломит и сметет с земли попытки буржуазной контрреволюции»¹²⁶.

Призывая выступить против Корнилова, большевики не брали под защиту Временное правительство. Они разъясняли, что борьба «между коалиционным правительством и партией Корнилова есть борьба двух методов ликвидации революционных завоеваний»¹²⁷. Призывая направить главные усилия на борьбу с корниловщиной как злейшим, оголтелым врагом революции, большевики не ставили задачу немедленного свержения правительства Керенского. «Мы будем воевать,— определял линию поведения пролетариата В. И. Ленин,— мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость»¹²⁸.

Направлявший военные силы на подавление революции сообща с Корниловым, Керенский теперь заметался: его, раввавшегося в диктаторы, пугала единопольная дикта-

¹²⁵ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 473.

¹²⁶ Там же. С. 473—475.

¹²⁷ Там же. С. 476.

¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 120.

тура Корнилова, и в то же время он лучше Корнилова понял, что при достигнутом накале классовой борьбы тому несдобровать, как несдобровать и всем, кто выступит с ним заодно, — волна народного гнева может захлестнуть всех наемников буржуазии и помещиков. И в последний момент, когда Корнилов уже привел в движение собранные для похода на столицу войска, Керенский от него отмежевался.

Покинутый министрами-кадетами, точно исполнявшими уговор Милокова с Корниловым, Керенский воспользовался чрезвычайными полномочиями главы Временного правительства и, объявив своего соперника мятежником, отстранил его от должности верховного главнокомандующего. В лагере заговорщиков образовалась глубокая трещина. Как ни пытались замазать ее Милоков и Алексеев, предлагая Керенскому свое посредничество для сделки с Корниловым, все было тщетно: неумолимая логика классовой борьбы разрушала все козни врагов революции.

Массы рабочих и солдат пошли за большевиками. В Петрограде шло интенсивное формирование рабочих дружин, отрядов Красной гвардии. Рабочие добывали оружие, патроны, изготовляли пушки, пулеметы, ручные гранаты, солдаты обучали красногвардейцев военному делу. Петроград опоясывался окопами и заграждениями. На помощь гарнизону и рабочим Петрограда прибыли тысячи матросов и солдат из Кронштадта, Гельсингфорса, Выборга, Ревеля.

Пролетарская Красная гвардия, подкрепленная революционными отрядами солдат и матросов, двинулась навстречу мятежным войскам, а в теплушках корниловских эшелонов, на железнодорожных станциях и на стоянках кавалерийских частей сотни агитаторов — рабочих, солдат, матросов — открывали глаза обманутым солдатам на смысл той авантюры, в которую их вовлекли жаждающие народной крови царские генералы. Горцы-агитаторы, мусульмане, посланные в «дикую» дивизию, нашли общий язык и с солдатами самой, казалось, надежной силы заговора. Солдаты, казаки, всадники-горцы отказывались продолжать путь на Петроград, арестовывали своих офицеров. Генералы выходили из себя, но сделать ничего не могли: если бы им и удалось запугать солдат и повести дальше, впереди было не менее грозное препятствие — разобранные и взятые под обстрел железнодорожные пути, пробки, искусственно созданные на станциях, опрокинутые поперек рельсов груженные ваго-

ны — железнодорожники хорошо потрудились в помощь Красной гвардии.

Корниловский мятеж потерпел полный провал прежде, чем дело дошло хотя бы до одного сражения. Крымов в отчаянии застрелился. Остальные главари мятежа, в том числе и сам Корнилов, оказались под арестом.

Борьба против корниловщины широкой волной разлилась по всей стране. Ближайшим последствием ее был серьезный сдвиг в классовом сознании рабочих и солдат. Она оживила деятельность Советов, усилила вовлечение масс в революционную борьбу, дала ценный опыт организации революционных комитетов и штабов, создания частей и отрядов революционной армии. Отмечая падение влияния в Советах меньшевиков и эсеров, Ленин писал: «Достаточно было „свежего ветерка“ корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое»¹²⁹.

В исторической литературе освещены разные стороны истории корниловщины: ее подготовка, ход, ликвидация. Первой крупной работой о ней явилась монография историка-марксиста В. Владимировой «Контрреволюция в 1917 г.: Корниловщина», вышедшая в Москве в 1924 г. За ней последовала книга военного историка бывшего генерала Е. И. Мартынова «Корнилов: попытка военного переворота», изданная Штабом РККА в 1927 г. Обе книги содержали богатый фактический материал, впервые вводили в научный оборот большое количество неизвестных ранее источников, главным образом документы Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова и его соучастников, образованной Временным правительством. Вышедшие в последнее время работы^{130–131} углубили наши представления о корниловщине и ее значении в истории пролетарской революции в России. В них использованы новые свидетельства самих участников заговора и руководителей контрреволюционных организаций, с которыми они, как подтверждал один из видных

¹²⁹ Там же. С. 204.

^{130–131} Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967. Кн. 2; *Капустин М. И.* Заговор генералов: из истории корниловщины и ее разгрома. М., 1968; *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; *Миц И. И.* История Великого Октября. 2-е изд. М. 1978. Т. 2; *Кувшинов В. А.* Разоблачение партии большевиков идеологии и тактики кадетов (фев-

участников мятежа генерал М. В. Алексеев, «были связаны общностью идеи и подготовки»¹³².

Бесспорные данные говорят о том, что августовский мятеж 1917 г. — это лишь эпизод, происшедший в общем русле контрреволюционной политики буржуазно-помещичьей империалистической реакции, программной целью которой было предупреждение пролетарской революции и утверждение всевластия буржуазии насильственными, репрессивными мерами. Мятеж явился олицетворением этой политики, а имя его главаря, «найденного» контрреволюцией для реализации своих целей, хотя и не сумевшего их достигнуть, стало нарицательным для обозначения всей контрреволюционной политики. Корниловщину вместе с керенщиной Ленин оценивал как полосу нашей революции, «предшествовавшую Советской власти»¹³³, и мятеж 27 августа — лишь эпизод этой полосы, занявший исключительно важное место в истории революции потому, что он обнажил всю систему тайных замыслов контрреволюции и поднял на ноги для борьбы против нее всю революционную массу. В первом же серьезном исследовании корниловщины на основе свидетельств самих участников и главарей этой авантюры был сделан вывод о том, что «Корнилов с офицерством и военными обществами являлись не случайной и самостоятельной группой, а являлись оружием всей контрреволюционной буржуазии»¹³⁴.

В нашей литературе отмечается и такое последствие корниловщины, как «сравнительно медленно развивавшееся до этого расслоение внутри самого офицерства»¹³⁵. Р. П. Эйдеман и В. А. Меликов усматривали это расслоение в том, что часть офицеров военного времени открыто выступила против Корнилова и осудила контрреволюционную деятельность Главного комитета Союза офицеров армии и флота, в выходе строевых офицеров из этого союза.

раль — октябрь 1917 г.). М., 1982; *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982; *Иоффе Г. З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987; *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

¹³² *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Л., 1924. Т. 4. С. 380.

¹³³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 174.

¹³⁴ *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г.: Корниловщина. М., 1924. С. 99.

¹³⁵ *Эйдеман Р., Меликов В.* Армия в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 99.

В воспоминаниях А. И. Верховского более наглядно представлена картина расслоения офицерства в Московском гарнизоне. Здесь «основная масса офицерства резко выступала против правительства, была на стороне Корнилова», из этой группы раздавались призывы к восстановлению монархии; группа «демократического офицерства», именуемая также «революционным офицерством», требовала «в тесном контакте с Советами... решительной борьбы против авантюристических реакционеров». Третья группа офицеров стояла на «примирительной позиции»: они «заявили о непоколебимой верности Временному правительству и в то же время потребовали от Временного правительства таких мероприятий, которые помогут благополучно разрешить недоразумение и сохранить России генерала Корнилова»¹³⁶.

Наиболее резко разделялось офицерство на две противоположные группировки в декларации исполкома Петроградского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 августа. С особенной определенностью здесь выделялось боевое ядро контрреволюции, выдвинувшее из своей среды генерала-диктатора. «Предательское корниловское выступление, — говорилось в декларации, — доказало всему российскому народу, какая угрожала и угрожает опасность в старом Генеральном штабе — гнезде контрреволюции, который составил заговор для подавления революции и уничтожения всех революционных организаций, защищающих интересы трудового народа». Офицеры Генерального штаба противопоставлялись в декларации «строевому офицерству», опасность же контрреволюции усматривалась в намерении офицеров Генерального штаба «передать всю полноту власти в руки лишь олигархии Генерального штаба». Весьма показательны выводы из оценки положения, сделанные исполкомом Совета непосредственно после провала августовского мятежа. В его декларации записано: «Исполнительный комитет находит:

1) что организация Генерального штаба есть источник всех возможных контрреволюционных движений в армии;

2) что заговор Корнилова есть результат контрреволюционной работы офицеров Генерального штаба;

3) что лица, участие которых в заговоре может считаться вполне установленным, — генералы Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Марков, Орлов, Эрдели,

¹³⁶ *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 324—327.

Романовский, Саттеруп, Кисляков, Крымов, Клембовский, Оболевеш, Эльснер, Волков, полковник Клерже — все офицеры Генерального штаба;

4) что судебное расследование установит еще целые ряды соучастников — офицеров Генерального штаба;

5) что контрреволюционные организации — Союз офицеров армии и флота и Военная лига — созданы при ближайшем участии офицеров Генерального штаба;

6) что вся военная власть сосредоточена в замкнутой корпорации Генерального штаба...»

Нельзя не отдать должное авторам этой декларации: они, пожалуй, безошибочно распознали то ядро военной контрреволюции, которое заняло руководящее положение на авансцене политики империалистического государства, — это Генеральный штаб и командные верхи армии, главные представители которых были названы поименно. В чем же видели авторы декларации выход из такого положения? В немедленной «радикальной» реорганизации корпуса офицеров Генерального штаба. Указывался и способ такой реорганизации: «...все должности, представляющие узлы военного управления... (далее перечислялись эти должности: помощники военного министра, начальники ГУГШ, Главного штаба, кабинета военного министра, канцелярии и т. д. — В. П.) должны быть теперь же заполнены лицами, не входящими в состав корпуса Генерального штаба и политическая физиономия которых не возбуждает сомнений»¹³⁷.

И вот тут давала себя знать соглашательская слепота исполкомовцев. Они недаром постановили довести декларацию «до сведения Временного правительства и ЦИК Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»: стоя на позиции доверия Временному правительству и соглашательскому ВЦИК, противопоставляя явных корниловцев сторонникам Керенского, не входящим в корпус Генерального штаба и потому-де «не возбуждающим сомнений» по своей «политической физиономии», авторы декларации находили разграничительную черту между сторонами в классовой борьбе — причем в момент ее крайнего обострения — не там, где она проходила в действительности.

Совсем иначе оценивали положение большевики. За несколько дней до принятия декларации Петергофским

¹³⁷ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 532—533.

Советом, в момент, когда только еще начался корниловский мятеж, Военная организация при ЦК РСДРП(б) в обращении к солдатам Петроградского гарнизона заявила, что совершилось то, о чем большевики предупреждали соглашателей: «Та контрреволюция, о которой кричали социалисты-революционеры и меньшевики, жила рядом с нами, в том самом Временном правительстве, которое упорно тянулось и даже сейчас, в минуту смертельной опасности для революции, тянется к капиталистам и помещикам. К тем самым кадетам, капиталистам и помещикам, которые в сущности устроили заговор». Разъясняя суть дела, Военная организация большевиков уже тогда указывала на политическую физиономию заговора: это «те самые кадеты, которые разгромили большевистские организации, бросили в тюрьму солдат и рабочих и заставили Керенского и Савинкова ввести смертную казнь... эти враги народа — Милуков, Шингарев, Маклаков вместе с Родзянко, Гучковым и черносотенным Генеральным штабом, черносотенной Ставкой устроили заговор. Корнилов только пешка в руках капиталистов и помещиков». Уже тогда было ясно, что «Керенский колеблется, Керенский выбирает, с кем ему идти — с народом против контрреволюции, или с контрреволюцией против народа», в то же время и «Совет до сих пор бездействует, а штаб работает!» И большевики видели перспективу революции не в починке «узлов военного управления», не в замене в них одних лиц другими, не в реорганизации, хотя бы и «радикальной», Генерального штаба, а в другой, действительно радикальной мере: «Разорить это осиное гнездо — черносотенный штаб, надо создать свой революционный штаб, вооружить рабочих, вооружить расформированных солдат, надо создать боевой центр!» — и «Да здравствует вся власть Советам!»¹³⁸

Это ясно было большевикам и на местах. В Юрьевце (Костромская губ.) они заявляли открыто, что «Временное правительство само стало орудием контрреволюции», оно «оставляет командование армией в руках заведомых контрреволюционеров... в руках черносотенных генералов и штабов, дезорганизующих и обессиливающих армию», и «единственным средством спасения страны является новый подъем революции, которая даст победу революционному пролетариату и крестьянству»¹³⁹. Объединенное за-

¹³⁸ Там же. С. 478—480.

¹³⁹ Там же. С. 550—551.

седание Средне-Сибирского областного бюро и Красноярского городского комитета РСДРП(б) признало создание «полудиктатуры Керенского в тылу и полной диктатуры Корнилова на фронте» следствием соглашательства мелкобуржуазного большинства Советов с буржуазией. Выход из этого положения большевики Сибири видели в немедленном разрыве масс с политической соглашательством и в переходе власти в руки рабочих, солдат и крестьян ¹⁴⁰.

Выступая на объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов в ночь на 27 августа, большевики разъясняли, что борьба между Временным правительством и «партией Корнилова» — это вовсе не борьба между революцией и контрреволюцией, а борьба между двумя методами контрреволюции, двумя методами ликвидации революционных завоеваний, и конец ей может положить лишь переход власти в руки революционных рабочих, крестьян и солдат ¹⁴¹. Такая оценка положения давала ключ для определения политических позиций различных групп офицерства и в том числе действительной «революционности» того «демократического офицерства», с которым имел дело в дни корниловщины Верховский, считавший себя тоже «революционным» (поскольку оставался верным Временному правительству) командующим войсками округа. «Расслоение» среди офицерства сводилось, в сущности, к разделению его на сторонников одного или другого методов контрреволюции. Реальная же линия классовой борьбы в армии, углубившаяся в результате корниловщины, проходила между выражавшими интересы эксплуататорских классов офицерами, приверженцами как Корнилова, так и Керенского, с одной стороны, и рабоче-крестьянской массой солдат и матросов — с другой.

Ясность в определении политических позиций тех или иных социальных сил не явилась для большевиков в дни корниловщины чем-то новым: это было практическое выражение в конкретной политической обстановке того теоретического принципа, на который Ленин указывал еще летом 1905 г., разоблачая «обоготворение» понятия «революция» буржуазными революционерами ¹⁴², а затем в апреле 1917 г. требуя в рассуждениях о революции

¹⁴⁰ Там же. С. 554—555.

¹⁴¹ Там же. С. 476—477.

¹⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 220.

и о правительственной власти непременно выяснять, «о какой революции мы говорим»¹⁴³. Позже, во время подготовки корниловского мятежа, уличая меньшевиков в забвении уроков истории и марксистского учения, Ленин напоминал: «Во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *классах*: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?»¹⁴⁴

Известно, что Керенский, едва только был ликвидирован корниловский мятеж, как бы оправдывая свою характеристику «корниловца № 2», поспешил навести «порядок» в армии: приказал «прекратить политическую борьбу в войсках и обратить все усилия на нашу боевую мощь», «прекратить смещение и устранение от командных должностей начальствующих лиц», «прекратить самовольное формирование отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями» и т. д.¹⁴⁵ Более откровенно разъяснил линию правительства министр иностранных дел М. И. Терещенко в телеграмме послан в союзных странах: «Выступление Корнилова, вызвав движение крайних левых элементов против командного состава и части офицерства, значительно затруднило работу по воссозданию армии. Правительство энергично борется против этих проявлений»¹⁴⁶.

Характеризуя впоследствии офицерский состав русской армии, каким он стал (а вернее — остался) после корниловского выступления, Ленин писал: «Сохранение боевой готовности означало и было при Керенском сохранение армии с буржуазным командованием (хотя бы и республиканским). Всем известно — и ход событий наглядно подтвердил, — что эта республиканская армия сохраняла корниловский дух благодаря корниловскому командному составу. Буржуазное офицерство не могло не быть корниловским, не могло не тяготеть к империализму, к насильственному подавлению пролетариата»¹⁴⁷.

К решительным мерам по искоренению всякой демократии в армии и в стране изо дня в день подталкивали Временное правительство послы и военные миссии держав Антанты. Им нужно было обеспечить выполнение

¹⁴³ Там же. Т. 31. С. 344.

¹⁴⁴ Там же. Т. 34. С. 83.

¹⁴⁵ *Владимирова В.* Революция 1917 года. Т. 4. С. 155.

¹⁴⁶ Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-национальный кризис. С. 220.

¹⁴⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 294—295.

Россией того «налога крови», который требовался для продолжения войны. Временное правительство и высшее командование русской армии, испытывавшие те же самые опасения за дальнейшее развитие политической жизни в стране, что и их западные союзники, послушно принимали к исполнению их советы и требования. 5 (18) июля 1917 г. посол Англии Бьюкенен предъявил Временному правительству (через министра иностранных дел Терещенко) программу наведения «порядка» в России и прежде всего в русской армии, разработанную главой британской военной миссии полковником А. Ноксом (впоследствии — генерал, один из организаторов вооруженной интервенции Антанты в Сибири). В ней были такие требования: восстановить по всей России смертную казнь; потребовать от частей, участвовавших в демонстрациях 3—4 июля, выдачи агитаторов для наказания; разоружить всех рабочих в Петрограде; наделить военную цензуру полномочиями конфисковать оборудование у газет, возбуждающих войска или население к подрыву порядка и военной дисциплины; ввести в Петрограде и других крупных городах милицию из солдат старших возрастов, раненных на фронте, под начальством раненых офицеров; те части Петроградского военного округа, которые не согласятся на все эти условия, разоружить и преобразовать в рабочие батальоны¹⁴⁸. Неизвестно, в какой мере осведомлял Терещенко об этих требованиях Деникина, Корнилова и других генералов. Ясно только, что претензии, высказанные ими Керенскому и тому же Терещенко на совещании в Ставке 16 июля, совпадали с этими требованиями. И Временное правительство в меру возможностей проводило их в жизнь.

Представители держав Антанты поощряли и поддерживали мятеж Корнилова, руководствуясь идеей, выраженной Ноксом в разговоре с американским полковником Робинсом: «Необходима военная диктатура, необходимы казаки; этот народ нуждается в кнуте. Диктатура — это как раз то, что нужно»¹⁴⁹. Во время этого разговора Нокс пояснил заодно, почему правительству Керенского он предпочел Корнилова в роли военного диктатора:

¹⁴⁸ *Кнох А.* With the Russian Army 1914—1917. L., 1921. Vol. 2. P. 662; *Мицц И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931. С. 12.

¹⁴⁹ *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л., 1925. Ч. 1. С. 9.

«Я не верю в Керенского и в его правительство. Оно некомпетентно, бессильно и ни к чему не годно». Робинс заметил, что Нокс при этом «покраснел, вспомнив, что... английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова».

Этот разговор происходил 20 октября (2 ноября) 1917 г., когда оставалась всего неделя существования Временного правительства. В ответ на слова Нокса о необходимости для России военной диктатуры Робинс заметил: «Генерал, вы, может быть, получите диктатуру совершенно другого характера». И когда Нокс справился, не подразумевает ли собеседник на этот раз диктатуру большевиков, тот ответил, что именно их он имеет в виду. «Полковник Робинс,— сказал тогда Нокс,— вы невоенный человек; вы ничего не смыслите в военных делах. Военные люди знают, как поступать с этими типами. Мы их просто ставим к стенке и расстреливаем». Робинс многозначительно возразил: «Да, если вы их поймаете»— и намекнул, какая перспектива может ожидать Нокса и его единомышленников: «Думаю, что вы дождетесь не той диктатуры, о которой мечтаете. Положим, генерал, что я ничего не смыслю в военных делах, но зато я немного знаю психологию народа. Я работал в народе всю мою жизнь. Я ездил по России, и мне кажется, что вы стоите перед лицом положения, созданного народом»¹⁵⁰.

Примерно в те же дни в Петрограде во время совещания дипломатов стран Антанты состоялась другая беседа: русский нефтепромышленник миллионер Лианозов излагал американскому корреспонденту взгляды людей своего круга на политическое положение в стране и с изумлявшей американца откровенностью рассказывал, что делают они, русские имущие классы, чтобы «погубить революцию голодом» путем второй корниловщины: затопляют угольные шахты, разрушают и закрывают заводы, дезорганизуют транспорт. «Большевистское восстание,— говорил Лианозов,— назначено на 20 октября. Будет подавлено силой оружия. Из силы оружия возникнет новое правительство. Корнилов не умер. Он потерпел неудачу, но имеет достаточную опору в населении. Жизнь пока-

¹⁵⁰ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Офиц. отчет «Оверманской комиссии» Сената: Пер. с англ. М.; Л., 1927. С. 143.

зала, что единственная партия, имеющая подготовленных государственных людей, — кадеты». Большевиков «подавят казаки, несколько гвардейских полков, юнкера». «Республика? — недоумевал Лианозов. — ...Она долго не продержится. Монархия! Народ не созрел еще, чтобы подчиняться равным. Никаких компромиссов до разгрома большевиков!» В международной же политике он признавал один путь: идти вместе с союзниками. А так как международное положение России важно для всех держав, то они должны «отнестись к делу серьезно». Их долг «прийти и вылечить больного ребенка, научить его самостоятельно ходить. Можно использовать японцев и совместно навести порядок...».

Предупредив далее американского корреспондента, что это «не для печати», русский миллионер дал понять, что пора российским промышленникам освободиться от опеки английского капитала и выгодно продаться американцам. В лаконичной записи Джона Рида, которому открылся Лианозов, его соображения выглядят так: «Америка вступила в войну не ради идей. Ослабить могущество Англии. Америка — первая страна, добившаяся свободы морей. Мирная конференция. Финансирование всего мира». И он соблазнял американца выгодами от экономических связей с Россией: «Внешняя политика России будет не такова, как при старом режиме. Горное дело и железнодорожное строительство. Золото, металл, нефть. Нефтяную промышленность нужно будет трестировать. Концессии. Кадетское правительство будет вполне современным правительством»¹⁵¹.

Это не единственное свидетельство того непреложного факта, что русские капиталисты для удушения революции заранее призывали не только японских, но и любых других империалистов: дальнейший ход истории показал, что ради свержения Советской власти они вступали в сделки не только с правящими кругами союзных держав, «братских» по империалистической войне, но призывали на помощь и войска враждебной Антанте группировки. Вполне естественно, что любой империализм — и антантовский, и австро-германский, и заокеанский — в борьбе с русской революцией находил в лице русских капиталистов надежную опору и послушное орудие.

Много внимания уделено корниловщине в зарубежной исторической литературе. Вспышки интереса к ней в русской эмигрантской среде отмечает английский исто-

¹⁵¹ *Старцев А.* Русские блокноты Джона Рида. 2-е изд. М., 1977. С. 39—40.

рик и философ (эмигрировавший из России в 1921 г. в Чехословакию, а затем в Англию) Г. М. Катков (1903—1985 гг.). Он пишет о трех таких вспышках: происшедшей в 1923—1924 гг. — после выхода в свет за рубежом второго тома «Очерков русской смуты» А. И. Деникина; в 1936—1937 г. — в связи с появлением к двадцатилетию революции 1917 г. и самой корниловщины в милюковских «Последних новостях» воспоминаний эмигрантов, в прошлом активных деятелей контрреволюции А. И. Путилова, П. Н. Финисова и др.; наконец, после второй мировой войны, когда выступил со своими сводными мемуарными трудами и документальной публикацией о русской революции А. Ф. Керенский¹⁵². Сосредоточивая внимание на сочинениях эмигрантов и лишь на некоторых советских изданиях, Катков объяснил свое обращение к «корниловскому эпизоду» тем, что, как он обнаружил, «рассказ об этих событиях был с самого начала совершенно извращен». Учитывая вместе с тем «решающее значение этого отдельного эпизода русской истории» среди событий 1917 г., Катков ставил своей задачей «предложить новую оценку событий, основанную на изучении до сих пор неизвестных или оставленных без должного внимания источников»¹⁵³.

Одновременно с русским переводом книги Каткова в 1987 г. вышел труд датского историка Йоргена Мунка (Орхусский университет) «Корниловский мятеж. Критический обзор источников и исследований». Отмечая, что «западные историки обычно ограничиваются в своей трактовке корниловского мятежа сравнительно короткими описаниями в общих работах о революции», Мунк выделяет из этой литературы немногочисленные специальные исследования, лучшие из которых принадлежат Абраму Эшеру, Гарви Эшеру, Джемсу Уайту и Александру Рабиновичу¹⁵⁴. В равной мере Мунк анализирует и советскую литературу о корниловщине.

На фоне всех вспышек полемики вокруг корниловщины кульминацией затянувшегося спора на нынешний день следует признать историографическую дуэль между Катковым и Мунком. Катков подвел, по существу, итог освещению корниловщины с апологетических позиций по от-

¹⁵² *Katkov G. The Kornilov Affair. L.; N. Y., 1980. P. 137; Катков Г. М. Дело Корнилова: Пер. с англ. Париж, 1987. С. 171.*

¹⁵³ *Катков Г. М. Указ. соч. С. 6, 8.*

¹⁵⁴ *Munck J. L. The Kornilov Revolt. A Critical Examination of Sources and Research. Aarhus (Denmark), 1987. P. 13.*

ношению к ее главному герою. Мунк тоже подвел итог, но совсем другого рода: дал историографический анализ литературы разных направлений, сумев выдержать объективную позицию добросовестного историка. Такое направление исследования не могло не прийти в столкновение с субъективной, тенденциозной точкой зрения Каткова, книге которого Мунк дает нелюбезную оценку: «Это очень претенциозная работа, но ее автору, Г. Каткову, совсем не удалось выдержать свои собственные требования насчет объективности. Монография очень полемична, довольно эксцентрична и сильно сфокусирована на собственных заявлениях Корнилова, которые во всем существенном принимаются по номинальной стоимости. Кроме того, часто она очень неточна в деталях и на практике очень трудно поддается проверке из-за неудовлетворительного комментария, в котором редко даются точные ссылки на источники»; «эта книга в очень большой степени основывается на некритическом в целом восприятии собственных показаний Корнилова следственной комиссией».

Уловив в освещении корниловщины в сочинениях разных авторов основные разногласия, Мунк решил «противопоставить различные взгляды историков материалам источников, чтобы попытаться отделить определенные знания и факты от толкований, гипотез и мифов, насколько это возможно, чтобы изучить, насколько материал источников может разрешить два главных вопроса: 1) замыслил ли Корнилов заговор против Временного правительства, 2) был ли заговор вообще»¹⁵⁵.

Это именно Катков выпятил в своем исследовании вопрос: «...действительно ли существовал заговор, целью которого было свержение Временного правительства?» Он саму постановку такого вопроса не находил правомерной уже потому, что сосредоточенная в руках Временного правительства власть не могла, по традиционным правовым понятиям, считаться законной, поскольку не было никакого официального акта о его создании и оно фактически представляло собой «горсточку узурпаторов». Так что Корнилов вправе был навести «порядок» без какого бы то ни было «заговора», просто отобрав власть у узурпаторов. Но ведь он не погнушался принять собственное назначение на пост верховного главнокомандующего из рук этих самых узурпаторов, и тем признал их власть,

¹⁵⁵ Ibid P. 9—12, 143.

и уже с этой позиции, как утверждает Катков, «принимал необходимые меры, чтобы защитить правительство от враждебных действий большевиков».

Прилагая немало усилий к тому, чтобы облагородить поведение своего героя (с точки зрения ревнителей старого «порядка»), апологет Корнилова нагромождает оправдания, вступающие то и дело в противоречие одно с другим. В самом деле, Корнилов у него то выступает против «горсточку узурпаторов», считая их правительство «гибельным для России», и готов принять поддержку «общественных кругов» в случае предпринимаемого «переворота, поддержанного военной силой», то готовится «вполне дружелюбно» разделить бремя власти с Керенским, нисколько не прибегая ни к какой «конспиративной деятельности». По Каткову, не принимающему в расчет все тайные совещания самого Корнилова и его эмиссаров с «общественными деятелями», как и фактическое направление войск на столицу без ведома правительства, за Корниловым числится «один-единственный акт открытого неповиновения», состоящий в отказе «уступить частной просьбе Керенского сдать полномочия», что «не может рассматриваться не только как мятеж, но даже как доказательство его конспиративной деятельности»¹⁵⁶.

Мунк тщательно перепроверяет обоснованность различных толкований истории корниловского выступления. Он приходит к общему выводу о неполноте источников, вследствие чего не все вопросы этой истории могут быть решены однозначно, «без существенных оговорок». Вместе с тем, однако, он не находит оснований и для того, чтобы отвергать, как это сделал Катков, «советскую официальную концепцию выступления Корнилова», впервые изложенную, по словам Каткова, в труде Е. И. Мартынова «Корнилов: попытка военного переворота». «Она сводится к тому, — писал Катков, — что с самого момента крушения царской власти ряд генералов и представителей деловых кругов вели заговорщическую деятельность, направленную на реставрацию старого режима, и стремились помешать социализму укрепиться в России. Их интриги потерпели поражение благодаря бдительности большевистской партии, которая к тому же раскрыла двойную игру эсеров и меньшевиков»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Катков Г. М. Указ. соч. С. 179—180, 184, 192.

¹⁵⁷ Там же. С. 234.

Признавая далее идентичность этой концепции более поздней трактовке корниловщины в работах советских историков, Катков указывает на ее «общую несостоятельность», несмотря на то, что она с самого начала опиралась, по его же оценке, на «уникальные военные архивные материалы», и книга Мартынова, «хотя и значительно окрашенная духом неприязни к самому предмету его описаний, содержит ценную информацию». Он подтверждает это и в отношении книг Е. И. Мартынова и Н. Я. Иванова, говоря, что обе эти книги «открывают читателю доступ к крупным той информации, которая содержится в советских архивах»¹⁵⁸.

Мунк не считает правомерной отрицательную оценку советской концепции в изложении даже Каткова. На основании тщательного анализа источников он делает вывод: «Уже доказано, что в период между февралем и октябрём действительно получила широкое развитие заговорщическая деятельность. Мы знаем, что буржуазные политики, представители торговой, промышленной и финансовой буржуазии, офицеры и различные подозрительные лица типа Аладьина—Завойко действительно хотели устранить двоевластие и нейтрализовать большевиков и что с этой целью они организовывались, подготавливая установление военной диктатуры...» Сказав о том, что «сложные взаимосвязи между этими организациями известны лишь в грубых чертах и что объективно мы знаем очень мало об их действительных планах», Мунк продолжает эту мысль: «Наконец, мы знаем, что организационные связи существовали между этими организациями и генералом Корниловым, но мы не знаем в точности, как далеко простирались эти связи и какова была их природа»¹⁵⁹.

Одним из способов оправдания Корнилова у Каткова служит, как говорилось выше, сомнение в законности Временного правительства. Отсюда его риторический вопрос: можно ли вообще считать преступлением устраивать заговор против Временного правительства? Этот юридический, по существу «технический», вопрос, замечает Мунк, еще не рассматривался в исторической литературе¹⁶⁰, и Катков «касается его поверхностно». «Веро-

¹⁵⁸ Там же. С. 56—57, 234.

¹⁵⁹ *Munck J. L. Op. cit.* P. 138.

¹⁶⁰ Катков не был оригинален в суждении о незаконности Временного правительства. Еще в 1922 г. кадетские правоведы

ятно, правильно, — пишет Мунк, — что государственное устройство конституционно не определено — Россия ожидает Учредительного собрания, чтобы заняться среди прочих вопросов этим», так же как другими крупными реформами. Но, с другой стороны, «его власть признается на практике — оно действительно правит; публичная администрация работает и проводит в жизнь законы и установления правительства; союзники признают его, и Корнилов в конце концов признает его сам, приняв свое назначение»¹⁶¹.

Мунк разрушает, таким образом, ту схему оправдания Корнилова, в основу которой Катков положил такое же «право» генерала отобрать власть у узурпаторов, каким пользовались они для ее захвата. Катков непоследователен в своей аргументации. Признав за Корниловым захватное право, он в то же время не хочет упустить и защитительную аргументацию Корнилова, по логике которой должен говорить о том, что генерал действовал по отношению к правительству «вполне дружелюбно» и посылал войска на Петроград по согласованию с Керенским и Савинковым. Так что никакой конспирации и никакого заговора — все легально и законно. Несмотря на такую противоречивость схемы оправдания, из нее

В. Д. Набоков и Б. Э. Нольде рассказали о том, как они в составившийся ими акт отречения от престола Михаила Романова (3 марта 1917 г.) вписали повеление «всем гражданам державы Российской подчиниться Временному правительству» и по совету В. В. Шульгина добавили: «по почину Государственной думы возникшему», а потом еще: «и облеченному всей полнотой власти». Они сознавали, что сам акт Михаила Романова был юридически несостоятельным документом, поскольку законы Российской империи не допускали передачи власти императором (Николаем II) другому лицу (Михаилу). И вот этот-то акт, подписанный лицом, не имевшим, по их признанию, «никакого юридического титула», «был единственной конституцией периода существования Временного правительства», наделившей последнее «полнотой власти» (*Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 21; Нольде Б. Э. В. Д. Набоков в 1917 г. // Там же. Т. 7. С. 7—8*).

Керенский, хватаясь за это призрачное узаконение своей власти, в изданных в 1922 г. в Париже записках «Гатчина» всерьез считал «бесспорной формальной преемственностью верховной власти, полученной Временным правительством непосредственно из рук последнего законного представителя павшей династии» (Октябрьская революция // Революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев. М.; Л., 1926. С. 197).

¹⁶¹ *Munck J. L. Op. cit. P. 139—140.*

выпадают явные признаки практического выполнения Корниловым заговорщического плана. Мунк называет их.

Источники позволяют, по его мнению, «без всякого риска... сделать вывод, что он [Корнилов] может достигнуть своей цели «законным» путем — в сотрудничестве с законным правительством страны, представляемым Керенским», а после визита к нему Савинкова, ведшего с ним 23—24 августа переговоры по поручению Керенского, «не мог не убедиться, что он действует в полном согласии с Керенским», однако сам «по двум пунктам... не соблюдает соглашения с Керенским и Савинковым». Во-первых, это требование Керенского и Савинкова не присылать во главе 3-го конного корпуса, предназначенного к отправке на Петроград, генерала Крымова, который, как сказал Савинков, «для нас не особенно желателен» (в силу его воинственных монархических настроений — *В. П.*). Корнилов не только не заменил Крымова, но поставил его во главе спешно создававшейся для похода на столицу Отдельной Петроградской армии. Не выполнил он и другого условия соглашения: не заменил в составе войск, предназначавшихся для этого похода, Кавказскую туземную («дикую») дивизию регулярной кавалерией¹⁶².

Катков признает, что, давая обещание Савинкову «посмотреть, что он может сделать» (для выполнения этих условий), Корнилов «был не совсем искренен». В оправдание Корнилова он пишет: «На самом же деле Корнилов мало что мог сделать в этой ситуации: Крымов уже получил все инструкции и собирался выехать из Ставки в свой корпус, в то время как Туземная дивизия была уже в пути. При таком состоянии дел согласиться на просьбу Савинкова было бы совершенно против принятых в армии правил»¹⁶³. Однако такое оправдание служит косвенным подтверждением того неоспоримого факта, на который обращает внимание Мунк: «Уже за две или три недели до соглашения с Савинковым¹⁶⁴ по своей собственной инициативе и без чьей-либо санкции он [Корнилов]

¹⁶² Ibid. P. 139.

¹⁶³ Катков Г. М. Указ. соч. С. 189, 231.

¹⁶⁴ В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Корнилов сам указывал, что распоряжение о перевозке Кавказской туземной конной дивизии с Юго-Западного фронта он отдал 7 августа, а 3-го конного корпуса — 12 августа (см. Там же. С. 222).

делал приготовления к военным действиям против столицы»¹⁶⁵.

Несмотря на такие, казалось бы, явные признаки вовсе не «дружелюбных» намерений Корнилова в отношении Временного правительства, Мунк все же считает, что «общая оценка источников не создает убедительной основы для взгляда, что Корнилов устраивал заговор с целью свержения Временного правительства». Не против Временного правительства замыслил поход Корнилов — с самого начала его действия были направлены «в первую очередь и недвусмысленно против Совета и прежде всего большевистской партии»¹⁶⁶. Какое-то время он рассчитывал на сотрудничество в этих действиях с Временным правительством, но потом, когда оно в лице министра-председателя стало проявлять нерешительность, медлить с принятием и проведением в жизнь его проектов «оздоровления» армии, тыла — «спасения» России, его терпению приходит конец.

У Мунка не вызывает сомнений объяснение замыслов Корнилова, которое оставил его единомышленник и практический помощник генерал Лукомский. Подкрепляемое другими источниками, оно приводит историка к выводу: «Терпеливое отношение Корнилова к нерешительности слабого правительства иссякло, и он соответственно принимает свои собственные меры, направленные против Совета и в особенности большевистской партии; он предпочитает сотрудничество с Временным правительством, но также совершенно ясно, что теперь уже он готов действовать, если необходимо, на свою ответственность, несмотря на тот факт, что это неизбежно приведет его к открытому конфликту с правительством». И в эту минуту безоголосной решимости соглашение с Керенским и Савинковым не явилось чем-то исходным для действий — «Савинков 23 и 24 августа узаконил акцию, которая уже была предreshена»¹⁶⁷.

Так тщательный и непредвзятый анализ источников ведет к реабилитации «официальной» советской концепции корниловщины, заключение о несостоятельности которой вынес было Катков¹⁶⁸.

¹⁶⁵ Munk J. L. Op. cit. P. 139.

¹⁶⁶ Munk J. L. Op. cit. P. 88.

¹⁶⁷ Ibid. P. 139.

¹⁶⁸ Резюмируя эту концепцию в собственной произвольной редакции, не очень близкой к ее сущности, Катков почему-то называет ее «официальной» и заявляет, что она впервые была изложена в

Мунк не ограничивает разбор концептуальных вопросов истории корниловщины лишь теми, которые вкладывает в ее общую трактовку Катков. Он не оставляет без внимания разнообразные мнения о роли Керенского в этой истории, высказанные в советской и западной литературе. «Едва ли возможно согласиться,— пишет он,— с самооценкой Керенского как невинной жертвы корниловского заговора, как бескомпромиссного поборника демократии и революции». Не считая вполне ясным отношение Керенского к программе Корнилова, он указывает: «Нам известно, что в течение длительного времени он отказывается принять крутые меры Корнилова, и мы знаем, что он даже постоянно вынашивает замысел отстранения Корнилова, но мы должны придать большое значение тому факту, что он, по-видимому, ни в одном пункте не отвергал программу Корнилова по принципиальным основаниям; он возражал Корнилову скорее по вопросу о форме, чем об истинном содержании. Далее, не представляется возможным отбросить тот взгляд, что после Государственного совещания Керенский наконец решает согласиться также с весьма далеко идущими требованиями Корнилова; он не отрицает, что через Савинкова приходит к соглашению с Корниловым, соглашению, которое подразумевает, что смертная казнь вводится по всей стране; что столица объявляется на военном положении; что в столицу посылаются конные войска; что Корнилов получает в свое командование Петроградский военный округ, но, однако, за исключением столичного гарнизона».

Мунк приводит мнения современников и историков, отменяющих трудности, связанные с «политическим канатоходством Керенского между двумя непримиримыми,

1927 г. Е. И. Мартыновым, а затем, после долгого замалчивания его книги, «фундамент» этой концепции «стал вновь систематически закладываться» в 1965 г. с выходом книги Н. Я. Иванова «Корниловщина и ее разгром» (см.: Катков Г. М. Указ. соч. С. 234). На самом деле советская концепция истории корниловщины была разработана и впервые изложена в 1924 г. В. Владимировой в ее книге «Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина)», совершенно упущенной Катковым. Трактовка истории корниловщины в дальнейшем подкреплялась новыми сведениями, уточнялась в частности, не претерпевая никаких принципиальных изменений. Книга В. Владимировой и поныне не утратила своей ценности, несмотря на не очень справедливое мнение о ней Н. Я. Иванова как об «устарелой» (как, впрочем, подобное же его мнение о книге Е. И. Мартынова, несогласного будто бы с воззрениями марксизма). См.: Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977, С. 5.

противостоящими друг другу силами», со все нараставшим его убеждением в необходимости «решительного» действия против «анархии». Вступив на путь сотрудничества с Корниловым, Керенский вплоть до последнего момента — до телеграммы об отстранении Корнилова от должности верховного главнокомандующего — «определенно предоставляет Корнилову верить, что тот действует, полностью опираясь на авторитет Керенского как лидера законного правительства», и остается только «строить предположения, что побудило Керенского попятиться в последний момент — возможно, страх перед Советом или личные притязания на власть...»

Мунк находит правомерным закончить размышления по этому поводу мнением биографа Деникина Д. В. Леховича: «Несмотря на усвоенную им позу обвинителя перед историей, Керенский выглядит не только как глубоко вовлеченный в корниловское дело свидетель, но также и как ответчик»¹⁶⁹.

Не последнее место в истолковании корниловщины занимает выяснение роли кадетской партии и ее лидеров в подготовке и исходе мятежа. Подытоживая мнения историков, Мунк считает: «Заинтересованность кадетов в военной диктатуре и сильная симпатия и моральная поддержка этой партией Корнилова очень основательно документированы и не являются сами по себе предметом спора». Известно также, как активно работали кадеты в пользу исполнения требований Корнилова на правительственном уровне. Мунк находит обоснованным мнение наиболее компетентного в западной литературе исследователя этой проблемы американского историка В. Розенберга, который полагает, что, «действуя так, они принимали на себя точно такую же вину, как действительные заговорщики», тем более, что, поддерживая Корнилова «всеми доступными ресурсами... они знали, что он не придает значения требованиям законности. Если они не участвовали активно в заговоре, то они вдохновляли людей, которые участвовали, всем своим публичным поведением и создавали у них ясное впечатление, что их заговор пользуется благословением и поддержкой кадетов. Хотя по крайней мере Милуков знал, что готовится военная акция, он ничего не сделал, чтобы помешать ей»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ *Munck J. L. Op. cit. P. 142.*

¹⁷⁰ *Ibid. P. 133.*

Такой взгляд, отмечает Мунк, сильно подкрепляется новым источником, введенным в оборот Катковым. Это письмо В. А. Маклакова Милюкову от 24 января 1923 г., в котором содержится, по словам Каткова, «осторожное и умное объяснение» того, что произошло при встрече эмисаров Корнилова с общественными деятелями в Москве на квартире кадета Кишкина во время подготовки корниловского выступления. Офицеры объясняли общественным деятелям «необходимость перемен в составе правительства, так же как и в его политическом направлении. Они намекали, что, если потребуется, эти перемены могут принять форму переворота, поддержанного военной силой, просили у общественных деятелей безоговорочной поддержки, объявляя себя вполне готовыми к борьбе с большевиками и Советами». Так излагает суть этих переговоров Катков и добавляет: «Позже Милюков приписывал себе предостережение Корнилову против попытки военного переворота...»¹⁷¹ Опровергая эти позднейшие самооправдания Милюкова, Маклаков писал, что в то время, как сам он относился к плану Корнилова как к *плану* и доказывал, что из него ничего хорошего не выйдет, Милюков сразу же отвел такой способ обсуждения, сказав, что «приходится считаться не с *планом*, который можно было бы оставить, а с свершившимся фактом, которого избежать нельзя и к которому нужно установить только правильное отношение». Маклаков напоминал Милюкову: «Вы в отличие от меня допускали, что этот план *может* увенчаться успехом... Вы считали выступление Корнилова делом уже решенным; раз это было так, что Вы считали своим долгом относиться к нему сочувственно, потому что допускали его успех... в тот момент и на этом заседании поведение *всех нас*, общественных деятелей, а в том числе и Ваше, и Ваше особенно, так как в глазах офицеров за Вами, конечно, стояла партия, могло спровоцировать Корнилова на то решение, которое было принято им гораздо позже»¹⁷².

¹⁷¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 186.

¹⁷² Там же. С. 176—177.

ПОДГОТОВКА ВТОРОЙ КОРНИЛОВЩИНЫ

С какой программой шел в бой Корнилов? Сохранилось два мнения по этому вопросу.

Первое из них было изложено 11 октября 1917 г. в сообщении безымянного корреспондента «Нового времени» из Могилева. Это сообщение так и было озаглавлено: «Программа генерала Корнилова». В нем говорилось: «Корниловская программа состоит в следующем:

1) установление твердой правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, впредь до Учредительного собрания;

2) установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций;

3) война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и законные интересы России;

4) создание боеспособной армии и организованного тыла без политики, без вмешательства комиссаров и комитетов и с твердой дисциплиной;

5) обеспечение [жизнедеятельности] страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работ фабрик и заводов, упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством;

6) разрешение основных государственных, национальных и социальных задач и вопросов откладывается до Учредительного собрания.

Обратим внимание пока только на тот факт, что эта программа по своему содержанию выходит далеко за рамки тех «генеральских» программ, с которыми выступали Деникин и Корнилов в Ставке 16 июля, а Алексеев на совещании общественных деятелей в Москве: там все вертелось вокруг армии, говорилось о том, что́ нужно сделать внутри армии, здесь единственный пункт об армии поставлен даже не на первом месте. Эта программа шире и той, которая излагалась в докладе Временному правительству 10 августа. Она вобрала в себя требования кадетов и вообще «государственно мыслящих людей»; тем не менее она связывается с именем только генерала Корнилова.

Другое мнение о корниловской программе принадлежит Деникину. Он утверждал: «Никогда, ни до выступления, ни во время его — ни официально, ни в порядке частной информации Корнилов не ставил определенной

„политической программы“¹⁷³. Он ее не имел. Тот документ, который известен под этим названием... является плодом позднейшего коллективного творчества быховских узников»¹⁷³. Только находясь уже под арестом в Быхове, группа сподвижников Корнилова, и в том числе Деникин, решила, по его словам, «восполнить пробел прошлого» и для объединения общественных сил, политических партий и профессиональных организаций вокруг Корнилова «объявить строго деловую программу... удержания страны от окончательного падения». Деникин писал, что результатом работы комиссии при его участии была утвержденная Корниловым так называемая «корниловская программа». Он привел текст этой программы — шесть пунктов, цитировавшиеся выше по «Новому времени», — и дал пояснение: «Так как технически было неудобно опубликовывать „программу Быхова“, то в печати она появилась недатированной, под видом программы прошлого выступления»¹⁷⁴.

Нечего и говорить, что свидетельство непосредственного участника работы над программой выглядит довольно убедительно. Оно ввело в заблуждение даже такого серьезного историка, каким был Е. И. Мартынов, который вслед за Деникиным повторил, что у Корнилова «не было никакой политической программы; о ней он даже и не думал»; не придавая особенного значения упражнениям генералов-«быховцев» в составлении подобных документов, поскольку они в этой области были под стать Корнилову, «ничего не понимавшему в политике», Мартынов с иронией писал, что «нечто в этом роде (т. е. вроде программы.— В. П.) было набросано во время долгого сидения в Быхове, вероятно, от скуки»¹⁷⁵.

Нынешний же английский историк гражданской войны в России Ричард Лаккет по-своему осмыслил свидетельство Деникина. «Генералы в быховском монастыре, — пишет он, — не тратили время на выработку контрреволюционной политики, хотя, может быть, с их стороны было бы разумнее заниматься этим. Их в первую очередь заботила их собственная безопасность, но это представляло собой проблему, явно связанную с вопросом политической стабильности. Постепенно выяснялись определенные общие мнения, и эти последние полностью соот-

¹⁷³ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 14.

¹⁷⁴ Там же. С. 97—98.

¹⁷⁵ Мартынов Е. И. Указ. соч. С. 176.

ветствовали той доктрине, которую Корнилов недавно так часто излагал в Могилеве: должна быть восстановлена дисциплина в армии, должна быть продолжена война и должны сохраняться право и порядок. Никто из этих генералов не желал возврата к царизму, и все они были за Учредительное собрание. Такова была их программа, если ее можно назвать столь претенциозно¹⁷⁶. Сведя изложенные Деникиным пункты «корниловской программы» к мало что значащим «общим мнениям», каковые было бы несерьезно назвать программой, главное, что улавливает Лаккет в этих «мнениях», это нежелание генералов возвращаться к царизму, поскольку они стояли за Учредительное собрание. Мечты же их о восстановлении дисциплины в армии, права и порядка — это совсем невинные мечты людей, видящих в политической стабильности не более чем решение проблемы собственной безопасности.

На свидетельство Деникина, хотя оно исходит вроде бы и из первых рук, полагаться, однако, не приходится. Утверждать, что ко времени корниловского выступления контрреволюция (или только Корнилов) не имела какой-либо политической программы, можно было, только не считаясь с несомненными фактами. Нельзя же допустить, что к моменту работы над своими «Очерками» Деникин оставался в неведении о тех форумах контрреволюции, на которых именно в июле—августе особенно интенсивно дебатировались вопросы политической программы «ценовой» России: частных заседаниях членов Государственной думы, совещаниях общественных деятелей, съездах и конференциях промышленников и финансистов, заседаниях ЦК партии кадетов, наконец, о Государственном совещании. А ведь «быховская программа» ничего нового по сравнению с разработками, фигурировавшими на этих сборищах, не содержала; ее можно принять даже за конспект таких, например, документов, как обращение Временного комитета Государственной думы от 17 июля, резолюция совещания общественных деятелей от 10 августа или резолюция IV Думы, оглашенная Грузиновым на Государственном совещании.

Деникин и сам замечает сходство милюковской резолюции от 10 августа с «корниловской программой», поскольку заявляет: «Когда совещание общественных деятелей в постановлении своем от 10 августа говорило о том,

¹⁷⁶ Lockett R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. L., 1971. P. 88—89.

что правительство ведет страну к гибели, что должна быть восстановлена власть командного состава, что необходимо решительно порвать с Советами — оно повторяло „корниловскую программу“»¹⁷⁷. Но тут Деникин не сводит концы с концами: как можно повторять программу, которой «ни официально, ни в порядке частной информации» не было, и если документ, известный под именем «корниловской программы», является плодом позднейшего творчества?

Чтобы разобраться в этих противоречивых мнениях («Нового времени» и Деникина) и во внутренних противоречиях «Очерков русской смуты», нужно обратиться к некоторым другим документам той поры. «Многоуважаемый Борис Алексеевич!.. Молю вас возвысить вовремя честный, независимый голос „Нового времени“ . Россия не имеет права допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших, доблестных сынов и искусных генералов. Корнилов не покушался на *государственный строй*; он стремился, *при содействии некоторых членов правительства*, изменить состав последнего, подобрать людей честных, деятельных и энергичных. Это не измена родине, не мятеж...»¹⁷⁸ Так писал генерал М. В. Алексеев 12 сентября 1917 г. издателю и редактору «Нового времени» Б. А. Суворину. Это письмо не было единственным. В тот же день Алексеев написал и Милюкову, прося его тоже организовать кампанию в печати за предание Корнилова и его сообщников не военнореволюционному, а обычному уголовному суду с участием прокурора и защитников ¹⁷⁹.

16 сентября Алексеев снова просит Суворина выступить против того, чтобы Деникина и других корниловцев, арестованных на Юго-Западном фронте, судили отдельно от Корнилова, на месте, где их могут казнить. «Найдите перо, — заканчивалось это письмо, — которое сможет зажечь сердца честных людей и сказать, что современный Пилат, умыв руки, не смает никогда той крови, которая его запачкает. И разве мы не найдем людей, которые будут мстить за эту честную, невинную кровь. Прошу вас — будите совесть народа. В чем нужно, ссылайтесь на меня, если нужно ответственное лицо»¹⁸⁰. В его же письме Су-

¹⁷⁷ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 30.

¹⁷⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 98. Л. 1—2. Автограф. Подчеркнуто Алексеевым.

¹⁷⁹ Известия ВЦИК. 1917. 12 дек.

¹⁸⁰ ЦГАОР СССР, Ф. 1780, Оп. 1. Д. 98, Л. 5. Автограф.

ворину от 3 октября — все по тому же поводу — были и такие строки: «Более чем когда-либо нам всем нужно сомкнуться. Нас не мало, у нас много сил, но мы не сплочены... Но как разбудить инертность нашей интеллигенции, вдохнуть в нее дух смелости, веры в свои силы, как привить ей уменье и смелость сплотиться и решаться?»¹⁸¹ В ответ на эти мольбы Алексея Суворина помещил в «Новом времени» ряд статей, пропагандировавших перевод корниловцев Юго-Западного фронта из Бердичева, где они содержались под стражей, в Быхов, к Корнилову. В «Новом времени» и в других буржуазных газетах появились материалы, имевшие целью реабилитацию Корнилова вообще.

На эту кампанию буржуазной печати обратили внимание большевики. «Запахло новым Корниловым», — с передовой под таким заголовком вышел 6 октября центральный орган партии большевиков «Рабочий путь». Газета указывала на признаки подготовки буржуазией новой корниловщины: «Прежде всего это ясно из кампании, которую предприняла в защиту Корнилова первая вся буржуазия. Почти вся буржуазная печать открыто и беззастенчиво превозносит Корнилова, объявляя его истинным демократом и чуть ли не народным героем. Вся буржуазная адвокатура двинулась на помощь Корнилову. С другой стороны, отмечала газета, «во всей контрреволюционной печати не прекращаются провокационные вопли, что вот-де большевики не сегодня завтра выступят на улицу». Из анализа политического положения Г. Е. Зиновьев делал вывод: «При таких обстоятельствах пришествие второго (а то и первого...) Корнилова неизбежно. Оно вытекает из всего хода классовой борьбы, из всего соотношения сил в данный момент. Отброшенная назад в конце августа, корниловщина за месяц с лишним оправилась, и, используя бесхарактерность эсеров и меньшевиков, она сделает новую попытку раздавить Советы, утопить в крови рабочих русскую революцию».

Среди выступлений буржуазной печати в оправдание и прославление Корнилова была статья «Программа генерала Корнилова», напечатанная в «Новом времени». Текст программы предварялся в ней ясным изложением целей публикации, совсем не случайно совпадавших с мотивами писем Алексея Суворина и Милюкову. «В настоящее время, — так начиналась эта статья, — небезын-

¹⁸¹ Там же. Л. 7. Автограф.

интересно привести ту корниловскую программу, которая ходила по рукам в памятные дни конца августа и которая самым своим содержанием опровергает инсинуации, до сих пор раздающиеся по адресу ген. Корнилова. Опубликование этой программы особенно уместно теперь именно потому, что понемногу рассеивается туман корниловского дела и отпадают обвинения в мятеже, измене и восстании. Истинная подоплека всего дела становится ясной для всех. Корниловская программа — это те вехи, тот путь, который доводил страну до Учредительного собрания, объединив все элементы и не расхищая прав Учредительного собрания, как единственного правомочного органа, которому надлежит решить судьбу государства». Весьма характерно и заключение этой корреспонденции, канонизирующее приведенные в ней шесть программных пунктов: «Вот вся программа, которая была начертана на знамени Корнилова, которая была известна не только широкому кругу лиц, группировавшихся вокруг штаба и комиссариата Юго-Западного фронта и Ставки, но была хорошо известна и Керенскому, а может быть, им и одобрена: ни измены, ни мятежа, ни сговора к восстанию эта программа в себе не заключает»¹⁸².

Приведенные данные позволяют сделать, прежде всего, вывод, что ближайшей целью опубликования «корниловской программы» в «Новом времени» была реабилитация Корнилова и корниловщины в целом. Именно этой цели служило ложное уверение газеты в том, что эта программа «ходила по рукам в памятные дни конца августа». Из показаний офицеров, которые направлялись корниловской Ставкой в Петроград для организации там антибольшевистской провокации в помощь наступавшему корпусу Крымова, видно, что ни с какими подобными программами не знакомили даже их. Прапорщик 274-го Изюмского полка Ф. И. Князев так, например, рассказывал о том, как информировали в Ставке направляющихся в Петроград офицеров: «Нас собралось 10—15 человек. Полковник (Пронин.— В. П.) закрыл дверь и сообщил нам следующее: что в Петрограде обнаружен заговор большевиков, которые хотят устроить восстание темных масс, резню интеллигенции и офицеров, арестовать Временное правительство и объявить диктатуру пролетариата, затем это распространяется по другим городам и на фронт, после чего они предполагают открыть фронт и за-

¹⁸² Новое время. 1917. 11 окт.

ключить с Германией сепаратный мир... Кроме того, он заявил, что Керенский согласен передать власть генералу Корнилову на правах диктатора, причем будет сформирован новый кабинет...»¹⁸³

Другой офицер, подпоручик 3-го гренадерского Перновского полка В. С. Денисенко, показывал, что полковник Генерального штаба Пронин, собрав 30—40 вызванных в Ставку офицеров, «предварительно закрывши двери и собравши нас ближе друг к другу... начал объяснять, что в Петрограде большевики хотят сделать грандиозное восстание, арестовать Временное правительство, объявить диктатуру пролетариата, заключить сепаратный мир и пр., и предлагал офицерам ехать в Петроград»; вошедший же в комнату другой подручный Корнилова, капитан Генерального штаба Роженко, сказал офицерам, что «правительство будет не правее Шульгина и не левее Пешехонова, что [теперешнее] правительство губит Россию, что нужно положить конец и т. д.»¹⁸⁴

Если же предположить, что «ходившая по рукам» корниловская программа считалась секретом для ее исполнителей, то ведь не меньшим секретом представляется то, что им говорили Пронин и Роженко и гласность чему не была придана и впоследствии — даже не в пример «корниловской программе», очевидно, потому, что подобные «установки» не могли отвечать задаче реабилитации корниловщины. В делах Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова и его сообщников, которая скрупулезно собирала документы и прилагала все усилия к оправданию главарей заговора, эта «ходившая по рукам» программа вовсе не оставила следов. И сам Корнилов, которым после объявления его мятежником овладела страсть выпускать воззвания и обращения к народу и армии, почему-то не использовал тогда этой программы, доказывавшей будто бы его невиновность в мятеже и в измене, как это сделало теперь «Новое время». Одним словом, никаких признаков существования именно этой «корниловской программы» во время августовского мятежа никем не засвидетельствовано.

Можно допустить, что Деникин и другие сподвижники Корнилова работали над нею, находясь в Быхове (это могло быть не раньше первых чисел октября, ибо Деникин и его единомышленники по Юго-Западному фронту

¹⁸³ ЦГАОР СССР. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

¹⁸⁴ Там же. Л. 38, 60—62а.

были перевезены в Быхов только 28 сентября), однако признать ее плодом лишь их «коллективного творчества», как повествует о том Деникин, вряд ли найдутся основания, ибо в ней повторены уже много раз дебатировавшиеся в кадетско-цензовых кругах политические требования буржуазии и помещиков; в этом смысле она представляет собой если не простую компиляцию, то обобщение всех появлявшихся к тому времени вариантов политической программы эксплуататорских классов. Из того, что в тексте этой программы оказались большей частью общеполитические пункты, выходящие за пределы ремесла генералов, можно предположить, что этот текст был подготовлен в той среде, которую Алексеев признал «родной по духу» (возможно, в редакции «Нового времени»), и передан Корнилову для ознакомления и визирования (каковое Деникин считает утверждением), без чего вряд ли Суворин допустил бы обнародование текста программы от лица Корнилова. Возможно, что этот текст был обсужден в узком кругу приверженцев Корнилова в Быхове (в «небольшой комиссии», по выражению Деникина) и в него внесены какие-то поправки.

Но если даже генералы сами конструировали в Быхове опубликованный Сувориным текст, то они вполне могли воспользоваться не только соображениями других «государственно мыслящих людей», дебатировавшимися до августовского мятежа, но и готовыми образцами подобной программы. Не говоря даже об упражнениях Милюкова и вообще кадетского ЦК в этой области, стоит сравнить этот текст с широко афишировавшейся программой «Республиканского центра», которая в сжатой формулировке повторялась во всех выпускавшихся этой организацией воззваниях: «Программа: 1) водворить порядок и поддержать сильную власть в стране; 2) восстановить дисциплину в армии; 3) довести войну до победного конца в согласии с союзниками и 4) довести страну до Учредительного собрания»¹⁸⁵.

Какова бы ни была технология изготовления «корниловской программы» в октябре, безусловно одно: нельзя считать, что Корнилов в августе 1917 г. никакой программы не имел. Все политические требования, включенные

¹⁸⁵ Там же. Д. 79. Л. 50—51. Воззвание комитета «РЦ» к кресьянам (типограф. экз.). Найдено при обыске в помещении московского отдела Союза георгиевских кавалеров во время ликвидации корниловского заговора.

в рассматриваемый текст, даже в более полном и расшифрованном виде, были оформлены и известны к моменту выступления Корнилова 27 августа во всех кругах, участвовавших в подготовке заговора, и являлись не чем иным, как программой контрреволюционных сил. Корнилов и сам занимался разработкой способов практического осуществления программы, о чем говорят хотя бы его телеграмма в Ставку от 15 июля (оглашенная на совещании 16 июля) и его доклады Временному правительству от 3 и 10 августа.

Деникин, отрицавший во втором томе своего сочинения наличие у Корнилова какой-либо программы в августе, рассказывал в первом томе, как в конце июля ему довелось присутствовать в Могилеве на проводившемся Корниловым совещании начальников отделов Ставки, «на котором обсуждалась так называемая „корниловская программа“ восстановления армии»¹⁸⁶, и, выехав на Юго-Западный фронт в качестве главнокомандующего армиями, он с нетерпением ожидал объявления этой программы¹⁸⁷. На Государственном совещании в Москве Корнилов, по словам Деникина, «изложил в весьма сдержанных выражениях сущность известной своей программы»¹⁸⁸. Корнилов и сам в речи на этом совещании заявил, что он излагает «главные основы своего доклада» Временному правительству от 10 августа¹⁸⁹, т. е. той самой «корниловской программы», на обсуждении которой в Ставке присутствовал Деникин и объявления которой он с нетерпением ждал.

В октябре же вырабатывался текст, который понадобился для опубликования в печати в целях реабилитации Корнилова и корниловщины. Поэтому в нем не оказывалось тех одиозных, если не циничных, требований, какие не стеснялись записывать «государственно мыслящие люди» в резолюции своих закрытых заседаний, предназначенные для осведомления лишь своего круга, или в доклады также «родному по духу» Временному правительству. Здесь нет ни требования о создании специальных карательных отрядов для беспощадного усмирения неповинующихся частей, на чем настаивали Деникин на совещании в Ставке и Алексеев на совещании общест-

¹⁸⁶ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1., вып. 2. С. 197.

¹⁸⁷ Там же. С. 202, 203.

¹⁸⁸ Там же. С. 205.

¹⁸⁹ Государственное совещание. С. 63.

венных деятелей; здесь нет даже намека на то, что бое-способная армия нужна для отпора не только внешнему, но и внутреннему врагу, о чем заботились «общественные деятели»; не включен сюда и тот аргумент в пользу «сильной» власти, что она должна быть в состоянии заставить народ («всех плательщиков») безропотно нести бремя войны, которое неизбежно станет еще более тяжким.

Нужно признать, что данный текст являлся лучшим обобщением, квинтэссенцией всех требований, выдвигавшихся ранее в кадетских и цензовых слоях, и в то же время настолько, с точки зрения буржуазии, respectable-ным вариантом, что он мог обнародоваться во всеобщее сведение.

Но вряд ли реабилитация Корнилова была единственной целью обнародования этой программы. Начало октября, когда она появилась, было временем деятельной подготовки контрреволюцией второй корниловщины. Очевидно, лидеры буржуазии учли урок первой корниловщины: отсутствие массовой поддержки заговора даже со стороны плутократии, которой впоследствии апостолы корниловщины не раз бросали упрек по этой части. Но все ли цензовые элементы хорошо знали истинные цели Корнилова, были ли эти цели им так же близки, как генеральской верхушке? Могли ли они считать, что Корнилов делает то же самое дело, какое проповедуют кадеты и вообще «государственно мыслящие люди»? Конспиративность и связанная с нею узость круга привлекавшихся к авантюре Корнилова лиц делали ее не *движением*, как она иногда именуется в исторических экскурсах единомышленников Корнилова, а именно *заговором*, который вовсе и не предусматривал вовлечение в борьбу сколько-нибудь широкой массы.

Обнародование «корниловской программы» в октябре носило только по внешности действие задним числом, на самом же деле оно служило более существенной для данного политического момента цели, чем только реабилитация Корнилова. Задача состояла в том, чтобы вооружить все силы контрреволюции ясной программой, вывести с помощью ее вторую корниловщину из узких рамок заговора, привести в движение не только прямо заинтересованные в реализации ее цензовые слои, но исключительно общенациональной окраской аккумулярованных в ней интересов этих слоев вовлечь в борьбу или хотя бы нейтрализовать новые и более широкие слои населения — во всяком случае мелкую буржуазию города

и деревни, на которую и была рассчитана демагогичность «корниловской программы».

Эта цель еще в большей мере, чем в самом тексте программы, обнажается во вступительном тексте «Нового времени». «Опубликование этой программы особенно уместно теперь», — говорилось там, и дальше, после небольшого оправдательного по адресу Корнилова рассуждения, давалась прямо-таки реклама нареченной его именем программы: «Корниловская программа — это те вехи, тот путь, который доводил страну до Учредительного собрания как единственного правомочного органа, которому надлежит решить судьбу государства». Реабилитация же корниловщины (а не лично только Корнилова) представляется производной от этой главной задачи, выдвигаемой политическим моментом. Упор на реабилитацию корниловщины, так же как и снабжение программы корниловской вывеской, имел целью не оставить вторую корниловщину без содействия и участия «государственно мыслящих людей» армии и флота. Ведь в кадетском ЦК уже после Государственного совещания было признано, что и правительство, и либеральная интеллигенция проявили «неспособность к власти», и лишь «старые боевые генералы» — «только они, может быть, сейчас и могут еще справиться с развалом»¹⁹⁰. Так что Корнилов вовсе не случайно снова избирался как знамя.

Одним словом, в шести пунктах, опубликованных «Новым временем», состояла программа второй корниловщины, подготовлявшейся всеми контрреволюционными силами более серьезно, с координацией военной, политической и экономической форм борьбы. Октябрьская революция парализовала вторую корниловщину, так что ее программа осталась нереализованной, но с этой же программой контрреволюция выступила после победы Октябрьской революции. Головин писал потом: «„Быховской программе“ суждено было лечь в основу белого движения»¹⁹¹. Против этого утверждения спорить не приходится. Однако смысл программы Головин толковал ограниченно. Он считал, что «она носит исключительно „военный“ характер. Все изложенные в ней требования преследуют только одну цель: довести войну до победного

¹⁹⁰ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 372.

¹⁹¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ревель, 1937 Ч. 1, кн. 2. С. 136.

конца. Для этого и требуется сильная, безответственная власть»¹⁹² Это суждение находится в русле воззрений Головина: для него война не выражает политики и отношение к войне — категория не классовая, а либо «патриотическая» идея, либо, наоборот, выражение «примитивного мировоззрения». А при таких воззрениях самого Головина у него не могло возникнуть сомнений в полной достоверности свидетельства Деникина о том, что выработали программу генералы-корниловцы в Быхове самостоятельно; под гипнозом этого свидетельства Головин и расценивал ее как имеющую «исключительно „военный“ характер».

10 октября ЦО партии большевиков «Рабочий путь» в передовой «Контрреволюция мобилизуется — готовьтесь к отпору!» снова обращал внимание трудящихся на явные признаки подготовки новой корниловщины. «Партия кадетов, — говорилось в передовой, — гнездо и рассадница контрреволюции, первая открывает борьбу, ведя агитацию за Корнилова. Забрав власть в свои руки и спустив с цепи шавок суворинской подворотни, прикрываясь эсеро-меньшевистско-корниловским предпарламентом и обеспечив себе поддержку со стороны контрреволюционных генералов, партия кадетов готовит новую корниловщину, грозя разгромом революции». Среди признаков мобилизации контрреволюции «Рабочий путь» называл намеченное через два дня открытие 2-го Московского совещания общественных деятелей, на которое, как отмечала газета, усиленно приглашались представители «Союза казачьих войск».

Это совещание проходило 12—14 октября снова под председательством Родзянко. В речи профессора Новгородцева общее настроение собравшихся нашло такое выражение: «Здание Российского государства находится в состоянии разрушения. Колеблются и разрушаются вековые его устои». Причину такого положения он объяснял тем, что «возникли многочисленные Советы и внесли двоевластие, разложение власти, что явилось следствием того, что демократический фронт не мог отрешиться от лозунга классовой борьбы». Выход же из положения Новгородцев видел в том, чтобы «собрать все, что может объединиться на началах высших, чем интересы классов и групп»¹⁹³.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Новое время. 1917. 13 окт.

В резолюции совещания по экономическим вопросам декларировалось: «Буржуазный характер революции исключает возможность реорганизации экономического строя страны на началах социалистических. Должны быть отвергнуты, как вредные, всякие опыты переустройства экономических отношений на социалистических началах, хотя бы частичного характера, как в области промышленности, так и земледелия. Государственная власть должна решительно пресекать самовольные захваты и присвоения как частными лицами, так и всевозможными революционными комитетами фабрично-заводских и земледельческих предприятий». Другая же резолюция — по вопросам внутреннего управления — требовала «местности, охваченные анархией, объявить на военном положении и восстановить порядок, нарушенный буйством черни, силою оружия»¹⁹⁴.

Наиболее обстоятельно была разработана резолюция по военному вопросу, в которой Временному правительству повторно предъявлялись требования Корнилова, фигурировавшие на совещании в Ставке 16 июля. В некоторых ее пунктах чувствуется, однако, и кое-что новое. Вот как, например, определялась в резолюции судьба солдатских комитетов: «Признавая принципиально существование комитетов несоответствующим нормальному воинскому правопорядку, что подтверждается опытом всех армий мира, временно считать допустимым их существование при условии ограничения их деятельности исключительно хозяйственными и продовольственными вопросами, причем все постановления представляются на утверждение начальнику, при котором комитет состоит и до утверждения которого не проводятся в жизнь, а при несогласии его с постановлениями таковые окончательно разрешаются следующим прямым начальником. При явном нарушении комитетом своих прав и обязанностей ближайший прямой начальник, пользующийся правами не ниже командира отдельной части, имеет право распустить такой комитет и назначить новые выборы». В резолюции предусматривалась «очистка корпуса офицеров от позорящего его элемента, который в последнее время участвует во всех движениях солдатских масс», и возвращение в армию всех генералов и офицеров, уволенных «под влиянием безответственных и самочинных организа-

¹⁹⁴ Киевская мысль. 1917. 15 окт.

ций»¹⁹⁵. Все это означало восстановление в армии порядков времен самодержавия, уничтожение даже тех куцых свобод, которые явились результатом непоследовательной демократизации после Февральской революции и всячески урезались после июльского кризиса.

Большевики расценили 2-е совещание общественных деятелей как решительное выступление воиствующей «партии порядка», возглавляемой Родзянко, как «съезд корниловцев»¹⁹⁶. Эти деятели готовятся к возвращению на «боевой пост» Корнилова, в лице которого, как выразился один из московских ораторов, «партия порядка» чуть было не получила своего вождя и не получила его только «случайно»¹⁹⁷. Они открыто призывали контрреволюционные силы к «выходу на улицу», чтоб заставить правительство считаться с собой¹⁹⁸. Одновременно «общественные деятели» выступали с программными заявлениями того же порядка на съезде партии кадетов, в предпарламенте¹⁹⁹. Это была программа контрреволюционного «дерзания», как называл ее «Рабочий путь», употребляя выражение Кишкина на кадетском съезде. «...Новая корниловщина готовится вовсю, — напоминал из номера в номер центральной орган партии большевиков. — На это указывает тысяча фактов в тылу. Об этом непрестанно твердят голоса с фронта». Газета призывала рабочих, крестьян и солдат: «Пусть „дерзание“ обнаглевшей контрреволюции разобьется о ваш железный отпор!»²⁰⁰

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Последние недели перед Октябрем. В стране назрел общенациональный кризис, неотвратимо приближается момент, когда решительные, или, наоборот, нерешительные действия пролетарского авангарда должны определить судьбу всего дела революционного класса, а вместе с нею и судьбу всей страны. И в то же самое время не все в партии успели понять, что нужно брать власть, не ожидая

¹⁹⁵ Новое время. 1917. 15 окт.

¹⁹⁶ Рабочий путь. 1917. 15 окт.

¹⁹⁷ Там же. 14 окт.

¹⁹⁸ Там же. 19 окт.

¹⁹⁹ Там же. 14, 19 окт.

²⁰⁰ Там же. 19 окт.

решения съезда Советов, немедленно и не иначе, как путем вооруженного восстания. Опыт борьбы, острое чувство политической обстановки подсказывают Ленину, что упустить момент, по сочетанию благоприятных для революции факторов столь редкий в истории, равносильно измене пролетарскому движению и просчет большевиков может оказаться роковым: они «навек» опозорят себя как революционеры и как партия сойдут «на нет».

Анализируя соотношение классовых сил в стране и военных сил в решающих пунктах, взвешивая все «за» и «против» восстания, Ленин в последних числах сентября пришел к единственно возможному выводу, что «ждать» съезда Советов (намеченного на 20 октября) — значит «пропустить *н е д е л ю*, а недели и даже дни решают теперь *в с е*», это значит «трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно». Расчет на решение съезда «взять власть», т. е. на «назначение» восстания съездом, лишил восстание внезапности и давал контрреволюции время «ко дню глупеньким образом „назначенного“ восстания» собрать военные силы для его разгрома. Могло быть только одно решение: «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд». И никакой альтернативы. Ленин выработал и план восстания: наряду с политической его подготовкой важнейшее место теперь заняло его техническое обеспечение и в первую очередь изучение расположения, численности и боеспособности военных сил обеих сторон.

Мало сказать об уверенности Ленина в правильности сделанных выводов, — он смотрел на свою позицию как на «крайнее убеждение»: упустить найденный им момент революционного действия — значит погубить революцию. Это убеждение настолько овладело его сознанием и было настолько действительно «крайним», что если этот единственно возможный и, как никогда реальный, путь революции не будет принят руководящим составом партии, Ленин готов был — так он и ставил вопрос — выйти из ЦК, чтобы отстаивать свою позицию «в низах партии и на съезде партии». Весь драматизм судьбы революции воплотился в проблеме: удастся ли в кратчайший срок преодолеть «конституционные иллюзии», проникшие и в верхи партии — авангарда революционных масс²⁰¹.

На чем же основывалась столь неупрекленная, не допуская никаких иных решений убежденность вождя

²⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 281—283.

пролетариата в правильности его выводов и требований, предъявляемых к партии? Этот вопрос пытались решить многие исследователи, принадлежащие к разным идейным направлениям. В разного рода тенденциозной литературе высказано немало версий, не выходящих, однако, из области гаданий, и в числе их домыслы о неистовом «фанатизме», «доктринерстве», «бланкизме» и т. д. вождя пролетарской революции, о его способности лишь на практические действия при равнодушии якобы к теории вплоть до обвинений в приверженности лишь к одному методу политической борьбы — к «короткому ночному удару маленькой, но хорошо организованной, вооруженной и централизованной кучки профессиональных революционеров»²⁰², — как писали уже в эмиграции выметенные Октябрем из России мелкобуржуазные поборники именно этого способа борьбы.

Буржуазные историки из тех, которые добросовестно стремились постигнуть триумф русского Октября, как, например, патриарх западной советологии Э. Карр, иначе подходили к отгадке ленинской «тайны». «Его дальновидность в заблаговременной подготовке неуязвимых позиций дополнялась, — по мнению Карра, — чуть ли не сверхъестественным инстинктом, который подсказывал ему, где, когда и как нанести удар, или, наоборот, отступить»²⁰³.

А Ленин не делал секрета из тактических принципов большевизма, впитавших в себя опыт революций, умение готовить «неуязвимые позиции» и овладевать инициативой на решающих этапах революционного движения. Для этого нужно было только одно: чтобы партия революционно-пролетариата при определении задач и форм своего действия руководствовалась «точно установленными, объективными фактами». «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики» — так писал Ленин, разъясняя знаменитые Апрельские тезисы²⁰⁴. Верность этому принципу, в котором он видел

²⁰² Современные записки. Париж, 1932. Т. 50. С. 396 (М. Вишняк).

²⁰³ Соловьев О. Ф. Триумф Ленина и банкротство его критиков. М., 1978. С. 113—114.

²⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 132.

«гвоздь марксизма и марксистской тактики»²⁰⁵, партия под его руководством продемонстрировала в подготовке победы Октября и на всех последующих этапах развития революции.

В те самые дни, когда Ленин высказал свое «крайнее убеждение» в неотложности решающего выступления (27—30 сентября), он обратил внимание руководящих работников партии на ряд признаков готовящейся Временным правительством новой, второй корниловщины. «Правительство имеет войско и систематически готовится», — писал он 27 сентября председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смильге и пояснял, в чем состоит эта подготовка: «Керенский в ставке, явное дело, сталкивается с корниловцами о войне для подавления большевиков и сталкивается *деловым* образом». Через несколько дней в обращении «К рабочим, крестьянам и солдатам» он уверенно подтверждает то же самое как безусловный факт: «Товарищи! Знайте, что Керенский ведет опять переговоры с корниловскими генералами и офицерами, чтобы *в е с т и в о й с к а п р о т и в С о в е т о в* рабочих и солдатских депутатов, *ч т о б ы н е д а т ь в л а с т и* Советам!» — и, заканчивая обращение, призывает: «*Д о л о й п р а в и т е л ь с т в о К е р е н с к о г о*, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы затягивать войну!

В с я в л а с т ь Советам рабочих и солдатских депутатов!»²⁰⁶.

Сведения о том, что Керенский, министр-председатель и верховный главнокомандующий, находился в те дни в Ставке, можно было получить из газет, но для того, чтобы судить о цели его поездки в Ставку и о том, чем он там занимается, нужно было иметь острое политическое чутье и прежде всего глубоко проникнуть в суть политического положения. Еще в тезисах, написанных 10 июля, Ленин дал сжатую выпуклую характеристику коренного изменения политического положения, происшедшего 5—9 июля, когда фактическая власть в стране перешла в руки военной клики. Тогда он так оценил объективное положение: «...либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом

²⁰⁵ Там же. Т. 36. С. 288.

²⁰⁶ Там же. Т. 34. С. 264, 285, 286

против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны»²⁰⁷. Ленин указывал в дальнейшем, из кого состоит «военная клика Каменьяков», держащая в руках государственную власть: это Керенский, генералы и офицеры, «коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами»²⁰⁸.

Много страниц в ленинских работах отведено анализу августовского корниловского мятежа, вызвавшего в массах небывалый революционный подъем. «Корнилову номер первый», писал Ленин, не удалось довести военную диктатуру до конца, т. е. до разгона Советов, но это постарается сделать «Корнилов номер второй»²⁰⁹. Наблюдая затем за последствиями корниловщины, Ленин указывает, что «правительство Керенского все *оставляет по-старому*» и под прикрытием «революционной» демагогии «*на деле воссоставляет корниловщину*»²¹⁰. Корнилова «№ 2» он видит в Керенском, ибо это — «*корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами» — с представителями торгово-промышленного класса и верхушкой кадетской партии²¹¹.

По страницам сочинений Ленина того времени рассеяно множество конкретных данных, характеризующих Керенского как самого опасного корниловца, прикрывшего «главарей корниловщины вроде Родзянки, Клембовского, Маклакова и др.»²¹² Глубокое проникновение в логику классовую борьбу позволяло Ленину по разнообразным фактам, каким бы туманом они ни окутывались, и имевшим подчас, казалось бы, отдаленное отношение к делу, безошибочно разоблачать действия врагов революции и выработать тактику пролетарской партии. Вряд ли возможно в полном объеме восстановить весь поток данных, которым он пользовался и перерабатывал в своем уме, — здесь, помимо тех сведений, которые сохранили разного рода письменные источники, были еще, конечно, и переданные устно, часто не фиксировавшиеся, особенно в условиях конспирации, — но проверить соответствие его

²⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 2.

²⁰⁸ Там же. С. 15.

²⁰⁹ Там же. С. 167.

²¹⁰ Там же. С. 205.

²¹¹ Там же. С. 250.

²¹² Там же. С. 349.

выводов и характеристик действий контрреволюции действительному положению вещей все же в значительной части вполне возможно.

Имел ли Ленин в конце сентября 1917 г. основания утверждать, что Керенский сговаривается в Ставке с корниловскими генералами и сговаривается именно о посылке войск для подавления революции?

Вот ленты переговоров по прямому проводу между Петроградом и Ставкой (Могилев) за те же самые и предшествующие им дни.

11 сентября состоялся разговор по прямому проводу военного министра Верховского и министра иностранных дел Терещенко (Петроград) с Керенским, находившимся в Ставке. Все трое — и премьер — якобы социалист, и генштабист-аристократ, и помещик-миллионер, по духу и должности связанный с империалистами Антанты, — очень озабочены тем, чтобы скрыть, замести те самые следы участия Керенского в корниловщине, а вместе с тем и дискредитации их правительства в глазах народных масс, которые как раз и важны для понимания истинной природы представляемой ими контрреволюции.

Верховский встревожен тем, что его, Керенского, «позиция во время корниловского инцидента усиленно муссируется, создавая вреднейшее для государства настроение масс», и поэтому настоятельно советует Керенскому принять «личное участие в происходящей здесь [в Петрограде] борьбе и выяснении руководящим кругам того, что было в корниловские дни, иначе совещание, созываемое здесь (речь идет о Демократическом совещании, открывшемся вскоре, 14 сентября. — В. П.), может поставить» его и Временное правительство «перед самыми тяжелыми решениями». За этими словами кроются вполне реальные обвинения Керенского в причастности его к корниловскому «инциденту», основанные на известных из печати, но не получивших вразумительного объяснения данных, в частности на том несомненном факте, что Керенский сам вызывал 3-й конный корпус для расправы с революционным Петроградом. Теперь же он выразил удивление, что именно на него, «проведшего быструю ликвидацию эпизода, производится какое-то особое нападение».

Тут Терещенко пояснил, по каким именно «пунктам» ведется нападение, и «утешил» Керенского: «Наше положение с Вами идентично. Нападения ведутся на обоих, на Вас, конечно, больше». Керенский почувствовал, откуда дует ветер: конечно, из революционной среды, и, не морг-

пув глазом, объявил все эти обвинения «вздорными». Он поспешил направить внимание своих собеседников в ту сторону, откуда более всего веяло опасностью. «Решительное нападение на меня и Вас, — отпарировал он, — указывает только на то, что те же силы, которые разрушают Балтийский флот, хотят нанести окончательный удар в самом центре. Полагал бы, что правительство, в особенности военные власти, должны ни перед чем не останавливаться, прервать эту предательскую подготовку»²¹³. Для лиц, участвовавших в переговорах, не требовалось пояснений, какие именно силы «разрушали» Балтийский флот, в каком «центре» и какой они хотели «нанести окончательный удар».

Начиная с Февральской революции Балтийский флот непрестанно бурлил и был постоянной угрозой для контрреволюции. Кронштадт, Гельсингфорс, Ревель заслужили у контрреволюционеров всех мастей репутацию «гнезд большевизма». Временному правительству и Керенскому в бытность его военным и морским министром приходилось испытывать на себе ненависть матросов, стоявших на страже добытых революцией свобод и со всей энергией двигавших революцию вперед, к ликвидации буржуазной диктатуры и передаче власти Советам. Обрушивая на матросские организации репрессии, Керенский еще в июле выдвигал против них клеветнические обвинения в «изменнической и предательской деятельности», выразившейся в призывах «к неповиновению Временному правительству», в агитации против наступления на русско-германском фронте и других «смертных», с точки зрения буржуазии, грехах. Военные власти Временного правительства, и Керенский в их числе, даже с весны ставили вопрос о разружении крепости Кронштадт, в замыслы Корнилова в августе входило вообще уничтожение Кронштадта — вывод его гарнизона на берег и раскассирование его с рассылкой матросов по сухопутным фронтам, а в случае неповиновения — бомбардировка крепости тяжелой артиллерией, с тем чтобы сровнять это опасное «гнездо» с землей; предусматривался ввод карательных войск в Гельсингфорс и полный разгром матросских организаций, заканчиваемый отправкой их актива в штрафные батальоны.

С невиданной раньше яростью эти же самые матросы выступили против корниловщины, поддержав и самого Керенского, по теперь, после ликвидации мятежа, своим

²¹³ ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 62. Л. 12—14.

революционным энтузиазмом они снова напугали и министра-председателя и стоявших за его спиной корниловцев — генералов, кадетов, промышленников и их мелко-буржуазных прислужников. Большевикам пришлось приложить немало усилий, чтобы революционная масса поняла, что и в борьбе с корниловщиной Керенский ей не союзник, а прикрывающийся «революционной» демагогией враг. Теперь, когда он, «отблагодарив» революционные организации за помощь в ликвидации корниловщины, приказал разоружить их и распустить как «самочинные» и «незаконные», он окончательно раскрыл и собственное корниловское лицо, и классовый смысл политики возглавленного им правительства. Лозунг «Вся власть Советам!» и мобилизация сил на свержение буржуазно-помещичьего правительства Керенского теперь определяли всю деятельность матросской массы, шедшей в подавляющем большинстве действительно за большевиками. Ни Керенский, ни Верховский и Терещенко не ошибались в том, что от тех сил, «которые разрушают Балтийский флот», безусловно можно было ожидать «окончательного удара в самом центре». И корниловец Керенский теперь недвусмысленно требовал от правительства и военных властей «ни перед чем не останавливаться», лишь бы приостановить, разгромить революцию.

Московский фабрикант миллионер А. И. Коновалов, министр торговли и промышленности, был в то время и заместителем министра-председателя. Лента разговора Коновалова (Петроград) с генералом для поручений при верховном главнокомандующем генерал-майором Б. А. Левицким (Ставка) переносит нас в последние дни сентября, когда в Петрограде в правящих сферах шла возня в связи с формированием так называемого Совета республики (предпарламента), который обманчивой видимостью представительного органа должен был придать провозглашенной Временным правительством Российской республике демократический якобы характер. Ленин назвал тогда предпарламент «бонапартистским *подлогом*», единственным назначением которого было «надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции»²¹⁴. Ленты переговоров, подтверждая ленинскую оценку предпарламента, раскрывают нам механику изготовления этого подлога.

²¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 260.

Левицкий по случаю нездоровья Керенского передаст по его поручению Коновалову: «Александр Федорович просит сделать распоряжение от имени Временного правительства о посылке в Совет республики от больших казачьих войск по 5 представителей, а от малых — по 3»²¹⁵. Коновалов — Левицкому: «Сегодня вечером жду окончания работ Юридического совещания по разработке статута и положения Временного совета республики. Участие Церетели в последнем заседании (30 сентября. — В. П.) дает уверенность, что по вопросу о статуте разногласий не будет». Здесь кстати будет вспомнить ленинское определение роли соглашателей именно в связи с формированием предпарламента, в деле «превращения буржуазией господ Церетели и К' в гороховых шутов, помогающих подчинять парод империализму»²¹⁶. «Вопросом распределения 120 мест от цензовых элементов, — продолжает Коновалов, — Юридическое совещание не занималось. Эту задачу взяли на себя представители партии народной свободы [к. д.] и представители промышленности при участии других общественных деятелей»²¹⁷. Кадетская партия и в формировании предпарламента в отличие от меньшевиков сохраняла, таким образом, роль политического руководителя класса буржуазии. О том, как она распорядилась этой квотой (намного увеличенной в те же дни), говорит постановление ЦК кадетов от 1 октября 1917 г., которым прямо-таки *утверждалось* распределение мест, предоставленных в Совете республики цензовым элементам; а на следующем заседании, 4 октября, кадетский ЦК постановил собрать всех участников «несоциалистической» группы предпарламента и обсудить вопросы «об организации отдельных фракций и президиума, а также о первых шагах Временного совета»²¹⁸.

Что же касается статута предпарламента, основы которого не вызвали, как видно из сообщения Коновалова, каких-либо несогласий у меньшевиков в лице их лидера Церетели, то здесь полную ясность вносят замечания Керенского по проекту статута, переданные Коновалову из Ставки Левицким и адъютантом Керенского поручиком В. И. Данилевичем: «Совершенно необходимым считаю разработку предлагаемого дополнения к ст. 5, так как во

²¹⁵ ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 62. Л. 120.

²¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 260—261.

²¹⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 140. Л. 2.

²¹⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1353, 1354.

всяком случае Совет [республики] не должен, хотя бы и по недоразумению, думать, что в инициативе своей он ничем не ограничен, а тем более что здесь его компетенция шире прав Временного правительства — верховной власти в государстве до Учредительного собрания. Вторая цель моих поправок — подчеркнуть именно эту полноту власти Временного правительства и безответственность его как такового перед Советом... Поправка к ст. 21 и новая ст. 3-прим уточняют положение Совета и его членов и совершенно необходимы для того, чтобы не могло возникнуть конфликтов и стремлений понимать Совет как английский парламент»²¹⁹. Так Керенский ограждал диктаторскую власть Временного правительства от каких бы то ни было попыток ущемления ее («хотя бы и по недоразумению») со стороны создававшихся для маскарада «демократических» органов и для обмана легковерных демократических масс.

Во времени этих разговоров произошло важное и для революции и для контрреволюции событие: на III Областном съезде Советов Финляндии (9—12 сентября) был переизбран эсеро-меньшевистский Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии: в отличие от прежнего состава большинство в нем получили большевики (37 чел.), остальные — левые эсеры (26 чел.) и меньшевики-интернационалисты (2 чел.); председателем был избран член ЦК РСДРП(б) И. Т. Смилга. Комитету передавались функции общешляндского ревкома, образовавшегося в дни корниловщины и располагавшего на правах чрезвычайного органа, по существу, всей полнотой власти по отношению к русскому населению и военным силам, расположенным в Финляндии. Съезд провозгласил борьбу за переход власти к Советам, а Областной комитет в воззвании, выпущенном 21 сентября, разоблачая антинародную политику Временного правительства, объявил недействительными его распоряжения, не подтвержденные Областным комитетом. После съезда пошла ускоренным темпом большевизация Советов, начиная с Гельсингфорского, солдатских и матросских комитетов и других демократических организаций в Финляндии. Отсюда становится понятным категорическое утверждение Ленина, высказанное 29 сентября (и напечатанное в «Рабочем пути» 7 октября), о том, что уже произошел «полный *откол* от прави-

²¹⁹ ЦГВИЛ СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 140. Л. 2, 10.

тельства финляндских войск и Балтийского флота»²²⁰, а именно эти силы и представляли тогда, как указывал он двумя днями раньше в письме И. Т. Смилге, «кажется, единственное, что мы можем *вполне* иметь в своих руках и что играет *серьезную* военную роль» в предстоявшем тогда свержении правительства Керенского²²¹.

Происходившее в Финляндии вызвало новый приступ бешенства у буржуазии и ее оруженосцев. «Сейчас в Финляндии новое безобразие, — сообщал 29 сентября Левицкий Коновалову, — Областной комитет постановил сместить комиссара [42-го армейского корпуса, штаб которого стоял в Выборге] Соколова, прислал своего комиссара из Гельсингфорса, предложил им [очевидно, комиссарам Областного комитета] немедленно занять аппарат Юза и контролировать сношение Выборга с правительством... Агенты комитета находятся на всех станциях до Белоострова. Александр Федорович сказал, что необходимо ликвидировать Финляндию, несмотря ни на какие вопли, так как захват средств связи во время войны — государственное преступление, министр юстиции и главный военный прокурор должны возбудить уголовное преследование в случае захватов аппаратов Юза»²²².

Этот разговор происходил не позднее 29 сентября (на телеграфном бланке помечено: «К делу. 29/IX»), а уже 30 сентября Коновалов информирует Керенского (через Левицкого) о заседании Временного правительства, на котором была выработана идеологически удобная для обнаружения мотивировка предпринимаемых действий; от Ставки же требовалась профессиональная разработка этих действий в военном отношении. «Временное правительство, — докладывает Коновалов, — высказывается за безусловную необходимость самым решительным образом начать бороться с теми ужасающе пагубными влияниями, которые разлагают армию и флот. Временное правительство считает необходимым воспользоваться данным созданным тяжелым положением, чтобы обратиться к стране. Ввиду нахождения Александра Федоровича [Керенского] в Ставке желательно, чтобы это обращение было проработано в самой Ставке. Ввиду создавшегося в связи с германской высадкой на Эзеле положения правительство признает необходимым немедленное устранение тех условий,

²²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.

²²¹ Там же. С. 265.

²²² ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 62. Л. 120—121.

мешающих полному напряжению внимания, сил, мыслей и воли к защите отечества от все более и более угрожающего врага. Считаясь с необходимостью срочных оперативных действий в Северном военном районе, правительство в указанных целях должно потребовать: 1) немедленного и полного подчинения Финляндского областного комитета и, в частности, совершенного невмешательства в оперативные приказания военных и морских властей, 2) немедленного исполнения находящихся ныне в Финляндии войсками данного главкосевома (главнокомандующим армиями Северного фронта. — В. П.) приказаний, 3) немедленного прекращения занятий Балтийского флотского съезда ввиду возникших на море боевых действий с тем, что по наступлении необходимого успокоения съезд может быть вновь возобновлен»²²³.

Это целая программа борьбы с революцией, хорошо обдуманная министрами-капиталистами при последовательной поддержке их министрами-«социалистами» (после окончательного их падения в болото контрреволюции в июле), в данном случае зафиксированной фактом полного согласия Церетели с характером воздвигаемой буржуазией ширмы в виде предпарламента (кстати, само демагогическое наименование этой ширмы — «Совет Российской республики» — было изобретено тем же Церетели и оценено кадетами как очень подходящее, обеспечивающее если не поддержку, то во всяком случае нейтральное отношение к ней со стороны демократических масс). Коновалов от имени Временного правительства продиктовал Ставке ту истину, которую раньше, в июле, открыто провозгласил, оставив свой пост, глава первого Временного правительства князь Г. Львов, похваляясь перед корреспондентами реакционной прессы своими заслугами в борьбе против революции, именно тем, что произведенный тогда Временным правительством «., глубокий прорыв» на фронте Ленина имеет... несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем Юго-Западном фронте», иными словами, Коновалов повторил бесспорную, как указывал Ленин, истину, что для буржуазии «победа» над

²²³ ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 62. Л. 175—176.

В исторической литературе отмечается, что тема второй корниловщины не стала пока у нас предметом специальных исследований; не раскрыта, в частности, роль Временного правительства в организации этого заговора контрреволюции (*Кувшинов В. А. Разоблачение партии большевиков идеологии и тактики кадетов. Февраль — октябрь 1917 г. М., 1982. С. 204—205*).

классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом»²²⁴.

В отличие от Львова Коновалов излагал теперь замысел главного штаба буржуазии и помещиков в закрытом порядке тому органу, который должен явиться лабораторией военно-технического преломления политической задачи. В то же время — уроки июля и корниловщины должны были пойти всем им впрок — сразу же предписывалось «идейное» прикрытие нового «прорыва на фронте классовой борьбы»: этот «прорыв» должен был именоваться публично «немедленным устранением условий, мешающих... защите отечества от все более угрожающего врага». Этими «условиями» оказывались, по краткому выражению Керенского, «разгром Финляндии» (т. е. разгром Финляндского областного комитета, вывод из Финляндии, по распоряжению главкосева, революционных войск, замена их надежными контрреволюционными войсками); разгон съезда Балтийского флота, только что обсудившего «вопрос о Демократическом совещании, создавшемся предпарламенте и безответственном перед демократией министерстве (коалиции)» и заявившего во всеуслышание, «что страна и революция находится перед угрозой новой атаки со стороны контрреволюции, облачившейся в революционный наряд, а потому более грозной, чем корниловщина», и что ни Временному правительству, ни предпарламенту «доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на йоту»²²⁵.

Эта установка давалась как раз в то время (именно пользуясь, по словам Коновалова, «данным создавшимся тяжелым положением»), когда внешний враг напал на укрепленные Моонзундские острова, прикрывавшие подступы к столице с моря, и когда два адмирала из состава корниловского командования флота, изменив своему воинскому долгу, бежали с поля боя, а матросы Балтийского флота по решению своего съезда, который «мешал», по выражению «патриота»-миллионера, «защите отечества», со всем революционным энтузиазмом бросились в бой с превосходящим по силе германским флотом и, оставленные без поддержки безучастно стоявшего тут же флота «союзников», до последней капли крови защищали революционную столицу.

²²⁴ Ленин В. И. Полп. собр. соч. Т. 34. С. 18—19.

²²⁵ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 219—220.

Правительство, таким образом, предписывало верхам армии бросить силы не на отпор внешнему врагу, нависшему над столицей, а против «врага внутреннего», разгрому которого гибель матросов, а вместе с ними и флота, могла только способствовать. Буржуазия и ее политический штаб уже готовы были оставить и столицу, пусть бы только этот внешний враг, более сильный, чем она сама, обратился на этот раз в союзника и помог разгромить «врага внутреннего». Готовясь в те же дни эвакуироваться в Москву, правительство национальной измены во имя расправы с революцией шло на сдачу врагу столицы собственного государства.

Пройдет неделя, в течение которой оно интенсивно подготавливало сдачу Петрограда немцам, и председатель Государственной думы М. В. Родзянко с полной откровенностью поделится этими планами на сборище корниловцев в Москве (на так называемом совещании общественных деятелей). «Петроград находится в опасности, — рассуждал он. — В особом совещании по обороне я считал пужным поставить вопрос ребром: представляет ли собой занятие Петрограда окончание войны? Я думаю, бог с ним, с Петроградом». Сказав далее, что работа промышленности Петрограда «идет главным образом на флот», он «успокоил» своих слушателей: «Но со взятием Петрограда флот все равно погибнет, может быть, он даже белый флаг подымет и сражаться не будет; там есть суда, совершенно развороченные, которые боевой силы не представляют... Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли»²²⁶.

Не должно вызывать недоумения, что вместе с флотом и Петроградом Родзянко не пожалел и «центральных учреждений» и даже предвкушал радость от одной надежды, что они «погибнут». Его слушателям было, конечно, понятно, о каких учреждениях идет речь: разрабатывая план эвакуации Петрограда, Временное правительство не предусматривало переезда вместе с ним в Москву «органов и учреждений демократии, в том числе ЦИК Советов», так как они «являются частными, а не государственными», а если они захотят переехать сами, то предоставлять для них помещения в Москве оно не собиралось²²⁷. Иначе го-

²²⁶ Утро Россп. 1917. 8 окт.

²²⁷ *Рябинский К.* Революция 1917 года. М., 1926. Т. 5. С. 23.

воря, они должны остаться в Петрограде, и пусть их раздавит кованый германский сапог. Тем самым будет решена задача, которую ставил в августе Корнилов — довести военную диктатуру до конца, т. е. до разгрома Советов, — и которая на его языке отлилась в формулу: «Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался,» или, как он заверял, поставленный им во главе похода на Петроград генерал Крымов «не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов»^{227а}. Но тогда как раз Советы, пойдя за большевиками, сломали хребет генеральской авантюре. Корниловцы «второго призыва», учтя этот урок, ту же задачу нашли более надежным решить, как можно видеть, оружием кайзера.

В тот день, когда в московской газете «Утро России» появилось сообщение о речи Родзянко, 8 октября, Ленин написал два письма: питерским большевикам («Советы постороннего») и большевикам, участвующим в съезде Советов Северной области. Видимо, не из московской газеты он узнал о замысле буржуазии сдать Питер немцам: к такому выводу Ленин пришел исходя «из всего хода событий и из всей политики Керенского». Этот вопрос еще в сентябре обсуждался в солдатской секции Петроградского Совета, и в ряду других фактов обстановки Ленин ссылался и на это обсуждение²²⁸. «Никакие заверения в обратном» не могли сломить его уверенности в том, что «Керенский сдаст Питер немцам», ибо это стало «яснее ясного теперь». И вождь партии в обоих письмах призывает «свергнуть Керенского и взять власть *Советам обеих столиц*» — «именно для спасения Питера»²²⁹. По-прежнему придавая важное значение победе вооруженного восстания и во второй столице, Ленин теперь в отличие от прежнего положения (на 1 октября), допускавшего вероятность начала восстания в Москве («необязательно „начать“ с Питера»²³⁰), настаивает: «*Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание...» И снова указывает на главные силы восстания: «Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы...»²³¹

^{227а} Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. I. С. 228.

²²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 347—348.

²²⁹ Там же. С. 389.

²³⁰ Там же. С. 341.

²³¹ Там же. С. 390.

Не все, однако, руководящие работники партии столь же тщательно разобрались тогда в политической обстановке. Некоторым из них было не вполне ясно, что переход власти к Советам уже не мог быть совершен иначе, как путем вооруженного восстания; «не все, — писал Ленин, — в это вдумались и вдумываются»²³². Поэтому возникло легковесное отношение к сведениям, идущим из противного лагеря. Для Ленина речь Родзянко была не единственным и тем более не решающим источником, но она подтверждала и дополняла сведения, накопившиеся в течение нескольких недель, и Ленин на этом примере учил партию внимательно взвешивать все данные обстановки, обращал внимание на опасность недооценки сведений о замыслах контрреволюции, на вред возникавших вследствие этого колебаний по вопросу о восстании, оппортунистической, «мужицки»-бессознательной доверчивости к буржуазии. Намерение корниловцев сдать Питер немцам, как и вообще родзянковские «хотения», писал Ленин, это «не пустышка, это доказано опытом. Родзянко — человек дела. За Родзянкой стоит *капитал*», и нелепо ждать, «пока Родзянко и К° сдадут Питер и задушат революцию»²³³.

Так в отчаянную и, как потом оказалось, в последнюю стратегическую операцию запускала буржуазно-помещичья диктатура подвластную ей военную машину. Войска действующей армии, размещенные на огромном пространстве театра военных действий от Балтийского до Черного моря в интересах борьбы с внешним противником, перенацеливались на борьбу с «внутренним врагом» и соответственно их предстояло перегруппировать, перебрасывая одни на новое стратегическое направление и даже на театр новой, гражданской войны, а другие — отправляя, наоборот, как можно дальше от этого нового ТВД.

Приказом по армии и флоту Керенский требует от Областного комитета «немедленно прекратить свою преступную деятельность», от гарнизона — «немедленно выполнить приказание главковерха о перегруппировке»; всем лицам и организациям, «которые будут продолжать свою преступную деятельность», грозит немедленным преданием суду и приведением к повиновению «закону» «си-

²³² Там же. С. 382.

²³³ Там же. С. 404—405.

лой оружия» как «контрреволюционерам и предателям. содействующим врагу»²³⁴. 4 октября он посылает телеграмму главнокомандующему армиями Северного фронта: «Ввиду сложившейся политической и военной обстановки, требующей принятия энергичных мер против растлевающих начал большевизма», Черемисову «принять самые решительные меры к ликвидации преступной деятельности Финляндского областного комитета и к полному водворению порядка среди войск, находящихся на финляндской территории»²³⁵. 6 октября Керенский шлет распоряжение главному начальнику Петроградского военного округа: «...подготовить войска Петроградского гарнизона для выступления для боевых действий в распоряжение главкосева»²³⁶.

С министрами премьер, он же главковерх, мечется из Петрограда в Ставку, в Псков, где находится штаб Северного фронта, которому предназначена роль главного оперативного центра на новом стратегическом направлении по наведению «порядка» в Финляндии, на Балтийском флоте, в Петрограде. 5 октября он в Пскове утрясает с генералами, военным и морским министрами планы «второй корниловщины». «Вчера были в Пскове,— уведомляет уже опять из Могилева находящийся при Керенском и. д. штаб-офицера для поручений поручик Данилевич начальника кабинета генерала Левицкого (Петроград),— разговаривали по поводу сложившегося на Северном фронте положения. Принят ряд решений в смысле перегруппировки войск и переброски их [к] угрожаемым местам из других фронтов»²³⁷. Не оставлен без присмотра Ревель. 7 октября Керенский приказывает Черемисову «немедленно назначить в Ревель, где уже начались крупные беспорядки, надежное лицо, предоставив в его распоряжение средства для водворения порядка», и выполнить это «возможно скорей»²³⁸.

Генералы деятельно помогают корниловцу № 1 вершить замышленное дело. 8 октября штаб Северного фронта доносит, что в Ревель «для решительного водворения порядка» срочно отправляются два полка 3-го конного

²³⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 140. Л. 26.

²³⁵ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. М., 1957. С. 256.

²³⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 129. Л. 37.

²³⁷ Там же. Д. 62. Л. 133.

²³⁸ Там же. Д. 129. Л. 41.

корпуса²³⁹, того самого, который придвинул к Петрограду в конце августа Коршилов и с тех пор удерживал вблизи столицы Керенский. «Сложившиеся обстоятельства на Северном фронте в районе Петрограда... — просит Левицкий 6 октября из Петрограда Данилевича доложить в Могилеве Керепскому, — настоятельно требуют вызова теперь же в район Пскова [в] распоряжение главковерха 3 и 5-го самокатных батальонов [с Юго-Западного фронта] как самых надежных частей... Большинство офицеров мне известно. Они могут оказать существенную поддержку, по, повторяю, они должны находиться [в] распоряжении главковерха как его резерв... Я считаю, терять не надо ни одного дня»²⁴⁰. 9 октября в разговоре с Духониным Левицкий высказывает дополнительные соображения: «Некоторые обстоятельства заставляют предполагать, что может понадобиться надежная сила не только в районе Ревеля, но и восточнее его», куда, может быть, и следовало бы переместить самокатные батальоны с Юго-Западного фронта, не задерживая их в Пскове, а главное, чтобы они, «как наиболее надежные», «оставались в распоряжении главковерха и появились как можно скорей... чтобы их можно было экстренно вызвать в Петроград в кратчайший срок». Соглашаясь с Левицким, Духонин полагает, что, может быть, более подходящим пунктом для самокатчиков будет Царское Село.²⁴¹

Об очередных шагах своей деятельности в Ставке Керенский отчитывается перед Коноваловым: «Гоним всю реорганизацию запасных полков (т.е. расформирование революционных частей. — В. П.), но пока не прекратится с новой силой хлынувшая на фронт волна совершенно разнужданного большевизма, вся наша борьба организационными средствами будет бесцельной. Таким образом, вопрос о фронте — это, собственно, и единственно вопрос о тыле и даже точнее сказать — вопрос о внутренней политике государства. По приезде буду настаивать на борьбе и ликвидации центров». Коновалов подливает масла в огонь, для чего достаточно было данных о реальной обстановке: «В Петрограде тихо. У большевиков идет энергичная работа, подготовка к 20 октября. Имею сведения: пропаганда в гарнизоне сильно увеличилась,

²³⁹ Там же. Л. 46.

²⁴⁰ Там же. Л. 62. Л. 132—133.

²⁴¹ Там же. Л. 137—138.

одновременно не вижу правильной систематической работы для парализования этих разлагающих влияний. Отовсюду получаются сведения об успехах большевистской пропаганды в городах, местечках и селах. На местах главную опасность все видят в разложившихся воинских бандах»²⁴². Так спешило правительство буржуазии оправдать на деле репутацию правительства гражданской войны, на развязывание которой оно направило все свои силы.

Когда Данилевич сообщал Левицкому о принятых в Ставке решениях «в смысле перегруппировки войск и переброски их к угрожаемым местам с других фронтов», то конечно, имелось в виду, что решалась переброска не только двух самокатных батальонов — речь шла о нескольких армейских корпусах. Штабы Юго-Западного и Румынского фронтов заранее выявляли по заданию Ставки наиболее «надежные» корпуса и с помощью комиссаров Временного правительства доказывали солдатам необходимость отправки их на север. 10 октября началась перевозка с Румынского фронта 17-го корпуса в район Невеля и Великих Лук; с Юго-Западного фронта было приказано отправлять с утра 6 октября 49-й корпус, а 9 октября Ставка потребовала вывести в резерв и подготовить к отправке 22-й армейский корпус.

В это самое время Ленин писал большевикам — участникам съезда Советов Северной области: «Я слышал от одного проезжего товарища, что проезжающие по Варшавской дороге говорят: Керенский ведет казаков в Питер!» Он предлагал проверить эти сведения, изучить силы и распределение «*корниловских войск второго призыва*»²⁴³. Теперь, когда у нас под руками документы, мы знаем из них, что это были за казаки. Корниловский 3-й конный корпус, сосредоточенный по распоряжению Керенского в предместьях Петрограда, был по требованию Петроградского Совета оттянут в район Острова (40 верст южнее Пскова), по власти Временного правительства (вспомним вопль Коновалова об успехах большевистской пропаганды в гарнизонах, об отсутствии «работы для парализования» ее и усмирения «воинских банд») продолжали гнать эшелоны с казачьими полками и сотнями в Ревель и «на станции железных дорог Петроградской,

²⁴² ЦГВИА СССР. Ф. 366. Оп. 1. Д. 62. Л. 198.

²⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 389.

Новгородской и Псковской губерний для охраны их»²⁴⁴, как деловито было сказано в приказе командира корпуса Краснова 7 октября. «Керенский снова подвел войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам», — писал Ленин 8 октября и настаивал, чтобы не ждать с восстанием до съезда Советов, который соглашательский ЦИК «может оттянуть и до ноября, пельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска»²⁴⁵.

Стратегии класса капиталистов большевистская партия противопоставляла революционную стратегию. Обстановка, говорил Ленин на заседании ЦК 10 октября, «вынуждает нас к решительным действиям»; «Политически дело совершенно созрело для перехода власти»; «Надо говорить о технической стороне. В этом все дело»²⁴⁶.

В условиях, когда соглашательский ЦИК Советов всячески тормозил развязывание революционной инициативы масс, поощряя контрреволюционную инициативу Временного правительства, а Советы в ходе борьбы против корниловщины встали на позиции большевиков, рабочие и солдатские массы готовили вооруженный отпор контрреволюции, обсуждая практические задачи революционных сил на проводившихся повсеместно партийных конференциях большевиков, на областных и губернских съездах и конференциях Советов. По решению ЦК партии и областного бюро РСДРП(б) Финляндии 11—13 октября в Петрограде проходил съезд Советов Северной области²⁴⁷, на котором были представлены решающие пункты борьбы — Петроград, Москва, Кронштадт, Ревель, Финляндия и др. Основная цель съезда, докладывал член Финляндского областного комитета и председатель фракции большевиков В. А. Антонов-Овсеенко, состоит в том, чтобы «связать в одну мощную организацию Советы Северной области, более тесно связать эту организацию с Петроградским Советом, создав вокруг последнего — в ближайшем тылу очага революции — сильную революционную опору». Съезд рассматривался как предтеча Всероссийского съезда Советов²⁴⁸. Он поставил перед

²⁴⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 15775. Оп. 1. Д. 7. Л. 54—55.

²⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 389.

²⁴⁶ Там же. С. 391—392.

²⁴⁷ Сиволапова Г. Ф. Съезд Советов Северной области в 1917 г. // Ист. зап. М., 1980. Т. 105. С. 50—53.

²⁴⁸ Бреслав Б. А. Капун Октября 1917 г. Съезд Советов Северной области 11—13 октября 1917 г. М., 1934. С. 28.

гарнизонами, образовавшими «революционное кольцо» вокруг Петрограда, задачу принять все меры к развитию и упрочению своей боевой готовности» и предложил местным Советам «создать военно-революционные комитеты для организации военной защиты революции»²⁴⁹.

На заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября Ленин сделал анализ политического положения, который показал необходимость «самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием». На Центральный Комитет и Петроградский Совет резолюция ЦК возлагала обязанность указать «благоприятный момент и целесообразные способы наступления»²⁵⁰.

Передовые части 17-го корпуса, начавшие двигаться с Румынского фронта 10 октября, с трудом пробиваясь через заторы на железной дороге, в 20-х числах октября приближались к назначенному району сосредоточения — к Невелю и Великим Лукам. Подходили к району назначения — ст. Везенберг (Раквере) и Тапс (Тапа)— передовые части 49-го армейского корпуса (4-я Финляндская стрелковая дивизия) с Юго-Западного фронта. Как ни торопила Ставка переброску с Юго-западного фронта 22-го корпуса, дело не совсем клеилось: ведь корпус прикрывал одно из основных направлений на фронте 7-й армии, но он оказался фронтовому начальству наиболее «надежным», и потому было приказано сменить его на позициях другими войсками, а его вывести в резерв и приготовить к отправке (чем только не пожертвуешь ради нового «прорыва» на внутреннем фронте!). А между тем отводившиеся с позиций части оказались подверженными той же революционной «заразе»: митинговали, требовали немедленного заключения мира, по пути к станциям погрузки громили помещичьи имения, передавая землю, скот и инвентарь местным крестьянам, для приведения их в «порядок» приходилось наряжать казачьи части²⁵¹.

А пока перевозились эти корпуса, на Северном фронте приходилось отдуваться за них все тому же 3-му конному корпусу. «В 1-м армейском корпусе 51-я пехотная дивизи-

²⁴⁹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. М., 1957. С. 84.

²⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 395—397.

²⁵¹ Журавлев Г. И. К вопросу о втором контрреволюционном военном заговоре накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Ист. зап. 1956. Т. 56. С. 285—286.

зия отказалась идти на позицию на смену 184-й дивизии, вследствие чего 184-я дивизия решила самовольно покинуть фронт... Все уговоры армейского комитета и комиссаров не привели ни к чему, — сообщил Краснов в приказе по корпусу 23 октября. — По просьбе армейского комитета и комиссара главнокомандующий Северным фронтом приказал расформировать 51-ю пехотную дивизию, хотя бы для этого пришлось употребить вооруженную силу. Для означенной цели части командуемого мною корпуса под моею командою временно передаются в распоряжение командующего 1-й армией и сосредоточиваются по железной дороге в районе Альт-Шваненбург — Модон». Погрузка назначалась на 12 часов 24 октября. Генерал приказывал взять с собой продовольствие и фураж на 10 дней, «число патронов на людей по 200 и полные зарядные ящики и передки»²⁵². Он понимал, что от него требуется: война так война.

Известно, что в ночь на 24 октября военные власти Временного правительства нападением на редакции большевистских газет и вызовом ударных частей в Петроград начали вооруженную борьбу в столице. Петроградский военно-революционный комитет, послав в захваченную юнкерами типографию отряд солдат Литовского полка, восстановил положение и объявил, что он берет на себя руководство отпором натиску контрреволюционных заговорщиков и что гарнизон и пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар. Призвав все гарнизоны, охраняющие подступы к столице, к полной боевой готовности, ВРК распорядился: «Не пропускать в Петроград ни одной воинской части, которая неизвестна заранее преданностью революции. Навстречу эшелонам высылать десятками агитаторов, которые должны разъяснять направляемым на Петроград частям, что их хотят превратить в орудие коршиловцев. Эшелоны, не поддающиеся воздействию, задерживать силой. Действовать твердо и осмотрительно, а где нужно — беспощадно»²⁵³.

Политическая обстановка накалялась так стремительно, что теперь уже вопрос стоял не о восстании в близком будущем и даже не о том чтобы найти благоприятный для него момент. Момент восстания уже определил-

²⁵² ЦГВИА СССР. Ф. 15775. Оп. 1. Д. 7. Л. 57—58.

²⁵³ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Документы и материалы. С. 290—291.

ся. Утром 24 октября Петербургский комитет РСДРП(б) признал необходимым «перейти в наступление... без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы»²⁵⁴. В тот же день вечером Ленин предельно уточнил этот момент: «Ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все»²⁵⁵.

Много мнения о перспективе революции был глава Временного правительства. Ему было на кого положиться в подсчете соотношения сил и боеспособности верных правительству войск: он без конца совещался с генштабистами в Ставке, Генеральном штабе, штабе военного округа, штабе Северного фронта. Организация военных действий была их профессией. Днем 24 октября, выступая в предпарламенте, Керенский определил «состояние известной части населения города Петрограда», может быть, несколько поспешно, «как состояние восстания», которое в его глазах было не чем иным, как попыткой «поднять чернь против существующего порядка вещей». Значит, он тоже ощутил момент восстания, предотвратить или «раздавить» которое он вместе с генералами-корниловцами готовился во всеоружии военных средств империалистического государства.

В таком исходе борьбы он тем более не сомневался, что, как считал, на его стороне еще «вся сознательная демократия и ее ЦИК, все армейские организации», которые «протестуют против этого»; возглавляемое им правительство «встретит единодушную поддержку всех», а «те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмеливаются поднять руку на свободную волю русского народа... подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации». Даже Мартов, вовсе не сторонник пролетарского восстания, после речи Керенского заявил, что его слова «являются словами вызова гражданской войны»²⁵⁶. А в штабе округа в эти часы

²⁵⁴ Там же. С. 287.

²⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

²⁵⁶ Рябинский К. Революция 1917 года. М., 1926. Т. 5. С. 168; Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 73—74.

уже отдавались распоряжения о срочном вызове в Петроград юнкеров и ударников из окрестных гарнизонов. Керенский знал также, что на помощь им двигаются корпуса с южных фронтов. И еще знал, что опять-таки на его стороне сочувствие и поддержка союзников по Антанте, — английский посол Бьюкенен вспоминал, как Керенский, когда заходила речь о влиянии большевиков в гарнизоне, «не раз восклицал»: «Я желаю только того, чтобы они вышли на улицу, и тогда я их раздавлю»²⁵⁷.

Итак, с обеих сторон все было взвешено, все учтено.

Вечером 24 октября Ленин пришел в Смольный и взял в свои руки руководство восстанием, а утром 25 октября Петроград уже был во власти восставших рабочих и солдат. В 10 часов утра ВРК объявил Временное правительство низложенным и переход власти в руки ВРК, органа Петроградского Совета, совершившимся. Тот факт, что министры Временного правительства еще продолжали занимать апартаменты Зимнего дворца и не были пока переведены по Троицкому мосту в Петропавловскую крепость, несколько не меняет положения, которое декларировал Петроградский военно-революционный комитет. Они были изолированы во дворце, оставшись без армии, без каких-либо орудий насилия, которые только и делали их властью. Как власти их уже не существовало. Прежнее государство как орган насилия и подавления трудящихся перестало существовать, и на его месте возникло уже другое государство — фактическая сила, необходимая для подавления классового противника — теперь уже буржуазии. Революция «уничтожила старый угнетательский аппарат государственной власти» и поставила на его место «непосредственно вооруженную силу масс»²⁵⁸.

В этом успехе как в фокусе сосредоточилась историческая правота большевизма и выразился полный крах иллюзий его противников в представлениях о соотношении сил как в стране, так и в армии и на обрисовавшемся в последнее время театре военных действий гражданской войны.

Уже в конце сентября, почти за месяц до момента восстания, Ленин уверенно заявлял, что как только победит революция, «*и п о й д у т в о й с к а* против пра-

²⁵⁷ Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 1925. С. 264.

²⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 95.

вительства мира», «да же казачьи войска не пойдут против правительства мира... А разве вся армия не отрядит частей за нас?» Ленин говорил это не наугад — «целый ряд фактов», по его твердому убеждению, определял такую перспективу²⁵⁹, и в работах последних перед восстанием педель он дал анализ обстановки на основании таких фактов. В числе едва ли не первых некоторые казачьи части оправдали предположения Ленина. В ночь на 25 октября Керенский приказал направить на подавление «беспорядков» стоявшие в Петрограде 1, 4 и 14-й Донские полки. Представители казаков потребовали, чтобы с ними выступила и пехота. Керенский обещал дать пехоту, но она «упорно не появлялась». А казаки, горько иронизировал он потом, так же «упорно отсиживались в своих казармах» и на частые телефонные звонки все время отвечали, что вот они через 15-20 минут «все выяснят» и «начнут седлать лошадей»²⁶⁰. Керенскому пришлось ехать за войсками в Гатчину, Псков, Остров, а они все еще «седлали лошадей». Требуя пехоты, казаки добивались гарантии, что их не втравят, как в пятом году, в антипародное дело: пойдет пехота, — значит, и парод вместе с ними, а не они одни выступают против парода.

Другие казачьи войска, как, например, тщетно вызывавшиеся в эти дни два полка из Ревеля (отправленные туда в начале октября), так и не были выпущены из гарнизона Ревельским военно-революционным комитетом. Самокатные батальоны и бронедивизион не смогли прорваться к Петрограду через заслоны, выставленные ревкомом, а вскоре и сами перешли на сторону революции и доблестно защищали ее.

Позже всех стали прибывать с Юго-Западного фронта части 22-го корпуса. Только в ночь на 28 октября по приказанию Ставки было отдано распоряжение сформировать из 3-й Финляндской стрелковой дивизии и 17-го Донского казачьего полка, взятого из Киевского военного округа, «отряд для поддержки Временного правительства и подавления мятежников, захвативших власть в Петрограде»²⁶¹. Вслед за ним через два-три дня должна была

²⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 282—283.

²⁶⁰ Керенский А. Издалека: Сб. статей (1920—1921). Париж, 1922. С. 201.

²⁶¹ Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М., 1979. Т. 3. С. 104.

отправиться 1-я Финляндская дивизия (2-я оставлялась в резерве Юго-Западного фронта). Первые эшелоны 3-й Финляндской дивизии начали прибывать на Северный фронт 1-2 ноября, когда уже бесславно закончился поход 3-го конного корпуса на Петроград и командовавший им генерал П. Н. Краснов находился под арестом в Петрограде, а бывший премьер и верховный главнокомандующий А.Ф. Керенский поспешно бежал в неизвестном направлении.

Генерал Н. Н. Духонин, временно принявший на себя обязанности главноверха, «в ожидании разрешения кризиса» в пользу правых «социалистов», приказал «остановить дальнейшую отправку войск на Петроград»²⁶². Но это вовсе не значило, что Ставка складывала оружие. Подбодряемые «Комитетом спасения родины и революции», эсеро-меньшевистским Общеармейским комитетом, лидерами буржуазных и правосоциалистических партий и главарями августовского мятежа генерала Корнилова, томившимися вместе с ним под стражей неподалеку от Ставки (в Быхове) и жаждавшими возобновления похода на Петроград, на Москву и вообще против большевиков, генералы не сидели в Ставке без дела: они готовили новый поход. Вытребованные с южных фронтов войска Ставка сосредоточивала в районе станций Луга, Плюсса, Передольская: решено было «стягивать там кулак, угрожая оттуда Петрограду, но не двигаясь сейчас на Петроград, чтобы не распылять сил и выждать лучшей обстановки, как в смысле подхода с юга подкреплений, так и внутреннего разложения большевизма»²⁶³. До Луги добрались по одному только полку из 3-й Финляндской и 35-й пехотной дивизий (17-го корпуса) да штаб 35-й дивизии. Перед шедшими вслед эшелонами опустили пламбаум образовавшийся в Пскове областной ВРК и приславшие в Псков своих представителей ревкомы армий Северного фронта. Главнокомандующему армиями фронта генералу В.А. Черемисову они заявили, что «в случае посылки войск в Лугу... армии в тыл вышлют свои отряды и силой принудят вернуться. 1-я армия постановила послать половину своих войск»²⁶⁴. Черемисову ничего не оставалось, как приостановить перевозку войск.

²⁶² Большевизация Петроградского гарнизона: Сб. материалов и документов. Л., 1932. С. 353—354.

²⁶³ Красный архив. 1927. Т. 5(24). С. 106.

²⁶⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 10. Д. 186. Л. 81—82.

Как бы пастанвали Духонин и члены «Комитета спасения» на выполнении во что бы то ни стало приказаний Ставки, подозревая Черемисова в попустительстве большевикам и злостном саботаже и даже замышляя расправу над ним, по крайней мере путем «экстрактирования» его из действующей армии, преодолеть сопротивление ревкомов было делом безнадежным. Стоявший вне всяких подозрений, преданный Керенскому и Ставке генерал-квартирмейстер штаба фронта генерал В.Л. Барановский в разговоре со Ставкой по прямому проводу объяснял реальное положение: «Издали кажется хорошо и просто двинуть к Луге войска, но это неверно... Мы совершенно одиноки, и за нашей спиной нет ничего — ни штыков, ни силы. Мы можем опереться на части 3-й Финляндской и 35-й дивизий, но тогда мы не можем поручиться, что против этих частей не пойдут части с фронта, полностью находящиеся во власти большевиков. А с уходом частей с фронта начнется междоусобная война у нас на фронте... А это, возможно, случится, пока страсти разгулялись до крайности...»²⁶⁵

Замысел «лужского кулака» рухнул столь же неожиданно для «Комитета спасения» и для Ставки, как неожиданно были для них и сама революция, и упорство революционных войск, вышедших из подчинения генералам. Пришлось принимать новый план. 6 ноября «Комитет спасения» решил: «Считать лужский кулак ликвидированным, держать там на всякий случай Финляндский полк и в большей отдаленности от большевистских центров сосредоточить здоровые части, а именно: в Везенберге еще здоровый 49-й корпус, главным образом 82-ю дивизию... и 49-й артиллерийский дивизион. Далее: вторым пунктом должен быть Невель, куда возвращаются все части 17-го корпуса. Третьим пунктом должна быть Старая Русса с броневым дивизионом, и четвертым — Вязьма»²⁶⁶. (В Вязьме была задержана направлявшаяся с Юго-Западного фронта в помощь белогвардейцам в Москву гвардейская кавалерийская бригада. Поскольку она опоздала к октябрьским боям в Москве, Духонин распорядился разместить ее в Вязьме и Гжатске). В эти пункты «Комитет спасения» посылал своих эмиссаров, и «лучшую обстановку» для похода на Петроград теперь предстояло выждать уже там.

²⁶⁵ Там же. Л. 107—108.

²⁶⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1631. Л. 35.

Собственно, это был не какой-то новый план, а вариант исполнения того же самого плана «второй корзины», по которому войска перебрасывались с юга в тыловой район Северного фронта, только до 5 ноября они пацеливались на создание ударного кулака в районе Луги, а после 5-го — на сохранение той группировки, которая фактически складывалась по мере прибытия частей с юга и в результате «корректировок», внесенных в их размещение военно-революционными комитетами. Это означало полную утрату Ставкой стратегической и оперативной инициативы в войне на внутреннем фронте. Вместо ожидавшегося «Комитетом спасения» «внутреннего разложения большевизма» пароксизм разложения охватывал войска врагов революции.

Подкрепления с юга, с трудом выисканные в последние недели прежней власти, уже иссякали. О том, чтобы найти новые подкрепления, нечего было и думать. 5 ноября Духонин ввиду того, что «местопребывание главноверха до сих пор не известно», обратился за советом к генералу Д. Г. Щербачеву, командовавшему войсками Румынского фронта, «как к старшему главнокомандующему и человеку, которому искренно предаю». Он жаловался Щербачеву: «Власть продолжает быть захваченной большевиками... Послать в Петроград достаточные силы, чтобы сокрушить их, представляется задачей, трудно достижимой... Вполне прочных властей, на которых можно вполне положиться, трудно найти... Большевицкая волна захлестнула Северный и Западный фронты»²⁶⁷. У Щербачева он искал нравственной поддержки в сопротивлении Советской власти.

Поздно вечером (вернее бы сказать: в самом начале следующего дня, потому что разговор происходил в первом часу ночи на 6 ноября) народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко потребовал от Духонина прекращения передвижения войск без ведома народного комиссариата, прямо указывая, что имеются сведения о передвижениях частей 17-го и 49-го корпусов, и предупредил Духонина о суровой ответственности за непринятие мер к остановке эшелонов²⁶⁸. Духонин ответил на это требование, как условился с Щербачевым, отказом подчиняться Советскому правительству. Совет Народных Комиссаров уже имел достаточно оснований, чтобы ви-

²⁶⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 10. Д. 186. Л. 164—167.

²⁶⁸ Там же. Л. 258.

деть в его лице врага Советской власти. Он и подтвердил это, отказавшись исполнить приказ Советского правительства. Разговор народных комиссаров с Духониным 9 ноября закончился тем, что в ответ на его новый отказ подчиниться Советскому правительству Ленин от имени Совета Народных Комиссаров объявил об увольнении Духонина от должности верховного главнокомандующего и назначении вместо него прапорщика Крыленко.

В те же дни круто изменилась обстановка в 3-й Финляндской дивизии. Начальник дивизии генерал И. В. Ахвердов докладывал Духонину по телеграфу, что 9 ноября в 12-й Финляндский полк приехали «депутаты из Смольного института», а затем делегация солдат из полка отправилась в Петроград и привезла оттуда распоряжения о переизбрании всех комитетов и начальствующих лиц, а также о перевозке частей по указанию не Ставки, которая хотела расположить их подальше «от большевистских центров» — в Осташкове, Великих Луках, а по указанию советских властей — в ближайшие к столице гарнизоны: в Гатчину, Ораниенбаум, Петергоф, Кронштадт. Ахвердов нарисовал Духонину безотрадную картину состояния дивизии: в частях начались перевыборы комитетов, на очереди — выборы начальников. Стало совершенно ясно, что новые комитеты «будут настроены еще более непримиримо, а масса, подстрекаемая множеством агитаторов, совершенно не будет считаться с начальниками. В их руках грубая сила, и думаю, что они могут ее применить как в отношении офицеров, так и в отношении железнодорожных служащих». «В общем, должен доложить, что вследствие неблагоприятных условий, в которые попала дивизия, бывшая до сего времени, во всяком случае, одной из более лучших, ныне совершенно вышла из рук».

Особенное впечатление произвело на Духонина сообщение Ахвердова о том, что солдаты получают указания и из Ставки (через него, начдива), и из Петроградского и местных военно-революционных комитетов, но выбирают из них для исполнения «незаконные» распоряжения этих комитетов, которые кажутся им «приятнее», «а в этом смысле Петроград, конечно, их притягивает». Выслушав все это, Духонин стал призывать Ахвердова «вооружиться всем мужеством и умением», и если удастся перевезти всю дивизию в Осташков и Великие Луки, то «стремиться к тому, чтобы на Петроград выехали лишь отдельные неорганизованные группы людей, но не ядро частей, [которые] со своим командным составом и мате-

риальной частью отправились бы в пазпачешпые [Ставкой] районы»²⁶⁹.

Этот разговор Духонина с Ахвердовым происходил 14 ноября, после того как рано утром того же дня Ставка получила не менее безотрадную информацию из штаба Западного фронта, где военно-революционным комитетом уже был отстранен от должности главнокомандующий генерал П. С. Балув и командовать фронтом стал большевик подполковник В. В. Каменщиков. Помощник генерал-квартирмейстера штаба фронта полковник Н. В. Сологуб сообщил, что «фактически вся власть в штабе фронта находится в руках партии большевиков», что ни ВРК фронта, ни Каменщиков «решительно не признают главноверхом Духонина, считают таковым прапорщика Крыленко», и обратил внимание на опасность для оставшихся верными «долгу» офицеров «полной потери оперативной связи со Ставкой и армиями»²⁷⁰.

Духонин и сам за сутки до того в разговоре с Черемисовым оценивал сложившуюся обстановку как «очень близкую к катастрофе», и услышал от Черемисова опасение «поголовного бегства с фронта»²⁷¹. А ведь еще в сравнительно спокойное время, в мае, у некоторых генералов уже возникали подобные опасения, когда солдаты поговаривали «о возвращении их с войны с оружием для захвата земли», как говорили тогда А. А. Брусилов и Д. Г. Щербачев на совещании в Ставке²⁷². Теперь же по фронту уже разъезжал Крыленко, возбуждая солдат против Ставки, генералов и через их голову предлагая германскому командованию переговоры о мире, и никто не нашел сил противодействовать ему.

Выслушав вести с Северного и Западного фронтов и из войск, вызванных с Юго-Западного фронта, Духонин должен был понять, насколько «здоровыми» оказались части, сосредоточенные вдали «от большевистских центров» и насколько реален основанный на прежней их оценке вариант плана борьбы с большевиками, в силу необходимости принятый неделю назад взамен замысла «лужского кулака». Теперь не могло быть ничего удивите-

²⁶⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1802. Л. 208—214.

²⁷⁰ Октябрьская революция и армия: Сб. документов. М., 1973. С. 116—120.

²⁷¹ Красный архив. 1927. Т. 4(23). С. 225.

²⁷² Зайончковский А. М. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. М., 1923. Ч. VII. С. 139 (приложение).

льного в том, что все избранные тогда районы сосредоточения будут вот-вот захлестнуты бегущими с фронта солдатскими толпами.

Пока еще не утеряна связь с фронтами, Духонин 14 мая спешно дает штабу Северного фронта распоряжение на случай, если вдруг прервется его связь со Ставкой, а армии, потеряв устойчивость, «откроют фронт». При таком обороте дел армиям предписывалось преградить войскам движение в тыл на линии Наровская позиция, озеро Чудское, Псковско-Островские позиции и укрепленная линия, прикрывающая направление на Бологое—Москва, стремясь удержать в своих руках важнейшие пути, идущие с запада на восток²⁷³. Т. е. против войск, которые, оставив позиции, пошли бы с фронта внутрь страны, надлежало выставить другие, способные остановить их силы. Это уже означало перенос войны на внутренний фронт, против собственной армии.

На следующий день, воспользовавшись тем, что связь с фронтами еще сохранялась, Духонин развивает отданные распоряжения в новой директивной записке, адресованной командованию Северного фронта. «В том случае, если деморализация войсковых масс достигнет высшего предела и приведет к самочинному срыву с занимаемых позиций войск Северного фронта и к началу гражданской войны, то при недостатке войск, верных долгу», задачу, поставленную в предыдущей записке, Северному фронту надлежало выполнять «с верными национальной чести России войсками», прикрывая подступы к Москве с севера и северо-запада и особо — направление Псков—Бологое. Левее войск Северного фронта для прикрытия путей на Москву с запада в районе Невель, Витебск, Орша по замыслу Ставки оставлялась группа войск из 17-го и 22-го корпусов и 2-й Кубанской дивизии под общим командованием командира 17-го корпуса генерала Н.Н. Шиллинга. Она должна была присоединить к себе «части верных войск Западного фронта, если бы этот фронт поддался также полной деморализации». Рассчитывая, что «Россия будет продолжать борьбу до решения Учредительного собрания», Духонин предписывал: «Силой оружия людей, покидающих самовольно фронт, когда он сдвинется с места и хлынет в глубь страны, не допускайте в глубь России, если они будут уносить с собой оружие, или предварительно обезоруживайте их. В этой край-

²⁷³ ЦГВИА СССР. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1614. Л. 10.

ней обстановке мы должны спасти Москву и юг России от гражданской войны»²⁷⁴.

После того как рухнули две прежние попытки практического исполнения плана «второй корниловщины», этот, третий, и подавно с самого начала был обречен на неудачу. Не говоря уж о всей солдатской массе действующей армии, даже заранее выхваченные из нее, по признаку наибольшей «надежности» войска оказывались «тростью надломленной». Так откуда же ненавидимая всей армией Ставка могла набрать способные воевать против этой армии силы, да еще в условиях, когда уже не существовало того режима, «верность» которому Ставка продолжала навязывать армии?

Еще в первой половине сентября 1917 г. Ленин выводил из опыта первой корниловщины «бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции», формулируя его так: «Немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной», потому что «против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая „война“ не дошла бы даже ни до одного сражения, буржуазия *во второй раз*, после корниловщины, не найдет даже и „дикой дивизии“, даже прежнего числа эшелонов казачества для движения против Советского правительства!» Ленин, однако, учитывал, что сопротивление буржуазии против демократических и социалистических преобразований в экономике и общественной жизни — «такое сопротивление, конечно, неизбежно. Но, чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь *массы* способные *воевать* и победить Советы. А таких масс у буржуазии *нет* и взять их ей неоткуда»²⁷⁵.

Это предвидение обрело реальность в первые же дни существования власти Советов. Краснов и Керенский не смогли собрать достаточной военной силы для похода на Петроград не только потому, что вызванные войска не поспевали к месту боев, но и потому, что они не хотели ни поспевать, ни вообще участвовать в гражданской войне против новой власти. Приморский полк (из Уссурийской казачьей дивизии 3-го конного корпуса) был в предоктябрьское время отправлен на усмирение «беспорядков» в Витебск. Когда же он позарез оказался нуж-

²⁷⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 533. Л. 209—210.

²⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 222—223.

ным для похода на Петроград, Краснов вызвал его в Гатчину на присоединение к корпусу. Главный начальник Двинского военного округа генерал К. К. Баиов, в распоряжении которого находился полк, доложил 29 октября по команде, что «это приказание полк отказался исполнить... не зная, для чего нужно в Гатчину», и согласен ехать разве только на фронт против немцев, куда его направляли будто бы раньше. После настоячивых переговоров и понуканий солдаты согласились в конце концов ехать и в Гатчину, но тут штаб фронта забеспокоился и запросил начальника штаба округа: «возможно ли его отправление в Гатчину и действительно ли это искреннее желание полка работать совместно в составе своей Уссурийской дивизии, а не с целью препятствовать казакам покончить с большевиками в Петрограде?» На это начальник штаба округа ответил, что, по словам командира полка, «Приморский полк в крайнем случае готов ехать в Гатчину, но на какую сторону он там станет, командир сказать не может», и сделал при этом немаловажное пояснение: «в полку много большевиков». Тогда штаб фронта распорядился «прекратить погрузку Приморского полка», но полк и до получения этого распоряжения «задержал свою погрузку самостоятельно». К генералу Баиову явился затем «назначенный витебскими большевиками комиссар» и уведомил, «что большевики воспрепятствуют передавать и объявлять какие-либо распоряжения прежнего правительства, а равно распоряжения о вызове и действии войск против большевиков; в случае, если это не будет исполнено, то они употребят силу». Штабу пришлось подчиниться, потому что «в распоряжении главнокра нет частей, на которые можно было бы опереться»²⁷⁶.

Нечто подобное повторялось и в действиях войск, вызванных с южных фронтов. Через каких-нибудь три месяца, на VII Экстренном съезде РКП(б) Ленин скажет об этом явлении: «Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда они только являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие».

²⁷⁶ ЦГВИА СССР. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1602. Л. 109—113.

ствие революции»²⁷⁷. Говоря о частях, «двигавшихся против нас», Ленин, несомненно, имел в виду войска, вызванные Ставкой по плану «второй корниловщины». Еще по свежим следам он говорил о них в связи с появлением в Петрограде 5 ноября 1917 г. делегации «от части 17-го корпуса, грозящей нам походом на Питер». Ленин назвал ту угрозу смешной, «ибо передовые отряды этих корниловцев уже разбиты и под Гатчиной бежали, а большей частью отказались идти против Советов»²⁷⁸. Реальность такой оценки этой угрозы несомненна. Уже после того как Ленин написал о ней, в редакцию «Правды» поступило письмо от солдата Н. Балабанова из 17-го корпуса с просьбой помочь ему подписаться на «Правду» и получить программу большевиков. В письме, кроме того, говорилось: «Обидно, что наш корпус называют контрреволюционным, и если его еще раз „Правда“ назовет так, то я из него убегу». Солдат просил также сообщить: «Какие принимают меры, чтобы арестовать нашего корпусного командира, или нам можно его арестовать?»²⁷⁹

Это письмо датировано 10 ноября, а в середине ноября в этом корпусе, как бы откликаясь на директивы Духонина от 14 и 15 ноября, действует уже, по крайней мере в артиллерийской бригаде, военно-революционный комитет, требующий от предстоящего корпусного съезда признать Советскую власть, организовать ВРК в корпусе, «принимать самые решительные меры против всяких могущих быть контрреволюционных выступлений» и арестовать всех лиц командного состава и солдат, не подчиняющихся военно-революционному комитету²⁸⁰. Как видно, настроение солдат расходилось с позицией той делегации, которая ездила в Петроград и состояла из тех самых, вероятно, лиц, коих солдаты требовали арестовать (известно, что ездил тогда в Петроград с угрозами от имени корпуса комиссар его поручик Зотиков). Съезд же делегатов 17-го корпуса 18 ноября признал единственной властью Совет Народных Комиссаров и отказался признавать за верховного главнокомандующего «генерала Духонина, врага чаяний масс солдат, рабочих и крестьян».

²⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 5.

²⁷⁸ Там же. Т. 35. С. 75.

²⁷⁹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.): Сб. документов. М., 1957. С. 434—435.

²⁸⁰ Октябрьская революция и армия: 25 октября 1917 г.— март 1918 г.: Сб. документов. М., 1973. С. 129—130.

яп, немедленного мира»²⁸¹. Постановлением съезда командиром 17-го корпуса взамен отстраненного от должности генерала Шиллинга был избран поручик А. В. Федоров²⁸². В дальнейшем корпус, как Ленин и предвидел, стал посылать революционные части на борьбу с контрреволюцией.

В эшелоны перебрасывавшегося на север 49-го корпуса еще в пути следования стали проникать агитаторы военно-революционных комитетов, так что в район сосредоточения — станции Везенберг и Тапс — они прибывали уже в немалой степени распропагандированными, узнавшими, по крайней мере, что их перевозили вовсе не для прикрытия фронта от внешнего врага, а как карательные войска против революционного народа и прежде всего против Петрограда. Солдатская масса, прибывшая на север в октябрьские дни, сразу оказывалась в атмосфере борьбы за власть Советов. Здесь усилился приток в корпус агитаторов, на ст. Тапс образовался ВРК из матросов и солдат, поставивший целью не пропускать никаких подкреплений для контрреволюционных войск, наступавших на Петроград. В частях корпуса проходили митинги, собрания делегатов, выносившие резолюции о поддержке Советской власти с оружием в руках и требовавшие переизбрания соглашательских комитетов, смещения контрреволюционного командного состава. Представители «Комитета спасения», активисты меньшевистских и эсеровских организаций требовали, наоборот, отправки из корпуса частей в помощь Керенскому и Краснову и для удара в тыл революционным войскам Северного фронта.

В такой обстановке 9 ноября собрался чрезвычайный корпусный съезд, который постановил требовать скорейшего заключения мира, передачи земли в руки земельных комитетов, установления рабочего контроля над производством, демократизации армии. Было решено направить в Петроград делегацию из 20 человек, чтобы ознакомить с постановлением съезда Советское правительство и получить разъяснения по волнующим солдатскую массу вопросам²⁸³. В Совете Народных Комиссаров делегацию приняли 12 ноября председатель СНК В.И. Ленин

²⁸¹ Там же. С. 141.

²⁸² ЦГВИА СССР. Ф. 2242. Оп. 10. Д. 6. Л. 833.

²⁸³ ЦГВИА СССР. Ф. 2273. Оп. 5. Д. 7. Л. 13; Шабанов В. М. «Вторая коридовщина» и ее провал (обзор документов ЦГВИА СССР) // Великий Октябрь: проблемы истории. М., 1987.

и народный комиссар почт и телеграфов Н. П. Глебов-Авиллов. Ответив на вопросы делегатов, Ленин дал им официальное письменное разъяснение Совнаркома по вопросу о власти и о положении в стране ²⁸⁴.

Ленин впоследствии говорил: «Когда же мы в Октябре взяли власть в свои руки, то меньшевики и эсеры, разгуливая по Смольному, грозили нам, что придет фронт и сметет нас с лица земли. В ответ мы только усмехались им в лицо, ибо мы знали, что трудящиеся массы поймут наши разъяснения, что они стоят за власть трудящихся, а следовательно, за власть Советов. И действительно, когда в Петроград приезжали многочисленные делегации с фронта и когда мы им разъясняли положение вещей, они все переходили на нашу сторону»²⁸⁵.

14 ноября, когда Духонин отдавал директиву о переходе к гражданской войне на фронте, в Петрограде состоялось заседание представителей частей и соединений фронтов, в котором участвовали и делегаты частей 49-го корпуса. «Ознакомившись с текущим моментом,— говорилось в принятой на заседании резолюции,— постановили: 1) Приветствовать новую власть Советов рабочих и крестьянских депутатов II съезда Советов и в лице их Совет Народных Комиссаров, выражающую волю народа и стоящую на страже интересов трудящихся масс; 2) Категорически протестовать против представителей низложенной власти, пытающихся путем гражданской войны вернуть страну к губительной политике коалиции, и требовать от них немедленного прекращения гражданской войны и покориться воле народа; 3) Мы, фронтовики, требуем прекращения всякой травли против народной власти в лице Совета Народных Комиссаров и единственным виновником гражданской войны считаем только буржуазные классы и те партии, которые их поддерживают».

Представители фронта требовали от Советской власти немедленного роспуска «Комитета спасения родины и революции» как органа разжигания гражданской войны и контрреволюции; немедленного расформирования всех ударных батальонов, военных училищ, школ и иных контрреволюционных организаций; предания военно-революционному суду офицеров и солдат, «которые активно оказали сопротивление народной власти или же к этому

²⁸⁴ Владимир Ильич Ленин: Биограф. хроника. М., 1974. Т. 5. С. 53.

²⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 175.

призывали и призывают»; принятия самых решительных мер против преступного саботажа со стороны верхов служащих²⁸⁶.

В середине ноября в 49-м корпусе прошли перевыборы всех солдатских комитетов, с их соглашательской политикой было покончено. 27 ноября состоялся новый съезд представителей частей корпуса, который закрепил переход корпуса на сторону Советской власти и полную его демократизацию²⁸⁷.

«Вторая корниловщина», подготовка которой началась в середине сентября, сразу после ликвидации первой, к середине ноября была окончательно похоронена, а через несколько дней, 20 ноября, со взятием Ставки революционными войсками во главе с Н. В. Крыленко был ликвидирован и ее организационный центр. Замышленная в плане политической и военной стратегии как удар, предупреждающий народную, пролетарскую революцию, с переходом власти к Советам она выродилась в серию мятежных акций, лишенных стратегического и даже оперативного размаха, распалась на беспочвенные тактические вылазки контрреволюции.

Поход Керенского—Краснова — этот выкидыш «второй корниловщины» — в истории войны контрреволюционного генералитета не занял и одной недели и был ликвидирован. Последовавшие затем три попытки привести в действие подтянутые с южных фронтов силы, которые удалось наскрести военным властям Временного правительства, не всегда выдерживали и этот срок. «Лужский кулак» не дали собрать военно-революционные комитеты, он просуществовал в воображении генералов и членов «Комитета спасения» менее пяти дней. Идея сосредоточения войск вдалеке от революционных центров для концентрического удара по Петрограду, вымученная «Комитетом спасения» 6 ноября, выдохлась к 14 ноября. Новый план — загородить от всей действующей армии центр и юг России мифическими «верными долгу» войсками уже с самого его зарождения был последней конвульсией «второй корниловщины»; после окончательного его оформления (15 ноября) он не протянул и трех дней (если счи-

²⁸⁶ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. М., 1982. С. 416—418.

²⁸⁷ Октябрьская революция и армия 25 октября 1917 г. — март 1918 г.: Сб. документов. М., 1973. С. 193—195.

тать его последним часом съезд 17-го корпуса 18 ноября), оставшись в тайне от самих войск.

Воспроизводя все эти перипетии по сохранившимся документам, можно убедиться, каким своевременным был удар Октября сначала по главному оплоту контрреволюции — буржуазному Временному правительству, потом, 9 и 20 ноября, по ее военному штабу — Ставке верховного главнокомандующего.

ПРОГРАММА БЕЛОГВАРДЕЙЩИНЫ

С переходом государственной власти в руки пролетариата эксплуататорские классы лишились своей политической организации и, выступая против новой власти, оказались в положении мятежной стороны. Теперь, прежде чем погнать силой приказа какую-то воинскую часть против революционных сил, надо было ее сформировать, а при отсутствии в руках контрреволюции аппарата принуждения такое формирование могло основываться только на добровольном желании тех или иных лиц защищать с оружием в руках идею реставрации и умирать за нее. Но для привлечения в ряды таких формирований не только цензовых элементов, прямо заинтересованных в реставрации монархии или хотя бы буржуазного строя, но и более широкого контингента, приходилось поступаться чистотой «белого знамени» и прикрывать реставрационные идеи «демократической» демагогией, выдавая их за общенациональные чаяния. В декларации штаба Добровольческой армии, формировавшейся на Дону Алексеевым и Корниловым, «все русские люди, собравшиеся на юге со всех концов нашей родины», призывались «защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление свободной великой России», «стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской, ее народ, выявит через посредство свободно избранного Учредительного собрания державную волю свою»²⁸⁸.

Это чисто агитационная декларация. Действительные программные цели контрреволюции в ней были прикрыты обычной кадетской демагогией (да и писал декларацию

²⁸⁸ Вольный Дон. 1918. 1 янв.

Милюков). Между тем историк российской контрреволюции Головин оценивает эту декларацию таким образом: «Впервые политическая программа Добровольческой армии, или, применяя более общее выражение, программа белого движения, была выражена в воззвании, опубликованном 9 января 1918 г.²⁸⁹ В этом воззвании были изложены цели, преследуемые Добровольческой армией»²⁹⁰. Следуя за Головиным, Р. Лаккет также считает, что в этом заявлении (или манифесте) Корнилов и Алексеев совместно «сжато формулировали свою общую политику». Пространно цитируя эту декларацию, Лаккет утверждает: «Манифест обнаруживал твердую приверженность идее Учредительного собрания, продолжения войны против немцев, с которыми заодно классифицировались большевики, и независимости Донской области. Он представлялся основательной и либеральной программой, каковой и был во многих отношениях»²⁹¹. Поскольку же Головин подчеркивал, что это воззвание «было составлено в тот период, когда политическое руководство находилось всецело в руках генерала М. В. Алексеева»²⁹², а Лаккет прямо говорит, что в этом заявлении Корнилов и Алексеев совместно формулировали «свою общую политику», небезынтересно знать, как они сами в действительности смотрели на изложенные в нем основные идеи. Объяснение этому можно найти в письме Алексеева В. В. Шульгину, посланном в июне 1918 г. «...Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание, — писал Алексеев, — необходимо иметь в виду, что выставляли мы его лишь в силу необходимости. В первом же объяснении, которое нами будет сделано, о нем уже упоминаться не будет совершенно. Наши симпатии должны быть для вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, так как населением это было бы встречено враждебно. От прежнего лозунга мы отказываемся. Для объявления же нового нужны соответствующие обстоятельства и прежде всего подвластная только нам территория. Это будет, как только мы перейдем к нашим активным планам...»²⁹³. Алексеев, таким образом, сам признает, что истинные цели

²⁸⁹ Воззвание датировано 27 декабря 1917 г. Головин переводит эту дату на новый стиль — 9 января 1918 г.

²⁹⁰ Головин Н. И. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. 2. кн. 5. С. 67.

²⁹¹ Lockett R. Op. cit. P. 100.

²⁹² Головин Н. И. Указ. соч. Ч. 2, кн. 5. С. 68.

²⁹³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 86.

«белого движения» («наши симпатии») не могли быть тогда открыто декларированы, и их приходилось камуфлировать. Вот и «твердая приверженность идее Учредительного собрания»!

В белогвардейской и белоэмигрантской печати есть другой документ, имеющий действительно программный характер и так и именуемый: «Политическая программа генерала Корнилова». Известно несколько публикаций этой программы, которые разнятся между собой не текстом самого документа, а комментариями к нему. В «Архиве русской революции» был помещен в 1923 г. «Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году», к которому приложены некоторые документы, в частности названная выше программа. Автор этого отчета генерал В. Е. Флуг (фамилия его в публикации скрыта и заменена буквой П), возглавлял делегацию, посланную в Сибирь штабом Добровольческой армии с целью ознакомления сибирских контрреволюционеров с обстановкой на юге России, объединения офицеров и создания там «противобольшевистского фронта»²⁹⁴. Флуг писал, что перед отъездом он получил от Корнилова «для руководства политическую программу общегосударственного характера за его личную подписью», но заявлял при этом, что ему неизвестно, являлась ли эта программа личным мнением генерала Корнилова или же составляла «политическое сredo всей организации»²⁹⁵. Редактор «Белого архива» бывший полковник Генерального штаба Я. М. Лисовой, являвшийся в январе 1918 г. начальником военно-политического отдела штаба Добровольческой армии, к этим словам Флуга сделал пояснение: «Как лицо, находившееся в то время во главе управления военно-политическим отделом, могу засвидетельствовать, что программа эта являлась именно личным мнением генерала Корнилова, что о ней не знали ни генерал Алексеев, ни широкие общественно-политические круги, и что она в то время носила скорее характер проекта, который прежде широкого обнародования подлежал еще утверждению». Однако дальше Лисовой сообщает нечто иное: «Для многих появление этой программы в то время явилось полной неожиданностью — авторство ее приписывалось то небезызвестному Добрынскому, то другим

²⁹⁴ Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 282.

²⁹⁵ Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. IX. С. 245.

лицам, окружавшим генерала Корнилова...»²⁹⁶. Получается, что, с одной стороны, о программе не знал даже Алексеев, с другой же стороны — программа как-то появилась, и о ней знали многие, причем высказывались различные догадки насчет авторства, только не было среди этих догадок намеков на авторство Корнилова. Но чего же стоит тогда утверждение о том, что это было только личным его мнением? Это не говоря уже о том, что программа передавалась Флугу для информационно-агитационной поездки в Сибирь и что к составлению ее привлекались другие лица.

Между тем через семь месяцев после появления программы, в сентябре 1918 г., сведениями о ее истории поделился в белогвардейской печати состоявший в начале 1918 г. при Корнилове журналист Мечислав Лембич, и Лисовой в 1928 г. перепечатал его статью в «Белом архиве». Лембич рассказал, что 22 января 1918 г. Корнилов пригласил его в свой кабинет в особняке парамоновского дома в Ростове, где помещался штаб Добровольческой армии. Сказав, что в последнее время «всякого рода политические деятели» отнимают у него время вопросами о взглядах «по тем либо иным вопросам государственной политики», Корнилов поручил Лембичу составить «корниловскую программу», ответы «на все основные задачи государственного устройства».

Корнилов, по свидетельству Лембича, продиктовал ему вступительную часть программы, в которой вину за царящую в стране «анархию» не преминул взвалить на Временное правительство. Потом, после обработки этой части вступительного текста, в нее были вставлены похвалы заблаговременной проницательности Корнилова, но о нем уже говорилось в третьем лице. В стране констатировалось «состояние полной дезорганизации и анархии», т. е. как раз то, что предсказывал генерал Корнилов в первые дни «освободительного движения» (видимо, под

²⁹⁶ Белый архив. Париж, 1928. Т. 2/3. С. 173—174. (Подчеркнуто мною.— В. П.) Утверждение Лисовой, что о корниловской программе не знал Алексеев, опровергается письмом П. Н. Милюкова М. В. Алексею, посланным из Ростова 16 мая 1918 г. «Дорогой Михаил Васильевич!— писал Милюков.— Не знаю, знаете ли вы мой почерк, а подписываться под этим письмом не хочу. Я тот член нашего Совета, которому вы передали политическую программу Корнилова и который ежедневно посещал вас в доме Парамонова на Пушкинской. По этим признакам вы меня узнаете» (Новое время. Белград, 1921. № 5).

этими днями подразумеваются дни августовского мятежа. — В. П.), с чем он «рыцарски боролся, как горячий русский патриот». Затем после эмоционально раскрытых ужасов, принесенных «стихийной революционной волной», идет слегка отредактированная мысль Корнилова о том, что Советская власть означает «деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всем культурно-историческим завоеваниям страны». Вся остальная часть преамбулы не отличается разнообразием мыслей, но в ней есть места, которые нельзя не принять за политический стержень всей программы: «...Генерал Корнилов, вступая снова на арену политической борьбы, во имя спасения России и чести нации, ставит своей ближайшей задачей сокрушение большевистского самодержавия и замену его таким образом правления, который обеспечивал бы в стране порядок... Такой образ правления генерал Корнилов видит в создании в стране временной сильной верховной власти из государственно мыслящих людей... Низвергнув гибельную диктатуру черни и опередившись на все здоровые национально-демократические элементы народа, эта власть должна прежде всего все свои усилия направить к подавлению анархии и возрождению армии, и урегулированию транспорта, и поднятию производительных сил страны»²⁹⁷. Зная уже этот стержень, можно в основном согласиться с заключением Головина о полной тождественности так называемой «быховской программы» и разбираемой здесь «корниловской программы», несмотря на то, что они появились на свет в разных исторических условиях. Но Головин при этом считает, что обе они представляют собой «продукт творчества» «военной среды», которая видит перед собой только одну цель: «доведение войны до победного конца», и будто бы только ради этой цели «обе эти программы и требуют установления диктатуры», но это в свою очередь — продукт мировоззрения генерала — единомышленника Корнилова. Однако чутье не обмануло того же единомышленника в подоплеке патриотических и «общенациональных» рулад, когда он пишет: «Правда, ни в той, ни в другой [программе] слово „диктатура“ не произносится. Но весь тон и редакция «корниловской программы» не оставляет никаких сомнений в затаенном стремлении к диктатуре, при этом к диктатуре, *персонифицированной в Корнилове*»²⁹⁸. Мы

²⁹⁷ Архив русской революции. Т. IX. С. 285.

²⁹⁸ Головин И. И. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. 2. кн. 5. С. 69. Подчеркнуто Головиным.

не вдаемся здесь в то, насколько глубоко смог Головин разобраться в социальных корнях обеих программ, ожидать от него классового анализа их было бы смешно. Важно его, человека той же среды, что и Корнилов, непредвзятое признание, что не только дух программ один, но они и тождественны, а отсюда следует, что, во-первых, январская (1918 г.) программа Корнилова не явилась каким-либо новым творением, в основе ее лежала так называемая «быховская программа», но, конечно, разбавленная дополнительно камуфляжными пунктами, а во-вторых, точно так же, как «быховская», эта программа вобрала в себя те вождедения «торгово-промышленного класса», помещиков и кадетов, которые нашли выражение и в первой программе, и потому не может считаться продуктом только «военной среды». Мало того, по свидетельству Лембича, в окончательном формулировании, например, земельного вопроса январской программы решающим было участие П. Н. Милокова: по его настоянию Корнилов изменил этот пункт «приблизительно в духе кадетских требований»²⁹⁹.

Осталась ли эта программа только проектом, требовавшим чьего-то утверждения, как об этом говорит Лисовой? Лембич рассказывает, что, закончив работу над текстом, он перепечатал текст на машинке в шести экземплярах и представил Корнилову. «На третий день я был вновь приглашен к нему, — продолжает Лембич. — Протягивая мне подписанный им один из экземпляров программы, Лавр Георгиевич, смеясь, заявил:

— У вас легкая рука! Программа *всем понравилась*. Для проведения ее мне советуют образовать „Союз возрождения России“».

Лембич высказывает дальше предположение, что этот «Союз» и был создан в Москве по инициативе Корнилова, для чего туда отправились подвизавшиеся при штабе Добровольческой армии ротмистр Н. Н. Кузьмин-Караваев и доктор Н. Г. Григорьев (бывший комиссар 7-й армии).

Как бы там ни было с приоритетом Корнилова в образовании «Союза возрождения России», но важно, что Кузьмин-Караваев и Григорьев перед поездкой в Москву были подобно Флугу снабжены корниловской програм-

²⁹⁹ Белый архив. Т. 2/3. С. 179.

мой³⁰⁰. Все это говорит за то, что рассматриваемый документ не остался лишь проектом, ничего не значащим наброском программы «белого движения». Да и чье, собственно, утверждение, требовалось для него, если документ был подписан главой организации, представлявшей тогда главную силу этого движения и основанной на авторитарном принципе управления?

Январская программа обнаруживала тождественность с «быховской» не только своим лейтмотивом, выраженным в преамбуле, но и всем конкретным содержанием. Если в той, старой, программе разрешение основных государственных, национальных, социальных задач и вопросов откладывалось до Учредительного собрания, то теперь, поскольку эти задачи и вопросы оказались по-своему решенными социалистической революцией, провозглашалось прежде всего восстановление старых порядков³⁰¹, а затем уже: «Сорванное большевиками Учредительное собрание должно быть созвано вновь» (п. 8), ему и передаст «всю полноту государственно-законодательной власти» правительство, «созданное по программе генерала Корнилова», оно «должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй» (п. 9); на разрешение Учредительного собрания представляется и аграрный вопрос, а до издания соответствующих законов «всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми» (п. 11). По-прежнему программа требовала полного исполнения всех принятых Россией союзнических обязательств по международным договорам и доведения войны до конца «в тесном единении с нашими союзниками» (п. 6).

В программу были включены и «революционные» требования уничтожения классовых привилегий, равенства граждан перед законом (п. 1), свободы слова и печати (п. 2), свободы выборов в Учредительное собрание (п. 8), свободы вероисповеданий (п. 10), права народностей на широкую местную автономию, «при условии, однако, со-

⁰⁰ Там же. На вклейке между стр. 180—181 помещено факсимиле программы с подписью Корнилова.

³⁰¹ В тексте программы имелись такие пункты: «...3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий. 4. Восстановление права собственности. 5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины... без комитетов, комиссаров и выборных должностей».

хранения государственного единства» (п. 14). Был даже такой пункт: «За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек», но (!) «за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественную промышленность» (п. 13)³⁰².

В этой программе, как и в более ранних публичных выступлениях идеологов буржуазии и помещиков, неизменным прикрытием реставрационных идей служит лозунг Учредительного собрания: оно призвано разрешить все острые социальные вопросы, до него никакие «социалистические опыты» недопустимы. Это была спекуляция, рассчитанная на политически несознательную массу. Эта спекуляция усилилась после разгона Учредительного собрания Советской властью. Большевики не позволяли обмануть трудящихся этим лозунгом, разъясняя, что «лозунг „Вся власть Учредительному собранию“, не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью... стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников»³⁰³. Ни тогда, ни позже большевики не делали уступок конституционным иллюзиям, связанным с Учредительным собранием.

В 1921 г. во время кронштадтского мятежа В. И. Ленин в беседе с корреспондентом одной американской газеты говорил: «Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или Советское. В Кронштадте некоторые безумцы и изменники говорили об Учредительном собрании. Но разве может человек со здравым умом допустить даже мысль об Учредительном собрании при том ненормальном состоянии, в котором находится Россия. Учредительное собрание в настоящее время было бы собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в нос»³⁰⁴.

В справедливости этих суждений убеждают документы, не предназначавшиеся их авторами для огласки. Одним из таких документов является письмо генерала А. С. Лукомского А. И. Деникину, датированное 14(27) мая

³⁰² Архив русской революции. Т. IX. С. 285—286; Белый архив. Т. 2/3. С. 180—182; Головин Н. Н. Указ. соч. Ч. 2, кн. 5. С. 100—103 (приложение № 27).

³⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 164—165.

³⁰⁴ Там же. Т. 43. С. 129.

1918 г., о котором уже шла речь во ввводной части этой книги (см. с. 22—23)³⁰⁵.

Приблизительно в то же самое время, как Лукомский писал Деникину, Милюков 19 мая 1918 г. писал Алексееву (очевидно, в Мечетинскую, где тогда находился штаб Добровольческой армии) из оккупированного немцами Ростова: «Все, что я узнал в последние дни, показывает мне, что опора на союзников для достижения первой необходимой цели — восстановления государственности — в настоящее время невозможна... Германцы, напротив, хозяева положения, и они, по тем или другим причинам, заинтересованы в том, чтобы государство было восстановлено, и сами предлагают вести об этом беседу. Мой вывод отсюда следующий. Нужно вступить в переговоры с германцами и, поскольку цели окажутся общими, — принять их поддержку... Общая цель нам и германцам — восстановить порядок. Как выясняется, способ восстановления порядка они видят в восстановлении государственного единства России, но ставят при этом условие — возвращение ее к конституционной монархии. Первое есть наша высшая и желанная цель, которой мы не можем достигнуть без них. И мы не можем уйти от вопроса, как мы отнесемся к последнему, *если* выяснится окончательно, что это есть *ультимативное* требование для восстановления единства России. Не знаю, как думаете вы, дорогой Михаил Васильевич, но мой ответ будет положительный. Я принимаю конституционную монархию (не Николая, конечно), если она вернет России единство и старые границы. Конечно, и для меня лично и для меня как члена партии было бы бесконечно приятнее, если бы меня об этом не спрашивали и если бы неизбежное совершилось само собой, но может ли быть уверен каждый из нас, что при его воздержании неизбежное свершится наилучшим образом».

Лидер кадетов не ограничился только общими соображениями — он предложил Алексееву и конкретный план действий Добровольческой армии совместно с германскими войсками. Конкретизируя цель Добровольческой армии, он писал: «Надо спешно освободить Москву... по возможности собственными силами... Если движение возможно и увлечет за собой достаточные силы, то *политически* неизбежно и для этого стговориться с герман-

³⁰⁵ Полный текст письма — см. приложение № 4 (с. 372—373) этой книги.

цами. Они должны перевести армию до крайнего возможного пункта. Они должны с ее планом сообразовать и собственные операции, отказавшись при этом от вступления в Москву... Они, с своей точки зрения, дорожат нашим единством и царем. Нужно убедить их, что династия будет приемлема для народа лишь тогда, если вернет с собой, по возможности, весь прежний состав русской территории...»³⁰⁶

Алексеев отвечал на это Милюкову 25 мая: «Общее настроение мысли и желаний в армии — монархическое, претендуют на то, чтобы этот лозунг объявить во всеобщее сведение. Но сломить психологическое настроение и доказать массе необходимость соглашения с немцами невозможно. Мы тогда потеряем большую часть нашего личного состава. Против ваших выводов логически возразить трудно, но заставить присоединиться к ним наш офицерский состав едва ли возможно без решительных потрясений самого существования армии. Нужна спокойная подготовка, указания опыта, дальнейшее выяснение обстановки в Москве, разъяснение позиции наших союзников»³⁰⁷. Но Милюков продолжал убеждать Алексеева в необходимости ускорения похода на Москву. Об этом он писал 21 мая из Новочеркасска: «...с этим планом надо спешить... надо действовать самим, немедленно, с теми силами и факторами, какие сейчас имеются налицо»³⁰⁸. А в письме от 7(20) июня, уже из Киева, полностью раскрывал свои карты: «Все же главная, достойная ее (Добровольческой армии. — В. П.) задача есть поход на Москву. *Необходимо* сохранить хотя бы фикцию, что Москва взята русскими. Я убежден, что германцам *можно* объяснить важность этого и получить от них только такую помощь, какая не будет противоречить этой задаче»³⁰⁹.

В качестве внешней оболочки идеи реставрации монархии всеми правыми кругами был принят лозунг «единой, неделимой России». Милюков в письме Алексееву от 21 мая 1918 г. рассуждал, что вхождение кадетов и руководства Добровольческой армии в «комбинацию» с немцами обеспечит желательное решение вопросов «территориального объединения и политической независимости,

³⁰⁶ Новое время. Белград, 1921, № 13.

³⁰⁷ Там же. 1921. № 32.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же. 1921. № 39.

сравнительно с которыми вопрос о форме правления кажется мне второстепенным»³¹⁰. Алексеев считал, что при наличии такого лозунга отпадает нужда в каких-либо других, в частности в лозунге Учредительного собрания. 5 июля 1918 г. он писал из Новочеркасска начальнику Таганрогского вербовочного центра Добровольческой армии полковнику барону М. И. Штенгелю: «Идея Учредительного собрания мало-помалу отходит назад, и устройство государственного порядка произойдет, по-видимому, какими-то иными путями; кроме того, и политическая обстановка такова, что еще не скоро создадутся условия, при которых можно было бы в Учредительное собрание произвести выборы и его созвать. Необходимо считаться с существующим положением вещей и поэтому лозунг „Учредительное собрание“ надлежит признать ныне уже мало действительным для практической работы... Создание Единой России и освобождение ее от порабощения внешним врагом настолько могут служить для объединения всех истинно государственных элементов, что иных лозунгов пока и не требуется»³¹¹.

Но оголтелых монархистов не удовлетворяли формулировки, в которых о реставрации монархии не говорилось открыто. Так, например, генерал Келлер писал Алексееву 20 июля (2 августа) 1918 г. из Харькова: «...Большинство монархических партий, которые в последнее время все разрастаются, в вас не уверены, что вызывается тем, что никто от вас не слышал столь желанного, ясного и определенного объявления, куда и к какой цели вы идете сами и куда ведете Добровольческую армию... Объединение России — великое дело, но такой лозунг слишком неопределенен и каждый даже ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшееся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которое может быть только прирожденный законный государь, умалчиваете. Объявите, что вы идете за законного государя, а если его действительно уже нет на свете, то за законного же его наследника, и за вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твердой власти»³¹².

³¹⁰ Там же. 1921. № 32.

³¹¹ Белый архив. Т. 2/3. С. 183.

³¹² ЦГАОР СССР. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 53.

Деникин в «Очерках русской смуты» подчеркивает, что он стоял тогда на позиции так называемого «непредрешенчества». На этой же позиции, как уверяет он, стояли и генерал И. П. Романовский, сменивший еще при Корнилове в должности начальника штаба Добровольческой армии Лукомского, и генерал С. Л. Марков. Так что даже в этом отношении Деникин оставался столь же правоверным корниловцем, как и упрекнувший его за неосторожное выражение («народоправство») Лукомский. В то же время Деникин демонстрировал различие во взглядах, с одной стороны, с Милюковым, а с другой — с Шульгиным, для которого монархизм, по словам Деникина, был религией и который требовал «монархию безоговорочную, немедленную, открыто исповедуемую»³¹³.

Вероятно, подобные исторические экскурсы служат и по сей день для некоторых исследователей истории гражданской войны в России основанием для утверждений о республиканских, чуть ли не демократических, взглядах Деникина, а заодно с ним и Корнилова. Так, преподаватель Нотр-Дамского университета (штат Индиана, США) Джордж Бринкли в изданной в 1966 г. книге «Добровольческая армия и интервенция союзников в Южной России, 1917—1921 гг.» пишет: «Подобно Корнилову, Деникин отвергал царское самодержавие и полностью поддержал демократическую революцию в России, но разочаровался в неделовом Временном правительстве, которое он обвинял в последовавшем разложении армии и развале власти. Драматическое столкновение с Керенским озлобило его против „политиков“ и „социалистических болтунов“, которые, по его мнению, играли самой жизнью России. Деникин, таким образом, пришел к командованию Добровольческой армией убежденным в абсолютной необходимости дисциплинированного, твердого и неполитического руководства для спасения России... Он отправился в этот крестовый поход с той же наивной честностью, которая характеризовала Корнилова... Он поставил себе единственную задачу военной победы, установил, что ни он, и никто из политиков не «предопределят» будущее устройство России, которое должно быть предоставлено свободно избранному Национальному собранию. До тех же пор власть должна принадлежать временной военной диктатуре и даже обсуждение реформ

³¹³ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 85.

должно быть отложено, чтобы уменьшить антагонизмы внутри антибольшевистского лагеря»³¹⁴.

Но мы уже видели, в чем состояла «наивная честность» Корнилова и Деникина и что было основой их «непредрешенчества»: это с достаточной ясностью раскрывается письмом Лукомского от 27 мая 1918 г., так же как выясняется, почему они считали необходимым для России «пройти через диктатуру», какое именно «свободно избранное» Учредительное собрание допускали в будущем и почему теперь ничего иного сказать нельзя. Когда Деникин писал о своем несогласии с Милюковым относительно восстановления монархии, то его пером водила неприязнь не к монархии, а к бесцеремонно сменяемой Милюковым ориентации: ведь сколько все они, и Милюков и Деникин в том числе, «доказывали», что большевики состоят в тайных связях с германским Генеральным штабом и потому должны квалифицироваться как изменники и предатели, а теперь Милюков, изменяя союзникам, сам сталкивается с немцами против большевиков! С Шульгиным Деникин опять-таки расходился не потому, что тот ничего кроме монархии не признавал, а из-за того, что Шульгин «в порыве увлечения идеей» не хотел считаться с реальной обстановкой, принимал «свои желания за реальные факты, свои настроения за народные»³¹⁵.

Дело было, таким образом, в том, с кем, чьими руками восстанавливать монархию — руками ли немцев или союзников по Антанте (Добровольческая армия нацеливалась на союзническую ориентацию), и затем: идти ли к этой цели открыто, выставляя лозунг реставрации монархии, или выставить его, как предлагал Алексеев, только тогда, когда возникнут «соответствующие обстоятельства и прежде всего подвластная только нам территория». Келлер тоже стоял на точке зрения Шульгина и так же, как Шульгин, не мог понять, почему нужно, ратоборствуя за монархию, держать знамя в чехле, но он, надо полагать, был хорошо осведомлен в истинных воззрениях командующего Добровольческой армией. Пересылая Деникину копию своего письма от 20 июля (2 августа) 1918 г., адресованного Алексееву, Келлер писал:

³¹⁴ *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War. Notre Dame (Indiana). 1966. P. 21—25.

³¹⁵ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 3. С. 85.

«В вас я верю, считал вас всегда честным монархистом, и для меня непонятно, какие причины заставляли и заставляют вас до сих пор умалчивать об этом». Он возлагал на Деникина даже такую надежду: «Если Алексеев на мою просьбу не пойдет, верю, что вы для блага общего нам дела убедите его и заставите это сделать». Вполне понятно, что так обращаться монархист Келлер мог только к хорошо знакомому единомышленнику.

Собственно, Деникин и сам совершенно недвусмысленно писал о своих политических симпатиях и антипатиях, не скрывая своих взглядов ни в «Очерках русской смуты», ни в других сочинениях, не оставляя никаких сомнений в своем политическом кредо. В посмертно изданных воспоминаниях характеризовал же он свое «политическое мировоззрение» как «„российский либерализм“ в его идеологической сущности», «в широком обобщении» означавший признание трех положений: «1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы и 3) мирные пути обновления страны»³¹⁶. Если не сбрасывать со счета хотя бы эту самохарактеристику Деникина, то нетрудно представить, в какое любопытное положение попадает Джордж Бринкли, сумевший соединить в характеристике откровенного монархиста поддержку «демократической революции в России» с его «крестовым походом» под лозунгом «единой, великой и неделимой России». Келлер, конечно, более прав, любовно аттестуя своего сослуживца как «честного монархиста».

Идея реставрации монархии не осталась достоянием только интимной переписки известных друг другу ее приверженцев. Она находила своих трибунов и публицистов, стремившихся зажечь энтузиазмом борьбы за нее более широкую аудиторию, чем Добровольческая армия. «Итак, монархическая республика — вот та форма правления, которая установится в новой России в результате нынешней столь глубокой усобицы», — восклицал журналист-корниловец А. Суворин³¹⁷. «Если такие культурные старье государства, как Англия, Германия, Италия, Швеция, Бельгия, Голландия и др., находят наиболее приемлемой монархическую форму правления, то почему мы, самый отсталый народ, вдруг заведем у себя республику... — высказывал удивление начальник отдела комплек-

³¹⁶ Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 96.

³¹⁷ Суворин А. (Алексей Порошин). Поход Корнилова. 2-е изд. Ростов, 1918. С. 156.

тования штаба Добровольческой армии полковник Генерального штаба И. Ф. Патронов— Если мы примем еще во внимание психологию нашего народа, который привык в течение столетий почитать царскую власть и теперь на кровавом опыте убедился, что без царя невозможно, то этих доказательств будет вполне достаточно»³¹⁸. И дальше он развивал те мысли, которые нам уже известны из переписки стоявших во главе «белого движения» генералов и которые могут служить комментарием к «корниловской программе»: «До восстановления законной монархии только диктатура может заставить замолчать политических шарлатанов и болтунов и железной рукой подавить анархию... Без нее (диктатуры.— В. П.) не может быть восстановлено государство. Затем, когда будет водворен порядок, подавлена анархия, когда темные массы убедятся, что грабить больше нельзя, а нужно перейти к честному труду, Россия должна стать конституционной монархией, о которой все давно мечтали...»³¹⁹. Как бы повторяя письмо Лукомского Деникину, Патронов безапелляционно объявляет: «Монархия, конечно, должна быть конституционная с цензовым парламентом от всех групп населения. Или Россия будет монархия, или не будет России»³²⁰. Касательно ценза его наметки таковы: «В правлении должны принимать участие лишь избранные, имеющие по своему образованию и знаниям все данные, что они могут управлять другими... Наши представительные учреждения должны создаваться не по четыреххвостке, отвергнутой жизнью у нас и не принятой даже в культурной Европе, а строго по образовательному, общественному или хозяйственному цензу. Мы — не англичане. Наши рабочие и крестьяне не похожи на английских рабочих и крестьян и потому не могут быть министрами и вождями общественного движения»³²¹. Указывая, что будущее государство должно иметь стойкую в политическом отношении армию, Патронов считает, что «она должна состоять из таких элементов, которые составили основу Добровольческой армии», а затем уточняет: «...должна состоять из интеллигенции и вообще

³¹⁸ Патронов И. Причины и следствия великой войны 1914—1919 гг.: (Соврем. лекции для рус. интеллигенции). Новочеркасск, 1919. С. 217. На стр. 227 автор указал, что данная книга писалась с июля 1918 по апрель 1919 г.

³¹⁹ Там же. С. 220.

³²⁰ Там же. С. 247.

³²¹ Там же. С. 222.

мелких собственников, являющихся естественными врагами социализма»³²².

Отсюда видно, как представляли себе монархисты социальную базу будущего государства: цензовые элементы плюс буржуазная интеллигенция плюс «мелкие собственники» (в глазах буржуазии и помещиков это были, очевидно, кулаки в деревне и того же уровня хозяйчики в городе) и минус рабочие и крестьяне. Создается впечатление, что «теоретики» типа Патронова при определении широты этой базы строили арифметику на количестве социальных слоев, пренебрегая численностью и удельным весом каждого из них, а отсюда делали вывод: «Таким образом, монархия выгодна подавляющему большинству населения России... Наконец, монархия просто неизбежна по закону эволюции. Всегда большие революции кончались возвращением к монархии. Нет оснований предполагать, что мы составим исключение из этого правила»³²³.

Подобные «теоретические» выкладки, а чаще всего просто заклинания, до сих пор гипнотизируют иных авторов очерков по истории гражданской войны в России. Упомянувшийся уже Ричард Лаккет в труде, изданном в 1971 г., подводя итоги гражданской войны, утверждает: «Если бы белые единодушно заявили себя сторонниками монархического режима прежде, чем прошло время, когда такое заявление могло принести пользу, то они, вероятно, потеряли бы некоторых из своих приверженцев и вначале не имели бы осязательных успехов, но в конечном счете их успехи были бы очень значительны». Но белые не сделали такого заявления, по уверению Лаккета, потому, что не брались предрешать волю народа до Учредительного собрания, и «это решение не принесло белым ничего хорошего». «Именно эта щепетильность,— пишет Лаккет,— столь жестоко лишила силы открытые великорусские устремления белых»³²⁴. Открытие этой подлинной будто бы причины краха «белого движения», затемненной, по его выражению, предрассудками пятидесяти лет, Лаккет относит к своим заслугам и этим тезисом венчает весь обвинительный акт по делу проворонивших монархию белых генералов, в который он превратил свой очерк истории гражданской войны в России.

³²² Патронов И. Указ. соч. С. 225—226.

³²³ Там же. С. 219.

³²⁴ Luckett R. Op. cit. P. 388.

Но никакого открытия в этом нет. Повторяя заклинания монархистов 1917—1918 гг., отчасти приведенные выше, английский историк выступает лишь в роли запоздалого прозелита идеи, по воле истории ставшей анахронизмом. На самых разных этапах революции наиболее трезвые идеологи контрреволюции предостерегали от обнажения ее истинных целей, ибо ничего кроме банкротства это не могло ей сулить. Бубликов еще в июле 1917 г. как о совершенно немислимом деле говорил членам Государственной думы о противопоставлении лозунга «Да здравствует монархия!» таким лозунгам, как «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует земля и воля!». «Это, — говорил он, — никуда бы не годилось, это было бы безнадежнейшее дело из безнадежных дел, ибо не нашлось бы и тысячи людей из десятков миллионов России, которые бы за ними (за монархическими лозунгами. — *В. П.*) пошли... Сохранять же единство великой России, великодержавность России — под этим флагом можно будет уже собрать не тысячи, а уже миллионы...» Без этого флага, говорил Бубликов, у контрреволюции «не было лозунга, у нее не было никаких знамен, за которыми пошли бы миллионы. Сегодня (т. е. с провозглашением «единой, неделимой» — *В. П.*) им этот лозунг дается», знаменосцем же этого флага неизбежно станет монарх, и сам этот флаг — «оружие, которым он будет оперировать»³²⁵. Бубликова нельзя упрекнуть в легкомыслии, когда он говорил о монархическом лозунге как приманке для миллионов, — серьезный представитель своего класса, он приправлял свои рассуждения иронией по адресу безрассудных адептов монархии с их дешевыми ухищрениями по части лозунгов. Но важно в этих рассуждениях то, что монархическое нутро лозунга «единой, неделимой России» было настолько ясно с самого начала, с первых после Февраля попыток его апробации, что это признавали такие идеологи буржуазии, как Бубликов, вовсе не заинтересованные в том, чтобы утрировать в целях агитации против своего же класса. А при такой прозрачности лозунга требовалось ли, чтобы белые еще как-то «заявили себя сторонниками монархического режима», чему задним числом поучает их Лаккет?

От историка, которого более всех иных чаруют монар-

³²⁵ Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. С. 167—168.

хические мотивы в объяснении истории российской контр-революции, видимо, не так уж резонно было бы ожидать исторически объективного исследования ее опыта. Но если даже расценить иронические рассуждения Бубликова лишь как априорные, то вряд ли Лаккет сможет убедить и буржуазного читателя в превосходстве своего мышления над образом мыслей человека, который в начале «белого движения» предлагал «теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные отношения, получив его санкцию — действовать его именем» и предлагал «отыскать в. кн. Михаила Александровича...»³²⁶, а потом, пережив крушение монархических идеалов, вынужден был расписаться и в собственном банкротстве. «Возвращение монархии невозможно, — писал все тот же, но прошедший через горький опыт истории Милюков, — потому что идея монарха неразрывно сочеталась в представлении народа с враждебным ему социальным слоем, дворянским, и с старой бюрократией, для которой законом была ее собственная воля. Царь нежелателен — не потому даже, что он — царь, а потому, что он не может вернуться один. Он непременно придет с помещиком и со старым чиновником. А крестьянство твердо помнит свое прошлое, которое оно знает не из учебников истории, а из собственных воспоминаний, из рассказов отцов и дедов, из народной легенды».

Ссылаясь на свежий тогда опыт Добровольческой армии, Милюков писал: «Теперь уже не может быть никакого сомнения в причинах его неудачи... Не только с того времени, когда белая армия оттолкнула от себя население своим поведением, которое заклеймил В. В. Шульгин³²⁷, а белые вожди дискредитировали движение сво-

³²⁶ Из доклада П. Н. Милюкова Правому центру от 29 июля (11 августа) 1918 г., полностью опубликованного Деникиным в его «Очерках русской смуты» (т. 3, с. 82—84). Поскольку же Лаккет считает, что к июлю 1918 г. «прошло время, когда такое заявление могло принести пользу», стоит вспомнить выступление Милюкова 2 марта 1917 г. в Таврическом дворце перед толпой народа с предложением возвести на престол малолетнего царевича Алексея при регентстве вел. кн. М. А. Романова и реакцию толпы, а потом солдат и офицеров на это предложение. Этот эксперимент, как и выступление Гучкова в железнодорожных мастерских по возвращении из Пскова, послужил уроком, повторять который было мало охотников.

³²⁷ В книге воспоминаний «1920 год», написанной в эмиграции,

ими антидемократическими реформами, — не только с этого времени, а с самого начала ее образования, с первых же шагов дело белой армии было погублено в глазах масс тем, что это была „классовая армия“... Никто в нее не пошел добровольно, кроме людей, принадлежавших к социально враждебному для крестьянства слою... в глазах масс это были те же самые люди, у которых они только что отобрали землю... это вызывало опасение, что в один прекрасный день безавшие от народной расправы помещики попытаются вернуться и под защитой штыков отберут назад отнятую у них землю».

От Милюкова не приходится, конечно, ожидать всестороннего анализа причин банкротства контрреволюции, но его признания, касающиеся Добровольческой армии, в которой он подвизался в первое время ее существования и с руководителями которой он был связан личными отношениями, могут расцениваться как свидетельства очевидца и участника. Он рассказывает даже о том, что отрицательное отношение крестьянства к Добровольческой армии «стало неискоренимо, когда добровольцы пришли и начали делать именно то, чего опасались крестьяне. И именно в это-то время, когда белое движение окончательно себя дискредитировало в глазах масс как движение искони враждебной крестьянству социальной группы, оно попыталось поправить дело, связав себя с идеей царя. Всякая политическая неопределенность, все демократические прикрасы были отброшены, и над белым движением было поднято открыто знамя монархической реставрации»³²⁸. Таким образом, как раз в том, что белогвардейщина открыто выступила под знаменем монархической реставрации, Милюков видит причину ее падения, ибо тем самым она откровенно предстала перед крестьянством как искони враждебная сила.

Это не только заключение Милюкова-историка, но и свидетельство мемуариста. И вот спустя полвека Р. Лаккет преподносит русским белогвардейцам в качестве панацеи рецепт, который был испытан ими в 1917, 1918, 1919 и 1920 гг. и не принес им благих результатов.

Шульгин, стремясь найти объяснение краху белогвардейщины, пришел к заключению, что этот крах произошел из-за того, что «белое знамя» было запачкано насилием над населением, грабежами, бессмысленным террором и т. д.

³²⁸ Милюков П. Республика и монархия // Последние новости. 1923. 1 марта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре внимания на страницах этой книги была военная контрреволюция последних лет (и главным образом последнего года) существования эксплуататорского строя в России. Перед нашими глазами предстал процесс выхода профессиональной военной касты на авансцену политики, продолжавшийся в течение небольшого исторического промежутка, измеряемого всего лишь 10—12 годами, однако вместившего в себя три русских революции. Факты позволяют судить о том, какую силу обрела реакция в лице генералов и офицеров, представлявших собой военную опору царизма, а затем буржуазной диктатуры; с каким арсеналом и опытом вышли они на политическую арену; как были подготовлены профессионально к тому, чтобы оправдать надежды выдвинувших их на авансцену классов и прежде всего политического штаба буржуазии — партии кадетов; каковы были их политические воззрения, идеалы, цели; какую, наконец, участь готовили они рабоче-крестьянским массам, выступившим на решительную борьбу за свое освобождение.

Вспомним ленинское: «В нашей революции было две полосы: одна полоса керенщины и корниловщины, предшествовавшая Советской власти, и вторая — калединщины, колчаковщины и деникинщины, разрушающая Советскую власть»¹. При цитировании этих слов нас не всегда оставляет понятное, казалось бы, смущение: заведомая *контрреволюция* — корниловщина, деникинщина и т. п. — и вдруг она названа полосой в *революции*! Простейшее объяснение такому парадоксу можно было бы найти, вероятно, в замечании Ленина о том, как не удовлетворяли его репортерские и иные записи его публичных выступлений. Однако и в собственноручно написанном Лениным документе — тоже на первый взгляд неожиданные слова:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 174.

«две великие эпохи в истории русской революции: 1) керенщина и 2) колчаковщина»². Опрометчиво было бы видеть в том и другом случае какую бы то ни было «нечеткость» формулировки.

Если проследить развитие ленинской мысли, можно увидеть, что все подобные высказывания — не что иное, как раскрытие давно перед тем сформулированного положения о неразрывной связи революции и контрреволюции как двух сторон в процессе классовой борьбы, в едином общественном движении, развивающемся по своей внутренней логике³. Говоря так, Ленин развивал мысль, высказанную Марксом еще в 1850 г. в результате изучения опыта революции 1848 г. во Франции. Он обратил тогда внимание на логику ее истории: «...Революция шла вперед и прокладывала себе дорогу... тем, что она породила сплоченную и крепкую контрреволюцию, породила врага, в борьбе с которым партия переворота только и выростала в подлинно революционную партию»⁴. Напоминая потом русским революционерам «одно из глубоких положений Маркса», Ленин показывал, как опыт русской революции 1905 г. и особенно события декабря того же года в Москве «поразительно подтвердили» это положение⁵. В дальнейшем и международный опыт революции дал основание Ленину для более общего вывода: «Чем сильнее развивается революция, тем сильнее сплачивается буржуазия»⁶.

Достаточно прочитать в хрестоматии С. Пионтковского «Гражданская война в России» свидетельства участников войны с той и другой стороны, чтобы убедиться, с каким врагом пришлось более трех лет воевать рабочим и крестьянам вконец разоренной страны. Со страниц этой книги можно увидеть корниловскую программу в действии. «Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать»; «Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня», — это из приказов красновского есаула, коменданта Макеевского района, от 10 ноября 1918 г.⁷

² Там же. С. 156.

³ Там же. Т. 12. С. 171; Т. 16. С. 119.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 7.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 370.

⁶ Там же. Т. 37. С. 118.

⁷ Пионтковский С. Гражданская война в России (1918—1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. С. 425.

Свидетельства такого рода в 30-е годы уничтожались, а единичные экземпляры книг запрятывались в хранилища, не для всех доступные. Писать же впредь о политике и делах контрреволюции было признано предосудительным — только о победах, героике Красной Армии, да и то только тех ее частей, которыми командовали либо погибшие на той войне, либо входившие при Сталине в обойму «легендарных». Перед новыми поколениями красные воины представляли наподобие того изображенного Е. В. Тарле одинокого бойца Великой французской революции, который с яростью бьет кулаками в пустое пространство, чтобы одолеть какое-то неведомое существо⁸.

Немудрено, что при такой деформации исторической памяти у людей стали возникать видения «братоубийственной» войны, которая была не войной «трудящихся с белогвардейцами, интервентами, бандами, националистами и пр. и пр.», не противоборством белых и красных, поскольку «еще существовала третья сила, по которой и пришелся главный удар, — крестьянское повстанческое движение», блокировавшееся «то с белыми, то с красными, оставаясь относительно самостоятельной силой»⁹. Объединяя белых и красных «на основе критериев патриотизма», считая при этом, что «патриотизм — это категория внеклассовая, внепартийная, относящаяся скорее к общечеловеческим ценностям, и патриотами могут быть одновременно и коммунист, и монархист», иные авторы выводят отсюда и для белых генералов «внутреннюю готовность быть всегда со своим народом, особенно когда ему угрожает либо геноцид, либо потеря национальной независимости». Предлагая «мерить» этими критериями Краснова и Шкуро, В. Большаков готов считать, что они «стали предателями Родины не в момент начала гражданской войны, не тогда, когда бежали за границу под натиском Красной Армии, а когда выступили против этой армии вместе с гитлеровским вермахтом»¹⁰.

У Б. А. Энгельгардта мы находим, кажется, более доходчивое, основанное на собственном опыте, объяснение «внутренней готовности» царских офицеров и генералов

⁸ См. с. 48--49 этой книги.

⁹ Васильева Б. Люби Россию в непогоду... // Известия. 1989. 17 янв.; Селюнин В. Истоки // Если по совести: Сб. статей. М., 1988. С. 258.

¹⁰ Большаков В. Эмиграция: вопросы к самим себе // Правда. 1989. 9 янв.

«быть всегда со своим народом»¹¹. Что касается Краснова, то он и «в момент начала гражданской войны» (28 июня 1918 г.) приглашал на русскую землю на помощь в борьбе со своим народом кайзера Вильгельма II, обещая ему не забыть «дружеской услуги германского народа» в виде «крови, пролитой на общих полях сражений», и расплатиться предоставлением Германской империи права «преимущественного вывоза избытков», «особых льгот по помещению капиталов в донские предприятия, промышленные и торговые» и т.д.¹²

Одностороннее представление об общественном движении, при котором из задач исследования выпадало изучение состояния и деятельности противостоявших революции сил, не могло способствовать осмыслению исторического опыта классовой борьбы, а изучение командных верхов и разных слоев офицерского корпуса старой армии оказалось и совсем запущенным.

Исторический опыт российского пролетариата, полученный в трех революциях на протяжении первых двух десятилетий XX в., показал, как важно для выработки тактики и методов работы в войсках изучать политическое состояние армии в целом и ее командных кадров в особенности. Не имея еще опыта такой работы, социал-демократы в 1901—1902 гг. питали надежды на привлечение к борьбе за народное дело не только солдат и матросов, но и потомков декабристов и народовольцев, призывали офицеров к отказу от участия в карательных экспедициях, искали связей с ними, рассчитывая на вовлечение их, наряду с солдатами и матросами, в социал-демократические «военные организации».

1905 год рассеял эти надежды. Поляризация классовых сил в обществе захватила и армию. Дворянская революционность декабристов и недавняя разночинно-интеллигентская революционность офицеров-народовольцев остались далеко позади как достояние пройденных этапов революционного движения. На сцену выступила пролетарская и крестьянская революционность солдат и матросов, офицерство заняло по отношению к ней позицию реакционную. Большевикам стало ясно, что ни о каком союзе с офицерством, кадетско-буржуазным по своей политической позиции слоем, не может быть речи,

¹¹ См. с. 193, 198, 238 этой книги.

¹² *Пионтковский С.* Указ. соч. С. 428—430.

и вопрос о создании общих с офицерами партийных организаций в армии отпадал. Попытки эсеров втянуть либеральных офицеров во внепартийный революционный союз никаких положительных результатов не дали. Не разделяя иллюзий меньшевиков о возможности создания партийных социал-демократических организаций из офицеров, большевики не исключали перехода лишь отдельных из них на сторону революции и использования их специальных знаний и опыта в вооруженной борьбе.

Разбавление офицерского корпуса в первую мировую войну разночинцами, как мы уже видели, не изменило его буржуазного облика, он не перестал быть «олицетворением», по выражению Энгельса, армии, служившей эксплуататорскому строю. Мелкобуржуазная демократия с ее соглашательством также не составила в ней того сколько-нибудь самостоятельного слоя, который давал бы основания говорить о политическом расслоении офицерства и его колебании в сторону пролетарской революции. Тактика по отношению к офицерству, выработанная большевиками на опыте первой буржуазно-демократической революции, получила подтверждение и во второй, Февральской революции 1917 г. Новый опыт показал, как важно не допускать «обогащения» понятия революции и различать отношение офицерства к буржуазной и социалистической революции. Вспомним, как ратовали офицеры в мае 1917 г. за одну революцию и с каким ожесточением выступали против надвигавшейся другой революции.

Подтвердилась на деле обоснованность установки, которую отстаивали большевики в полемике с эсерами и меньшевиками при изучении опыта 1905 г., — из офицеров только на одиночек можно рассчитывать в деле военно-технической помощи Красной гвардии, но никак не делать ставку на офицеров буржуазной армии в целом или даже на сколько-нибудь многочисленные их слои. Только одиночки пришли на помощь революции в дни Октября (полковник Вальден — под Пулковом, братья Каширины — под Оренбургом и некоторые другие). Здесь не в счет, конечно, те прапорщики и даже штабс-капитаны, как Н. В. Крыленко, П. В. Дашкевич, Ю. М. Коцюбинский, В. В. Сахаров, В. М. Турчан, А. Ф. Ильин-Женевский, Ф. Ф. Раскольников и многие другие, задолго до революции связавшие свою судьбу с партией большевиков, призванные в армию и там получившие минимальную военную подготовку, так пригодившуюся им в пер-

вых же боях пролетарской революции — не по ним судить о «революционизировании» офицерского корпуса старой армии, о его «полевении» или революционном «перерождении».

В новой политической обстановке, сложившейся в стране в результате победы Октябрьской революции, отношение большевиков к офицерству старой армии претерпело существенное изменение. Оно получило выражение в политике привлечения буржуазных военных специалистов на службу Советской власти.

При всей ясности классовой, политической характеристики офицерства старой армии, от его высшего до низшего звена, она не освобождает нас от выяснения его исторических судеб, наоборот, ставит перед нами вопрос: как могло случиться, что сотни офицеров Генерального штаба и десятки тысяч из основной, наиболее многочисленной массы офицеров старой армии оказались не на той стороне, не в стане военной контрреволюции, не у Деникина, Колчака, Юденича и им подобных, а в рядах Красной Армии? Было ли это результатом происходившего в их сознании идеологического перерождения, осознанного перехода на сторону революционных народных масс? Означает ли это, что на службу Советской власти пришла та прослойка офицерского корпуса, которая подчас в литературе, без особого выяснения критериев, фигурирует как «прогрессивная», «патриотически-демократическая» и т. д., по преимуществу вышедшая из разночинской среды населения и тем самым разбавившая дворянски и буржуазно однородный офицерский корпус? И далее — где та принципиальная основа, которая определила ленинскую политику привлечения военспецов старой армии на службу в армии пролетарской революции?

Такую принципиальную основу Ленин сформулировал в набросках и планах брошюры о диктатуре пролетариата, написанных в сентябре—октябре 1919 г. Ленин теоретически обобщил тогда вопрос о новых задачах, о новых формах классовой борьбы, встающих перед пролетариатом после завоевания им власти. Ленин подчеркивал, что формы классовой борьбы при диктатуре пролетариата «не могут быть прежние», значит, не может быть прежней и тактика по отношению к такой классовой прослойке, какой было офицерство старой армии.

Напомним, пять основных задач и, соответственно, форм классовой борьбы было названо тогда Лениным.

Первая — это подавление сопротивления эксплуататоров, возрастающего, обостряющегося после их свержения. Из всех видов их сопротивления, а следовательно, и их подавления Ленин особо выделял военное сопротивление и, соответственно, подавление, т. е. гражданскую войну, считая ее самостоятельной, второй, и задачей и формой классовой борьбы пролетариата в новых условиях. Третья форма этой борьбы — «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства. Мы не будем здесь распространяться, вдаваясь в характеристику этой формы, так же как и в характеристику последней, пятой по порядку ленинского изложения, формы, именуемой: «воспитание новой дисциплины».

Больше всего нас сейчас должна интересовать четвертая из названных Лениным форм борьбы: «использование» буржуазии, «спецов», общее определение которой он поясняет в словах: «Не только подавление сопротивления, не только „нейтрализация“, но взятие на работу, принуждение служить пролетариату», при этом Ленин отсылает нас ко второй Программе Коммунистической партии, к ее трактовке проблемы «Военспецы». Но уже из этой краткой формулировки мы видим, что Советская власть, партия большевиков, когда решали эту проблему, вовсе не обольщались наличием политически прозревших офицеров старой армии, сознательно проникшихся коммунистическим идеалом. Нет, проблема состояла именно в том, что предстояло использовать буржуазию и военспецов как профессиональный ее слой, и не в силу их изменившегося в сторону социализма сознания — партия учитывала, что взятие их на работу означало «принуждение служить пролетариату»¹³, или, как говорится в другом наброске ленинской работы, это означало «подчинение себе враждебного для позитивной работы», враждебного — именно «спецов», а среди них — военных специалистов¹⁴. Причем речь тогда шла о привлечении на службу не тех офицеров военного времени, которые в огромной своей части не успели в силу кратковременности обучения получить сколько-нибудь серьезного военного образования и опыт службы которых в армии, не всегда даже боевой, был весьма ограниченным. Ленин не раз подчеркивал, что имелись в виду главным образом генералы и полковники старой армии,

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 262—264.

¹⁴ Там же. С. 456.

прошедшие школу царской армии, владеющие, как записано было в Программе партии, оперативным и техническим опытом последней, мировой войны¹⁵.

Следовательно, Коммунистическая партия, решая эту проблему, шла не по линии наименьшего сопротивления, какую могло обещать ей обращение к тому разночинскому по происхождению офицерскому составу, более, может быть, «прогрессивному» и «демократическому», — она вступила на наиболее трудный, рискованный путь, беря на службу хорошо вышколенных, связанных службой еще царизму кадровых офицеров высшего и старшего звена и потому пользовавшихся наибольшими благами на службе эксплуататорскому строю.

Разумеется, Советское государство, учитывая это обстоятельство, должно было наладить со стороны рабочего класса всесторонний контроль над командным составом, приставить, иначе говоря, к военным специалистам, пришедшим из враждебной среды и сохранившим враждебное умонастроение, политических комиссаров. Эта мера стократ оправдала себя и послужила надолго образцом решения важнейшего вопроса строительства вооруженных сил пролетарского государства. Общеизвестно, какую большую роль сыграли военные комиссары, партийные организации в перевоспитании этих пришельцев из старого мира, которые в большинстве случаев стали честными и добросовестными строителями Рабоче-Крестьянской Армии и внесли свой огромный вклад в ее победы над силами внутренней и внешней контрреволюции.

В литературе получило распространение и иное представление о путях решения этой проблемы Советской властью. Можно встретить утверждение, будто офицерство старой армии постепенно, по мере все большего комплектования его выходцами из «демократических слоев», особенно во время мировой войны, взамен кадрового состава дворянского происхождения, левело по своим «политическим взглядам и убеждениям», так что в конце только совершенно незначительная доля офицерства (каких-нибудь 3—5 %) встретила Октябрьскую революцию враждебно, основная же его масса революцию не только приняла, но участвовала в ней на стороне пролетариата и пришла на службу Советской власти с первых же дней ее существования.

¹⁵ Восьмой съезд РКП(б), Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 399.

Наиболее ясно такое истолкование позиции офицерства получило в ряде изданий 1987—1988 гг. Так, в одном из них сообщается: «Тысячи офицеров участвовали в свершении социалистической революции, десятки тысяч всей логикой общественной жизни в России были подготовлены к восприятию ее идеалов и затем приняли активное участие в вооруженной защите Великого Октября». Автор утверждает, что «вовлечение большого числа офицеров в революционную борьбу еще до победы Октября и в строительство Красной Армии уже в советское время является логическим результатом социального перерождения и политического расслоения офицерского корпуса в годы первой мировой войны»¹⁶.

Хотя автор заявляет, что проблема «революция и офицерский корпус» специально пока у нас не исследовалась (и это отчасти верно) и он берется осветить ее недостаточно разработанные вопросы¹⁷, приходится все же признать, что «методологический» подход к подобному решению этой задачи закладывался несколько раньше, на материале более отдаленного от 1917 г. времени.

Перед нами пособие для учителей «Новое в исторической науке», выпущенное издательством «Просвещение» в 1984 г. В нем рассказывается, в частности, об «эрозии», или деклассировании, дворянства, происходившей в России с конца XIX в. Состояла эта «эрозия», как считает автор одной из статей, помещенных в книге, в том, что в результате реформ 60—70-х годов дворяне, продававшие втроедорога земельные владения, устремлялись на государственную службу, образуя таким путем «основной костяк военно-бюрократического аппарата самодержавия»¹⁸. Школьному учителю внушается, что таким-то образом ббольшая часть дворянства «деклассировалась», т. е. дворянин, взявший в руки рычаги государственного аппарата и надевший генеральские эполеты, становившийся классовой опорой самодержавия, переставал быть представителем своего класса (не потому ли, что военно-бюрократический аппарат был «надклассовым»?). Одним словом, «деклассировался»!

¹⁶ Буравченко А. А. В ногу с революцией: демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Новое в исторической науке: Пособие для учителя. М., 1984. С. 55.

В конечном же счете (учитывая еще обуржуазивание части дворянства и вливание в него выходцев из буржуазии) получается, что классовая опора самодержавия в лице дворянства ослаблялась, тогда как кому же не ясно, что дворянин, державший в руках бразды государственного управления, обладал еще дополнительной силой и входил уже в высшую, правящую касту своего класса?

Мысль В. И. Бovyкина о том, что *деклассированное* дворянство составило «основной костяк военно-бюрократического аппарата самодержавия», другой автор развил дальше, рассмотрев с точки зрения «эрозии» и самый этот «костяк». Под рубрикой «Переписка на исторические темы» в газете «Советская Россия» появилась статья «Военспец в революции», в которой «опровергается» тот несомненный факт, что офицерский корпус, верно стоявший на страже интересов дворянства и буржуазии, встретил пролетарскую революцию враждебно. Автор утверждает, что к этому времени реакционную касту внутри командного состава армии эксплуататорского государства составляли только кадровые офицеры, а их было меньше даже десятой доли всего офицерства, остальная же масса — свыше 90% — были офицеры производства военного времени, в подавляющем большинстве представители «демократических слоев общества». Выводя отсюда происшедшие будто бы автоматически «перемены в политических взглядах и убеждениях» не только этих офицеров, но и «всех категорий командного состава армии», автор углубляется в подсчеты и сообщает: только 3—5% офицеров, воспитанных царизмом, а затем царскими генералами, встретили Октябрьскую революцию враждебно¹⁹.

Для доказательства такой политической «эрозии» офицерского корпуса авторы обычно берут отдельные факты перехода офицеров еще в дооктябрьское время на сторону революции, к ним прибавляют немалый список большевиков, направленных партией в армию для революционной работы в ней, и беспартийных, прошедших ту или иную школу революционной борьбы, попавших на службу по мобилизации и получивших ускоренную военную подготовку в школах прапорщиков, а затем делаются арифметические подсчеты количества офицеров, служивших впоследствии в Красной Армии. Смешиваются, та-

¹⁹ Кавтарадзе А. Г. Военспец в революции // Сов. Россия. 1987. 1 янв.

ким образом, суммируются и приводятся к одному знаменателю разные, несопоставимые контингенты. Для обоснования «полевения» буржуазный по классовой позиции, корниловский, по определению Ленина, офицерский состав именуется «демократическим» (при этом замалчивается, что он был приверженцем и защитником не иной какой, а деникинской демократии), «прогрессивным», «передовым», «патриотически настроенным» (без разбора — с какой точки зрения, по сравнению с чем он являлся таковым). За счет пополнений военного времени создается впечатляющая картина «массового полевения» офицеров еще в предоктябрьское время, «эрозии» офицерского корпуса, сделавшей возможным привлечение его без какого бы то ни было принуждения к строительству нового общества, к защите завоеваний революции.

На той же основе трактуется проблема военных специалистов на службе Советской власти в специальной работе²⁰. Здесь бросается в глаза прежде всего метод подсчета.

Исходя из принятой С. М. Кляцкиным численности командного состава Красной Армии, определяемой к концу гражданской войны в 217 тыс чел., и сведений В. А. Антонова-Овсеевко о том, будто «на 1 января 1921 г. военные специалисты в Красной Армии составляли 34 проц.», автор заключает: «Из этого следует, что в Красной Армии всего служило в среднем 73 тыс. военных специалистов» — и соглашается с другими авторами, округляющими эту численность до 70—75 тыс. чел., подчеркивая, что такая численность специалистов «представляется... достаточно реальной»²¹. Но оказывается, что за взятыми у Кляцкина же 34% (по сведениям Антонова-Овсеевко) скрывается сумма, полученная от сложения 6% бывших кадровых офицеров и 28% бывших офицеров военного времени²². И далее оказывается, что Наркомвоен «не считал военными специалистами прапорщиков (бывших офицеров военного времени), приравнивая их к унтер-офицерам и даже солдатам»²³. Это совпадает с известной точкой зрения В. И. Ленина, считавшего нужными для Красной Армии специалистами генералов и полковников, прошедших школу царской армии и владею-

²⁰ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М., 1988.

²¹ Там же. С. 176.

²² Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965. С. 464.

²³ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 175.

щих оперативным и техническим опытом первой мировой войны, чем руководствовалась и партия, решая вопрос о привлечении их на службу Советской власти.

В другом месте своей книги А. Г. Кавтарадзе и сам признает, что в 75 тыс. военных специалистов он включает 65 тыс. бывших офицеров военного времени, в число которых, по его же сведениям, входят и солдаты, произведенные в офицеры за храбрость²⁴. Но он нисколько не обосновывает правомерность того нового понятия «военный специалист», которое он вводит в противовес понятию, фактически существовавшему во время гражданской войны и после нее. А ведь эти подсчеты предназначены для того, чтобы показать, какими большими массами переходило офицерство на сторону революции и якобы участвовало в революции. Для обоснования такой численности военных специалистов в нее включаются еще 12 тыс. офицеров «белых и других армий, взятых в плен и перешедших на сторону Советской власти»²⁵. Так оказываются в одной категории — военных специалистов — и бывшие белые офицеры и члены РКП(б) — офицеры военного времени²⁶.

Если же говорить о бывших офицерах, выходцах из мелкобуржуазных слоев, которые повернули в сторону Советской власти, то это был уже результат разложения мелкобуржуазной демократии в новых условиях, проявление неизбежного ее поворота «от враждебности к большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его»²⁷. Ленин объяснил этот поворот в ноябре 1918 г. в статье «Ценные признания Питирима Сорокина» и в «Докладе об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии» на собрании партийных работников Москвы. Говоря о неизбежности этого поворота под влиянием величайшего перелома всей мировой истории, Ленин писал, что это относится не только к кустарю, ремесленнику, рабочему, «сохранившему наиболее мелкобуржуазные взгляды», но и «ко многим служащим, и к офицерам, и — в особенности — к интеллигенции вообще»²⁸.

Оценка политических позиций офицерства, четкое представление о его классовом облике, выработка на этой

²⁴ Там же. С. 222, 210.

²⁵ Кавтарадзе А. Г. Военспец в революции; *Он же*. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. С. 222.

²⁶ Там же. С. 211.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 191.

²⁸ Там же. С. 195.

основе тактики по отношению к нему — все это было для большевиков необходимым условием решения задач борьбы за войско, а в более широком, программном плане — решения проблемы движущих сил революции как на ее буржуазно-демократическом, так и на социалистическом этапе. Эти вопросы были решены большевиками, Лениным на опыте первой русской революции, в бескомпромиссной борьбе с меньшевиками. И в этом, нельзя забывать, состоит значение (наряду с другими важными компонентами революционного опыта) революции 1905—1907 гг. как «генеральной репетиции» Октября. Этот громадной важности исторический опыт, накопленный в трех русских революциях, остается в нашей литературе пераскрытым.

Что касается военной политики Советского государства, предусматривавшей привлечение старых военных специалистов к строительству Красной Армии и руководству боевыми действиями, то эта проблема также не может считаться изученной.

Привлечение к делу строительства социализма буржуазных специалистов, а военных специалистов — на службу в Красной Армии явилось программным требованием партии и Советской власти. При изучении решения этой задачи нельзя поступать иначе, как исходить из тех понятий и критериев, какие применялись тогда на практике.

Вопрос стоял так: сможет ли Советское государство создать надежную вооруженную силу, способную отразить натиск хорошо организованных, многочисленных войск белогвардейцев и интервентов под управлением опытных, подготовленных генералов и офицеров? Нужна была не менее организованная, регулярная армия с централизованным управлением. Ее невозможно было создать без помощи обладавших не меньшим опытом и не меньшими знаниями специалистов военного дела.

Ленинское руководство партии и государства глубоко осознало, что от решения этой ключевой для того времени проблемы зависел успех защиты революции на боевых фронтах. «Теперь на первом плане должна быть регулярная армия,— говорил Ленин на VIII съезде партии (март 1919 года),— надо перейти к регулярной армии с военными специалистами»²⁹. Однако такой пере-

²⁹ Ленинский сб. Т. 37. М., 1970. С. 139.

ход затянулся: многие военные работники партии, привыкшие к партизанским действиям и не имевшие основательной военной подготовки, вопреки партийной линии отстаивали прежние способы борьбы и не хотели, как упрекал их Ленин, бросать «старую партизанщину».

Когда Ворошилов при обсуждении военной политики партии заявил на съезде о громадных заслугах защитников Царицына, Ленин подтвердил, что «такой героизм трудно найти в истории», что он «займет величайшее место» в истории революции, но обратил внимание и на факты, приведенные Ворошиловым («у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 000 потерь»). «Это ужасно,— сказал Ленин,— по 60 000 мы отдавать не можем и... может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60 000, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия»³⁰. VIII съезд осудил организованное выступление так называемой «военной оппозиции» против военспецов, в защиту старой партизанщины, ибо тем самым она нарушала «всю партийную линию и всю партийную программу»³¹.

По схеме «Краткого курса истории ВКП(б)» борьба за привлечение военспецов в Красную Армию в литературе нередко сводится к полемике ленинского ядра ЦК партии с «военной оппозицией» на VIII съезде, при этом смазывается острота борьбы. Некоторые же авторы по старой традиции оставляют в тени действительных вдохновителей и лидеров оппозиции, яростно боровшихся против линии партии, и пытаются заслонить их теми лицами, которые были политически скомпрометированы в 30-е годы. А ведь совсем иначе предстанет перед нами картина борьбы по этому вопросу на VIII съезде партии, если знать, что в Царицыне, например, не то что «не было никаких военных специалистов», как сообщал Ворошилов, а наоборот, Совнарком и Реввоенсовет Республики присылали туда весьма компетентных военных специалистов, но Сталин и Ворошилов всячески их третировали, мешали выполнять возложенные на них обязанности, не считаясь с решениями правительства и директивами Высшего военного совета, а потом Реввоенсовета Республики.

³⁰ Там же. С. 138—139.

³¹ Там же. С. 139.

Бывший генерал А. Е. Снесарев прибыл в Царицын в мае 1918 г. с мандатом Совнаркома, подписанным Лениным³². Он был назначен военным руководителем Северо-Кавказского окружного комиссариата по военным делам. Ему была поставлена задача собрать разбросанные на большом пространстве отряды и боевые группы и организовать противодействие наступающей на Царицын 40-тысячной армии генерала Краснова. Задача была выполнена: созданы регулярные части, организована оборона города, враг остановлен.

В это самое время Сталин шлет в Москву телеграмму: «Военрук Снесарев, по-моему, очень умело саботирует дело» — и требует «убрать Снесарева, который не в силах, не может, не способен или не хочет вести войну с контрреволюцией»³³, а план Снесарева по обороне города объявляет вредительским, потому что он несет «печать оборончества». В середине июля, когда положение под Царицыном стабилизировалось, Сталин самовольно сместил, а затем арестовал военрука Снесарева. Незадолго перед тем он арестовал по выдуманному обвинению в организации заговора и посадил на баржу (плавучую тюрьму) почти весь штаб округа³⁴.

Высший военный совет для расследования «баржевой» политики Сталина послал в Царицын инспекцию во главе с членом ВЦИК А. И. Окуловым. Инспекция освободила Снесарева из-под ареста, но некоторые военспецы уже были расстреляны. Сорвав выполнение плана Снесарева путем организации необеспеченного наступления, в результате чего город оказался в полуокружении, и пытаясь отвести от себя вину, Сталин 4 августа 1918 г. сообщил Ленину: «Положение на юге не из легких. Военсовет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти инертностью бывшего военрука»³⁵. Вот в каких условиях Царицын терял тысячи своих защитников.

В сентябре 1918 г. был учрежден Реввоенсовет Южного фронта, в состав которого вошли Сталин, председатель Царицынского Совета С. К. Минин; командующим

³² См.: Дудник В., Смирнов Д. Вся жизнь — науке // Воен.-ист. журн. 1965. № 2. С. 49.

³³ Документы по истории гражданской войны в СССР. М. 1940. Т. 1. С. 239.

³⁴ См.: Шапошник В. И. Северо-Кавказский военный округ в 1918 г. Ростов н/Д., 1980. С. 155—174.

³⁵ Документы по истории гражданской войны в СССР. С. 240.

фронтом был назначен бывший генерал П. П. Сытин, его помощником — Ворошилов. Реввоенсовет Республики предоставил Сытину «полную власть в ведении операций», указав, что «в оперативные распоряжения командующего никто не должен вмешиваться»³⁶.

Однако Сталин и Ворошилов, не подчиняясь приказу РВСР, заявили, что они признают только «коллективную форму управления фронтом и коллегиальное решение всех оперативных вопросов»³⁷, и не допустили Сытина к выполнению возложенных на него обязанностей. Несмотря на настояния прибывшего вместе с Сытиным члена РВСР К. А. Мехоношина о подчинении приказу центра, Реввоенсовет фронта, возглавляемый Сталиным, самовольно отстранил Сытина от должности и ходатайствовал о назначении вместо него Ворошилова.

Конфликт разбирает ЦК партии. Секретарь ЦК Я. М. Свердлов 2 октября телеграфирует Сталину, Минину, Ворошилову: «Сегодня состоялось заседание бюро Цека, затем всего Цека... Обсуждался вопрос о подчинении всех партийных товарищей решениям, исходящим [из] центров... Убедительно предлагаем провести в жизнь решения Реввоенсовета... Никаких конфликтов не должно быть»³⁸. В ответ на требование ЦК Сталин, Минин и Ворошилов посылают Ленину письмо, в котором изображают Сытина как «человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного» и требуют «пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров»³⁹.

Создание Реввоенсовета Южного фронта из-за дезорганизаторских действий царичинской тройки затягивалось. По решению ЦК был организован новый Реввоенсовет фронта (П. П. Сытин, К. А. Мехоношин, Б. В. Лерман) с местонахождением в Козлове (ныне Мичуринск), куда выехал Я. М. Свердлов, чтобы разобраться во всем деле. Только при вмешательстве ЦК партии и Ленина была нормализована обстановка на Южном фронте.

Когда Ворошилов в статье, посвященной 50-летию Сталина (1929 г.), аттестовал его «как одного из самых

³⁶ Колесниченко И. К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного фронта (сентябрь — октябрь 1918 г.) // Воен.-ист. журн. 1962. № 2. С. 42.

³⁷ Там же. С. 43.

³⁸ Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1960. Т. 3. С. 28.

³⁹ Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 389—390.

выдающихся организаторов побед гражданской войны» и как «единственного человека, которого Центральный Комитет бросал с одного боевого фронта на другой»⁴⁰, то он умолчал, что ЦК не только «бросал» Сталина туда, но и вызывал в Москву, к Ленину, дабы гасить возникавшие по его вине конфликты.

И так было не раз. Известно, например, что в августе 1920 г., будучи членом РВС Юго-Западного фронта, Сталин демонстративно отказался выполнить приказ Главкома о переброске на Западный фронт 1-й Конной и 12-й армий, который исходил из решений Политбюро ЦК и Пленума ЦК. «Тем самым,— делал вывод исследовавший этот вопрос историк Н. Ф. Кузьмин, — Сталин противопоставил себя линии ЦК партии, встав на путь прямого невыполнения постановления Пленума ЦК РКП(б) от 5 августа 1920 г.»⁴¹ Сталин был вызван в Москву и решением Политбюро ЦК РКП(б) освобожден от должности члена РВС Юго-Западного фронта. Ленин участвовал в этом заседании Политбюро. И если учесть только приведенные факты, можно видеть, какие он имел основания, чтобы рекомендовать XII съезду заменить Сталина в должности генсека более лояльным товарищем.

Борьба Сталина против военной политики партии имела свой эпилог.

Начальник Академии Генерального штаба, а потом профессор Института востоковедения, Военно-воздушной и Военно-политической академий, один из первых, кому в 1928 г. ЦИК СССР присвоил звание Героя Труда, А. Е. Снесарев через два года был обвинен в участии в контрреволюционной монархической организации, в числе других военных специалистов арестован. Находясь в ссылке, в суровых условиях севера, 65-летний профессор работает грузчиком. Здоровье было основательно подорвано, тяжелый недуг приковал в койке. Снесарев умер в 1937 г. (реабилитирован в январе 1958 г.).

Жертвой сталинских репрессий стал П. П. Сытин (1938 г.). Та же участь постигла и тех, кто отстаивал в свое время ленинскую политику в отношении военных специалистов,— А. И. Окулова, К. А. Мехоношина и др.

⁴⁰ *Ворошилов К. Е.* Сталин и Красная Армия. М., 1937. С. 10—11.

⁴¹ *Кузьмин Н.* Об одной невыполненной директиве Главкома: (Из истории советско-польской войны 1920 года) // *Воен.-ист. журн.* 1962. № 9. С. 62.

Понятно, что в «Кратком курсе» и в литературе, ориентирующейся на «Краткий курс», трактовка борьбы за военную политику партии, за привлечение военспецов «очищена» от подобных фактов и извращена характеристика «военной оппозиции». Получается, что в нее входили «левые» коммунисты, да и то бывшие, а кроме них — «никогда не участвовавшие ни в какой оппозиции, но недовольные руководством Троцкого в армии». А поскольку они были резко настроены «против его преклонения перед военными специалистами»⁴³, тем самым внушается положительный смысл их позиции. Не в том, мол, дело, что они выступали против ленинской линии на привлечение специалистов, что и было осуждено съездом, а они боролись против Троцкого, против его «преклонения»! А между тем Ленин как раз, высоко оценивая организаторские способности Троцкого, именно за то и хвалил его, что тот «сумел организовать военных спецалкстов»⁴³.

Говорится в «Кратком курсе» и о том, что военная оппозиция боролась против «искривления Троцким военной политики партии»⁴⁴. Но это писалось в то время, когда от читателя скрывались некоторые документы, способные уличить авторов «Краткого курса» в «искривлении» оценок как «военной оппозиции», так и деятельности Троцкого. Теперь уже опубликована речь Ленина по военному вопросу на закрытом заседании съезда. В ней можно прочитать: «Если вы, выступая ответственным оратором на партийном съезде, можете Троцкому ставить обвинения в том, что он не проводит политику ЦК, — это сумасшедшее обвинение. Вы ни тени доводов не приведете. Если вы это докажете, ни Троцкий не годится, ни ЦК. Какая же это партийная организация, когда она не может добиться, чтобы проводилась ее политика»⁴⁵. «Краткий курс» произвольно переносил на деятельность Троцкого под руководством Ленина оценку его положения в партии, сложившуюся после смерти Ленина.

Сталин, декларативно высказавшись на съезде за создание «настоящей», «строго дисциплинированной» армии,

⁴² История ВКП(б): Крат. курс. М., 1955. С. 224.

⁴³ Воспоминания о В. И. Ленине: 3-е изд. М., 1984. Т. 2. С. 266; Кораблев Ю. «Почему Троцкий?» // Полит. образование. 1989. № 2. С. 61.

⁴⁴ История ВКП(б): Крат. курс. С. 224.

⁴⁵ Ленинский сб. Т. 37. С. 136.

в вопросе о военспецах поддержал „военную оппозицию“, зарезервировав, как видно, свою позицию, практически проводившуюся им до съезда, в Царицыне, и возобновленную им в 30-е годы, а это показывает, что он так и не оставил ее. В «Кратком курсе» об этом не сказано ни слова, не сказано, что он именно по этому вопросу боролся с ЦК и за это был отозван с фронта. Вдохновитель и практический деятель «военной оппозиции», он, наоборот, представлен в этой книге как решительный борец, рядом с Лениным, против «военной оппозиции»⁴⁶.

А между тем трудно найти более низкий обман, чем приравнивание его к Ленину в таком вопросе политики партии, в каком расхождении между ними были кричащими. Вскоре после VIII съезда, 4 июня 1919 г., Сталин в письме Ленину, ссылаясь на случаи измены старых военных специалистов, требовал пересмотреть политику в отношении их. Письмо заканчивалось в характерном для Сталина стиле: «Весь вопрос теперь в том, чтобы Цека нашел в себе мужество сделать соответствующие выводы. Хватит ли у ЦК характера, выдержки». Сталин запомнил заявление А. И. Окулова, что «не было ни одного государственного учреждения, с которым бы царицынская самостоятельность не находилась в смертельной вражде», а Реввоенсовет не отменял бы все «законы центра в революционном порядке». И теперь в письме Ленину он требовал отозвать с Западного фронта А. И. Окулова, обвиняя его в том, что он якобы натравливает «военных специалистов на наших комиссаров и до того пришибленных». Пленум ЦК, рассмотрев 15 июня это обвинение, постановил выразить А. И. Окулову «от имени ЦК доверие»⁴⁷.

Следует заметить, что те фактические данные о борьбе Сталина против линии партии в военном вопросе, которые приведены выше, выявлены военными историками более 20 лет назад, после XXII съезда партии, но в последние десятилетия замалчивались, чтобы не вступать в противоречие с «Кратким курсом».

Вопрос о месте офицерства буржуазной армии в политической жизни той или иной страны и о тактике революционных сил по отношению к нему в последние десятилетия не сходил с повестки дня. То и дело давала

⁴⁶ История ВКП(б): Крат. курс. С. 224—225.

⁴⁷ Данилевский А. Ф. В. И. Ленин и вопросы военного строительства на VIII съезде РКП(б). М., 1964. С. 76—77.

себя знать опасная для дела мира и социального прогресса тенденция к повышению во внутренней жизни ряда стран роли армии. Исследования этого явления пестрят прямо-таки астрономическими цифрами военных переворотов, сотрясающих разные континенты.

За два десятилетия (1958—1977), по подсчетам американского специалиста С. Е. Уэлча, в Азии, Африке и Латинской Америке произошла 151 попытка военных переворотов, из которых 97 были успешны⁴⁸. В одной только Латинской Америке, в 19 ее государствах, после второй мировой войны (включая 70-е годы) произошло более 100 переворотов; их избежало только одно государство — Мексиканские Соединенные Штаты⁴⁹. Беря более длительный отрезок времени, профессор Г. И. Мирский сообщает: «Из трех континентов прежде первенство держала Латинская Америка (почти 500 военных переворотов за полтора столетия), но теперь ее обогнала Тропическая Африка: за четверть века более 60 переворотов (считая только удавшиеся; неудачных попыток было около 70). 69 глав государств и правительств были устранены насильственным путем, 21 из них был убит или казнен»⁵⁰. О неизменном повышении роли армии в политической жизни стран Латинской Америки говорят такие, например, данные, появившиеся в американской печати: за 60 лет (1907—1966) произошло 105 военных переворотов; из них на первое 20-летие (1907—1926) приходится 25%, на второе (1927—1946) — 34 и на третье (1947—1966) — 41%⁵¹.

За этими суммарными и относительными данными стоит участие армий как в реакционных, так и в революционных переворотах. Результатом успешного революционного переворота явилось, например, свержение 18 июля 1979 г. никарагуанским народом диктатуры Сомосы. Военные перевороты заканчивались победой прогрессивных сил в Бирме, Эфиопии, Мадагаскаре и в других странах. Однако в подавляющем большинстве стран Латинской Америки к середине 70-х годов утвердились у власти военные режимы. Из них лишь некоторые проводили

⁴⁸ Чиркин В. Е. Армия в политической системе стран социалистической ориентации // Вооруженные силы в политической системе. М., 1981. С. 5, 21—22.

⁴⁹ Тихонов А. А. Армия в политической системе стран Латинской Америки // Там же. С. 150.

⁵⁰ Мирский Г. «Третий мир»: армия и власть // Известия. 1988. 3 марта.

⁵¹ Тихонов А. А. Указ. соч. С. 156.

прогрессивные социальные преобразования (Перу, 1968—1975 гг.; Панама), в подавляющем же большинстве военные перевороты приводили к установлению реакционной диктатуры, финансовой олигархии, власти крупной буржуазии и наиболее консервативных кругов латифундистов, выступающих в тесном союзе и при поддержке иностранных империалистов (Бразилия, Чили, Боливия и др.). 70% населения Южной Америки к началу 70-х годов также жило под пятой военных диктатур⁵².

Во многих случаях военные перевороты представляют собой верхушечные офицерские путчи, к которым население либо не причастно, либо относится безучастно и равнодушно. Солдатская масса, как правило, послушно и бездумно идет за офицерами. Объясняется это тем, что служба в армии для малограмотного, не видящего для себя перспектив в деревне крестьянского парня считается большой удачей, а в политике он не разбирается.

Когда речь идет об армии в политике «третьего мира», то имеется в виду «офицерство, в основном мелкобуржуазное, националистическое по своим настроениям, способное предпринимать акции патриотического, антиимпериалистического и антифеодалного характера, как это было, например, в Египте в 1952 г., когда революцию совершили молодые офицеры во главе с Насером, в Ливии в 1969 г., в Сирии и Бирме в начале 60-х годов, в Эфиопии в 1974 г.». Исходные позиции военных были во всех этих случаях одинаковы: антиимпериалистический национализм молодых офицеров, выражавших настроения вновь народившейся национальной интеллигенции, требовал освобождения и от иностранного гнета, и от господства местных привилегированных верхушек, связанных с западным капиталом⁵³.

Проблему армии, ее роль на авансцене политики современные авторы недаром рассматривают прежде всего на материале стран Азии, Африки и Латинской Америки. Анализируя революционный опыт XX в., Б. И. Коваль объясняет это тем, что в условиях общей политической отсталости, слабости партийных структур и социальной разобщенности трудящихся армия, обладающая в отличие от классов и партий двумя преимуществами — военной организованностью и оружием, часто выступает важной и даже решающей силой в развитии революции и

⁵² Там же. С. 162, 170.

⁵³ Мирский Г. Указ. соч.

контрреволюции и своим вмешательством в политику определяет ход событий в ту или другую сторону.

Наиболее рельефно здесь проявляется и разделение самой армии на противоборствующие части — революционную и контрреволюционную. Это в первую очередь относится к офицерству, поскольку солдатская масса, рекрутируемая в большинстве случаев из среды неграмотного крестьянства, не способна самостоятельно разобраться в политике и чаще всего выступает в роли «послушной пехоты». Нередко офицеры даже «не считают нужным объяснять своим подчиненным смысл тех или иных действий, требуя одного — веры и послушания»⁵⁴.

Из протеста против колониального угнетения народов и зависимости фашистских и полуфашистских хунт от империалистических держав в среде офицерства, вышедшего из демократических слоев населения и связанного с ними общими интересами, возникают и усиливаются патриотические, антиправительственные настроения, выдвигающие одну его часть на передовые позиции, тогда как другая часть офицерства продолжает нести службу охраны существующей власти, выполняет жандармские функции, душит революцию.

В развитии освободительного движения выделяются как новый рубеж 70-е годы. Если в предыдущие десятилетия политическая гегемония принадлежала в основном националистическим слоям буржуазии, то в 70-е годы на авансцену политики вышли мелкобуржуазная военно-революционная демократия и рабочий класс (как это было в Чили и Никарагуа). В антиимпериалистических выступлениях в конце 60-х — начале 70-х годов (Перу, Панама, отчасти Эквадор и Гондурас) политическая инициатива принадлежала левонационалистическим кругам мелкобуржуазного офицерства. Однако смелая и даже революционная попытка военной революционной демократии провести ряд антиимпериалистических и антиолигархических преобразований «сверху» оказалась несостоятельной. Трудящиеся поддерживают прогрессивные устремления военных, но препятствием к более радикальным социально-экономическим мерам служат слабость и непоследовательность мелкобуржуазного революционаризма. Промежуточное положение в современном капи-

⁵⁴ Коваль Б. И. Революционный опыт XX века. М., 1987. С. 357—358; Шабардин П. М. Армия в современной политической борьбе. М., 1988. С. 147.

талистическом обществе средних городских слоев, и в частности мелкой буржуазии, предопределило половинчатый — полуреволюционный, полуреформистский — характер политики мелкобуржуазной военной демократии.

В отличие от Латинской Америки военно-революционные режимы Африки сумели в большей степени опереться на энергию народных масс. Благодаря этому в восьми государствах — Ливии, Мадагаскаре, Бенине, Гвинее-Бисау, Анголе, Мозамбике, Эфиопии и Зимбабве — к власти пришли национально-демократические силы. Вышедшее в основном из народа и особенно остро ощущавшее необходимость социальных перемен, патриотически настроенное офицерство возглавило борьбу против монархии и колониализма в Ливии, взяло в свои руки власть в Бенине, свергло императорский режим в Эфиопии ⁵⁵.

Отсюда можно видеть, что в отличие от России, где офицерство в последние годы царизма воспитывалось в условиях реакционнейшей империалистической войны, которая завершила процесс выхода его на авансцену политики, в новое время политические позиции офицерства, а через него и армий, вырабатываются на опыте национально-освободительных движений и революций. В таких условиях создается и почва для политического размежевания офицерства.

⁵⁵ См.: Революционные движения и империалистическая контрреволюция (70-е — начало 80-х годов). М., 1987. С. 18—22.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Из отчета о заседании всероссийского демократического совещания 17 сентября 1917 г.

«В вечернем заседании первым выступает представитель делегации профсоюзов тов. Рязанов.

...Переходя к вопросу о власти по существу, тов. Рязанов говорит:

Уже на Московском совещании стало очевидно для всех, кто хотел видеть, что главная партия буржуазии, партия кадетов, не имеет никакой опоры в массах, что она опирается лишь на силы контрреволюции, связанные с именем Корнилова или Алексева...

Корниловщину называют печальной авантюрой, но мы скоро узнаем на основании документов, какие общественные слои поддерживали эту авантюру. Один из этих документов я позволю себе огласить пред вами. Это — передовая статья газеты „Речь“, которая должна была появиться 30 августа, но которая исчезла, — не по вине цензора, а благодаря мужеству редакторов кадетской газеты. Вот что в этой статье говорится...

Рязанов оглашает следующее место из ненапечатанной статьи „Речи“:

„Что ответить на обвинения, квалифицирующие происходящие события как «заговор против революции», цель которого — «избавление от засилия демократии»? Да, конечно, это «заговор» и, как таковой, это есть преступление перед законом. Но зачем же говорить, что это — заговор «против революции» и «демократии»? Надо быть справедливым и к политическому противнику и даже — или даже особенно — к преступнику. Ген. Корнилов и не «реакционер» и его цели ничего не имеют общего с целями «контрреволюции». Это явствует из его определенных заявлений, простотой своей как нельзя лучше характеризующих бесхитростный и прямой ум и сердце солдата. Ген. Корнилов ищет пути довести Россию до выражения народной воли о будущем устройстве России в Учредительном собрании. Нам тем легче присоединиться к этой формулировке национальных целей, что мы говорили о них в тех же самых выражениях задолго до ген. Корнилова. Если мы совсем не думаем обвинять Корнилова в заимствовании у к.—д., то только потому, что эти мысли и формулы давно уже стали общим достоянием, а происхождение их от к.—д. имеет теперь только историческое значение. Да, мы не боимся сказать: ген. Корнилов преследовал те же цели, какие мы считаем необходимыми для спасения родины“.

Цитата из статьи кадетской газеты производит на все собрание сильное впечатление...

Рабочий путь. № 14. 1917. 19 сент.

Примечание.

Факт выхода кадетской «Речи» 30 августа 1917 г. с «белым пятном» на месте передовой получил широкое освещение в газетах тех дней и был расценен как неожиданное «снятие маски» с кадетской партии. Сама же «Речь» в тот же день, что и «Рабочий путь», 19 сентября, выступила по этому поводу, уличая Рязанова в неблагоприятном поступке («опустился до того, что читал статью, которая не напечатана была в «Речи» и которая могла попасть в его руки только нечестным путем»). ЦК кадетов, очевидно, полагал, что свою непричастность к корниловщине он провозгласил, поместив в «Речи» 31 августа передовую, очищенную от мотивов солидарности с Корниловым, но сохранив в ней ту же оценку выступления Корнилова. Но на той и другой передовой «Речи» явны следы принятой, по-видимому, накануне резолюции ЦК (см. след. док-т), которая в них по существу пересказывается.

№ 2

Резолюция ЦК партии народной свободы по поводу мятежа Корнилова

«Центральный комитет партии народной свободы, во избежание всяких недоразумений и лжетолкований по поводу политической позиции, занятой партией относительно выступления генерала Корнилова против Временного правительства, считает долгом заявить следующее:

Партия народной свободы, по всему своему прошлому и по основной идее парламентской борьбы, положенной в основу ее политического существования, чужда вооруженным выступлениям и, как в таковых, не могла и не может принимать в них никакого участия. Вписав в свою национальную программу требование о безусловном господстве закона и о создании сильной и твердой власти, могущей обеспечить общее подчинение закону, партия не может делать исключений для кого бы то ни было, в том числе и для генерала Корнилова. Следствие, конечно, выяснит те ближайшие обстоятельства, при которых генерал Корнилов перешел границу, отделяющую настойчивые усилия гражданина, стремящегося найти путь спасения родины, от поведения мятежника, открыто порвавшего с своим законным правительством. Но граница эта перейдена и нарушитель закона подлежит законной ответственности. Размеры ее может установить только суд, способный точно установить долю вины каждого из лиц, способствовавших своим поведением возникновению ужасных явлений гражданской войны.

Но, признав вину и законную ответственность генерала Корнилова, вполне признавая и ту громадную опасность, которой, в результате своих действий, генерал Корнилов необдуманно подвергто единение в армии и в населении, без которого невозможно ни существование сильного правительства, ни устойчивая защита родины от врага, партия народной свободы не может присоединиться к ужасным обвинениям и считать генерала Корнилова защитником контрреволюции, покусителем на устанавливающийся демократический строй свободной России и представителем интересов имущих классов населения. Партия не может не признать того, что мысли генерала Корнилова о единственной возможной программе спасения

родины путем восстановления боеспособности армии вполне совпадают со всем, что уже давно, в течение нескольких месяцев, говорила эта партия. Правильность программы генерала Корнилова, впрочем, признана и самим правительством в лице А. Ф. Керенского и Б. В. Савинкова, изъявлявших перед самым выступлением генерала Корнилова готовность исполнить главные его требования. Партия не находит оснований сомневаться и в чистоте побуждений человека, неоднократно доказавшего на деле свой горячий патриотизм и свою безграничную способность к самопожертвованию на благо родины. Гнусным обвинениям в измене и предательстве, исходящим из тех же темных источников, из которых шла до сих пор пропаганда действительно изменнических идей расслабляющих мощь нашей родины, партия противопоставляет свою уверенность в благородстве личности генерала Корнилова, безупречную чистоту его прошлого и его бесспорные заслуги перед родиной.

Партия считает необходимым присовокупить, что усмирением мятежа генерала Корнилова не ограничиваются задачи правительства. Его целью должно быть оздоровление самой почвы, на которой неизбежно создается расслоение русского общества на враждующие части, ведущее к возможности повторения подобных столкновений. Единственным путем для достижения этой цели партия продолжает считать усвоение правительством той национальной программы, которая выставлена партией в согласии с [государственно мыслящими] общественными кругами, как объединяющая все классы общества и все политические течения, каковы бы ни были их дальнейшие расхождения, на ближайшей задаче победы над врагом и подготовке страны к правильному выражению народной воли в Учредительном собрании».

ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3428. Л. 1. и об.
Автограф П. Н. Милюкова.

№ 3

Из письма члена ЦК партии народной свободы
В. А. Маклакова П. Н. Милюкову

Париж, 24 января 1923 г.

«Я помню свой горячий разговор, а вернее разговоры с Новосильцевым после того заседания у Н. М. Кипкина во время государственного совещания, когда приехавшие от Корнилова офицеры имели беседу с рядом общественных деятелей (не партийных, ибо там были и М. В. Родзянко, и В. Шульгин) о возможном и даже неизбежном выступлении Корнилова; я неотчетливо помню, были вместе с ними и Новосильцев; но, если его там и не было, то все делалось с его ведома и при его участии; поэтому немедленно после этого заседания у меня был с ним разговор о том, что там происходило; повторяю, что не помню только, судил ли он об этом заседании по своим *личным* впечатлениям, или по рассказам своих товарищей офицеров. Я был поражен и испуган тем общим впечатлением, которое посланцы Корнилова вынесли из этого собрания; это впечатление было, что «общественные деятели» им сочувствуют и их поддерживают. Помню, что я очень резко упрекнул Новосильцева в том, что эти посланцы, сознательно или бессознательно, ведут двойную игру: говорят нам, что дело уже *решено*, что выбора нет, в то время, когда еще ничего не решено, а затем сообщают Корнило-

ву наше отношение к свершившемуся факту, под видом отношения к самому проекту. Я говорил Новосильцеву, что такой политикой они одинаково обманывают и ту и другую сторону. Но вместе с тем я не могу не признать, и это мое впечатление осталось у меня и поныне, что самые общественные деятели поддались на эту удочку и не отпеслись к зондированию почвы Корниловым с тем резким осуждением, которое было необходимо, если бы мы *хотели* во что бы то ни стало ему *помешать*; продолжаю думать, что если бы тогда на этом совещании мы сказали, что предприятие безнадежно и погубит армию, то и Корнилов с ним, может быть, не поторопился бы и выход из тупика был бы еще возможен. Эту позицию «общественных деятелей»¹, которая укрепила посланцев в том, что они встретят сочувствие и даже содействие², я в то время очень резко называл Новосильцеву провокацией, конечно бессознательной, чем она и отличалась от позиции Савинкова и других активных деятелей переворота. Эти мои слова Новосильцеву и могли дойти до Деникина³, может быть, раньше дошли и до Корнилова; в них я несколько не раскаиваюсь, потому что в это время я считал своим долгом рассеивать те иллюзии, которые наше, т. е. общественных деятелей, поведение могло поселить в голове Корнилова. Говорил ли я Новосильцеву «особенно Милюков», не помню; но если бы такая фраза была когда-либо мною сказана, то могла бы относиться исключительно к тем словам, которые вы говорили на этом заседании у Кишкина. (...)

Но, что я очень отчетливо помню, это то, что Вашу позицию на этом заседании Новосильцев и его друзья противопоставляли моей. Противоположение было несколько не в оценке цели Корнилова, а только во взгляде на осуществимость его плана. И я слишком хорошо помню это заседание, чтобы этому противоположению не удивляться. Я относился к плану Корнилова как к *плану* и доказывал, что из него ничего хорошего не выйдет; Вы же с первых слов отвели такой способ обсуждения, сказав, что нам приходится считаться не с *планом*, который можно было бы оставить, а с свершившимся фактом, которого избежать нельзя и к которому нужно установить только правильное отношение. Более того, Вы, в отличие от меня, допускали, что этот план *может* увенчаться успехом; в последних двух строчках страницы 40-й книги Деникина я прочел тот самый аргумент, который лично Вы изложили тогда на заседании. Ваши суждения на этом заседании были для меня типичным образчиком тех последствий, к которым приводила двойная политика офицеров. Ваши суждения были предрешены тем, что Вы считали выступление Корнилова делом уже решенным; раз это было так, то Вы считали своим долгом относиться к нему сочувственно, потому что допускали его успех. Но высказанные с такими оговорками суждения передавались Корнилову как самостоятельные и свободные суждения и воскрывали его надежды. Я не отрицаю того, что впоследствии Вы *другими* путями могли влиять на Корнилова в другом направлении; но в тот момент, и на этом заседании, поведение *всех нас*, общественных деятелей, а в том числе и Ваше, и Ваше особенно, так как в глазах офицеров за Вами, конечно, стояла партия, могло провоцировать Корнилова на то решение, которое было принято им гораздо позже. После самого переворота я не имел случая уже видеть Новосильцева; не знаю, когда и в какой форме были доведены до сведения его или Деникина мои слова; когда они передаются через пять лет, переходя через многие инстанции, в них трудно искать полной точности. Но повторяю, мне достаточно вспомнить

это время, чтобы сказать наверное, чего я *не* говорил, и знать, что в той или иной форме я сказать, особенно Новосильцеву, как человеку одинаково близкому мне и Вам, я имел право.

Катков Г. М. Дело Корнилова: Пер. с англ. Париж, 1987. С. 175—177. Примеч. Каткова: «Публикуется с фотокопии письма на 5 страницах от 24 января 1923 г. Письмо напечатано на машинке, с пометками от руки и подписью Маклакова. Первая страница — бланк „Российского посольства в Париже“». Курсив — подчеркнутое Маклаковым.

Примечания

- ¹ Подстрочное примечание Маклакова: «а вовсе не кадетской партии, о которой не было речи» (примеч. Каткова).
- ² Подстрочное примечание Маклакова: «ожидание, которое питалось и телеграммами Корнилова и его встречей в Москве и т. д.» (примеч. Каткова).
- ³ Деникин во 2-м томе «Очерков русской смуты» привел слова Маклакова, сказанные после совещания у Кишкина Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем, а особенно М. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...» Катков, цитируя это место, отмечает: «Каждому читателю было ясно, что под сокращением „М.“ кроется Миллюков». В связи с тем, что Миллюков в эмигрантской печати оспаривал это обвинение как в свой адрес, так и партии кадетов, Катков «в ответ на его [Миллюкова] попытки самооправдания» опубликовал письмо Маклакова, написанное с той же целью.

№ 4

Письмо генерала А. С. Лукомского генералу А. И. Деникину
о политических целях белого движения

14/27/мая 1918 г.

«Дорогой Антон Иванович!

В предыдущих письмах я очертил обстановку, но, прочитав Ваше воззвание, помещенное в газете «Донской край» и перепечатанное в газете «Голос Киева» от 13/26/мая, считаю необходимым остановить Ваше внимание на вопросе, на мой взгляд, очень серьезном. Вопрос о «целях» Добровольческой армии и «о будущем государственном устройстве России»

Как Вы знаете, этот вопрос, даже в рядах армии, служит яблоком раздора. Мне, в качестве начальника штаба, приходилось часто разъяснять вопрошавшим, что генерал Корнилов не может предпринимать никаких форм правления, а потому как цель Добровольческой армии ставит определенно *спасение России*, а что касается будущей формы правления, то единственно, что *надо и можно* указывать — это то, что будет в будущем созвано Учредительное собрание, которое и решит вопрос. Но что, конечно, не будет созвано то Учредительное собрание, которое избиралось под угрозой штыка и под влиянием психоза, а будут произведены новые выборы.

Вопрошавшие соглашались, что, конечно, ничего иного сказать нельзя, но часто уходили не удовлетворенными.

В разговорах с Л. Г. Корниловым я несколько раз говорил, что созыв и в будущем Учредительного собрания вряд ли возможен на основах допущения *всех* к выборам (по дурацкой четыреххвостке), что прежде надо пройти через диктатуру. Л. Г. отвечал, что будущее, конечно, покажет как поступить, но теперь ничего иного сказать нельзя.

В своем воззвании Вы пошли дальше.

1. «Будущие формы государственного строя руководители армии (генерал Корнилов, Алексеев) не предпрещали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, со званного по водворении в стране правового порядка».

Здесь две неясности: а *какое Учредительное собрание?* Будут ли произведены новые выборы или будет *созано* уже избранное при Керенском ^Г Учредительное собрание, но разогнанное большевиками; б) если будут произведены новые выборы, то будут ли допущены *все* граждане как избиратели (по 4-хвостке) или будут допущены лишь цензовые избиратели (т. е. будет отстранена чернь и темная масса).

2. «Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за жизнь разоренной, урезанной, униженной России, борьба за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где *народоправство должно сменить власть черни*».

Это *уже предрешение* государственного строя. Большинство, и не без основания, решает, что нынешние руководители армии прямо указывают на *республиканский строй*.

Я глубоко убежден, что это воззвание вызовет в самой армии и смущение и раскол.

В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука в руку.

Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что *поправение* произошло громадное, что *все партии*, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой правления констит[уционную] монархию.

Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кои допускают, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы.

Это вопросы первостепенной важности, и Вам необходимо высказаться более определенно и ясно ². От этого будет зависеть успех дальнейшего пополнения армии офицерами и отношение к ней страны.

Жду от Вас ориентировки и указаний. Я теперь очухался, хотя сердце побаливает.

Сердечно Ваш А. Лукомский.

Р. С. Новая донская депутация с ген. Свечиным (посланная Красновым)³ здесь всех (не германфилов) сильно смутила. Новая депутация носит явно германфильское направление и стремление договориться с немцами.

При такой обстановке Вам опять нельзя будет рассчитывать на помощь казаков. Как это ужасно и тяжело.

А. Лукомский».

ЦГАОР СССР. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 46. Л. 1—2.
Автограф Лукомского. Курсив — подчеркнутое им.

Примечания.

- ¹ В отношении выборов в Учредительное собрание у Лукомского произошло некоторое смещение во времени. 14 июня 1917 г. Временное правительство назначило сроки: выборов — 17 сентября, созыва Учредительного собрания — 30 сентября. 9 августа 1917 г. оно отложило выборы на 12 ноября, а созыв на 28 ноября. Советское правительство 27 октября 1917 г. подтвердило дату выборов Учредительного собрания — 12 ноября. В условиях контрреволюционного саботажа и фактически начавшейся гражданской войны в назначенный срок выборы были проведены только в 39 избирательных округах, в остальных (всего было 73 округа) выборы проводились в конце ноября — в декабре, а в нескольких наиболее отдаленных — в начале 1918 г.
- ² От слов «Я глубоко убежден...» до этого места Деникин цитирует письмо в 3-м томе «Очерков русской смуты», с. 131—132 (не вполне точно).
- ³ Речь идет о генерал-лейтенанте М. А. Свечине, которого Краснов действительно посылал в Киев к П. Скоропадскому (его бывшему начальнику по 1-й гв. кавалерийской дивизии) для переговоров с немцами (см. *Свечин М.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964, С. 160—173).

№ 5

Из дневника председателя «Союза воинского долга» полковника Ф. В. Винберга

«Этот «союз» имел целью способствовать всеми доступными нам мерами возрождению былого доблестного духа русской армии, ее старых боевых заветов и бытовых основ ее. Для осуществления таких целей мы стремились к созданию образцовых добровольческих отрядов, к установлению прочной связи наших членов-офицеров с нижними чинами различных частей, к поддержанию контакта с другими однородными офицерскими организациями...

Нам пришла на помощь крупная политическая организация, действовавшая в то время и известная под названием «Республиканского центра», возглавлявшегося председателем, неким Николаевским.

Я сначала колебался перед предложением вступить в контакт с «Республиканским центром»: меня смущало название «Республиканский», вполне противоречившее моим политическим идеалам и надеждам. Поэтому раньше чем решиться на сближение, я сообщил о моих сомнениях председателю «центра», Николаевскому, который мне объяснил, что это название для них не что иное как un nom de guerre*: под этот флаг могут к ним примкнуть люди самых разных направлений, но объединенные патриотическим чувством и желанием, чтобы родина наша могла с достоинством продолжать войну в единении с союзниками и довести ее до победы; для всего этого необходима диктатура, и на этом для всех одинаково желательном условии должно определиться утверждение порядка, дисциплины и победы. При таком объяснении мы, президиум «союза», сочли вполне возможным, сохраняя всю нашу самостоятельность и независи-

* прикрытие, вывеска (фр).

мость нашего собственного строя и направления, в указанных границах действовать и работать сообща с «центром» и воспользоваться их денежной помощью, в размере, насколько помню, шести тыс. рублей для первоначального обзаведения и конструирования «Союза воинского долга». Кроме того, от устроенного нами в театре консерватории благотворительного спектакля в июле месяце мы еще выручили около четырех тыс. Я получил еще шесть тыс. от одного банка, или вернее от директора этого банка, моего старого друга и полкового товарища... Прямого своего назначения, объявленного в уставе нашем, «союз» не мог выполнить вследствие серьезных препятствий, которые нам ставила общая политическая обстановка страны, так что, как принято теперь выражаться, наши официальные, оставшиеся без применения лозунги и вся наша программа стали только «надводным плаванием». «Подводное же наше плавание» заключалось в том, что под флагом этих самых официальных лозунгов собиралась, объединялась и сплачивалась известная группа офицеров, связанных общностью убеждений и чувств, переживаемых в страшную годину бедствий нашей несчастной родины. Думаю, что, вполне беспристрастно оценивая деятельность нашего «союза», мы можем с удовлетворением сказать себе, что не напрасно существовал «союз», ибо из среды его вышло на ту или другую патриотическую работу, монархическим принципом проникнутую, много честных, даровитых, полезных, идейных людей...

«Республиканский центр» помещался на Невском, в помещении управления Бессарабских железных дорог. Председателем этого управления был Николаевский и одним из директоров — Финисов, этим и объясняется, что помещение управления стало средоточием и, так сказать, главным штабом петроградского отдела корниловского заговора... Из членов нашего «Союза воинского долга» все наиболее даровитые и толковые офицеры приняли в заговоре самое деятельное участие...

Находящиеся в Петрограде офицеры, заранее распределенные по группам, должны были каждой группой исполнить заранее намеченную задачу: захват броневых автомобилей, арест Временного правительства, аресты и казни наиболее видных и влиятельных членов Совета рабочих и солдатских депутатов и проч. и т. п. К приходу войск Крымова главные силы революции должны были уже быть сломленными, уничтоженными или обезвреженными, так что Крымову оставалось бы дело водворения порядка в городе.

Наш «союз», через разных своих членов, находился в связи и в более или менее близком контакте с разными другими организациями, которые все объединялись «Республиканским центром»: многие снабжались от «центра» и крупными, и мелкими денежными суммами, смотря по тому или другому своему заданию. Было очевидно, что «центр» имел в своем распоряжении очень большие суммы и широко их раздавал ради того большого политического дела, которое, разумеется, требовало расходов...

Я так жаждал скорейшего конца нашей подлой революции, что меня все более охватывало чувство нетерпеливого ожидания...»

Запись 21 февраля 1918 г. (предшествующие сделаны в январе): «В одном я уверен: в дальнейшем, как и раньше, будет жить, преуспевать и развиваться Царская Россия, а не какая иная».

Вилберг Ф. В. В плену у «обезьян» (записки контрреволюционера). Киев, 1918. Ч. 1. С. 98—104, 122. Помета на с. 5: «Мой дневник. Петропавловская крепость. Трубечной бастион, камера № 57. [Начат] 11 декабря 1917 г.»

Примечание.

«Союз воинского долга» возник в Петрограде в мае 1917 г. Винберг был давним членом черносотенных организаций «Русское собрание», «Палата Михаила Архангела», «Филаретовского общества». Вместе с В. М. Пуришкевичем был судим Петроградским революционным трибуналом за участие в контрреволюционном заговоре. Находился в заключении по приговору суда в Петропавловской крепости, освобожден по амнистии на основании декрета Петроградского Совета от 1 мая 1918 г. Впоследствии — белоэмигрант, организатор монархических террористических групп в Берлине (см. Бобрицев-Пушкин. А. В. Война без перчаток. Л., 1925, С. 54—55).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аврех Л. Я. 35
Адлерберг А. А. 96, 97, 113
Лзовцев Н. Н. 16
Аладьин А. Ф. 204, 269
Алексеев М. В. 26, 27, 42, 43, 133, 134, 167, 184, 187, 197, 213, 235, 236, 240, 245, 255, 257, 276, 279, 280, 283, 284, 326, 327, 329, 334—336, 338, 339, 368, 373
Аленич М. Е. 163
Альенде С. 55
Альмквист 132
Андерс В. 202
Андреев А. М. 138, 144
Антонов-Овсенко В. А. 308, 355
Астров Н. И. 217—219, 246
Афапасьев Ю. Н. 50
Ахвердов И. В. 317, 318
Ахун М. И. 91
Ашенбрешпер М. Ю. 115
- Баиов К. К. 324
Балабанов Н. 322
Балуев П. С. 318
Баранов С. Н. 132
Барановский В. Л. 315
Барановский — см. Туган-Барановский Л. С.
Баранцов М. А. 130
Барсуков Е. З. 47, 185, 186
Белоцветов Н. А. 205, 206
Бердяев Н. А. 235, 237
Берзин Р. И. 173
Бескровный Л. Г. 175
Биллингтон Д. 53
Бильдерлинг А. А. 95
Благошправов Г. И. 142
Бобрищев-Пушкин А. В. 376
Бовыкин В. И. 354
Богдановский А. А. 204
Большаков В. В. 347
Бонч-Бруевич М. Д. 26, 84, 85
- Бреслав Б. А. 308
Брешко-Брешковский Н. Н. 189
Бринкли Д. 186, 337, 339
Брокгауз Ф. А. 62
Брусиллов А. А. 198, 210, 213, 236, 318
Бубликов А. А. 199, 234, 247, 342, 343
Булгаков С. Н. 21
Буравченко А. А. 353
Бурджалов Э. Н. 16, 134, 179
Бьюкенеп Д. У. 263, 312
- Вада Х. 178
Вальден П. Б. 349
Вантверфельде Э. 171
Васильев Б. Л. 347
Васильчиков С. И. 64
Васип И. Н. 137
Вацетис И. И. 43—46
Вернашдер А. П. 105—106
Верховский А. И. 110, 111, 130, 258, 261, 294, 296
Веселкин М. М. 130
Вильгельм П. 348
Винберг Ф. В. 252, 374, 376
Виреп Р. Н. 113
Вирениус А. А. 108
Виридарский П. М. 154
Витте С. Ю. 40, 68—74, 76, 94, 95
Виттрам Р. 179
Владимиrowa В. Ф. 25, 256, 257, 262, 273
Воейков В. Н. 87, 88
Волков С. М. 259
Волобуев О. В. 17, 18
Вороницын И. П. 128
Ворошилов К. Е. 358, 360, 361
Воскресенский В. Д. 163
Врангель П. Н. 40, 42
Вржосек С. К. 159
Вышнеградский А. И. 205

- Гаврилов Л. М. 138
 Гагарин С. А. 206
 Гадон В. С. 64
 Гай Г. Д. (Бжишкян) 191
 Газенкамф М. А. 105, 106
 Гаркавско Д. А. 141, 143, 185, 190, 192
 Гейден А. Ф. 113
 Геймап В. В. 252
 Гетцендорф К. 29
 Гитлер А. 33
 Глебов-Авилов Н. П. 324
 Головин П. Н. 27, 198, 215, 286, 287, 327, 330, 331, 333
 Горбачев М. С. 5
 Городецкий Е. Н. 16, 17
 Григорьев Н. Г. 331
 Гринишин Д. М. 16
 Грузинов А. Е. 136—138, 245, 278
 Грунт А. Я. 138
 Гуревич Б. А. 204, 207
 Гучков А. И. 42, 133, 134, 161, 176, 205, 215, 216, 237, 239, 260, 343
 Гуцин А. Ф. 144, 163, 167
- Дабич Н. Д. 108
 Даву Л. Н. 79
 Данилевич В. И. 297, 305—307
 Данилевский А. Ф. 363
 Дашкевич П. В. 349
 Деникин А. И. 22, 23, 26, 40, 46, 52, 93, 117, 150, 184, 186—189, 197, 206, 207, 210—213, 215, 220, 222, 226, 236, 241, 263, 266, 276—279, 282—284, 287, 327, 333, 334, 337—340, 343, 350, 371—374
 Деписенко В. С. 282
 Дитерихс М. Д. 26
 Добрынский И. А. 328
 Доманевский В. Н. 204
 Драгомиров А. М. 133
 Драгомиров М. И. 27, 81—85, 87, 90
 Дубасов Ф. В. 93, 94
 Дудчик В. М. 359
 Думова П. Г. 35, 257
 Дурново П. Н. 73, 78, 84
 Дутов А. И. 204
 Духошин Н. Н. 306, 314—319, 322
 Дюсиметьер Л. П. 252
- Емельянов А. П. 123
- Еремип А. М. 86
 Ерошкин Н. П. 35
 Ефрон И. А. 62
- Жилкин И. В. 247
 Журавлев Г. И. 309
 Жюно Ж.-А. 79
- Завойко В. С. 241, 269
 Зайончковский А. М. 318
 Зайончковский П. А. 36, 83, 174, 175, 190, 192
 Зайцов А. Л. 181, 184
 Зародов К. И. 16
 Звепяцкий 155, 165
 Зиновьев Г. Е. 280
 Зотиков 322
- Ивакин М. 191
 Иванов Н. И. 27, 91, 110—113, 197
 Иванов П. Я. 256, 268, 273
 Игнатов Е. Н. 137
 Игнатъев А. А. 44, 47, 197
 Игрицкий Ю. П. 53
 Ильян-Кеневский А. Ф. 173, 191, 212, 349
 Новлев А. М. 141—143
 Иоффе Г. З. 35, 179, 182, 257
- Кавецьяк Л. Э. 293
 Кавтарадзе А. Г. 354—356
 Казимиров М. 30
 Каледин А. М. 130, 166, 236, 241, 242, 258
 Каменка Б. А. 205
 Каменщиков В. В. 318
 Капустин М. И. 256
 Карнов М. М. 162
 Карр Э. 178, 291
 Карташев А. В. 251
 Катков Г. М. 266—273, 275, 372
 Каширины И. Д. и Н. Д. 349
 Квечицкий М. Ф. 167
 Келлер Ф. А. 336, 338, 339
 Кенез П. 81, 184, 185, 187, 194
 Кеннап Д. 52
 Керепский А. Ф. 34, 42, 52, 132, 171, 199—201, 209, 210, 213, 214, 217—219, 221, 222, 231, 241, 243, 244, 252, 254, 255, 260—264, 266, 268, 270—274, 281, 282, 290, 292—299, 301, 303—308, 311—315, 320, 323, 325, 337, 370, 373

- Кип Д. Я. 25
 Кисляков В. Н. 230, 259
 Кишкин Н. М. 217—219, 246, 275, 289, 370—372
 Клембовский В. Н. 210, 259, 293
 Клерже Г. И. 259
 Клячкин С. М. 355
 Князев Ф. И. 281
 Коваль Б. И. 365, 366
 Коган И. Г. 239
 Коконкин Ф. Ф. 244
 Коконкина М. Ф. 206
 Колесниченко И. С. 360
 Колчак А. В. 40, 42, 52, 204, 350
 Копалов А. И. 296, 297, 299—301, 306, 307
 Кораблев Ю. И. 16, 112, 362
 Корелин А. П. 197
 Корнилов Л. Г. 22, 33, 34, 40—43, 52, 55, 184—187, 189, 197, 201, 204, 211—215, 220—222, 226, 227, 230, 231, 233, 236, 240—245, 249, 251—258, 260—264, 266—278, 280—288, 293, 295, 303, 306, 326—332, 337, 338, 368—373
 Коханский Е. Л. 123
 Коцюбинский Ю. М. 349
 Кочан Л. 178
 Коэн С. 56—58
 Крапивянский И. Г. 142
 Краснов П. И. 12—13, 34, 253, 308, 310, 314, 320, 321, 323, 325, 347, 348, 359, 373—374
 Крыленко Н. В. 173, 191, 316, 325, 349
 Крымов А. М. 251, 253, 256, 259, 271, 281, 375
 Крэнкшоу Э. 178
 Кубанин М. И. 25
 Кувшинов В. А. 25, 256, 300
 Кузьмин Н. Ф. 361
 Кузьмина Т. Ф. 138
 Кузьмин-Караваев Н. Н. 331
 Куропаткин А. И. 94
 Кутепов А. С. 27
 Кутлер Н. Н. 205
 Кучин Г. Д. 247

 Лаверь Ж. 171
 Лаккет Р. 195, 196, 277, 258, 327, 341—344
 Левидов М. Ю. 25, 263
 Левицкий Б. А. 296, 297, 299, 305—307
 Левшиц В. Г. 149

 Легран Б. В. 360
 Лембич М. С. 329, 331
 Ленин В. И. 6, 8, 11—15, 18, 19, 26, 27, 32, 33, 35, 38, 39, 48, 51, 59—61, 64—69, 88, 98—103, 115, 116, 125, 127, 128, 129, 131, 132, 135, 139—141, 150, 151, 153, 157—160, 163—166, 171—173, 181, 183, 192, 193, 195—197, 207—209, 216, 219, 231, 254, 256, 257, 261, 262, 290—294, 296, 298—301, 303, 304, 307—309, 311—313, 317, 320—324, 333, 345, 346, 350, 351, 355—363
 Лефевр Ж. 51
 Лехович Д. В. 274
 Лианозов С. Г. 264, 265
 Ливен А. А. 109, 110
 Липевич Н. П. 95, 96, 197
 Липский Ф. А. 204
 Лисовой Я. М. 328, 329, 331
 Лобачевский С. К. 159
 Лукомский А. С. 22, 23, 27, 40, 41, 44, 81—93, 134, 187, 210, 220, 251, 258, 272, 303, 328, 333, 334, 337, 338, 340, 372—374
 Львов Г. Е. 33, 38, 163, 209, 300, 301

 Маврип А. А. 85, 87, 89
 Майзель М. 81, 174—176, 180—185, 194, 199, 201
 Майкапар М. А. 146, 147, 159
 Макаров П. В. 191
 Маклаков В. А. 216, 239, 260, 275, 293, 370, 372
 Маниковский А. А. 42
 Маннергейм К. Г. Э. 42
 Манфред А. З. 49, 50
 Мария-Антуанетта 49
 Марков В. И. 76
 Марков С. Л. 220, 258, 337
 Маркс К. 11, 19, 23, 38, 67, 102, 194—197, 346
 Мармузов П. К. 147
 Мартов Л. 129, 311
 Мартынов Е. И. 185, 186
 Марушкин Б. И. 179, 182
 Масловский (Мстиславский) С. Д. 116—122, 126, 127
 Меликов В. А. 257
 Меллер-Закомельский А. П. 92, 94—96.
 Мельников Н. М. 241, 242
 Метелица Д. А. 142, 143
 Мехоношин К. А. 360, 361

- Мещерский А. П. 205
 Миллер В. И. 138, 142, 143, 167
 Миллюков П. Н. 23, 40, 42, 52, 157, 158, 171, 189, 202, 203, 216, 218, 236, 237, 249—251, 255, 260, 274, 275, 279, 280, 283, 327, 329, 331, 334, 335, 337, 338, 343, 344, 370—372
 Миллюкова А. С. 206
 Мин Г. А. 92
 Мишин С. К. 359, 360
 Мишц И. И. 10, 16, 35, 55, 138, 179, 256, 263, 313
 Мирский Г. И.
 Моисеевко-Великий Б. В. 73, 76, 79
 Мрозовский И. И. 136
 Музылева Л. В. 138
 Мунк И. 266, 267, 269—272, 274, 275
 Муравьев В. А. 17, 18
 Муссолини Б. 33
 Мышлаевский А. Э. 104, 105
 Мясников А. Ф. 173

 Набоков В. Д. 217—219, 246, 270
 Найда С. Ф. 97, 112, 132
 Наполеон 79, 80
 Насер Г. А. 365
 Некрасов Н. А. 198
 Некрасов Н. В. 231, 243
 Николаевский К. В. 204, 206, 207, 249, 375
 Повгородцев П. И. 287
 Повицкий В. Ф. 30
 Новосильцев Л. Н. 170, 202—204, 370—372
 Нокс А. 263, 264
 Нольде Б. Э. 270

 Оболенский В. А. 22
 Оболешев Н. Н. 259
 Обух В. А. 136
 Окрент Л. Р. 149
 Окулов А. И. 359, 361, 363
 Орлов М. И. 258

 Павлович 171
 Павлуловский И. П. 173, 191
 Палицын Ф. Ф. 73, 94, 106, 107
 Парамонов Н. Е. 329
 Патронов И. Ф. 340, 341
 Петраш В. В. 185, 193
 Петров В. А. 16, 36, 59, 60, 91, 99—101
 Петров Д. Д. 108

 Петехопов А. В. 282
 Пипочет А. 34
 Пионтковский С. А. 346, 348
 Плеханов Г. В. 125, 152
 Плющевский-Плющик Ю. Н. 220, 222
 Поливанов А. А. 73, 96
 Поликарпов В. Д. 6, 10
 Пропп В. М. 204, 281, 282
 Протасов Л. Г. 139, 141—143
 Пуришкевич В. М. 376
 Путилов А. И. 205, 266
 Путьга В. К. 142

 Рабинович А. 266
 Раскольников Ф. Ф. 349
 Рахманова Т. 95
 Редигер А. Ф. 73, 95, 103, 107
 Реншккампф П. К. 92, 94
 Рид Д. 265, 311
 Робинс Р. 263, 264
 Родзянко М. В. 42, 176, 198, 199, 236, 238, 260, 287, 289, 293, 302, 304, 370
 Родичев Ф. И. 171
 Роженко В. Е. 282
 Розенберг У. Г. 274
 Ромапов А. Н. 343
 Ромапов А. Н. (Александр II) 83
 Ромапов А. А. (Александр III) 62
 Ромапов В. А. 64, 66
 Ромапов М. А. 270, 343
 Ромапов П. А. (Николай II) 42, 52, 61—63, 68, 69, 71—73, 78, 87, 95, 96, 109, 118, 144, 179, 270, 334
 Ромапов П. П. 73, 77, 103, 104, 107, 109
 Ромапова А. Ф. 179
 Ромапова М. Ф. 42
 Романовский Г. Д. 210
 Романовский И. П. 259, 337
 Романовский Н. В. 179, 182
 Рума Л. Л. 204
 Рыбалко К. И. 156, 159, 163, 165, 166
 Рябинский К. 302, 311
 Рябушинский П. П. 232, 233
 Рязанов Д. Б. 368

 Саввич С. С. 73
 Савинков Б. В. 210, 221, 230, 231, 233, 241, 243, 245, 253, 260, 270—272, 370, 371
 Савич А. И. 159, 163

- Сакс И. С. 159
 Самойло А. А. 47
 Саттеруп Д. В. 259
 Сахаров В. В. 349
 Свердлов Я. М. 360
 Свечин М. А. 373, 374
 Седякин А. И. 191
 Селюнин В. И. 347
 Семешников В. П. 68
 Семенов Ю. Ф. 22
 Сенчакова Л. Т. 16, 17
 Сетоп-Уотсон Х. 53
 Сиверс Р. Ф. 191
 Сивков П. З. 113
 Сиволапова Г. Ф. 308
 Сидорин В. И. 252
 Синани Г. 146, 155
 Скоропадский П. П. 42, 198, 374
 Сладков И. Д. 131
 Слащев Я. А. 25
 Смилга И. Т. 292, 298, 299
 Смирнов Д. Л. 359
 Смирнов И. П. 146, 154
 Спесарев А. Е. 359, 361
 Соболев Г. Л. 135
 Соболев М. Н. 234, 235, 237
 Совокин А. М. 16
 Соколов К. М. 299
 Соловьев О. Ф. 16, 35, 291
 Сологуб Н. В. 318
 Сорокин П. А. 356
 Спириг Л. М. 16, 35, 140, 141,
 143, 181, 185, 192
 Стааль Н. Ф. 85, 87
 Сталин И. В. 9, 10, 347, 358—363
 Старцев А. И. 265
 Старцев В. И. 35, 257
 Стахович М. А. 60
 Стеклов А. П. 143
 Стеклов Ю. М. 144, 145
 Струве П. Б. 234, 235, 237
 Суворин А. (А. Порошин) 339
 Суворин Б. А. 279, 280, 283
 Сухомлинов В. А. 87, 89
 Сытин П. П. 360, 361

 Тап-Богораз В. Г. 97
 Тарле Е. В. 48, 49, 347
 Твардовский А. Т. 9
 Терещенко М. И. 210, 213, 214,
 243, 262, 263, 294, 296
 Тихонов А. А. 364
 Тодорский А. И. 26
 Толмачев И. Н. 92
 Толстой Л. Н. 82
 Тонелли 171

 Трепов А. Ф. 42, 198
 Трепов Д. Ф. 42, 63, 71, 198
 Третьяков С. Н. 217, 218
 Троцкий Л. Д. 9, 362
 Трубецкой Е. Н. 233—235, 237
 Туган-Барановский Л. С. 205
 Туган-Барановский М. И. 183
 Тумапов Н. Е. 205
 Турчан В. М. 173, 349
 Тыркова А. В. 206, 251
 Тэн И. 48, 49, 51
 Тютюкин С. В. 171

 Уайт Д. 266
 Уборевич И. П. 142
 Улам А. 58
 Устинов В. М. 237
 Уэлч С. Е. 364

 Федоров А. В. 323
 Федоров И. И. 204
 Фейербах Л. 197
 Фейнсод М. 34, 54
 Ферро М. 50, 51, 179
 Филопенко М. М. 221, 222, 230,
 231, 233, 244, 243, 245
 Финисов П. Н. 204, 207, 266, 375
 Флуг В. Е. 328, 329, 331
 Фопвизин Г. С. 222
 Фрэнсис Д. 171
 Фурманов Д. А. 25

 Хасегава Ц. 178, 182, 184
 Хасимото 171
 Хаф Д. 34, 54—56
 Хесин С. С. 139, 185, 193
 Хитрово В. С. 153
 Хохлюк Г. С. 7, 16

 Церетели И. Г. 164, 171, 208,
 247, 249, 297, 300

 Чемберлин У. 56
 Черемисов В. А. 305, 314, 315,
 318
 Чернов В. М. 163, 164, 208
 Чиркип В. Е. 364
 Чичагов Н. М. 95
 Чхеидзе Н. С. 247

 Шабанов В. М. 323
 Шабардин П. М. 366
 Шаманский С. В. 119
 Шапошник В. Н. 359
 Шапошников Б. М. 27—31, 47

- Шаццлло К. Ф. 16, 35
Шахвердов Г. Г. 146, 148, 152
Шелохаев В. В. 35
Шерман И. Л. 25
Шиллинг Н. Н. 319, 323
Шингарев А. И. 171, 251, 260
Шкуро А. Г. 13, 347
Шмидт П. П. 123
Штепгель М. И. 336
Шуберский Э. П. 230
Шуваев А. Д. 204
Шульгин В. В. 40, 238, 270, 282,
327, 337, 338, 343, 344, 370
- Щербаков А. Г. 147
- Щербачев Д. Г. 27, 64, 91, 316,
318
- Эйдеман Р. П. 257
Эльснер Е. Ф. 259
Энгельгардт Б. А. 41—44, 46,
188, 192, 193, 198—201, 238,
347
Энгельс Ф. 11, 14, 19, 23, 37, 38,
67, 195—197, 346, 349
Эрдели И. Г. 258
Эшер А. 266
Эшер Г. 266
- Юденич Н. Н. 350
- Яковлев А. Н. 8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие И. И. Минц	5
Введение	11
Военное ядро контрреволюции	13
Исторические свидетельства	36

Часть первая

Война на внутреннем фронте	59
«Решительные и твердые люди»	81
Поляризация классовых сил в армии	98
«Реакционный в целом слой»	114
Где же разграпичительная линия?	136
Офицерский состав армии и «элита»	173

Часть вторая

Поиски путей «оздоровления» армии и тыла	202
Контрреволюция выравнивает фронт по кадетам	232
Подготовка второй корпировщины	276
Так начиналась гражданская война	289
Программа белогвардейщины	326
Заключение	345
Приложения	368
Указатель имен	377

Научное издание

Поликарпов Василий Дмитриевич

**ВОЕННАЯ
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
В РОССИИ
1905—1917 гг.**

Утверждено к печати
Научным советом по комплексной проблеме
«История Великой
Октябрьской социалистической революции»

Редактор издательства
Г. И. Рыкова

Художник
Ф. Н. Буданов

Художественный редактор
М. Л. Храмцов

Технический редактор
Н. Н. Плохова

Корректоры
Т. П. Вдов, Н. П. Гаврикова

ИБ № 39191

Сдано в набор 27.03.89

Подписано к печати 25.07.89.

А-03933. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л., 20,16. Усл. кр. отг. 21,84. Уч.-изд. л. 22,7

Тираж 5000 экз. Тип. зак. 660

Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»

630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25

